

ПИЛДЕР

СЕРИЯ «ПРИЖИМ»

ПРЫЖОК НАД ПРОПАСТЬЮ

От автора мирового бестселлера
«Убийственно просто»

TOP
Thriller

Annotation

Когда преуспевающий хирург-пластик и счастливый семьянин Росс Рансом отправлялся в Таиланд с женой и сыном, он и представить себе не мог, что через несколько месяцев ему придется нанять частного детектива, чтобы следить за женой. И разве мог вообразить доктор Кэббот, встречаясь в кафе с красавицей Верой Рансом, что его младший брат будет убит, а Вера попадет в психиатрическую клинику? Герои романа-триллера оказываются перед разверзшейся пропастью. Как преодолеть ее? Их судьбы сплетены в такой тугий драматический узел, что только чудо может его развязать...

- [Питер Джеймс](#)
 - [Благодарность](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)

- [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Питер Джеймс
Прыжок над пропастью

Благодарность

Я в большом долгу перед многими людьми, щедро дарившими мне свое драгоценное время, знания и мудрость. Без них моя книга осталась бы безжизненной и плоской. В первую очередь хочу поблагодарить Анну-Лизу Линдеблад-Дэвис, полицейского врача и coronera, доктора Питера Бина, доктора Кристофера Форестера, специалиста по гипнотерапии, а также главного детектива инспектора Дэвида Гейлора, который невероятно помог мне в творческом плане, и доктора Николаса Паркхауса, магистра хирургии, члена Королевского хирургического колледжа, который снабдил меня бесценными сведениями из области пластической хирургии.

Я высоко ценю также помощь Дэвида Альберта, анестезиолога доктора Эндрю Дэйви, доктора Селины Данн, доктора Иена Данна, доктора Бруно фон Эренберга, доктора Денниса Фридмена, Дэнни Грина, Мика Харриса, Аманды Хемингуэй, сестры Марион Хит, сестры Бекки Холланд, доктора Брюса Катца, Роба Кемпсона, члена Королевского колледжа патологоанатомов доктора Найджела Киркхема, Трейси Льюис, Линн Маго, доктора Ричарда Дж. Матиаса, Тима Паркера, доктора Рика Росса, сестры Джекки Скотт, члена Королевского колледжа патологоанатомов доктора Джеральдины Смит, Роя Шаттлуорта, магистра хирургии, члена Королевского хирургического колледжа мистера Brenta Таннера, доктора Дэвида Вила, Элизабет Вил и Арни Уилсона.

Как всегда, огромное спасибо моему агенту в Великобритании Джону Терли, моему самому главному неофициальному редактору Сью Анселл, моей покойной матери и вдохновителю Корнелии, корректору Хейзел Орм и редакторам Саймону Спэнтону и Селине Уокер. Я благодарен также Хелен – по многим причинам, коих больше, чем можно перечислить.

И наконец, спасибо за терпение моей собаке Берти, которая лежала, свернувшись клубочком, под письменным столом и чаще всего подремывала, но иногда пускала газы, жевала компьютерные кабели или рвала в клочья упавшую на пол страницу рукописи...

Питер Джеймс

Суссекс, Англия, 1999

scary@pavilion.co.uk

www.peterjames.com

Памяти моей матери Корнелии – лучшего друга,

которого мне очень не хватает.

Пролог

Кто-то говорил Мэдди Уильямс: люди всегда чувствуют приближение смерти. А может, она это где-то вычитала – в газете или журнале. Она читала много женских журналов – особенно «проблемные» странички с историями о различных страхах и фобиях, в которых рассказывалось о людях вроде нее, комплексующих по поводу собственной внешности: огромный нос, отвислая грудь, оттопыренные уши, узкие губы.

Есть автомобили, которые сходят с конвейера бракованными – их называют «пятничными», так как их делают в спешке, накануне выходных. Наверное, так же и с людьми. При создании некоторых, «пятничных», особей забывают заложить определенные звенья в цепи ДНК – а может, происходит сбой в программе. В результате у «пятничных» слишком близко поставлены глаза, или не хватает пальцев на руках, или заячья губа, или, как у нее, закрывающее пол-лица винно-красное родимое пятно, напоминающее по форме штат Техас. Несчастные жертвы обречены всю жизнь открыто демонстрировать свои дефекты, как будто они несут знамя с надписью: «Вот что сотворили со мной мои гены!»

Но она, Мэдди Уильямс, больше не из их числа. С десяти лет, увидев по телевизору документальный фильм о пластической хирургии, она начала копить деньги на операцию. И пусть Дэнни Бертон, другие одноклассники, да и почти все встречные незнакомцы пялились на нее с таким видом, будто она уродка. Мэдди сэкономила на всем, собирая деньги на пластические операции, призванные изменить ее жизнь.

К тому же ее оперировал один из самых знаменитых пластических хирургов Великобритании.

Несколько месяцев назад Мэдди впервые пришла к нему на прием, и он набросал на бумаге, а потом показал ей на экране монитора ее новое лицо. Через три недели он сделал ей первую операцию. Мэдди мешало жить не только родимое пятно в форме штата Техас; вместо крючковатого клюва с горбинкой ей хотелось иметь короткий вздернутый носик, как у Камерон Диас, более полные, чувственные губы, приподнятые скулы. Тридцать один год она провела в аду, но теперь все изменится!

И вот сейчас она лежит на операционном столе – голова дурная от премедикации, мысли путаются... не верится, что все сбудется... вот сейчас, уже совсем скоро! Ведь с ней в жизни никогда не случалось ничего хорошего – так уж она устроена. Всякий раз, как ей подворачивалось что-то

стоящее, оно неизменно ускользало из рук. Она и об этом читала – о людях, которых преследуют неудачи. Наверное, есть и какой-то ген невезучести...

По правде говоря, после двух операций Мэдди выглядела вовсе не так сногшибательно, как ожидала. Форма носа ее разочаровала – крылья слишком широкие. Но хирург обещал их поправить. Сегодняшняя операция совершенно несерьезная – под местным наркозом; немножко пощиплет и пройдет.

Когда я приду в себя, у меня будет носик как у Камерон Диас.

Скоро я буду такой, какой всегда мечтала быть. Нормальной. Я стану обыкновенной – как все.

Над головой кремовый оштукатуренный потолок; он кажется старым, как будто с него свисает паутина и по нему ползают жуки. Я куколка, заключенная в коконе; скоро я вылечу из кокона красивой бабочкой.

Стол под Мэдди слегка качнулся; что-то оглушительно громыхнуло – неужели колесики? Как барабаны... В лицо хлынул ярчайший свет. Стало тепло.

«Загорю!» – подумала она.

Над ней склонились две фигуры в зеленых хирургических костюмах; под масками и накрахмаленными шапочками лиц не видно. Медсестра и хирург. Его глаза неотрывно смотрят ей в лицо. В прошлый раз глаза хирурга лучились теплотой и весельем, но сейчас все по-другому: его глаза холодны и абсолютно ничего не выражают. Мэдди словно обдало ледяным порывом ветра, и смутное дурное предчувствие, овладевшее ею несколько минут назад, превратилось в ужасающую уверенность: она не переживет этой операции!

Люди чувствуют приближение смерти.

Ей нечего бояться. И потом, сам хирург такой славный – просто чемпион мира по обаянию! Он показывал ей, какой красавицей он может ее сделать; он держал ее за руку, успокаивал; он даже постарался убедить ее в том, что она и так выглядит вполне нормально и никакая пластическая операция ей не нужна, что родимое пятно на лице и крючковатый нос только прибавляют ей шарма...

Но сегодня он какой-то не такой – а может, ей только кажется? В поисках утешения Мэдди посмотрела на медсестру. Ответом ей был теплый, сочувственный взгляд. Медсестра ничего плохого не предчувствовала. Но...

Люди чувствуют приближение смерти.

Одни и те же слова повторялись непрерывно. Она не переживет операции, ей нужно уйти отсюда – сейчас же, сию минуту! Все отменить,

аннулировать...

Мэдди попыталась заговорить, но тут хирург склонился над ней; рука в перчатке держала ватный тампон; он начал обрабатывать кожу вокруг крыльев носа – сначала слева, затем справа. Она хотела пошевелиться, покачать головой, закричать, но ей показалось, будто туловище отсоединили от мозга.

Пожалуйста, помогите мне! О боже! Помогите – кто-нибудь!

Мрак окутывал ее, унося остатки мыслей до того, как она успевала их сформулировать, до того, как они могли бы превратиться в слова. И сейчас, глядя в глаза хирурга, она видела в них странную улыбку – как будто раньше он скрывал от нее нечто важное, а сейчас больше не видит необходимости ничего скрывать.

И тогда Мэдди ясно поняла: сегодня она умрет.

Промозглым майским вечером Вера Рансом обходила комнаты первого этажа в поисках разбросанных деталей от конструктора «Лего» и думала: «Неужели это все? Неужели это моя жизнь – и больше в ней ничего не будет?»

– Мама! Ма-моч-ка-а-а! Иди посмотри! – звал из кухни Алек.

Наклонившись, Вера достала из-под дивана ярко-желтую угловую детальку и вздохнула с облегчением. Росс наверняка бы заметил непорядок. И тогда...

Она вздрогнула. Ее слегка поташнивало. В Англии было холодно после трех недель жаркого и сухого тайландского солнца. Они дома всего четыре дня, а кажется, что намного дольше. Четыре века.

– Ма-моч-ка-а-а-а!

Не обращая внимания на зов сынишки, Вера поднялась наверх и принялась инспектировать лестницу в поисках пятен, грязи, отпечатков собачьих лап; осмотрела стены – не испачкались ли; проверила освещение – не перегорела ли где-нибудь лампочка. Глаза привычно обшаривали ковровое покрытие; она подобрала еще одну деталь «Лего», зашла в комнату Алека и положила оба добытых трофея в коробку на столе. Внимательно огляделась по сторонам, подняла с пола игрушечного робота, запихнула кроссовки Алека в распахнутый шкаф и прикрыла дверцу, поправила покрывало с рисунком из «Звездных войн», аккуратно рассадил по верху мягкие игрушки в ряд.

Спайк, хомяк Алека, толстый, несмотря на то, что его назвали в честь худящей собаки из мультсериала «Ох уж эти детки», носился в колесе, закрепленном в клетке-домике. Вера подобрала со столешницы несколько просыпавшихся гранул сухого корма и бросила их в мусорную корзину.

Закончив, она услышала громкий, оглушительный лай Распутина, их черного лабрадора: вуф... вуф... вуф... И сердце у нее сразу забило чаще.

По гравию шуршат шины. Пес не ошибся!

Вера пошатнулась. Ей показалось, будто внутри у нее бьются волны, хлеща водорослями. Громко лая, Распутин прошлепал из кухни через холл и оказался в гостиной, где, как Вера знала, он взгромоздился на стул у окна, чтобы лучше видеть хозяина.

Сегодня он рано.

– Алек! Папа приехал! – Она бросилась в спальню, огляделась,

проверяя, все ли в порядке. Кровать под балдахином на четырех дубовых столбиках аккуратно застелена. Туфли, тапочки, пижамы сложены и убраны. Так, теперь ванная. На раковине ни пятнышка. Полотенца расправлены – точно так, как нравится Россу.

Вера торопливо сбросила джинсы, майку и кроссовки – обычную домашнюю дневную одежду. Нет никакого настроения переодеваться к приезду мужа; просто хочется избежать критики.

В ванной она посмотрелась в зеркало. В шкафчике пластиковая бутылочка с таблетками – ее «таблетками счастья»! Вот уже месяц, как она их не принимает; она твердо решила вовсе отказаться от них и победить депрессию, которая длится шесть последних лет, с тех пор как родился сын, – победить навсегда!

Вера наложила на веки тени, подкрасила ресницы; чуть помады на губы, слегка попудрить безупречный вздернутый носик (за него надо благодарить не папу с мамой, а искусство мужа), натянула черные свободные брюки от Карен Миллен, надела белую блузку, светло-зеленый кардиган от Бетти Барклай и черные кожаные мюли на высоком каблуке. Проверила, не растрепалась ли прическа. Вера, натуральная блондинка, любила классический стиль. Сейчас ее волосы разделены аккуратным пробором слева; сзади длина до плеч, спереди пышная челка.

Неплохо выглядишь, подруга, для тридцатидвухлетней мамыши.

Разумеется, многим из того, чем она может гордиться, она обязана Россу.

В замке повернулся ключ.

Сбежав по лестнице, она увидела и услышала разом: скрип открываемой двери, пса, метнувшегося навстречу хозяину, шуршание дорогого плаща, черный кейс, расстроенное лицо.

Вера взяла кейс и плащ, которые Росс не глядя сунул ей, словно горничной, и подставила щеку для небрежного, мимолетного поцелуя.

– Привет, – сказала она. – Как прошел день?

– Ужасно. Потерял пациентку. Умерла прямо на столе. – В голосе Росса угадываются боль и обида; он с силой захлопнул дверь.

Росс – метр девяносто пять, блестящие, волнистые черные волосы зачесаны назад; запах бриолина. Внешне ее муж напоминает красавца-гангстера: хрустящая белая рубашка, шелковый красный с золотом галстук, темно-синий костюм, сшитый на заказ, складками на брюках можно резать сыр, черные башмаки вычищены по-армейски безупречно. Вере показалось, он сейчас расплачется.

При виде сына лицо Росса просветлело.

– Папа, папа!

Алек, у которого еще не сошел таиландский загар, со всех ног бросился к отцу; тот подхватил его на руки.

– Здравствуй, великан! – Росс так крепко прижимал сынишку к груди, как будто сосредоточивал в теплом комочке все надежды и мечты мира. – Привет! – воскликнул он. – Как делишки? Как прошел день?

Вера улыбнулась. Не важно, какие чувства испытывает она сама; любовь, связывающая мужа и сына, всегда придавала ей сил и укрепляла решимость сохранить семью во что бы то ни стало.

Повесив плащ мужа на вешалку и поставив кейс на пол, она направилась на кухню. На экране телевизора начальник устраивал выволочку Гомеру Симпсону. Вера налила в тумблер на три пальца виски «Макаллан» и нажала краем бокала кран ледогенератора, встроенного в холодильник «Мэйтаг». В бокал со звоном упали четыре кубика льда.

Войдя в кухню следом за ней, Росс поставил Алека на пол. Внимание мальчика тут же переключилось на телевизор.

– Кто умер? – спросила Вера, подавая мужу виски. – Пациентка?

Росс поднял бокал на свет, осмотрел, не грязный ли, нет ли следов помады и бог знает чего еще, – он всегда очень пристально осматривал бокалы, прежде чем поднести к своим священным губам.

Одним махом выпил треть содержимого. Вера подошла ближе, распустила узел его галстука, нехотя положила руку мужу на плечо – на большее она сейчас не была способна и ничего не хотела, – но тут же отстранилась.

– Папа, я сегодня забил два гола!

– Да, точно! – с гордостью подтвердила Вера.

– Здорово! – Росс подошел к сыну сзади и обхватил его руками. – Целых два гола?!

Алек кивнул; он разрывался между желанием получить похвалу и посмотреть мультсериал.

Улыбка на лице Росса увяла. Он сел на стул.

– Два гола! – Глаза его больше не искрились радостью. Он похлопал Алека по голове, повторил: – Просто здорово! – Затем ушел в свой кабинет и, против обыкновения, не сняв пиджак, сел в кожаное регулируемое кресло «Паркер Нолл». Опустил спинку в крайнее лежачее положение, поднял подножку и закрыл глаза.

Вера наблюдала за мужем. Он страдает – но ей отчего-то несколько не жаль его. Хотя... какая-то часть ее по-прежнему хочет, чтобы между ними все стало так, как раньше, правда, теперь больше ради Алека, чем ради нее

самой.

– Умерла. Вот дрянь, не ожидал от нее такой подлости!

– От кого? – спокойно уточнила Вера. – От пациентки?

– От нее, чтоб ее... Черт ее дернул сдохнуть прямо на столе, во время операции!

– Что с ней случилось?

– Аллергия на наркоз. Уже второй случай за год... Господи!

– Анестезиолог тот же самый – Томми?

– Нет, Томми не было. Я работал без анестезиолога. Подумаешь, операция пустяковая – коррекция крыльев носа. Ее делают под местным наркозом; для этого анестезиолог не требуется... Дай, пожалуйста, сигару.

Вера пошла в столовую, извлекла из специальной коробки с увлажнителем «Монтекристо» номер 3, аккуратно отрезала кончик – так, как любил Росс, – и, вернувшись в кабинет, подала мужу сигару и зажигалку «Дюпон»; закуривая, он повертел сигару над пламенем, втягивая в себя дым, чтобы табак загорелся со всех сторон. Потом он выпустил струю дыма в потолок.

– А ты как сегодня? – спросил Росс, не открывая глаз.

– Все нормально. Хорошо, – сдержанно ответила она, хотя ее так и подмывало сказать: «Паршиво, как всегда».

Он кивнул и, помолчав несколько минут, заявил:

– Я люблю тебя, Вера. Без тебя я не смог бы жить. Ты ведь знаешь?

«Да, знаю, – подумала она. – Вот в том-то и проблема».

Мальчик стоял в переулке; вдали от уличного фонаря было совсем темно. Теплая сентябрьская ночь; у него над головой слабо мерцает тусклая лампочка; ее свет едва проникает за занавески открытого окна.

Услышав рев мотора, мальчик вжался в стену. Завизжали тормоза; машина проехала мимо. Где-то гремело радио; он уловил слова новой песни, «Лав ми ду». В ноздри ударила вонь из стоящих рядом мусорных баков. Мальчик сморщился.

Легкий ветерок раздувал занавески; слабые отблески света плясали на боковой стене дома, где не было окон. Невдалеке залаяла собака, потом наступила тишина. И тогда он услышал женский голос:

– О да... Господи, да! Сильнее, трахни меня сильнее, о боже, о да, да, да!

В правой руке мальчик сжимал тяжелую прямоугольную канистру с бензином, закрытую круглым колпачком, с тонкой металлической ручкой, которая больно резала ладонь. На канистре было выбито: «Шелл ойл». От нее пахло машинным маслом. Там было почти пять литров бензина, которые он нацедил из бака отцовского «морриса».

В кармане у мальчика был спрятан коробок спичек.

В сердце полыхала ненависть.

Между ног было скользко от семенной жидкости Росса. Вера лежала тихо, слушая, как он мочится в туалете. Из-за раздернутых штор пробивается серый свет; силуэты берез на горизонте окружены пышной зеленой листвой. Радиочасы бормочут новости, но она едва разбирает слова. Опять убитые в Косове... Потом – проверка точного времени: 6.25; среда, 12 мая.

Вера потянулась за контейнером, где в растворе плавали ее контактные линзы; отвернула крышку. Через двадцать минут пора будить Алека, кормить его, отправлять в школу, а потом?..

Тошнота, отравлявшая ей жизнь уже несколько дней, сегодня усилилась. Вдруг Веру передернуло.

Неужели беременность?

О боже! Только не это!

Через год после рождения Алека они попытались завести второго ребенка, но ничего не получилось. Еще год спустя Росс заставил ее сдать анализы, но оказалось, что у нее все в порядке. Видимо, проблема была в нем, но он не желал в это верить и, нагрубив, отказался пойти к специалисту.

Сначала отказ мужа обследоваться злил Веру, но постепенно она поняла, что отсутствие второго ребенка – благо для нее. Она до смерти любит Алека, но с ним бывает трудно, а ее силы на исходе. Неизвестно, как она справилась бы еще с одним ребенком.

И потом, Вера понимала: она не разводится с мужем в основном потому, что не мыслит жизни без Алека. Если она уйдет – при ее депрессии Росс ни за что не позволит ей забрать сына; да и сама она, одна, в ее теперешнем состоянии вряд ли справится с мальчиком. Росс любит сына; в этом не может быть никаких сомнений. Но в то же время он оказывает на Алека определенное влияние. Алек носит в себе гены Росса, и тут ничего не поделаешь. Остается надеяться лишь на то, что любовь и ласка помогут вызвать к жизни положительные черты, которые мальчик унаследовал от отца, и уберут все плохое.

– Дорогая, что ты наденешь вечером? – крикнул Росс из ванной.

Включай мозги, быстрее!

– Наверное, темно-синее платье от Вивьен Вествуд, которое ты мне купил.

– А ну-ка, примерь, а я посмотрю!

Вера послушно надела платье. Росс показался на пороге – голый, волосы влажные, во рту зубная щетка. Внимательно оглядел ее.

– Нет. Не годится. Слишком легкомысленно. На сегодня не пойдет.

– Может, черное из тафты от Донны Каран?

– Давай посмотрим.

Он зашел в ванную, снова вышел; на щеке в облаке пены для бритья чистая дорожка.

Вера повертелась на каблуках.

– Нет; оно больше годится для бала, а сегодня будет только ужин. – Росс решительным шагом подошел к ее платяному шкафу, защелкал плечиками, вытянул платье, бросил его на шезлонг. Потом еще одно... и еще...

– Пора будить Алека.

– Примерь-ка вот эти. Тебе нужно выглядеть как надо – сегодняшнее мероприятие очень важно для меня.

Отвернувшись, Вера выругалась про себя. Черт бы побрал его вечные «важные мероприятия»! Тем не менее, она надела одно платье. Потом другое. Сегодня ей не нравилось ничего. Волосы сегодня лежат ужасно; спутались. А паршивая сырая погода в последние три недели смыла остатки ее загара, и кожа стала обычного цвета, что называется, «только что из могилы». Смертельная бледность. Пару лет назад подруга, Сэмми Харрисон, поддразнивала Веру, говоря: когда Вера хорошо выглядит, она похожа на Мэг Райан в худшие минуты ее жизни. А сегодня день отнюдь не хороший.

– Надо посмотреть, как оно сочетается с туфлями! – крикнул Росс, разглядывая жену в зеркало и сбывая остатки пены. – И еще сумочку.

Без десяти семь – и он смахивает с подбородка каплю крови. На кровати разложены платье, туфли, сумка, ожерелье, серьги. Алек еще спит.

– Вот теперь хорошо. Уложи волосы. – Охватил ее лицо ладонями, легко поцеловал в губы и ушел.

Жизнь – сволочная штука, думала Вера. И дело не в том, что ты умираешь; просто, сама того не замечая, становишься той, кем ты никогда не хотела быть.

В школе она любила помечтать, разглядывая фотографии и читая статьи о богатых и знаменитых в гляцевых журналах – казалось, у них есть все. Но она никогда не хотела стать одной из них, никогда не завидовала им. Ее отец, мягкий, тихий человек, который никогда не

жаловался, был прикован к постели, и Вере, сколько она себя помнила, приходилось работать, чтобы помочь маме сводить концы с концами. В выходные она располагалась в гостиной на ковре и пришивала пальцы к перчаткам для местной перчаточной фабрики, где мама трудилась на полставки; с двенадцати лет каждое утро начиналось для Веры очень рано. Она выходила из дому в четверть шестого и разносила газеты.

Вера никогда не стремилась к богатству. Ей всегда хотелось только одного: любить и быть любимой – и постараться избежать серости и монотонной скуки. Она не строила амбициозных планов; все было очень просто. Вера всегда надеялась: когда у нее будут дети, она сумеет научить их уважать мир вокруг них и сделает все возможное, чтобы детство у них было счастливее, чем у нее самой; она постарается вырастить их порядочными людьми.

Сейчас ей тридцать два года, и жизнь так же далека от ее скромного начала, как и от ее мечтаний. Она замужем за состоятельным пластическим хирургом, очень серьезным человеком, который во всем стремится к совершенству. Ее муж – настоящий перфекционист. Они живут в доме, величественном до нелепости. Вера понимает, что ей надо судьбу благодарить за такую жизнь – так твердит ей мать. Но они с матерью всегда смотрели на вещи по-разному – по крайней мере, ей так кажется.

В местную аптеку Вера решила не ходить; она поехала в Берджесс-Хилл, близлежащий городок, где имелась большая сетевая аптека «Бутс».

Ожидая своей очереди у въезда на парковку, она смотрела на затянутое облаками небо. Оно почти физически давило на нее. Постучала ногтем по зубам; оказалось, ее слегка трясет. Нервы на пределе. Необъяснимый темный страх, бывший частью ее депрессии, наряду с упадком сил и – иногда – пугающим осознанием того, что она не совсем в своем теле, никогда не отпускал ее надолго. Она была рада, что хранит капсулы прозака в шкафчике в ванной. Если бы они были сейчас с ней, в сумочке, она непременно приняла бы одну.

Перед ней стояла только одна машина; за рулем пожилая женщина. Она отъехала слишком далеко от парковочного автомата и теперь пыталась открыть дверцу, чтобы дотянуться до кнопки и получить талон. Вера взглянула на шкалу пробега: четырнадцать километров. Она мысленно умножила цифру на два – прибавить обратный путь домой. Потом прибавила еще столько же – поездка вечером на станцию, чтобы сесть на поезд до Лондона, где у них с Россом ужин в обществе врачей: итого почти пятьдесят три километра, за которые необходимо отчитаться – Росс каждый день проверяет, сколько километров она проехала и куда ездила.

Чтобы найти оправдание своей поездки для мужа, она заехала в универсам «Уэйтроуз» и закупила овощей и фруктов. Так легче – лучше всего придумывать способы обходить мины и хитрые ловушки, которые Росс расставлял в ее повседневной жизни. Так она обретала хоть какое-то спокойствие, по крайней мере, в смутном сознании, если не в тревожных снах. Снах, в которых бесконечно повторялся один и тот же сюжет.

Когда их совместная с Россом жизнь начала меняться?

Можно ли нащупать точку в прошедших двенадцати годах, когда Росс – добрый, заботливый, веселый молодой врач-ординатор, которого она любила до смерти, – превратился в чудовище с отвратительным характером, чье возвращение домой она ждет со страхом? Может, он всегда был таким? А в те ранние, бурные дни ее ослепляли любовь к нему и стремление к роскошной жизни?

Или он умело маскировался?

И потом, почему некоторые вещи замечает только она? Почему ни ее мать, ни подруги ничего не видят? Впрочем, ответ на последний вопрос известен заранее. Росс никогда не дает знакомым повода усомниться в своей непогрешимости; при желании он сумеет заморозить даже птичек на ветках. Несмотря на то, что в течение целых двадцати лет медицинское сообщество оказалось не в состоянии ничем облегчить медленное, болезненное и недостойное умирание отца, мать по-прежнему благоговеет перед врачами. Росса она обожает; может быть, даже чуточку влюблена в него.

Иногда Вере казалось, что она сама во всем виновата. Может, она слишком много ожидала от мужа? Или вследствие депрессии склонна была видеть только плохое и игнорировать хорошее... Ведь даже сейчас в их жизни иногда случаются счастливые минутки и хорошие дни, хотя в конце концов Росс обычно все портит своими взрывами или придирками. Вера очень надеялась на отпуск в Таиланде, как будто он был последней попыткой сохранить семью и вернуться к прежним отношениям. Но, несмотря на все свои надежды и старания, в конце отпуска она поняла, что не испытывает по отношению к мужу никаких нежных чувств.

Есть некая граница, до которой можно дойти, но которую нельзя переходить. За незримой линией все меняется необратимо. Летчики называют воображаемую границу «точкой невозвратимости»: критический момент, когда самолет уже находится в конце взлетной полосы и отменить взлет нельзя, можно только взлетать. Взлет – или крушение. Именно в такой точке она находится сейчас. Вот куда толкнул ее Росс.

В те, прежние времена Вера так любила его, что позволяла ему

буквально все, что угодно. Она так верила в него, что вынесла целых шесть операций, терпела боль и дискомфорт; он преобразил ее из девушки с достаточно обычной внешностью в... скажем, женщину незаурядной красоты. Отчасти его рвение было очень приятно и льстило ее самолюбию. Когда его карьера начала стремительно набирать высоту, Вере нравилось ездить с мужем на конференции, где он демонстрировал, какие изменения внес в ее губы, глаза, рот, нос, щеки, подбородок и грудь. По крайней мере, хоть один плюс после двенадцати лет брака – осязаемый рост самооценки; впрочем, сейчас ее самооценка опустилась почти до нуля.

Наверху, в мезонине, в комнате, куда они редко заходили, Вера держала стопку книг и журнальных вырезок о проблемах семьи и брака. Она читала и перечитывала книгу «Мужчины с Марса, женщины с Венеры» и даже как бы невзначай пару раз оставляла ее на видном месте, надеясь – или, вернее сказать, *заблуждаясь*, – что Росс наткнется на книгу и прочтет ее. А недавно в Интернете она набрела на форум для жен, подвергающихся домашнему насилию. Она узнала много нового и полезного. И начала строить планы...

Жизнь можно наладить снова. Я обязательно придумаю, как все исправить – ради Алека и ради меня самой.

Повинуясь внезапному порыву экстравагантности, она купила к завтрашнему ужину в супермаркете пару любимых Россом замороженных омаров, куриные крылышки в остром маринаде, к которым Алек пристрастился в Таиланде, и его любимое мороженое с кусочками хрустящей карамели. Потом она вспомнила, что нужно купить маме пару баночек со смесью «Амброзия» для рисового пудинга с изюмом – сегодня она сидит с внуком.

Ах, Росс, почему я до сих пор так стараюсь угодить тебе? Может, надеюсь купить себе несколько спокойных минут? Или я обманываю себя тем, что, если буду приветлива с тобой, ты отпустишь меня и позволишь забрать сына?

Она свернула с дороги, проехала мимо огромных каменных колонн, увенчанных шарами. На колонне медная табличка: «Поместье „Литл-Скейнз“». Великолепный подъезд к елизаветинскому особняку – по аллее, обсаженной деревьями и кустами рододендронов, откуда открывается отличный вид на остроконечный, увитый плющом фасад. Сердце невольно екало от волнения всякий раз, когда она подъезжала к дому.

Поместье роскошное, вне всяких сомнений; прекрасно расположено – у подножия невысоких холмов Саус-Даунс. Десять спален, гостиная, библиотека, бильярдная, столовая, в которой свободно разместятся

тридцать человек, кабинет, огромная кухня с дубовым деревянным полом и целая куча подсобных помещений. И все же ни одна комната – кроме, может быть, столовой – не казалась ей достаточно просторной, когда в ней находились они с Россом. Дом был относительно мал для того, чтобы казаться уютным, и в то же время достаточно большим для того, чтобы произвести впечатление на коллег Росса, на приезжавших время от времени газетных репортеров или телевизионную съемочную бригаду.

Вокруг особняка – сад и парк; более пятидесяти тысяч квадратных метров угодий. Раньше, когда здесь было настоящее поместье, в него входили и окрестные леса, и пахотные земли, но за двести лет предыдущие владельцы постепенно распродавали внешние постройки и участки земли. Впрочем, и того, что осталось, было более чем достаточно: красивые лужайки, фруктовый сад с яблонями, грушами, сливами и вишнями, пруд и густой лес, который не мешало бы проредить. Гости, приезжавшие на вечер или на выходные, считали поместье райским уголком.

Однако что-то мешало Вере чувствовать себя дома целиком в своей тарелке; тяжесть усиливали узкие, обитые свинцовыми полосами окна со стеклами, которые снаружи казались черными; деревянная обшивка; невероятно большие, богато украшенные дымовые трубы – по слухам, в одной из них замуровали женщину. Она была любовницей человека, построившего дом, и, если верить местным сплетням, слышно было, как она по ночам стучит в трубе, пытаясь выбраться наружу. Вера никогда не слышала ничего странного, хотя верила в привидения. Иногда ей казалось, будто она сама в некотором роде замурована здесь. Входя в пустой дом, пробегая по огромному мрачному коридору, слушая громкое тиканье напольных часов у подножия резной лестницы и вглядываясь в прорези шлемов рыцарских доспехов, которые коллекционировал Росс, она чувствовала, как мурашки бегут по коже.

Сегодня еще ничего. Сегодня среда, а по средам к ним приходит уборщица. Сверху, из какой-то спальни, доносилось завывание пылесоса. Вера была рада, что миссис Фогг в доме, но не меньше радовалась тому, что уборщица сейчас наверху: свою работу она делала превосходно, но могла болтать до бесконечности – главным образом о том, как череда несчастий довела ее до необходимости заниматься таким грязным делом; что она на самом деле вовсе не уборщица – что вы, она далека от этого!

Вера торопливо внесла покупки в кухню; не распаковывая их, достала из фирменного пакета аптеки «Бутс» тест на беременность и прочитала инструкцию.

Миссис Фогг по-прежнему пылесосила наверху.

Вера вынула из коробочки пластиковый стаканчик, пипетку и картонную полоску с пластиковым диском посередине, зашла в ванную на нижнем этаже и закрыла за собой дверь. Она помочилась в стаканчик. Затем набрала в пипетку немного мочи и, следуя инструкции, капнула пять капель на выступ в диске.

Тошнота вернулась; ее бросило в жар, как будто немного поднялась температура.

Если проявится красная полоска – результат отрицательный.

Вера молилась, чтобы результат оказался отрицательным.

Она оглядывала ванную, избегая только циферблата наручных часов. Смотрела на гравюры на стенах, изображающие лошадей, на старомодные медные краны над белоснежной раковиной, на изумрудную туалетную бумагу, на стопку журналов «Нэшнл джиогрэфик» на полочке у унитаза. Заметив в углу паутину, сделала мысленную пометку: не забыть сказать миссис Фогг. Потом она опустила голову и подняла полоску картона.

Для верности пришлось посмотреть дважды; потом она сверилась с инструкцией.

Отрицательно!

В центральном окошке на диске отчетливо проявилась красная полоска. Тошнота сразу прошла.

Сегодня внимание Оливера Кэбота отвлекали несколько вещей, но главным образом женщина за соседним столиком; она дважды встретила с ним взглядом. Вид у нее был скучающий; скорее всего, ей достались такие же занудные соседи, как и ему.

Он принял приглашение на ужин в Королевском медицинском обществе, устроенный фармацевтической фирмой «Бендикс Шер», не из любви к своей профессии и не из стремления повращаться в обществе. Фирму, организовавшую ужин, он от всей души презирал. Однако ему было интересно идти в ногу со временем, быть в курсе последних достижений медицины и оставаться в рамках профессии, к которой он с каждым днем испытывал все больше недоверия. Женщина, сидевшая в противоположном конце круглого стола на двенадцать человек, за батареей винных бутылок и кувшинов с водой – длинные светлые волосы обрамляют умное лицо, скорее хорошенькое, чем классически красивое, – кого-то ему напоминала, только он не мог вспомнить кого. Наконец до него дошло.

Мэг Райан!

– Знаете, Оливер, на разработку тизолгастрина у нас ушло двенадцать лет. – Джонни Янг, вице-президент компании, заведующий отделом маркетинга в зарубежных странах, американец китайского происхождения с бруклинским выговором и щетинистыми волосами, запустил руку в вазочку с меренгами. – Исследования обошлись нам в шестьсот миллионов долларов. Согласитесь, не много компаний способны выложить такую кучу бабок на науку!

Тизолгастрин громогласно объявили революционным лекарством от язвы. Недавно Всемирное бюро по медицинской этике включило тизолгастрин в список ста самых важных достижений медицины двадцатого века. Однако немногим было известно, что Всемирное бюро по медицинской этике целиком финансировалось компанией «Бендикс Шер».

– Вам не нужно было тратить так много денег, – заметил Оливер.

– Как так?

Криво улыбнувшись, Оливер сказал:

– Вы не открыли тизолгастрин, вы его содрали. Вы начали продвигать его только после того, как потратили четыреста миллионов долларов, пытаясь похоронить идею лечить язву антибиотиками. Уж меня-то вам не провести.

«Мэг Райан» слушала тощего лысого субъекта, который что-то горячо ей втолковывал, и кивала. Ее выражение лица и жесты подсказали Кэботу: сосед ее абсолютно не занимает. Интересно, о чем они разговаривают. Незнакомка снова посмотрела на него и тут же отвела глаза.

– При нормальном разгоне – при обычном разгончике, понимаете? – она выжимает двести восемьдесят пять «лошадок». Но я скажу вам, что я сделал: отвез головки в одну фирму в Таксоне; там их отполировали, сняли лишние две ты...

Вере пришлось взглянуть на карточку, лежавшую рядом с прибором, чтобы вспомнить имя своего соседа по столу. Дайтон Карвер, вице-президент по маркетингу. Последние пятнадцать минут он рассуждал о моторах, а до этого рассказывал о своем разводе, о новой жене, о бывшей жене, о своих троих детях, своем доме, своей яхте – столько-то кубических сантиметров тестостерона и рева – и своей программе занятий спортом. Он не задал ни единого вопроса о ней. Второй сосед, представляясь, энергично потрянул ей руку и углубился в беседу с женщиной справа от себя. Они поглощены разговором все пять перемен блюд.

Перед Верой на тарелке лежал нетронутый десерт. Утренняя тошнота вернулась; за ужином она почти ничего не съела. Такие официальные мероприятия Росс обожал, а Вера ненавидела. Ей нравилось общаться с некоторыми врачами, но в массе своей они казались членами элитного клуба, в котором Вера чувствовала себя чужой.

Росса, сына скромного клерка газовой компании, а сейчас знаменитого пластического хирурга, уважали и ублажали благодаря его профессии. Его имя было напечатано с левой стороны меню – напротив бараньих тефтелей в луковом желе, «Батар Монтраше» урожая девяносто третьего года и «Лангоа Бартон» восемьдесят шестого. Росс попал в один список с личным гинекологом королевы и многими другими выдающимися врачами. Он был почетным гостем: Росс Рансом, магистр естественных наук, член Королевского хирургического колледжа (отделение пластической хирургии).

Несмотря ни на что, Вере приятно было видеть его имя и фамилию на обложке меню. Она тоже внесла свой скромный вклад в его успех. По настоянию Росса она брала уроки ораторского искусства и дикции; в результате ее простоватый выговор жительницы лондонского пригорода сменился более рафинированной речью. Много лет она старательно читала книги по спискам, которые составлял для нее Росс: классика, великие поэты, Шекспир, основные философы, древняя и современная история.

Временами она казалась себе Элизой Дулиттл из «Моей прекрасной леди» – или, как предпочитал говорить Росс, из «Пигмалиона» Шоу (кстати, эта книга тоже была в списке). Росс хотел, чтобы его жена непринужденно чувствовала себя на любом званом ужине.

Много раз Вера втайне задавалась вопросом: и за что он в нее влюбился? Он изменил ее лицо, грудь, голос; он заново образовал ее. Иногда ей казалось, что дело именно в этом: Росса привлекла ее податливость. Возможно, он видит в ней *tabula rasa*, чистую доску, которую он способен преобразовать в совершенную женщину. Возможно, именно это и требуется сидящему внутри его монстру.

Сейчас он наблюдает за ней; он сидит наискосок от нее, за большим круглым столом, рядом с человеком с ровным загаром и идеальными зубами; сосед оживленно беседует с Россом, подкрепляя слова энергичными рубящими движениями ребра ладони. Справа от Росса сидит женщина с пышными обесцвеченными волосами; судя по всему, она слишком увлекается круговыми подтяжками лица. Кажется, что ее кожа презрела законы земного притяжения: мышцы натянуты; безумный, остановившийся взгляд, а губы растянуты в вечной невеселой улыбке. Вера подумала: к таким дамам Росс не может испытывать ничего другого, кроме профессионального интереса.

Бедняжка.

Оглядывая зал в поисках знакомых лиц, Вера увидела, что мужчина, который наблюдал за ней раньше, снова смотрит на нее. Она бросила взгляд на Росса, но тот был поглощен беседой. Она посмотрела на незнакомца. Когда их взгляды встретились, мужчина улыбнулся. Польщенная, Вера отвела глаза в сторону. Она вдруг заволновалась, как маленькая, и с трудом подавила виноватую улыбку. Прошло очень много времени с тех пор, как она с кем-то флиртowała и ей было хорошо. Радость омрачала лишь тень Росса и страх его злобы, которую он, если заметит что-нибудь, обрушит на нее позже.

Она снова посмотрела на незнакомца; он не отводил взгляда. На этот раз она торопливо опустила глаза, понимая, что покраснела.

– А потом я вот что сделал: поменял всю начинку – подвеску, амортизаторы, тормоза... В общем, все заменили, и теперь у нее внутренности, как у гоночной...

Вера снова отключилась от рассказа соседа и искоса посмотрела на столик, за которым сидел ее поклонник. Тот углубился в разговор с азиатом слева от себя, и у нее появилась возможность разглядеть его. Примерно того же возраста, что и Росс, – лет сорока пяти-сорока восьми. Что-то

выделяет его из толпы, отличает от остальных – но пока Вера не могла понять, что именно.

Хорошая осанка, высокий, стройный. Круглые очки в тонкой проволочной оправе; лицо под гривой седых кудрей серьезное и умное. Галстук-бабочка у него чуть больше и не такой идеальный, как аккуратные маленькие черные атласные бабочки, которые казались здесь униформой. Из-за галстука вид у него был немного безрассудный и дерзкий.

«Кто ты такой? – подумала Вера. – Ты мне очень нравишься».

Он вполне может оказаться ученым – может быть, трудится в аналитическом отделе исследований фармацевтической компании, которая устроила ужин.

От размышлений ее отвлек стук молоточка. Тамада, облаченный в ливрею, произнес:

– Дамы и господа, прошу встать. Тост за здоровье ее величества!

Когда все сели, Росс вытащил из внутреннего нагрудного кармана цилиндрическую трубку, отвинтил крышку и вытащил большую гаванскую сигару. Теперь он наблюдал за женой с сухой, натянутой улыбкой, говорившей: «Я вижу, как ты на него смотришь, солнышко. Я вижу, как ты на него смотришь».

Дом оказался двухквартирным. С тыльной стороны к стене крепилась металлическая пожарная лестница, попасть на которую можно было из застекленной двери кухни квартиры на первом этаже.

Мальчик взобрался по пожарной лестнице, с трудом удерживая в руке тяжелую канистру с бензином. Его было не слышно из-за резиновой подошвы туфель. Он был высоким для одиннадцати лет, и незнакомые люди всегда считали его старше. Сторонний наблюдатель вполне мог счесть его и за шестнадцатилетнего подростка. Мальчик был уверен: в одиннадцать вечера никто не обратит внимания на шестнадцатилетнего паренька, который катается на велосипеде по тихим улочкам в южной части Лондона. И канистру с бензином, примотанную веревкой к туловищу под курткой, тоже никто не заметит.

В ушах все звучали нехитрые слова песни «Лав ми ду» новой группы «Битлз» – их все время показывали по телику; до него доносились крики и смех. Видимо, где-то по соседству устроили шумную вечеринку. Слушая слова припева, мальчик чувствовал, как в нем крепнет ненависть.

Два часа назад отец вошел к нему и пожелал спокойной ночи; прошел час, и мальчик услышал, как отец направился к себе в спальню. Выждав еще полчаса, он вылез в окно и спустился вниз по водосточной трубе. Скоро он вернется тем же путем.

Он разрабатывал свой план несколько месяцев; продумал все до мелочей, вплоть до инструментов для ремонта велосипеда на случай прокола шины, запасных лампочек для фар (и то и другое, завернутое в бумагу, лежит в его велосипедной сумке). Не забыл он и резиновые перчатки – их он сейчас наденет. Зрение у него острое, а еще он обладает способностью подмечать любую мелочь. Кроме того, и руки у него ловкие. После долгих тренировок ему удалось ловко уложить простыни и подушку так, что казалось, будто он лежит в постели и спит. Свою конструкцию мальчик украсил сверху париком, купленным в магазине веселых розыгрышей; он заранее постриг и покрасил парик, чтобы было больше похоже на его голову.

Мальчик сотни раз ездил от дома сюда на велосипеде, засекая время. Он придумал, что сказать, если его остановит полиция; в голове крутились имя и адрес, какие он назовет в случае необходимости. Пришлось дожидаться удобного случая – ночь должна была быть безлунной, но в то

же время и без дождя. В дождь сам не заметишь, как наледишь и оставишь ненужные отпечатки пальцев.

Вчера он долго не мог заснуть; ворочаясь в постели, представлял себе всякие сбои и непредвиденные помехи, сильно нервничал. Но сейчас, добравшись до места, он успокоился. На душе полегчало.

Сколько он себя помнил, в жизни не чувствовал себя лучше.

Без четверти час ночи Оливер Кэбот сидел за письменным столом, переделанным из двери разрушенного индийского храма. Его квартира располагалась в мансарде, в бывшей студии художника, в окрестностях Портобелло-роуд.

Он смотрел на экран своего компьютера «Мак» с терпеливым выражением на лице: он был опытным путешественником по киберпространству. Маленькая цветная фотография Росса Рансома загружалась медленно и словно бы нехотя – сантиметр за сантиметром.

Почти готово. Как будто следующий его шаг мог ему в чем-то помочь, Оливер навел на снимок курсор и щелкнул мышью. Ничего не изменилось. На экране по-прежнему была голова хирурга и что-то у него за спиной – похоже, книжные стеллажи.

Оливер зевнул. Гул компьютерного вентилятора в ночной тиши напомнил ему рев двигателей авиалайнера. С фотографии в черепаховой рамке на столе, под старинной бронзовой лампой, улыбался Джейк.

Веснушчатый Джейк с каштановой челкой и щербатой улыбкой – спереди не хватало двух зубов. Молочные зубы унесла «зубная фея», а коренным вырасти было не суждено.

Джейк навечно остался на снимке таким – замороженным во времени; Оливер сфотографировал его, когда он выбежал из парадной двери их дома на берегу океана в квартале «Венеция» в Санта-Монике, откуда открывался вид на канал и где пованивало нечистотами. Джейк на своем новеньком горном велосипеде... Он не представляет, какой ужас обрушится на него всего пять дней спустя.

К горлу подступил ком; так бывало всегда, когда он позволял себе предаться воспоминаниям. Оливер снова взглянул на монитор, передвинул курсор, прокрутил снимок вниз. Теперь он видел фотографию Росса Рансома целиком; к его разочарованию, больше никого на снимке не было. Не было Веры Рансом.

«Эх ты, мозгоправ дерьмовый, – подумал он. – Какому еще унылому ублюдку придет охота ночью бродить по Интернету в поисках фотографии чужой жены? Ты ведь с ней даже незнаком!»

Такой унылый ублюдок есть; он сам, Оливер Кэбот.

В машине молчание. Росс ведет быстро. Впереди петляет темная дорога, которую иногда прорезают яркие лучи света. Но чаще впереди и сзади никого нет. В салоне громко включена музыка – Брамс; скрипки выводят грустную мелодию, как будто скоро случится что-то плохое. Салон щегольского «астон-мартина» пропах дорогой кожей и сигарным дымом.

Отец Веры тоже курил сигары; запах сигар всегда напоминал Вере об отце и об их маленькой квартирке в доме на две семьи. Однажды у отца отказали руки; она тогда сидела у его кровати, а он упрямо сжимал губами мокрый окурочек и, глядя на нее с жалкой улыбкой, говорил:

– Хорошо, что у меня еще открывается рот; по крайней мере, я могу поблагодарить Господа за то, что Он меня создал.

Вера вернулась мыслями к тому человеку – незнакомцу. Они случайно столкнулись у бара после того, как закончились речи. Он был один. Вере достаточно было сделать всего четыре шага, и она оказалась бы прямо перед ним. Росса поблизости не было; он остался сидеть за столом, увлеченный важным разговором. Всего четыре шага. Но вместо того, чтобы подойти к незнакомцу, Вера затеяла беседу с Фелисити Берд, женой гинеколога, знакомого Росса. Фелисити была одной из немногих жен врачей, которая нравилась Вере. В разговоре участвовала еще одна женщина; они говорили в основном об их поездке в Таиланд. Потом к ней подошел Росс и заявил, что хочет домой, так как завтра ему рано вставать.

– Я тебя видел, – спокойно заметил он.

– Ну и что?

Снова молчание. Только скрипки и ночь. Они проехали указатель «Брайтон». Двадцать девять километров. Вера прекрасно поняла, что муж имеет в виду. Бессмысленно что-либо отрицать, спорить, вступать в пустые пререкания. Несмотря на внешнюю невозмутимость, Росс внутри кипит от злости. Пусть перебесится, решила Вера. Может, к тому времени, как они приедут домой, он так утомится, что не станет устраивать скандал. Сейчас она как-то плохо себя чувствует для ссоры.

Она подумала об Алеке: сынишка, наверное, давно сладко спит, укрытый одеялом. За него не приходится беспокоиться; он обожает бабушку, которая его балует. Мама любит оставаться у них на ночь. Росс отвел ей в их доме настоящие апартаменты, несколько комнат. Сама мама, скорее всего, сейчас бодрствует; сидит перед огромным телевизором с

полутораметровым экраном, курит одну сигарету за другой и смотрит кино посреди ночи... Так же было и в Верином детстве, когда мама составляла компанию прикованному к постели мужу, которого мучила бессонница.

Из книг, журнальных статей и разговоров со знакомыми Вера усвоила, что тещи редко ладят с зятьями. Но ее мать и Росс поладили с самого начала, и Росс всегда был добр к ней – и к отцу Веры в последние годы его жизни. В том-то и трудность: Вера не могла жаловаться маме на свои семейные неурядицы. Мать всегда отвечала: у всех случаются размолвки, взлеты и падения, а ей, Вере, нужно Бога благодарить за такого мужа. Перепады же настроения Росса и необъяснимые приступы ярости наверняка являются следствием стресса. У него очень тяжелая работа, и потом – его высокое положение в обществе...

Двадцать минут первого. Вера снова вспомнила о незнакомце за ужином. Интересно, как ей жилось бы с другим мужчиной, с другим мужем? Как ей вырваться из хватки Росса? И как быть с Алеком?..

Неожиданно изнутри подступила тошнота.

– Стой! Росс, скорее останови!

Ей показалось, что салон машины сжимается, давит на нее. Прижав руку ко рту, она успела подумать только: «Не здесь... не испачкать машину...»

Они резко затормозили у обочины. Вера отстегнула ремень безопасности, нащупала дверную ручку и, спотыкаясь, выбралась наружу. Лицо обдало холодом. Она упала на колени прямо на дорогу, и ее вырвало.

Прошло несколько секунд. Рука Росса у нее на лбу.

– Детка, милая, все хорошо, родная, все в порядке.

Лицо покрылось испариной. Снова тошнит... Ее опять вырвало. Росс крепко прижал ладонь к ее лбу – так делала мама в детстве, – уверенно поддерживая и вытирая ей губы своим платком.

Потом он отвел ее в машину, усадил ее на сиденье, откинул спинку назад, включил печку.

– Наверное, это все коктейль из морепродуктов, – заявил Росс. – Или креветки в кляре. Отравление морепродуктами сказывается через несколько часов.

Вера хотела сказать мужу, что тот ошибается: он ведь знает, что ей уже несколько дней так же плохо. Но она боялась говорить – боялась, что ее снова вырвет. Она откинула голову назад. Ее окружала темнота; только огни пролетали мимо. В салоне тоже мерцали какие-то огоньки. В контактных линзах было неудобно – Вере показалось, что они запотели. Она смутно сознавала, что едет в машине; шины шуршали то по асфальту,

то по гравию. Иногда они останавливались или поворачивали. Они все ближе и ближе к дому.

К стакану воды.

Она сидела за широким сосновым столом. За окном лает Распутин. Наверное, гоняется за кроликом в парке. Росс позвал пса в дом. Часы на стене кухни показывают десять минут второго.

По полу мягко зашлепали собачьи лапы; подойдя к хозяйке, Распутин положил морду ей на колени.

– Привет, сладкий песик. Как ты?

Она погладила пса по шелковистой шерсти; тот поднял морду и выжидательно посмотрел большими глазами прямо в душу. Потом он легонько ткнулся в Веру носом. Улыбнувшись, она спросила:

– Печеньице хочешь?

Отодвинув голову Распутина, Вера достала печенье из кухонного шкафчика, скомандовала псу: «Сидеть!» – и сунула ему лакомство. Пока пес радостно грыз печенье, она подошла к раковине и прополоскала рот водой, стараясь избавиться от кислого привкуса рвоты.

Щелкнул замок; несколько секунд спустя звякнула цепочка – Росс запирался на ночь. Он подошел сзади, положил руки ей на плечи и потерся носом о ее шею.

– Алек сладко спит. Ну как ты?

– Немного лучше, спасибо.

– Таблетки подействовали?

– Да, наверное. Что ты мне дал?

– Кое-что от нервов.

Веру передернуло. Почему муж упорно отказывается говорить, какие лекарства он ей дает? Как будто она ребенок.

Росс опустил на колени, заглянул ей в глаза, заставил ее высунуть язык и осмотрел его, тревожно хмурясь.

– Что там у меня?

– Ничего. – Он улыбнулся. – В постель! Но сначала я хочу кое-что тебе показать – это недолго.

Несмотря на улыбку, Вера угадала, что мужу слегка не по себе.

– Что там такое с моим языком?

Немного помявшись, Росс уверенным голосом заявил:

– Беспокоиться совершенно не о чем.

Прихватив с кухонного стола косметичку, Вера пошла по коридору следом за Россом. На стенах были развешаны гравюры с изображением

исторической военной формы. Между гравюрами в скобах были закреплены щиты и мечи. Росс толкнул дверь своего кабинета. Вере стало значительно лучше, но отчего – от рвоты или от таблеток – она не знала. И сон как рукой сняло.

Росс подошел к компьютеру, уверенно пробежал пальцами по клавиатуре, и монитор ожил. Потом он включил настольную лампу, открыл свой кейс, вытащил оттуда диск и вставил в дисковод. Когда-то Вере нравилась мужская, серьезная атмосфера его кабинета, но сейчас ей было не по себе – как нашкодившему школьнику в кабинете директора.

Безупречно чисто – нигде ни единого пятнышка; мягкие кожаные диван и кресла. На стенах – красивые викторианские морские пейзажи, на постаменте – бюст Сократа; стеллажи уставлены медицинской литературой и периодикой. Росс работал за красивой антикварной ореховой конторкой, которую она сама ему купила вскоре после того, как они сюда переехали. Покупка конторки сделала крупную брешь в ее накоплениях – ей удалось немного отложить за то недолгое время, пока она занималась ресторанно-банкетным обслуживанием.

По настоянию Росса перед свадьбой, двенадцать лет назад, Вера стала домохозяйкой, несмотря на то, что работать ей нравилось. После того как она закончила колледж и получила диплом специалиста по кейтерингу, она даже основала небольшую собственную фирму. В основном они доставляли готовые обеды в офисы. В первое время после свадьбы Вера с головой ушла в домашнее хозяйство. Когда они наконец устроятся, она сможет достичь желанной цели – закончить университет и стать дипломированным специалистом в области общественного питания.

Но Росс не разрешил ей ни продолжать учебу, ни работать неполный день. Разумеется, он мотивировал свой отказ тем, что не хочет, чтобы его жена изнуряла себя учебой или работой. Теперь-то Вера понимала: Росс просто хотел, чтобы она сидела дома. Тогда у него всегда будет возможность знать, где она находится.

Лишенная возможности работать, Вера вела активную общественную жизнь. Соседняя деревушка Литл-Скейнз состояла из нескольких улочек, застроенных викторианскими коттеджами. Изначально в них селились железнодорожные рабочие, прокладывавшие ветку Лондон – Брайтон; кроме того, в Литл-Скейнз имелось несколько более современных домов и бунгало и норманская церковь, в которой сохранились несколько старинных фресок, почти превратившихся в труху. Зато там процветала колония жуков-могильщиков. У настоятеля были искусственные зубы; когда он обращался к своим малочисленным прихожанам, зубы зловеще

клацали.

Магазина в Литл-Скейнз нет, а единственный паб закрылся в 1874 году, после того как дорогу Льюис–Лондон передвинули на пять километров южнее. Овощи и фрукты можно купить, проехав километра три; деревенская лавка постоянно на грани закрытия из-за того, что в ближайшем городке открылся крупный супермаркет. Вера входила в состав Комитета по спасению местной лавки, хотя она, как и все остальные, подавляя угрызения совести, отоваривалась в местной лавке очень редко и покупала только товары первой необходимости.

Несмотря на крошечные размеры Литл-Скейнз, политическая жизнь в деревне буквально кипела. Деревню населяла целая армия седовласых активисток в твидовых юбках и туфлях на толстой подошве. У Веры сложилось впечатление: сельские жители проводят время, либо пытаясь что-то спасти, либо препятствуя техническому прогрессу. С тех самых пор, как они сюда переехали десять лет назад, она стала участницей множества подобных начинаний; отчасти потому, что ей хотелось внести свой вклад в жизнь местного общества, отчасти потому, что активная общественная жизнь – неплохой способ подружиться с соседями, а отчасти – потому, что ей всегда было трудно кому-то отказать.

Сейчас, в дополнение к Комитету по спасению местной лавки, Вера состояла в обществах по спасению: церковной крыши, местной библиотеки, древней березовой рощи, которую собирались срубить под застройку, и общественной пешеходной тропинки, перегороженной много лет назад одним упрямым фермером. Кроме того, она принимала активное участие в работе местного отделения Национального общества защиты детей от жестокого обращения. Она также способствовала предотвращению модернизации старого амбара на краю деревни, входила в Комитет против строительства новой обходной дороги, в комитет против строительства еще одного гольф-клуба и в комитет против слияния их приходского церковного совета с соседним.

Однако больше всего удовлетворения приносило воспоминание о конкретном добром деле: они помогли собрать свыше пятидесяти тысяч фунтов и отправить больную лейкемией девочку, дочь местного пастуха, на операцию в Америку – тут Росс нажал на нужные рычаги. Операция спасла пятилетней крошке жизнь.

На экране появилось ее лицо. Через секунду оно сменилось другой фотографией, в профиль.

– Вот как ты выглядишь сейчас, – сказал Росс.

Вера зевнула – внезапно навалилась усталость. Интересно, когда она

фотографировалась? Увидев фон, она вспомнила: на пляже у отеля в Пхукете, три недели назад.

Росс увеличил ее нос, провел пальцем по экрану.

– Операция пустяковая, всего несколько дней дискомфорта – а потом... – Он нажал на клавишу; ее лицо исчезло, а потом появилось снова – в профиль, уже с новым носом.

Несмотря на то, что она ожидала нечто подобное, уловив намеки в словах Росса, которые он отпускал уже несколько дней, ее возмутили намерения мужа – особенно сейчас, когда так поздно да вдобавок когда ей нехорошо. Впрочем, именно поэтому Росс и решил поделиться с ней своими планами, не откладывая. Сейчас у нее просто нет сил возражать и спорить.

– Росс, почему нельзя обсудить это утром? Я так устала!

– На следующий понедельник я заказал операционную. Твоя мать может взять Алека...

– Нет. – Вера покачала головой. – Я уже говорила тебе: не хочу больше операций.

Злость, медленно вскипавшая в нем с самого ужина, начала прорываться наружу.

– Вера, ты хоть отдаешь себе отчет, сколько женщин отдали бы свою правую руку за то, что ты получаешь бесплатно?

Ядовито улыбнувшись, она протянула ему правую руку:

– Ну, отрежь ее – ты ведь уже срезал лишнее почти со всех частей моего тела!

– Не валяй дурака.

– Я и не валяю. Если я не нравлюсь тебе такой, какая есть, тогда женись на ком-нибудь другом.

У Росса сделалось такое обиженное лицо, что Вера невольно ощутила угрызения совести. Впрочем, она тут же разозлилась на себя: она опять позволяет ему играть на ее чувствах. Росс как хороший актер; он держит зрительный зал в постоянном напряжении. Он много лет манипулировал ею как хотел, а она ему верила... Но больше не будет!

– Милая, – продолжал он, – все на свете пластические хирурги оперируют своих жен. Черт побери, когда ты вместе со мной появляешься на конференции, ты – лучшее доказательство моих достижений. Люди смотрят на тебя и видят совершенство. Они думают: «Посмотрите-ка на жену того парня – должно быть, он прекрасно умеет делать свое дело!»

– Значит, я для тебя – всего лишь наглядное пособие? Вот как ты ко мне относишься? Я – пособие?!

Вид у Росса сделался еще более обиженный.

– Любимая, ты сама всегда уверяла меня, что тебе не нравится твое лицо. Тебя не устраивал безвольный подбородок, ты хотела скулы повыше... Я выполнил все твои пожелания – и в результате ты выглядишь потрясающе! Ты это знаешь, ты сама мне говорила.

– А как же грудь?

– Я ничего от нее не отрезал. Наоборот, кое-что добавил.

– Потому что моя грудь была недостаточно большой для тебя.

Он подошел ближе:

– Слушай! – Голос его зловеще повысился. – Не забывай: ты была никем, ты была обыкновенной, ничем не примечательной девушкой. Я разглядел твои скрытые возможности. Я превратил тебя в красавицу! Мы с тобой поспособствовали успеху друг друга. Ведь это все взаимно. Я помогаю тебе, ты помогаешь моей карьере своей внешностью, своим характером, своим...

– Так почему ты не оставил меня такой, какая я была, раз ты не выносишь, когда на меня глазают другие мужчины? Почему ты не оставил меня гадким утенком?

Росса трясло мелкой дрожью. Он впился в нее взглядом; хотя раньше он никогда не бил ее, Вере показалось, что он сейчас способен ее ударить.

– Ты не просто пялилась на того мужика за ужином. Он буквально трахал тебя взглядом.

Она отвернулась.

– Не валяй дурака. Я иду спать.

Росс так сильно схватил ее за плечи, что она вскрикнула от боли. Косметичка упала на пол; из нее вывалились помада и пудра.

– Я с тобой разговариваю!

Вера опустилась на колени и принялась подбирать рассыпавшуюся косметику.

– А я сегодня больше не хочу с тобой разговаривать. Мне плохо, и я иду спать.

Когда она стояла на площадке второго этажа, Росс крикнул снизу:

– Вера, я...

Но она его почти не слышала; снова подступила тошнота. Она попыталась облокотиться о перила, но поскользнулась и, оступившись, полетела вперед.

Росс поймал ее. Вера попыталась отстраниться, но на этот раз он держал ее осторожно, а в голосе послышалась нежность.

– Извини, я не собирался орать на тебя. Ты просто не представляешь,

как много ты для меня значишь. Вера, я люблю тебя больше жизни! Ты для меня все. Ты и Алек. До тебя я не жил по-настоящему. Пока я не встретил тебя, я не знал, что такое любовь и нежность. Иногда со мной приходится нелегко, но все, наверное, потому, что я слишком тебя люблю. Понимаешь?

Вера смотрела на мужа невидящим взглядом. Сколько раз она уже слышала подобные речи... Да, он не врет. Он на самом деле любит ее... по-своему. Но его слова давно уже на нее не действуют.

– Знаешь, как я пугаюсь, когда ты плохо себя чувствуешь? Я хочу, чтобы ты сходила к врачу. Завтра же с утра велю Люсинде записать тебя на прием к Джулсу.

Люсинда была секретаршей Росса, а Джулс Риттерман – их семейным врачом. Росс знал его с тех пор, как слушал его лекции на медицинском факультете. Вере Джулс не нравился, но сейчас от слабости она просто не в состоянии была спорить. Ей хотелось одного: лечь, заснуть.

Голова кружилась.

– Со мной все будет в порядке, – сказала она. – Все будет хорошо.

– Я хочу, чтобы ты сходила к Джулсу.

– Все будет хорошо. Наверное, я еще не пришла в себя после смены часовых поясов – после перелета из Таиланда.

– Тебя тошнит уже неделю, и приступы рвоты не прекращаются. Может, в Таиланде ты подхватила какую-нибудь инфекцию, а если так, ее нужно лечить как можно раньше. Понимаешь?

Войдя в спальню, Вера села на край кровати, вынула линзы, поместила их в контейнер с раствором и облегченно вздохнула. Росс нависал над ней, и она насторожилась. Но буря миновала, и ее муж снова стал нежным и заботливым.

– Понимаешь? – настойчиво повторял он.

Вера задумалась. Визит к Джулсу означал новую поездку в Лондон. Кстати, у Росса через несколько недель день рождения; значит, заодно она сможет купить ему подарок.

– Ладно, – нехотя проговорила она.

– И потом, – он обнял ее и притянул к себе, – нам нужно привести тебя в порядок до операции.

6.05 утра, 13 мая. Через пять недель наступит самый длинный день в году – и все же погода сейчас больше соответствует февралю. В новостях сказали, что ночью в северных районах кое-где выпал снег.

Оливер Кэбот – в тренировочном костюме, перчатках и кроссовках – отпер замок, снял цепочку с темно-красного «сарацина» и, поеживаясь, выкатил велосипед из общей кладовой. Из-за влажности казалось, будто холод проникает под кожу и съедает все твоё природное тепло. После южной Калифорнии лондонская промозглая сырость стала для него настоящим шоком; он до сих пор не привык к здешнему климату – и вряд ли когда-нибудь привыкнет.

Он надел шлем, сел в седло, перевел счетчик на ноль и начал крутить педали. На Портобелло-роуд, тихой и пустой по выходным, он набрал скорость. В конце улицы он свернул влево, на Лэдброук-Гроув.

На ветру лицо словно покрылось ледяной коркой; Оливер все быстрее нажимал на педали, надеясь согреться. Несмотря на холод, он полюбил Лондон в ранние утренние часы. Как здорово мчаться по пустынным улицам большого города! Оливеру нравилось разглядывать машины, которые моют улицы, мальчишек – разносчиков газет, молочников и случайных прохожих. Иногда у подъезда какого-нибудь дома останавливалось такси, и оттуда выходила женщина в вечернем платье – бледная, растрепанная, сонная...

Сегодня улица казалась еще пустычнее, чем всегда. Мимо проехала пара машин; затем прогремело такси. Пассажира на заднем сиденье не видно – лишь смутный силуэт. В голову пришла строчка стихотворения о Лондоне; кто его написал? Оливер забыл. Может, Том Ганн?

Безразличен к безразличию, постигшему тебя...

Он продолжал быстро крутить педали. Безымянный мир, мимо которого он проезжал, оставался для него таким же безразличным, как всегда. Но сегодня в нем что-то переменялось. Воспоминание о вчерашнем ужине и той женщине... Вере Рансом. Как она бросала на него взгляды издалека... В ее глазах не было равнодушия. Они были...

Она замужем, Оливер Кэбот! Выкинь ее из головы, приятель.

Он ехал по красивым улочкам, застроенным домиками с отдельными входами. Свернул на Бэйсуотер-роуд; въехал в Гайд-парк и направился к Серпентайну. Неспешно покатыл вдоль берега, любуясь на уток и на

отражения деревьев в воде.

В дни, недели, месяцы, следовавшие сразу после смерти Джейка, он рано выходил из дому и бегал вдоль каналов в калифорнийской Венеции – или по пляжу, вдоль океана. Он бегал до восхода солнца, отмеряя расстояние спасательными вышками, которые выросли в полумраке, как сторожевые посты в концлагере.

Вот как он тогда себя чувствовал. Заключенным в собственной жизни. Заключенным в собственных мыслях. Каждое утро он просыпался, потому что сон уходил, и он оказывался наедине с реальностью – ему предстояло жить в мире, из которого вырвали Джейка. Его вырвали из его жизни. Из их жизни...

Теперь, восемь лет спустя, парализующая боль и горе ушли, но остались тоска и чувство безнадежной беспомощности; куда бы он ни повернул голову, все кругом напоминало о сыне. Вот еще одна причина, почему ему нравится раннее утро: он специально выходит пораньше, чтобы не видеть других детей.

Он проехал мимо группы рабочих, которые выгружали из кузова грузовика какое-то оборудование для ремонта дорожного полотна. Стало чуть теплее. *Вера Рансом. Мне нравится твое имя. Вера. Что-то подсказывает мне: ты несчастлива в семейной жизни, Вера! Ты явно флиртовала со мной вчера вечером. На твоём лице проступали безнадежность и отчаяние. Такое красивое лицо – и такое отчаяние...*

Оливер спешил, прислонил велосипед к дереву и прошел несколько шагов к своему обычному месту – за пышным лавровым кустом. У противоположного берега в ровной глади воды отражались кроны деревьев.

В голове повторились три слова – как молчаливая мантра: *Человек. Земля. Небо.* Он стоял тихо и неподвижно, как дерево, впуская в себя ци, жизненную энергию Космоса. Но, даже войдя в состояние медитации, он думал только об одном человеке.

В чем ты так отчаялась, Вера?

Увижу ли я тебя еще когда-нибудь?

Вера лежала на жесткой кушетке за ширмой в процедурном кабинете на Уимпол-стрит. Жгут врезался в предплечье. Она никогда не любила уколов. Вот игла касается кожи... протыкает ее. Вера отвернулась. Когда игла вошла в ее плоть, она дернулась. Больно – как будто игла проткнула кость. Постепенно боль притупилась. Скосив глаза, Вера следила за тем, как шприц заполняется алой кровью.

Два лица, склоненные над ней, сосредоточенны и суровы. Сестра доктора Риттермана, неприятная особа лет пятидесяти, и сам доктор Риттерман.

– Вот и все, Вера, – сказал он, выходя за ширму. – Можете одеваться.

Через несколько минут Джулс Риттерман, сидящий за огромным письменным столом размером с маленькое княжество, уже изучал ее медицинскую карту. Серьезный невысокий человечек лет шестидесяти; кожа на лице словно старый пергамент, испещренный глубокими горизонтальными складками и более мелкими морщинами. Он похож на умную черепаху. Серый костюм в полоску, волнистые волосы, немодные большие очки – он вполне мог бы сойти за общественного бухгалтера или юриста, если бы не чрезмерно яркая, оранжево-розовая рубашка и галстук-бабочка цвета раздавленной лягушки.

Кабинет был гораздо больше, чем требуется; сидя в кресле для пациентов, Вера рассматривала невыразительные стены и алебастровую полку над камином. За окном – серая пелена дождя; серое майское утро. Если верить Россу, Джулс Риттерман – лучший в Лондоне врач общего профиля. Джулс Риттерман является семейным врачом всех знаменитостей, всех, кто что-нибудь значит. Как типично для ее мужа яростное стремление оторваться от своих скромных корней! Он долго обхаживал «нужного человека» и наконец подружился с ним.

Вера подумала: наверное, и сам Риттерман тоже начинал с нуля. Может быть, он был сыном нищих еврейских эмигрантов; он сделал карьеру благодаря упорству, таланту и силе духа. Вере доктор Риттерман никогда не нравился – ни он, ни его сухая и холодная, под стать мужу, жена. Но она понимала, почему Риттерман симпатичен Россу. И потом, чтобы заполучить выгодную клиентуру, надо действительно быть первоклассным врачом. Жаль только, что с ним нельзя поговорить. Всякий раз, когда она пыталась критиковать Риттермана при Россе, муж впадал в ярость. В его

глазах Риттерман был непогрешим; Росс искренне не понимал, почему Вера хочет перейти к другому, пусть и не такому блестящему, врачу.

Риттерман положил локти на стол и подался вперед.

– Ну что ж, Вера, по-моему, волноваться вам не о чем. Возможно, вы подцепили какую-нибудь заразу во время путешествия в Таиланд. Вот в чем опасность подобных поездок. В экзотических странах можно подхватить инфекцию, с которой не справляется наша иммунная система. Может быть, все пройдет само собой. Но я взял у вас все необходимые анализы крови и мочи – просто для того, чтобы убедиться наверняка. Если там что-то выявится, я скажу Россу.

– Почему Россу, а не мне?

Пожалуй, вопрос прозвучал резковато. С Риттерманом всегда так; он обращается с ней как со школьницей.

– Вам не кажется, что вам крупно повезло: ваш муж способен объяснять вам все медицинские тонкости.

– Вообще-то мне так не кажется, – возразила Вера. – Я предпочла бы, чтобы вы рассказывали о моем состоянии непосредственно мне.

Риттерман лучезарно улыбнулся, но улыбка не означала согласия. Упрямство доктора взбесило Веру, но она промолчала. С Риттерманом всегда так! Даже когда они хотели завести ребенка и анализ показал, что она беременна Алеком, Риттерман позвонил Россу, а не ей.

– Я вас довольно давно не видел. Если не считать тошноты, как вы себя чувствуете?

– Вы имеете в виду мою депрессию?

– Да.

– Гораздо лучше. Я уже месяц не принимаю прозак.

По выражению его лица невозможно было понять, одобряет он ее или нет.

– И как ваше самочувствие в целом?

– Вы имеете в виду – отношение к жизни?

– В общем, да.

– Ну... кажется... получше.

– Я бы не возражал, если бы вы принимали прозак и дальше, раз он оказывает на вас положительное влияние. Это лекарство...

– Я прекрасно обхожусь и без него, – сказала Вера.

– Вот и хорошо, – кивнул Риттерман. – Моя секретарь передаст Россу рецепт лекарства против вашего желудочного микроба.

– А почему не мне?

– Так гораздо проще. – Риттерман явно начал терять терпение. – Вам

не придется стоять в очереди в аптеке...

– Я бы охотно постояла.

Он бросил недвусмысленный взгляд на часы.

Вера встала. Она чувствовала себя расстроенной и униженной.

Половина двенадцатого. На улице лило, как из ведра. Она поймала такси и велела шоферу везти себя в магазин «Дженерал трейдинг компани» на Слоун-стрит. Росс весьма придирчиво относился к выбору товаров. Рубашки и галстуки следовало покупать только на Джермин-стрит и только в магазинах «Тернбалл и Ассер», «Хилдич и Ки» или «Льюинз»; деликатесы нужно заказывать в «Фортнаме и Мейсоне», «Джексоне» или в «Хэрродсе»; курительные принадлежности – в «Данхилле». Магазин «Дженерал трейдинг компани» находился в списке магазинов, где можно покупать подарки.

Вера любила атмосферу, царящую в «Дженерал трейдинг компани». Войдя туда, она словно оказывалась в частном клубе. Маленькие зальчики, расположенные анфиладой, были завалены сокровищами; выговор продавцов был безупречным, рафинированным. Женщины – постоянные покупательницы – носили шелковые шарфы, накинутые на шею и плечи. Как тотемы у соперничающих племен: «Корнелия Джеймс» против «Гермеса» или «Гуччи».

На плечах Веры сейчас тоже красуется дорогой шелковый шарф: подпись Корнелии Джеймс горделиво выделяется на фоне черного дождевика от «Макс-Мара». До знакомства с Россом ей было в общем все равно, что носить. Она почти не следовала моде и не покупала вещи знаменитых кутюрье – отчасти потому, что у нее всегда было туго с деньгами. Росс привил ей любовь к хорошей одежде. Ей понравилось шикарно одеваться. Она часто прибегала к «магазинотерапии», чтобы развеять скуку или тоску. Даже в самые черные периоды депрессии после визита в Лондон и похода по бутикам самых дорогих домов моды у нее неизменно повышалось настроение. Росс не ругал ее за транжирство; наоборот, он даже поощрял ее покупки. Он хотел, чтобы его жена всегда была одета с иголочки и по последней моде. Впрочем, как признавалась самой себе Вера, в супермодных и сказочно дорогих нарядах она никогда не чувствовала себя уверенно.

Вера отлично понимала, что внешне вполне соответствует обстановке магазина, что не осталось и следа от ее скромного происхождения и образования, полученного в общедоступной средней школе. И все же в дорогих магазинах, подобных «Дженерал трейдинг компани», она чувствовала себя чужой. Ей казалось: здесь половина покупателей знакомы

друг с другом – как будто они вместе росли. Вот в том-то и дело, подумала она. На их лицах читается уверенность, которая пришла к ним вместе со знатным происхождением, превосходным образованием. Такое не купишь ни за какие деньги; такого не достигнешь с помощью хирургического скальпеля. Такая врожденная уверенность либо дана от рождения, либо нет.

Вера постучала по стеклянной витрине, привлекая к себе внимание, и попросила неправдоподобно красивого продавца показать ей бумажник крокодиловой кожи.

– Чудесный подарок, – уверял ее Адонис, отпирая витрину. – Восхитительный!

Она повертела вещицу в руках, поднесла к лицу и вдохнула аромат дорогой кожи. Потом открыла бумажник и пересчитала внутренние отделения.

– Вы не знаете, сюда помещаются доллары? Муж всегда жалуется, что английские бумажники узковаты для американской валюты.

– Сейчас проверю, – с готовностью вызвался красавец. Но прежде чем он успел повернуться, из-за спины Веры протянулась рука. На прилавок легла новенькая, хрустящая однодолларовая купюра.

– Вот, – произнес голос с американским акцентом, – попробуйте!

Вера обернулась и пораженно-недоверчиво уставилась в глаза высокому худому мужчине в черном пальто.

– С-спасибо... мм... здравствуйте! – Она неуклюже попыталась скрыть замешательство: вдруг она обозналась?

Мужчина улыбнулся:

– Здравствуйте! Ну как ужин?

Значит, все-таки *он*. Ее поклонник, который вчера сидел через два столика от нее.

– Ужин отличный, – сказала Вера.

Судя по его улыбке, он ей не поверил.

Ей нравилось его лицо, хотя его нельзя назвать красивым в общепринятом смысле слова: длинное, почти лошадиное; нос тоже длинноват и крут. Что называется, срублено топором. Зато его лицо буквально дышит теплотой; взгляд умный и в то же время веселый. Грива седующих курчавых волос. Несмотря на седину, он выглядит моложаво. У Веры возникло странное, но приятное чувство, будто они давно знают друг друга. Его глаза, титаново-серые и гипнотически сильные, флиртовали с ней, хотя иногда во взгляде сквозила грусть.

– Вообще-то не сказать, чтобы я хорошо провела время, – призналась она. – Если честно, там было невообразимо скучно.

Вера с трудом заставила себя отвести от него взгляд. Она прекрасно понимала, что должна прекратить игру. Но так славно хотя бы ненадолго почувствовать восхищение чужого мужчины в черном свитере с воротником поло, черных джинсах и театральном черном пальто!

Почувствовать себя *желанной*.

Их глаза снова встретились.

– Вот видите – прекрасно уместается! – произнес за ее спиной ликующий голос.

Она обернулась. Продавец показывал ей бумажник с всунутой внутрь долларовой купюрой.

– Мм... ладно, – сказала Вера. – Я... беру его. – Она извлекла из сумки кошелек и протянула продавцу золотую кредитную карточку, а потом снова обратилась к своему поклоннику.

– Красивый бумажник, – заметил он.

– Для мужа, – вырвалось у нее, и она тут же пожалела о своих словах.

– Ему повезло. – Его глаза снова заигрывали с ней.

Отчего-то ей стало трудно говорить и думать. Запинаясь, она спросила:

– Как по-вашему... такой бумажник – хороший подарок для мужа?

– Угу. – Он потянулся к прилавку, и она ощутила запах его одеколона – сильный, мужской запах, незнакомый, но приятный. Повертев бумажник в руках, он продолжал: – Хорошая вещь. Красивая – разумеется, если вам не жалко крокодилов.

Она не могла понять, серьезно он говорит или шутит.

– А вам их жалко?

Он положил бумажник на место. Голос у него был бархатистый, выразительный, низкий.

– По-моему, с крокодиллом лучше общаться в виде бумажника, а не в виде спутника в бассейне.

Вера рассмеялась.

– У вас найдется время, чтобы выпить чашечку кофе? – спросил он.

Она снова посмотрела ему в глаза. В голове включились тревожные сигналы. Ей еще нужно купить много подарков – не забыть шоколадные конфеты «Годива». Что бы она ни подарила Россу, он обидится, если не получит на день рождения свои любимые конфеты. Вера бросила взгляд на часы: 11.45. Свободного времени не больше получаса. Сегодня мама забирает Алека из школы, так что ничего страшного, если она припозднится. А Россу можно сказать, что она покупала ему подарки на день рождения.

– Конечно, – кивнула она. – Почему бы и нет?

Он протянул руку:

– Меня зовут Оливер.

– Вера. – Она пожала ему руку. У него были длинные сильные пальцы.

– Вера Рансом, – сказал он.

Интересно, откуда он знает? Может, только что прочитал ее имя и фамилию на кредитке?

Его глаза снова впились в нее.

– Вера... Хорошее имя, – сказал он. – По мнению писателя Менкена, вера – это «алогичное убеждение в существование невероятного». Вы такая?

– Наверное. – Она улыбнулась и расписалась на слипе.

Когда они спустились на цокольный этаж и вошли в кафе, Вера вначале решила заказать капучино, но потом передумала. Зеленый листовый чай лучше справится с тошнотой. Ее поклонник отнес поднос с чашками к свободному угловому столику; Вера шла в некотором отдалении, нервно озираясь по сторонам в поисках знакомых лиц.

«Успокойся, глупышка! – приказывала она себе. – Ради бога, у тебя же не любовное свидание. Ты просто пришла выпить с ним чашку чаю!»

Тем не менее, нервы ее были напряжены. Она волновалась из-за того, что ее влекло к этому незнакомцу; а еще... если Росс узнает, что она была в кафе с другим мужчиной, скандалам не будет конца. Она уселась в кресло за маленьким круглым столиком, спиной к стеллажу с цветами, от которых

остро тянуло сыростью.

– Как ваша фамилия?

– Кэбот.

– Как у исследователя?

– Угу. Я его дальний родственник.

– Наверное, очень дальний, – заметила Вера.

– Почему?

– Он уже пятьсот лет как умер.

Оливер ухмыльнулся:

– Туше!

Обычно Вера пила чай без сахара, но сейчас решила, что ей нужна энергия. Она вскрыла пакетик с сахаром и высыпала содержимое в чашку.

– «Листовой чай из смеси лучших китайских сортов, обогащенный сердцевинной сахарного тростника», – торжественно процитировал Оливер, как будто читал стихи.

– Так гораздо элегантнее, чем называть это «чай с куском сахара».

Он тепло улыбнулся, и Вере вдруг стало все равно, увидит их кто-нибудь или нет. Она почувствовала себя свободной, как будто, проводя время с эксцентричным незнакомцем, она устраивала маленький бунт против тирании Росса.

– А вы? – спросила она. – Что вы покупаете здесь?

– Пришел взглянуть на список свадебных подарков – мой коллега женится.

– Неплохое место для выбора свадебных подарков.

– Вообще-то я сам посоветовал ему «Дженерал трейдинг компани». Это мой самый любимый магазин во всем мире. Такой... типично английский. Больше, чем «Хэрродс» или «Харви Николс».

– А как же «Либертиз»?

– И больше, чем «Либертиз». Вам так не кажется?

– Он всегда был и моим любимым магазином.

Несколько секунд оба молчали. Потом она спросила:

– Мне любопытно... откуда вы узнали мою фамилию?

– Это было не так трудно. Вы замужем за пластическим хирургом, верно?

Вера, весело кивнув, спросила:

– Что еще вы хотите рассказать мне обо мне самой?

Ему было что рассказать, но Оливер Кэбот заставил себя сдержаться. Он до сих пор не оправился от потрясения после встречи с ней. Он сказал правду: «Дженерал трейдинг компани» был его любимым магазином, но он

не заходил сюда с самого Рождества. И сегодня у него не было здесь никаких дел. Он уже купил коллеге свадебный подарок – фарфоровую жардиньерку, полочку над телефоном.

В голове крутилось: значит, эта штука все же работает. Если ты на самом деле чего-то хочешь, ты можешь сделать так, чтобы желаемое случилось. *Силой разума.*

Понимай он то же самое восемь лет назад, может быть... может быть, Джейк сейчас был бы жив...

Сегодня утром, крутя педали, он все время думал о Вере. Гнал прочь мысли о ней, но Вера неизменно возвращалась – как будто они с ней общались посредством телепатии. Оливеру показалось, будто все дело в силе его желания. Но... вот она здесь, сидит напротив и выжидательно улыбается. Она ждет ответа на свой вопрос. На ней супермодный и супердорогой шелковый шарф и элегантный плащ. Восемь лет назад он бы решил, что их встреча – простое совпадение. Согласно медицинской науке, такого феномена, как телепатия, в природе не существует. И все же ему известно то же, что и остальным врачам: самое сильное лекарство на свете – плацебо. *Сила человеческого разума.*

Косметики на ней немного; глаза у нее теплые, живые. Но в них мелькает то же отчаянное выражение, какое он подметил вчера вечером. Отчаяние и безнадежность читаются в ее жестах, в движениях, в ее ауре. И что-то еще – что ему очень не нравится.

Не говоря ни слова, он потянулся к ней через стол, легко взял за запястье и начал изучать ее ладонь. Запястье у нее тонкое, чувственное; он старался отогнать ненужные мысли. Заблокировать аромат ее духов, не обращать внимания на то, как приятно ему держать ее теплую нежную руку.

Надо сконцентрироваться!

Когда Оливер Кэбот легко провел кончиком пальца по линии жизни у нее на ладони, Вера испытала укол эротического возбуждения. Собственные ощущения поразили ее – как будто внутри зажегся свет.

Он продолжал изучать линии у нее на руке.

– Линия любви, линия здоровья. – Он нахмурился.

В ней крепко чувство, будто они старые друзья.

– Вот ваша линия жизни. – Он показал на вторую пересекавшую ее линию. – Она прерывается примерно на одной трети; значит, в тридцать с небольшим лет вас ждет перемена. – Он помолчал. – По-моему, сейчас вам именно столько, да?

– Что за перемена?

– Не знаю. Но перемена глобальная. – Помолчав, он продолжал: – Возможно, она касается личной жизни. Развод.

Вера отвернулась. Ей стало не по себе.

– Что еще вы можете прочитать по моей ладони?

– Много чего. Что именно вы хотите узнать?

Улыбаясь, он снова принялся рассматривать ее руку. Внезапно лицо его омрачилось – чуть-чуть. Когда он поднял на нее глаза, во взгляде читалось волнение.

– Как у вас со здоровьем?

Вера решила умолчать о приступах тошноты.

– В порядке, спасибо. – Голос ее дрогнул. – А что?

– Да нет, ничего.

– Что вы там увидели?

Руки у него красивые, ухоженные.

– Не хочу, чтобы вы волновались.

– Минуту назад я и не волновалась, а теперь до смерти боюсь.

– Не стоит. Ваша линия здоровья показывает, что... – Внезапно Оливер осекся и замолчал.

– Показывает, что...

– Вероятное заболевание. Но не обязательное. Вполне возможно, вы совершенно здоровы.

– Какого рода заболевание?

Он пожал плечами:

– Все, что угодно. Вам просто нужно регулярно обследоваться.

У Веры едва не вырвалось: «Я только что прошла общее обследование. *Сегодня утром!*» Должно быть, он прочитал по ее ладони, что она подцепила какую-то инфекцию.

– Значит, вот чем вы занимаетесь, – разочарованно протянула она. – Вы хиромант?

Оливер рассмеялся:

– Я умею читать линии на ладони, но я не гадаю по руке. Меня интересуют внешние проявления того, что происходит в организме.

– А чем вы, собственно, занимаетесь? Вы врач?

– Вы слышали о Центре нетрадиционной медицины Кэбота?

Название показалось ей знакомым. Вроде бы недавно о Центре что-то писали в газетах. Потом она вспомнила.

– Статья в «Таймс», с месяц тому назад! Так это вы набросились на профессию врача?

Он задумчиво, маленькими глотками, пил кофе.

– Не в обиду вашему мужу будь сказано, но средний, обычный доктор в нашем западном мире – просто марионетка. Чиновник, связанный по рукам и ногам, у которого за плечами десять лет понапрасну потраченной подготовки. Он – жертва.

– Жертва чего?

– Системы, которую он же сам и поддерживает, полагая, что она сделает мир лучше. А система всего лишь обогатила несколько организаций, которые могут себе позволить устраивать званые ужины наподобие вчерашнего.

– И тем не менее вы сочли возможным воспользоваться их гостеприимством, – парировала она.

– Мне было любопытно. Но вообще-то я получил нормальное медицинское образование. Я дипломированный врач – просто сейчас не практикую.

– Расскажите мне о вашем Центре нетрадиционной медицины.

– Хорошо бы вы как-нибудь пришли и взглянули своими глазами – мы занимаемся довольно интересными вещами.

– Какого рода?

– У нас многопрофильное заведение. Гомеопатия, остеопатия, акупунктура, лечение гипнозом, хроноterapia...

– Что такое хроноterapia?

– Новая отрасль лечения, основанная на изучении биоритмов человека. Мы проводим всесторонние исследования циркадных ритмов. Многие указывает на то, что в суточных биоритмах человека – не двадцать четыре, а двадцать пять с половиной часов; в этом отношении мы – уникальные создания на планете Земля. У меня есть предположение, что именно данное расхождение порождает многие болезни. Вот приходите, и я покажу, чем мы занимаемся! А может, жене знаменитого хирурга запрещено разговаривать с шарлатанами вроде меня?

Вера улыбнулась. Росс всегда отвергал альтернативную медицину – как, впрочем, и почти все виды немедикаментозного лечения. В прошлом они немало спорили из-за этого. Росс разозлился, когда Вера, растянув связки после лыжной прогулки, решила, по совету подруги, попробовать иглоукалывание. Нет, он тогда не просто разозлился. Он был вне себя от ярости!

По мнению Росса, право на существование имеет только современная западная клиническая медицина. Он от всей души презирал шарлатанов, которые имеют наглость лечить людей, закончив краткосрочные заочные

курсы целителей, – в то время как он проучился почти двенадцать лет: усваивал теорию, а потом долго работал, так сказать, подмастерьем, учился всему, что можно узнать о каждом атоме человеческого организма.

Росс ненавидел целителей от альтернативной медицины еще сильнее, чем шарлатанов от пластической хирургии – врачей, которые берутся делать пластические операции, не обладая необходимой квалификацией пластических хирургов. Тем не менее, к практике их допускают!

– Может быть, ваш муж тоже захочет прийти? – спросил Оливер. – Мы разработали много методов и программ послеоперационного ухода.

Веру кольнуло разочарование. Так, может быть, их «случайная» встреча – просто рекламный трюк? *Представляю себе, какую гримасу скорчит Росс, узнав о подобном предложении!*

– Вряд ли... то есть он невероятно занят.

Увидев его облегчение, она обрадовалась. Значит, он приглашал Росса только из вежливости. На самом деле ему хочется увидеть ее, и только ее.

– Как насчет завтра? Я пересмотрю свое расписание... может, вы зайдете, а потом мы пообедаем вместе?

– С удовольствием бы, но я живу в Суссексе. Я не так часто приезжаю в Лондон.

– Хорошее место. Тогда... в следующий раз, как вы окажетесь в Лондоне?

Их глаза снова встретились. Как хорошо – и как опасно! Вере приятно его внимание, но здравый смысл подсказывает: допивай чай, вежливо благодари и убирайся из его жизни. Сейчас ей меньше всего нужна интрижка с другим мужчиной. Сначала необходимо выяснить отношения с Россом и каким-то образом придумать выход для себя и Алека. Возможно, Росс еще смирится с тем, что она уйдет от него и будет жить одна, но она точно знает: скорее адское пламя замерзнет, чем он позволит ей уйти к другому.

Правда... ей так невероятно хорошо сидеть здесь, с этим человеком. Как будто во мраке ночи блеснула искорка – и она видит, что новая жизнь возможна.

Оливер Кэбот протянул ей свою визитку:

– Позвоните, когда выберетесь в Лондон.

Вера сунула визитку в сумочку. Не забыть выбросить ее в урну до приезда домой – чтобы не нашел Росс.

– Спасибо, – сказала она. – Позвоню.

Он бросил на нее тоскующий взгляд, в котором читалось: «Я хочу, чтобы ты позвонила, только, по-моему, ты не позвонишь».

Оказавшись на верхней площадке пожарной лестницы, мальчик как можно тише поставил на ступеньку канистру с бензином. Она звякнула, но еле слышно.

Руки в резиновых перчатках дрожали. Он расстегнул нагрудный карман ветровки, осторожно вытащил новенький ключ и вставил в замок кухонной двери. Стараясь не дышать, повернул ключ в замке. Слабый щелчок показался ему громким, как пистолетный выстрел.

Мальчик похолодел. Ему показалось, ночь взорвалась грохотом и скрежетом. Прижавшись носом к стеклу, он напряженно вглядывался в темную кухню. Хладнокровие изменило ему, и он запаниковал. Но уговорил себя не нервничать. Через пару минут ему удалось взять себя в руки.

Он посмотрел вниз, на маленький задний двор. Потом поднял глаза вверх; сзади, как скелет, возвышалось недостроенное высотное здание. Кругом ни души. Как он и надеялся. Пока все в порядке.

Он нажал на дверную ручку и толкнул дверь. Она открылась бесшумно – петли он смазал сам несколько дней назад. В нос ударила застоявшаяся вонь жареной рыбы. Тихо жужжал холодильник. Захватив канистру, он вошел внутрь и бесшумно закрыл за собой дверь. Потом постоял в темном тесном помещении, прислушиваясь.

Женщина за закрытой дверью сдавленно вскрикивала и стонала:

– О да! О господи, да, сделай это!

Мальчик прекрасно ориентировался в ее квартире – он уже два раза побывал здесь, всегда в то время, когда она была на работе.

Тогда легко было подсчитать, сколько у него есть времени. Все, что и требовалось тогда, – оставить велосипед у кооперативного магазина и, спрятавшись за полуразрушенной стеной через дорогу, наблюдать за ее кассой, где она сидела в свою смену, кроме перерыва на обед. Он просто дожидался, пока она придет на работу, и знал, что у него в запасе целых восемь часов. Хотя он всегда успевал управиться и за два часа. Больше ему не нужно было.

Это случилось во время второго визита. Первый он совершил из чистого любопытства. Искал улики. Рылся в шкафах, доставал ее одежду, вдыхая аромат женщины, которую он почти не знал. Достав из ящика черный кружевной бюстгальтер, он прижался носом к чашечкам и

смутился, испытав странное чувство.

В тот раз он пришел на разведку. Очень важно было выяснить, есть ли у нее его фотографии. Много ли он для нее значит? В маленькой гостиной, в спальне и на кухне он увидел кучу фотографий ее самой – в рамочках и без рамок. Одна, самая большая, черно-белая, в рамке, была слегка размыта. Увеличенный портрет. Черные кудряшки отброшены назад. Она улыбалась кому-то; на лице застыло самодовольное, тщеславное выражение.

В ящиках комода и в двух альбомах он обнаружил и другие ее фотографии. Она снималась одна и с мужчинами. В лодках, на скачках, на авторалли, в ресторанах, в ночных клубах.

И лишь на одном снимке он увидел себя.

Снимок лежал картинкой вниз на дне ящика комода, в деревянной шкатулке, в ворохе писем и документов. Маленькая фотография, примерно пять на пять сантиметров, помятая, с оторванным уголком, почти выцветшая. Они вдвоем сидели бок о бок на галечном пляже. Ему было года четыре; он в плавках, болезненно худой, с торчащими коленками, взъерошенными волосами; стоит и щурится на солнце. Она сидит рядом, но в то же время далеко от него. В бикини, в темных очках, соорудила очаровательную гримаску фотографу. Мальчик рядом... да знала ли она его когда-нибудь?

Вспомнила бы она его сегодня?

Нельзя забывать людей. Особенно тех, которые тебя любят. Нельзя просто выбросить их, вычеркнуть из своей жизни, уйти от них. Я покажу тебе, как забывать!

Обещаю.

– Давай же, милый, ешь – ведь ты это любишь.

Алек сидит за столом в кухне: майка с рисунком из сериала «Ох уж эти детки». Каштановые волосы – как у Росса, спадают на глаза. Перед ним в тарелке стынут спагетти под соусом «Болоньез». В тарелке палочки для еды – после Таиланда он наотрез отказывается есть вилок. В руках вертит вертолет, собранный из «Лего».

– С вертолетом поиграешь потом. – Вера еле сдерживалась. – Бабушка приготовила спагетти специально для тебя. – Сегодняшнее раздражение объяснялось не только тем, что ей снова плохо, но и двумя затянувшимися заседаниями. Сегодня утром она провела три часа в Комитете по спасению церковной крыши, где обсуждали, как собрать деньги на необходимый ремонт, а сразу после этого состоялся митинг жителей деревни, на котором предлагалось подать протест против строительства гольф-клуба. Приступы тошноты следовали один за другим, несмотря на таблетки зантака, которые дал ей Росс. Он был уверен, что от зантака ей станет лучше. Прошла почти неделя с тех пор, как она побывала у Джулса Риттермана, но он до сих пор так и не сообщил ей о результатах анализов.

Не обращая на мать внимания, Алек оторвал желтую детальку от фюзеляжа, сосредоточенно надул губы и вставил «кирпичик» в другой ряд.

Вера вскочила так резко, что ее стул опрокинулся. Распутин, спавший на своей подушке перед плитой, подпрыгнул от удивления. Она вырвала вертолет из рук Алека.

– Немедленно ужинать! – приказала она.

– Не хочу.

Вера положила вертолет на черную мраморную столешницу, схватила палочки Алека и начала дробить спагетти на мелкие кусочки. Росс и мама совсем его избаловали!

Мать молча сидела напротив внука: в губах зажат окурок, от которого идет дым; глаза прищурены, брови сведены на переносице: мать сосредоточенно читает журнал «Хэлло!», лежащий перед ней на огромном сосновом столе. Время от времени она бросает взгляд на экран телевизора: там идет очередная серия «Соседей». По мнению Веры, телевизор орет слишком громко.

Прикручивать звук она не стала. В конце концов, мама целый день присматривала за Алеком – уже начались каникулы. Но в том-то и

проблема. Не важно, подумала Вера, сколько тебе лет; для мамы ты навсегда останешься ребенком. Вот почему она никогда не могла набраться смелости и попросить маму не курить за столом, когда Алек ест. И, несмотря на то, что они так отличаются друг от друга, маму она уважает. Маргарет. Разумное, серьезное имя. Именно так мама сейчас и выглядит: одета для загорода, в полном соответствии с промозглой ночью: в толстом пуловере машинной вязки, вельветовых брюках, удобных туфлях на низком каблуке.

Ей совсем недавно исполнилось шестьдесят; у нее короткие седые волосы и красивое лицо, правда, кожа испещрена морщинами от тяжелых переживаний и многих лет непрерывного курения. На ее долю трудностей хватило. Двадцать лет она ухаживала за отцом Веры, прикованным к постели, и беспомощно наблюдала за тем, как состояние мужа ухудшается.

В те последние, ужасные годы, когда отец уже стал почти овощем, Росс был безупречен. Он оплачивал круглосуточную сиделку, помогал маме деньгами и заботился о том, чтобы отец получал самое лучшее лечение – несмотря даже на то, что лекарства и уход мало что меняли. Вот почему, по мнению мамы, Росс не способен ни на что плохое.

Вера подцепила палочками немного спагетти, окунула их в соус и поднесла ко рту сынишки. Алек плотно сжал губы.

– Ешь! – прошипела она.

Не вынимая сигареты изо рта, мать заявила:

– Мы чудесно провели день, милая. Ходили в...

– Алек! Ешь немедленно!

– Не хочу.

– Ходили в Фонд по охране водоплавающих птиц, – продолжала мать. – Алек, расскажи мамочке, что мы видели. – Она вынула сигарету изо рта и закашлялась.

Вера накинулась на нее:

– Ты что, целый день кормила его конфетами?

Глядя на Алека, мать ответила:

– Мы пообедали чизбургерами в «Макдоналдсе».

– Когда вы обедали? – спросила Вера.

Она успела заметить, как бабушка и внук обменялись заговорщическими взглядами. Господи, ее мать всегда была такой разумной! Но в обществе шестилетнего внука ее мозги превращаются в кашу.

– Мама, когда вы обедали? – повторила Вера.

– Ну... в...

– Я уже говорила тебе: необходимо соблюдать режим дня. Режим очень важен для ребенка. Алек всегда обедает в час, а ужинает в шесть. Когда я была маленькой, то, черт побери, питалась именно так!

– Росс сказал, что...

– К черту Росса! Днем его тут не бывает. Я мать Алека, и изволь слушать меня, ясно?

Она снова заметила, как ее мать и ее сын переглянулись. Как будто у них был свой секрет. Алек ухмыльнулся.

Вера вихрем вылетела из кухни.

Пройдя по коридору, она вышла в холл. В голове все смешалось. Пройдя холл, она оказалась в малой гостиной – уютном уголке с огромным диваном, стеллажами зачитанных книг в мягких обложках и внушительным телевизором с полутораметровым экраном. Телевизор был включен; звук приглушен. Ведущий что-то проговорил, затем камера показала крупным планом женщину-репортера, которая подносила ко рту какого-то человека микрофон.

Вера села на диван, кипя от злости. Она понимала, что ее досада совершенно бессмысленна. Да, режим для Алека важен, но исключения из правил время от времени ему не повредят, и, если маме нравится баловать внука, что из того? В ее жизни было так мало удовольствий! Кроме того, мама по первому зову приезжает посидеть с мальчиком из своей скучной квартирке в Кройдоне. Для нее, Веры, мамина готовность помочь – настоящее благо.

Ее плохое настроение имело и другую причину. Она стала часто задумываться. Вот уже несколько дней и ночей, часто просыпаясь на рассвете, она все думала... думала... думала. Пыталась выкинуть мысли из головы и не могла.

Воспоминание о случайной встрече в магазине «Дженерал трейдинг компани» преследовало ее неотступно. Несколько раз ее так и подмывало поднять трубку и напомнить Оливеру Кэботу о его обещании показать ей свой медицинский центр. Но всякий раз благоразумие – а может, наоборот, трусость? – вынуждала ее отказаться от рискованной затеи.

В комнату пришлепал Распутин и направился прямо к ней. Она обняла его за шею.

– Молодец, – похвалила она пса. – Вот тебя никогда не приходится упрашивать что-нибудь съесть, верно?

С трудом встав с дивана, она поднялась по лестнице и зашла в свою спальню. Пес шел за ней по пятам, но в спальню не вошел, оставшись на пороге. Вера села на кровать, открыла сумочку, порылась в ней, пошарила

на дне и нашла визитку, которую спрятала под грудой чеков за бензин. «Доктор Оливер Кэбот. Центр нетрадиционной медицины». Она невольно почувствовала себя преступницей.

Внимательно прочитала номер телефона, факс, адрес электронной почты, адрес в Интернете.

Ты и есть настоящая причина, доктор Оливер Кэбот! Ты и есть настоящая причина того, почему мне так паршиво.

– Бранденбург.

– Хотите что-нибудь конкретное? – спросила операционная сестра.

– Номер два, фа мажор, Джейн, – отозвался Росс, не переставая накладывать швы. – По-моему, утро сегодня именно такое – фа-мажорное. – Он лучезарно улыбнулся: улыбка настоящего Большого Босса, который всегда получает то, что хочет.

На столе, под яркой бестеневой стационарной лампой-«осьминожкой», лежала молодая женщина. Глаза у нее были открыты, но она была неподвижна, как труп. Только цифры на дисплее наркозного аппарата да постоянное попискивание свидетельствовали о том, что пациентка, окруженная шестью медиками в операционной, еще жива.

Имран Патил, врач-стажер, наблюдал за Россом, изучая его технику. Увидев, что у хирурга заканчивается нить, операционная сестра без единого слова передала ему новую. Все шло именно так, как любил Росс: по старинке, когда операционная сестра всегда была наготове, когда они все стояли наготове: операционная сестра, анестезиолог, ассистент оперблока. Необходимо, чтобы во время операции все работало как часы. Иерархия. Дисциплина. Как на военном корабле.

И хорошенькие сестры.

Россу нравилось окружать себя красивыми молодыми лицами; флирт его взбадривал. Однако дальше флирта никогда не шел – ему было неинтересно.

В операционной раздались звуки Второго Бранденбургского концерта. Росс проткнул иглой тонкий лоскут кожи, отсеченный несколько минут назад от бедра молодой женщины; затем игла прошила толстый валик рубцовой ткани от ужасных ожогов, покрывавших верхнюю часть туловища пациентки. До пожара, искажившего ее внешность до неузнаваемости, Салли Портер, двадцати семи лет, была довольно красива.

Росс не стал выяснять у пациентки подробности пожара; он знал только, что дело было на яхте. Когда он занимался реконструктивной пластикой, он предпочитал не знать о причинах трагедии, так как знание могло повлиять на ход операции: если оказывалось, что пациент сам виноват в случившемся, сделал глупость – например, плеснул на мангал бензином – или нарочно что-то поджег, он, Росс, мог разозлиться и сделать свою работу не так хорошо.

Салли Портер навсегда останется для него невинной жертвой. Ей пришлось много страдать; за два года он сделал ей десять операций – возможно, придется оперировать ее еще раз десять, пытаясь, шаг за шагом, вернуть ее к жизни. Росса восхищала ее стойкость, мужество в попытках справиться с несчастьями и осложнениями.

А ей действительно здорово досталось. После одной из предыдущих операций трансплантат не прижился, произошло отторжение, и пришлось бедняжке вытерпеть еще одну, новую операцию. Сегодняшняя операция – повторение той, что он делал полгода назад. Возникла проблема с капиллярным кровоснабжением: вследствие стянутости кожи голова у пациентки постоянно клонилась вперед. Росс вел бесконечную битву, знакомую каждому пластическому хирургу: он стремился воссоздать утраченную красоту, не навредив здоровью пациентки.

Сделав последний стежок, он отступил и кивнул женщине-фотографу, которая на время операции выходила, но сейчас вернулась в операционную. Та подошла к столу и сделала три снимка его работы. Затем стажер прикрыл края операционного поля полосами марли, и операционная сестра подала Россу аппарат для наложения скобок.

Через двадцать минут Салли Портер осторожно приподняли; под спину ей подсунули специальный щит «Фэтслайд» и на нем перенесли на каталку и выкатили из операционной. Младшая медсестра выключила CD-плеер, и обстановка в операционной разрядилась. Она стащила с рук Росса латексные перчатки и выкинула их в корзину.

Росс снял маску, развязал тесемки халата и, присев за стол, начал описывать операцию. Врач-стажер заглядывал ему через плечо. Его прервала молодая сестра, которая держала трубку радиотелефона:

– Мистер Рансом, вас!

– Кто? – раздраженно спросил он. Сегодня у него напряженный график, а на Салли Портер ушло больше времени, чем он рассчитывал. Сейчас половина третьего; очень хочется есть, но времени пообедать, скорее всего, не будет.

– М-м-м... – Сестра прикрыла трубку рукой. Ее звали Франсин Уэст, она была очень хорошенькая и сейчас явно нервничала.

– Я не кусаюсь. – Росс слабо улыбнулся. – Просто выясните, кто меня спрашивает.

Сестра вышла из операционной, но почти сразу же вернулась.

– Доктор Джулс Риттерман. Он звонит уже в третий раз.

Росс снял хирургическую робу, передал ее сестре, затем взял трубку и вышел в коридор. Слышно было плохо – то ли оттого, что связь вообще

плохая, то ли оттого, что Риттерман звонил с мобильного.

– Росс, – услышал он спокойный, суховатый голос Риттермана, – извини, что беспокою тебя на работе.

– Ничего. Что случилось?

Последовала длинная пауза; услышав треск в трубке, Росс подумал, что их разъединили. Потом врач заговорил снова:

– Помнишь, ты просил меня на той неделе осмотреть Веру?

– Да. – Росс вошел в туалет, свободной рукой приспустил штаны. – Ее тошнит, Джулс, причем уже довольно давно.

– Я сделал ей ряд анализов, – нерешительно продолжал Риттерман, – и потом потребовались еще другие, дополнительные анализы. Я... может быть, я не вовремя, Росс?

Облегчая мочевой пузырь, Росс сказал:

– Вообще-то да. Мне нужно возвращаться в операционную. – Но тон врача обеспокоил его. – Что такое, Джулс? Что показали анализы?

– Слушай, Росс, по-моему, нам надо об этом поговорить. Когда ты освободишься? Я мог бы подъехать к тебе.

– А по телефону нельзя?

– Лучше не стоит. Так во сколько ты сегодня заканчиваешь?

Встревоженный, Росс ответил:

– Около шести, но мне нужно еще заехать на квартиру и переодеться.

Вечером торжественный обед в Сити.

– Когда тебе надо там быть?

– В половине восьмого.

– Я мог бы заскочить к тебе в шесть тридцать на несколько минут – мне нужно уйти до семи, мы идем на балет.

– Что с ней, Джулс?

– По-моему, лучше всего нам обсудить ее состояние с глазу на глаз, Росс. Боюсь, дело плохо.

Во второй раз он съездил туда ради того, чтобы раздобыть ключ.

Перед тем мальчик проскользнул в квартиру через крошечное окошко в туалете – видимо, его постоянно держали приоткрытым, и оно находилось вне поля зрения соседей. От окошка до пола было почти два метра – если она будет дома, то услышит глухой удар от падения. Поэтому мальчик снял запасной ключ, висевший на крюке за кухонной дверью, отнес его к жестянщику и заказал дубликат, за который заплатил из собственных скудных сбережений. В качестве дополнительной предосторожности он также купил баночку машинного масла и смазал все дверные петли в том доме.

Из холла пробивался свет, и он видел, в каком запущенном состоянии находится кухня – в точности как раньше: грязные тарелки горой навалены в раковине, на рабочем столе вскрытая банка с консервированными спагетти, на пластиковом обеденном столе две тарелки с остатками еды; обе тарелки утыканы сигаретными окурками. На полу, возле мусорного ведра с педалью, яичная скорлупа и апельсиновая кожура.

Отвратительно! Просто с души воротит.

Ее неряшливость оскорбляла его до глубины души.

Послышался резкий щелчок – холодильник вдруг замолчал. В тишине ее голос казался громче:

– О да! Не останавливайся!

Слушая ее крики, мальчик думал: «Тебе не нравился беспорядок, который я разводил, а сама живешь как свинья?!»

В доме было тихо. Алек уехал с родителями школьного друга в Лонглитский сафари-парк. Вера скучала по сыну. Когда его не было рядом, она постоянно тревожилась за него. Как он там, в чужой машине? Пристегнулся ли ремнем как следует? Только бы не вылезал из машины в сафари-парке! Она не представляла себе жизни без Алека. Интересно, где он сейчас?

Вера сидела в кожаном вращающемся кресле в кабинете Росса, перед его компьютером. Она ввела пароль и стала проверять почту.

Сегодня утром немного – дата следующего заседания комитета, посвященного перегороженной тропе, короткая записка от давней подруги, переехавшей в Лос-Анджелес, куча рекламного мусора, новости с форума женщин, подвергающихся домашнему насилию, – недавно, когда ей было особенно плохо, она подписалась на тот канал.

Вера побродила по Сети, перечитала адрес сайта на визитке доктора Оливера Кэбота и осторожно набрала его.

За окном, под проливным дождем, садовник Моррис в дождевике с поднятым капюшоном толкал нагруженную тележку. Распутин недовольно заворчал. Потом он пришлепал к окну и залаял.

– Тихо, малыш! Это только Моррис, – крикнула Вера. Садовник панически боялся собак, и Распутин заботился о том, чтобы его страхи не уменьшались. – Погуляем потом, когда развиднеется.

На мониторе возникли слова:

Излеченный вчера от моей болезни,
Я ночью умер от рук моего врача.

*Мэттью Прайор (1664–1721). Лекарство хуже, чем
болезнь*

Вера улыбнулась. Через несколько мгновений слова исчезли, и на мониторе появились крупные буквы:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЦЕНТР НЕТРАДИЦИОННОЙ
МЕДИЦИНЫ КЭБОТА. ВЫ ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ ПОД

НОМЕРОМ 111926».

Крупный план: фасад здания Центра, напоминающего готическую церковь. Фотография самого Оливера Кэбота: весь в черном, на глазах крошечные овальные очки.

При взгляде на него Вера кольнуло возбуждение. Схватив мышь, она навела на фотографию курсор и щелкнула по правому верхнему углу рамки. Снимок укрупнился, и через несколько секунд лицо Кэбота стало размером с экран.

Садовник прогромыхал назад мимо окна; понимая, что это нелепо, Вера тем не менее оглянулась на стену, где висела фотография Росса, пожимающего руку принцессе Анне на каком-то благотворительном мероприятии.

Она перевела взгляд на снимок Оливера Кэбота и вдруг почувствовала непреодолимое желание снова увидеть его. На мониторе возник список предлагаемых Центром услуг: акупунктура, китайская медицина, ароматерапия, хронотерапия, цигун-терапия, орошения кишечника, цветопунктура, психоанализ и психотерапия, гомеопатия, гипнотерапия, мануальная терапия, массаж, остеопатия, рефлексология, лечение по японской системе рейки, шиацу.

Ниже было написано:

«Все специалисты Центра Кэбота отвечают высочайшим международным стандартам и являются практикующими специалистами, аккредитованными крупнейшими страховыми компаниями. Приходите и навестите наш оазис спокойствия в центре Лондона».

Далее шли номер телефона, факс, адрес электронной почты и указатель родственных сайтов. Она посмотрела телефонный номер, сверилась с визиткой Оливера Кэбота. Нерешительно покосилась на дорогой телефонный аппарат «Банг и Олуфсен». К горлу подступил комок.

Он всего лишь покажет мне клинику, вот и все – ничего особенного.

И может быть, доктор Оливер Кэбот сможет дать ей средство, способное на корню уничтожить этот микроб!

Она уже собралась набрать номер, когда увидела, что в ворота въезжает машина со включенными фарами. По аллее к дому проехал белый «мерседес»-универсал. Из-за того, что ветровое стекло было залито дождем, невозможно было понять, кто сидит за рулем. Вера хмуро

наблюдала за машиной, досадуя на то, что ей помешали.

Как только открылась дверца, она тут же поняла, кто к ней пожаловал. Самая занудная женщина на свете, закутанная в толстый непромокаемый плащ; на голове – практичная, но нелепая на вид непромокаемая шляпа.

Фелис Д'Ит.

Только ее сейчас не хватало!

Вера совместно с Фелис Д'Ит входила в подкомитет Национального общества защиты детей от жестокого обращения; в этом году им предстояло устроить бал на Хеллоуин. Хотя до бала еще почти полгода, Фелис с самого Рождества бомбардировала ее письмами с напоминаниями, факсимильными сообщениями, и, наконец – о, ужас! – она открыла для себя Интернет и с тех пор заваливала Веру электронными посланиями. Фелис в подробностях описывала подарки, которые были пожертвованы для беспроигрышной лотереи – а их было сто двадцать штук.

Вера поспешно вышла из сайта и поспешила к двери; стук дверного молотка эхом разносился по холлу.

– Ох, Вера, как я рада, что застала вас дома! – произнесла Фелис Д'Ит пронзительным голосом. – У меня вся машина завалена призами!

Вера посмотрела на улицу поверх плеча гостьи: кажется, дождь усиливался. Фелис сбросила шляпу, потрясла жидкими каштановыми волосами и начала расстегивать плащ.

– Жуткий день, – сообщила она, – но на западе уже проясняется – где-то через полчаса дождь кончится. И тогда мы сможем разгрузить машину. Вера, вы какая-то бледная – плохо себя чувствуете?

– Нет-нет, все в порядке.

– А по виду не скажешь. Ну ладно. Давайте обсудим, как нам лучше провести беспроигрышную лотерею – у меня появились кое-какие идеи. А потом можем пройтись по всему списку. В прошлом году лотерея собрала семьсот фунтов. В этом году, если все получится, соберем по крайней мере вдвое больше.

– Да, – покорно повторила Вера, закрывая входную дверь. – По крайней мере.

Оглядевшись на кухне, Фелис заметила:

– Вижу, у вас «эй-джи-эй». Красивая, но потребляет столько электричества! И греет пространство – я не люблю жару. Когда мы купили дом, у нас тоже была такая, но мы ее убрали.

– Вот как? – вежливо удивилась Вера. – А мы решили встроить. Чай или кофе?

Плюхнувшись в кресло, Фелис размотала мятый шелковый шарф и

положила его на стол.

– У вас есть травяной чай? Танин очень вреден для слизистой желудка, а кофе, по-моему, просто яд – разрушает все витамины и микроэлементы.

Вера поставила чайник на конфорку.

– Я не знала. У меня есть ромашковый.

– А больше ничего?

– Нет. Только ромашка.

– Ну тогда, пожалуй, дайте ромашкового, хотя от него меня всегда бросает в сон.

Вера бросила в ее чашку два пакетика.

Росс, в носках, в брюках от вечернего костюма (подтяжки болтались по бокам) провел Джулса Риттермана в гостиную своей квартиры возле Риджентс-парка и усадил на двухместный диванчик перед камином. Второй такой же диванчик стоял напротив. Между ними помещался низкий дубовый сундук, служивший кофейным столиком. В электрокамине были уложены искусственные дрова, и на них плясали язычки газового пламени. Из проигрывателя доносилась музыка Шопена.

Весь день Россу было не по себе: он все время прокручивал в голове слова Риттермана и не мог сосредоточиться. Даже во время операции круговой подтяжки лица мысли его были где-то далеко. Только чудом ему удалось не рассечь лицевой нерв – и тогда физиономия у его пациентки на всю жизнь осталась бы перекошенной.

Россу не терпелось выяснить, что собирался сообщить ему Джулс, но, повинувшись законам гостеприимства, он спросил:

– Выпьешь чего-нибудь, Джулс?

– Спасибо, глоточек виски, если у тебя есть время. Ты говорил, торжественный ужин?

– В Королевском медицинском обществе, – отозвался Росс с порога кухни. – В начале восьмого мне надо выходить. А ты на балет?

– Да, на «Сильфиду».

То был один из немногих знакомых Россу балетов: у Веры дома имелся диск с записью. Плеснув виски в хрустальный бокал, он крикнул:

– С водой? Со льдом?

– Плесни водички.

О господи, только бы с Верой все было хорошо!

Когда Росс вернулся в гостиную, Риттерман с одобрением оглядывал антикварную мебель, картины на стенах – в основном сцены морских сражений восемнадцатого и девятнадцатого веков.

– Уютное гнездышко, Росс. Ты часто здесь бываешь?

– Три-четыре ночи в неделю. Квартирка маловата, но мне подходит. Вера сейчас редко приезжает в Лондон. Надо бы вам с Хильдой опять прийти к нам на ужин, когда мне удастся оторвать ее от Алека и привезти сюда на вечер.

– Мы с удовольствием. – Риттерман улыбнулся. – Как успехи в гольфе?

– Да никак. Я сейчас увлекся стрельбой, вступил в пару обществ. –

Росс сел на диванчик напротив своего гостя, поставив бокал на специальную подставку на дубовом сундуке. Выждав несколько секунд, нетерпеливо посмотрел на часы. – Итак?

Риттерман подался вперед, уперев ладони в бедра, как будто желал разгладить складки на брюках, и откашлялся.

– Я... – Он поднял бокал и принялся вертеть его в руках, разглядывая на свет. – Послушай, мне необходимо взять у нее еще несколько анализов, чтобы убедиться окончательно, но я, в общем, и так совершенно уверен... Кроме того, на всякий случай я проконсультировался с парой коллег... Что тебе известно о водобоязни?

Последние слова Риттерман произнес так, что у Росса екнуло сердце.

– Водобоязнь... ведь она бывает при... бешенстве?!

Риттерман кивнул.

– У Веры бешенство?!

Риттерман поднял руку, призывая его замолчать.

– Нет, но боюсь, она подхватила инфекцию, которая поражает организм примерно таким же образом.

– Так же страшно?

– Боюсь, что так.

– Что... что за инфекция? Вирусная? Наследственная? Это заразно? Джулс, каков прогноз?

Риттерман потер затылок.

– Заболевание вирусное, скорее всего, передается через воду. Во всех известных нам случаях пациенты, перед тем как заболеть, побывали в странах Дальнего Востока, граничащих с Индийским океаном и Южно-Китайским морем, – разумеется, сюда входит и Таиланд. Данное заболевание получило название «болезнь Лендта».

– Ради бога, что еще за болезнь Лендта?!

– Названа в честь американского вирусолога Лендта, который первым описал симптомы. На той неделе я изучил несколько историй болезни. У всех сходное течение. Первый симптом – упорная рвота; приступы тошноты следуют в течение двух-трех месяцев. Затем – дезориентировка во времени, в обстановке и так далее; затем у больного следуют продолжительные приступы мании преследования. Ночные кошмары. Терминальные симптомы – обмороки, галлюцинации. Затем постепенное угасание моторных функций... – Риттерман замолчал.

У Росса не укладывалось в голове, что такие страшные признаки могут иметь какое-то отношение к его Вере. Он поднял бокал, повертел его в руке, но, так и не выпив, поставил назад. Во рту у него пересохло.

– Каково лечение? – спросил он, хотя и так угадывал ответ по лицу Риттермана.

– Лечение пока не существует, Росс, – осторожно ответил его гость.

– Никакого? – с болью выдохнул Росс.

– Идут клинические испытания, но до сих пор ни одна фирма не выпустила на рынок специфического лекарства. Болезнь идентифицировали и включили в реестр всего восемь лет назад; количество заболевших в мировом масштабе пока невелико. В основном инфекцию подхватывают люди, которые приезжают в страны Юго-Восточной Азии из Европы, Соединенных Штатов и Австралии. Однако число заболевших все время растет. На сегодняшний день диагноз «болезнь Лендта» поставлен уже трем тысячам человек; ожидается, что за следующий год количество заболевших удвоится.

Росс вертел запонку на рукаве парадной рубашки.

– Из-за чего люди подхватывают инфекцию?

– Никто пока не знает. Возможно, причина кроется в загрязнении окружающей среды, из-за чего возникла новая разновидность вирусов. Возможно, восприимчивость к инфекции вызвана общим ослаблением иммунитета – антибиотики постепенно разрушают нашу иммунную систему и делают ее бессильной против ряда болезней.

Росс кивнул: данная теория была ему знакома.

Риттерман отпил немного виски и в упор посмотрел на Росса.

– Боюсь, Росс, шансы на выживание невелики.

– На... *выживание?! – Росс вскочил. Сидеть он больше не мог. – Так эта болезнь Лендта смертельна?*

– В подавляющем большинстве случаев.

Росс подошел к окну и стал смотреть на поток машин, ползущий по Веллингтон-роуд. Задние фонари, поворотники, фары казались грязными мазками краски на фоне мокрого асфальта. Лондонцы спешат домой, к нормальной жизни. Ему показалось, что рушится весь созданный им мир. Вера безнадежно больна! Вера, которую он любит сильнее, чем, как ему грезилось, вообще можно кого-то любить, и с которой он собирался – ни секунды не сомневаясь – прожить всю жизнь.

Безнадежно больна.

Он повернулся к Риттерману. Им овладел внезапный приступ безотчетного страха.

– Джулс, прошу тебя, скажи, что я ослышался!

– Мне очень жаль, Росс, – тихо проговорил врач общей практики.

– Ты абсолютно уверен в диагнозе?

– За него говорит все – вдобавок вы только что вернулись из Таиланда. Для перестраховки я послал пробы на анализ в три разные лаборатории, и все результаты совпадают. Но я буду рад, если ты заручишься еще чьим-нибудь мнением.

Росс почувствовал полное опустошение. В нем клубился темный ужас. *Ночные кошмары... Галлюцинации... Постепенное угасание моторных функций... Смертельно...*

Невозможно, чтобы такое случилось с его милой Верой!

Нет, господи, ублюдок ты этакий, не делай это с ней – с нами. Только не с ней! Она не заслужила!

Он чувствовал себя таким беспомощным.

– Джулс, мне необходимо узнать о ее болезни все, абсолютно все. Я хочу знать все то, что знаешь ты. Пожалуйста, предоставь мне все источники. Я хочу получить все крупницы информации, какие только есть в мире по этой сволочной болезни. Вера сильная, у нее бойцовский характер... Она справится!

Риттерман кивнул, но без особой уверенности.

– Что ты сказал ей, когда она была у тебя на приеме?

– Я сказал ей правду. – Риттерман пожал плечами. – Что у нее какая-то бактериальная инфекция, которую она, по всей вероятности, подхватила на отдыхе – что-то желудочное.

– Так, значит, ей ничего не известно о твоём диагнозе «болезнь Лендта»?

– Пока нет.

Некоторое время Росс молчал – думал, прикидывал.

– Кто проводит испытания лекарства? – спросил он внезапно.

– «Молу-Орелан».

Американский фармацевтический гигант, фирма «Молу-Орелан», разработала огромное количество лекарственных препаратов и успешно продвигала свою продукцию на мировом рынке.

– Хорошая фирма, Джулс. Как можно устроить Веру на программу испытаний?

– Я уже связался с ними, – заявил Риттерман. – Хотя пока они не говорят ничего определенного, они дали понять, что достигли положительных результатов на второй стадии клинических испытаний.

Росс широко раскрыл глаза:

– Ну и?..

– Подробностей не знаю, Росс.

– Ты ничего не слышал?

– Нет. Но...
– Пройдет много месяцев, прежде чем они перейдут к третьей фазе, – перебил его Росс.
– Да нет, они уже начали испытывать лекарство на добровольцах.
– Ты можешь включить ее в программу?
– У меня неплохие отношения с одним типом, который работает в их аналитическом отделе...

Снова не дав своему гостю договорить, Росс заявил:

– Не хочу, чтобы ей давали плацебо. Пусть получает настоящее лекарство.

Риттерман тоскливо улыбнулся:

– Надеюсь, мне удастся включить ее в программу клинических испытаний, но не могу гарантировать, что она будет получать именно лекарство. Тебе прекрасно известно, как все проходит. И никто не может такого гарантировать.

Когда лекарственные препараты испытывают на людях-добровольцах, пациентов, участников программы, всегда делят на две группы. Первая группа получает собственно лекарство, вторая – плацебо. Испытания проводятся вслепую, причем они бывают двух видов. В более простых случаях врачу известно, кому дают лекарство, а кому – плацебо. Но, если испытание проводится двойным слепым методом, – а именно так проводят завершающую стадию экспериментов, – ни врачи, ни пациенты не знают, кто что получает. Ключ к кодам находится в руках немногочисленных руководителей эксперимента, сотрудников фармацевтической компании.

– Джулс, я хочу, чтобы ей давали не пустышку, а лекарство. Делай, что считаешь нужным. Наверное, как-то можно раздобыть настоящее лекарство и на третьей стадии испытаний. Может, ты нажмешь на нужные кнопки – включишь ее в список выдающихся пациентов?

– Сделаю, что смогу.

Росс медленно отошел от окна.

– Послушай, Джулс, окажи мне услугу – мне бы не хотелось, чтобы ты сообщал ей все подробности, понимаешь? Не говори ей, насколько серьезно она больна. Я сам все ей скажу в свое время.

– Разумеется. Но что же мне ей сказать?

Дрожащей рукой Росс вытащил из сигарной коробки на боковом столике гаванскую сигару и крепко сжал ее. Вместо ответа, он прошептал:

– Джулс, она ведь не умрет. Мы обязательно ее спасем... Да?

Врач общей практики ответил беспомощной, растерянной улыбкой.

Росс оперся на подлокотник широкого кресла, стоящего напротив

Риттермана. По лицу у него текли слезы.

– Тебе придется помочь мне, Джулс. Без Веры я не могу жить. Мне не по себе даже тогда, когда мы несколько дней не видимся!

– Конечно, сделаю все, что в моих силах.

Росс вытащил носовой платок и промокнул глаза. Голос его дрожал.

– Пойми меня правильно, Джулс. Вера – ребенок. В эмоциональном плане она так и не стала взрослой. Она очень ранима, и ей нужна защита – которую я ей предоставляю.

– Росс, по-моему, ты ошибаешься. Твоя жена – вполне зрелая, разумная женщина.

Шмыгнув носом, Росс возразил:

– Возможно, так она ведет себя, когда приезжает к тебе.

Риттерман улыбнулся:

– Я так не думаю.

Росс начал ногтем срывать сигарное кольцо. Без десяти семь, но сегодняшний ужин потерял для него всякое значение.

– Джулс, я знаю, что для нее лучше. Вряд ли ей пойдет на пользу, если она узнает, насколько серьезно она больна, – верно? Не стоит сообщать ей о ее состоянии – ни сейчас, ни потом.

– Хочешь, чтобы я ей лгал?

– Я не прошу тебя лгать; просто не нужно говорить ей всю правду. Господи! Раз мы пока не в силах ничего для нее сделать, по крайней мере, дадим ей иллюзию надежды.

– Ты ставишь меня в трудное положение.

– Джулс, ты ведь не скажешь правды больному с неизлечимой стадией рака, верно?

– Если он спросит меня прямо, я скажу ему все как есть. Постараюсь, так сказать, подать все в как можно более позитивном свете, но скажу правду.

Росс недоуменно уставился на друга:

– Мы ведь с тобой в хороших отношениях... Мы всецело доверяем друг другу. Пожалуйста, положишься на мое суждение о Вере.

Риттерман ответил ему таким же пристальным взглядом:

– Вера очень серьезно больна. Чего ты собираешься добиться, держа ее в неведении?

– А чего добился бы ты, открыв ей правду? Ты только запугаешь ее – а взамен не дашь никакой более-менее прочной надежды.

– Полагаю, когда пациенты знают правду, у них появляется время, чтобы подготовиться...

- К смерти?
- Да.
- Тебе не кажется, что ты пораженец?
- Я реалист.
- Какова первая заповедь врача?

Риттерман пожал плечами:

- «Не навреди».

– Совершенно верно. Если сказать любому человеку – а особенно человеку вроде Веры, – что он скоро умрет, то он действительно умрет. Страх завладевает такими людьми, и твои слова становятся самосбывающимся пророчеством. Если она ничего не будет знать, у нее появится больше шансов на выживание.

Риттерман смотрел на друга и думал: «Скорее уж ты сам, Росс, не в состоянии справиться с реальностью, а вовсе не Вера». Вслух же он произнес:

- Я с тобой не согласен.

Не может быть, этого разговора между нами нет... Неправда! Росс закрыл глаза и несколько секунд тряс головой, словно ожидал, что Риттерман исчезнет, а весь их разговор окажется вымышленным.

Но Риттерман сидел на месте, и его спокойствие начало действовать Россу на нервы. Почему он, черт бы его побрал, может оставаться таким хладнокровным? Потому что Вера – всего лишь одна из сотен, а может, и тысяч пациентов, какие есть у Риттермана. *Вера Рансом*. Просто имя в списке.

Поймав на себе неодобрительный взгляд Риттермана, Росс закурил сигару и выдохнул в потолок струю густого душистого дыма.

- Я ее муж. Думаю, ты согласен, что я имею полное право сам сообщить ей о ее состоянии?

- Разумеется, но, если она спросит меня прямо, я не смогу солгать ей.

- Тебе придется всего лишь сказать ей, что она подцепила вирус и что ты назначишь ей курс лечения. Все, конец.

- Что ж, – нерешительно проговорил Риттерман, – придется согласиться... по крайней мере, сейчас... но мне такое не по душе.

Росс, внутри которого вскипал гнев, встал и мрачно уставился на друга:

- Тебе не по душе? Мне тоже, Джулс. А знаешь, что еще мне, черт побери, не по душе? Мне не по душе мысль о том, что у моей жены болезнь Лендта. Так что, похоже, нам с тобой обоим придется смириться кое с какими вещами, которые нам не нравятся!

На экране телевизора – море людей, в основном девушек и молодых женщин; они издают дикие вопли. Россу, стоявшему перед телевизором, показалось, что там собрались все девчонки на свете. И вот из чрева «боинга» выходят четверо подростков – все в темных очках, со странными стрижками; все четверо широко ухмыляются, машут руками толпе, похожей на море огней.

Ведущий объявил: «Толпы фанатов сегодня утром едва не разнесли лондонский аэропорт Хитроу, когда „Битлз“ вернулись домой из последнего американского турне».

Быстро подойдя к телевизору, его отец, Джо Рансом, нагнулся, щелкнул переключателем, и Битлы исчезли. В школе все только о Битлах и говорили. Один приятель Росса, Томас Нортон, притащил журнал «Новый музыкальный экспресс». Там было полно фотографий «Битлз» и «Роллинг стоунз». Некоторые его друзья повесили у себя в спальне над кроватью плакаты с изображением любимых групп. В спальне Росса, в их маленьком домике, стоящем в ряду таких же домиков в Стритэме, в южном Лондоне, ничего подобного не было. Ему ничего не разрешалось. В целом доме имелось всего две картины: на лестнице – выцветшая репродукция с изображением дома Анны Хэтауэй, и еще одна репродукция, «Стога сена», в гостиной над электрокаминном.

Когда экран потух, отец, одетый в коричневый костюм, рубашку, галстук и коричневые кожаные туфли – Росс каждое утро до блеска начищал их, – сел в кресло с газетой «Спортинг таймс», ручкой и оловянной кружкой пива. Откашлявшись, он вскрыл новую пачку сигарет с фильтром. В его присутствии комната сразу как будто уменьшалась в размерах. Гостиная и так была заставлена мебелью до отказа: трехместный диван из кожзаменителя, пианино и журнальный столик, уставленный призами, выигранными в дартс.

Росс стоял у кресла, наблюдал за ритуалом и ждал, когда настанет черед ему исполнить свои обязанности. Сначала целлофановая обертка от сигаретной пачки аккуратно разглаживалась, затем перегибалась пополам, снова разглаживалась, снова перегибалась и так далее, пока ее нельзя было больше сгибать и отец не клал комочек на журнальный столик, который Росс, придя домой из школы, натирал, пока он не начинал блестеть как зеркало – как и вообще вся мебель в доме.

Даже грива отцовских черных волос блестела; он так набриолинивал их, что они прилипали к черепу. Росс чувствовал запах лосьона для волос и слабый, сладкий аромат мужской туалетной воды «Олд спайс», которой отец каждое утро брызгал лицо.

Настал черед золотистой фольги. Снова сосредоточенно, как человек, который делает главное дело своей жизни, Джо Рансом аккуратно разгладил фольгу и начал сгибать. Затем отец положил комочек фольги рядом с целлофаном и приступил к третьему этапу ритуала – извлечению и изучению призового вкладыша.

Дождавшись, когда отец чиркнет спичкой и закурит первую из десяти за сегодняшний вечер сигарет, – он всегда выкуривал их ровно десять, ни больше ни меньше, – Росс унес фольгу и целлофан на кухню и выкинул в мусорное ведро. Потом он вернулся за вкладышами; не беспокоя отца, который начал заполнять купон тотализатора, отнес вкладыши на кухню и положил в белый кувшин с пробковой крышкой. В блокноте, лежавшем возле кувшина, он записал карандашом, который хранился здесь специально для этой цели, новую общую цифру: 437.

Каталог подарков, на которые можно было обменять вкладыши, лежал на кухне, на сосновой полочке, над хлебницей, в которой хранились старые мамины кулинарные книги. В каталоге были и заманчивые вещи, вроде удочек и велосипедов, и ненужный хлам – электрочайники и газонокосилки. Росс питал тайную надежду, что отец собирает вкладыши, чтобы купить ему новый спортивный велосипед «Синяя молния», который ему отчаянно хотелось заполучить.

Впрочем, он понимал: вряд ли такое возможно.

– Мальчи-и-и-и-к!

Росс побежал в гостиную, напуганный интонацией отца.

Отец, побледневший от злости, указывал пальцем на пол. К своему ужасу, Росс увидел, что вызвало отцовский гнев: игрушечный автомобильчик «динки-кар», который валялся на боку у ножки кушетки.

– Почему он здесь валяется?

Росс молча смотрел на отца.

– Почему он здесь, мальчик?

Дрожа от страха, Росс ответил:

– Н-не знаю, папочка...

Зажав сигарету между большим и указательным пальцами, Джо Рансом поднес ее к губам, глубоко затянулся и, держа сигарету как дротик, энергично ткнул в сторону сына.

– Ты ведь знаешь, почему ушла мама, да? Она не могла выносить

беспорядка, который ты устраивал повсюду. Она не могла вынести хлев, в который ты превратил свою комнату, того, что по всему дому валяются игрушки! Ты выгнал свою мать, Росс. Понимаешь меня?

Росс подобрал с пола автомобильчик и, опустив голову от стыда, затрясся от страха. Глаза его наполнились слезами.

– Принеси трость.

– Папочка, я...

– Трость!

Росс пошарил за пианино, вытащил тонкую бамбуковую трость и подал отцу.

– На колени!

Запихав машинку в карман шортов, Росс опустился на колени перед отцом и протянул ему руки ладонями вверх.

Отец поднимал трость вверх и со всего размаху опускал – по шесть раз на каждую руку.

– А теперь убирайся к себе в комнату делать уроки.

Слезы градом катились по лицу; ладони онемели от жгучей боли. Росс поставил трость назад, за пианино, и вышел из гостиной.

Когда он поднялся по лестнице, боль стала нестерпимой; ладони жгло как огнем. Он поднял кисти рук, потом опустил; сжал-разжал кулаки, стараясь не обращать на боль внимания, прижал ладони друг к другу. Что угодно – все, что угодно! – лишь бы эта мука прекратилась. Ладони жгло, как будто он опустил их в кипяток или концентрированную кислоту. Тихо хныча, он услышал, как отец в ярости орет снизу:

– Ты ее выгнал, мальчишка! Помни это! Никогда не забывай!

Выйдя из такси, Вера поняла, что здание Центра действительно представляет собой бывшую церковь. Центр нетрадиционной медицины располагался в жилом квартале, на тихой улочке, подковой зажатой между двумя рядами викторианских домов, – внушительное, горделивое строение из красного кирпича, с горгульями и затемненными стеклами.

Она почти не знала района Уинчмор-Хилл. Он представлял собой красивый, уютный оазис на северной окраине Лондона, и казалось, что даже воздух здесь свежее, чем в центре. Вера вспомнила: пару лет назад она была где-то здесь на званом ужине, который устраивал довольно вульгарный музыкальный продюсер. За столом хозяин то и дело благодарил Росса за то, что тот наладил его интимную жизнь. Потом он настоял, чтобы его жена прямо за столом обнажила грудь и показала гостям, какой Росс великий хирург.

– Он соорудил ей сиськи, – говорил продюсер. – Прежде-то у нее спереди вообще ничего не было, плоская как доска.

Подойдя к массивной дубовой двери, Вера прочла надпись на медной табличке: «Центр нетрадиционной медицины Кэбота».

Ей стало не по себе. Она поглубже засунула руки в карманы, плотнее кутаясь в длинный плащ от порывов холодного ветра. Волосы били по лицу.

Пути назад нет, дорогуша!

И все же она понимала: она может, может развернуться, выйти на улицу, сесть в такси и уехать домой.

А что потом?

Вера толкнула дверь – та чуть приоткрылась. Осмелев, она распахнула дверь, вошла – и сразу удивилась. По контрасту с суровым фасадом, внутри было просторно, современно и на первый взгляд очень красиво. Больше напоминает картинную галерею, чем медицинский центр: сосновый пол, белые стены, увешанные абстрактными картинами с изображением фигур, похожих на растения и насекомых, которые можно увидеть в микроскоп. Повсюду скульптуры, видимо не без умысла расположенные так, чтобы заполнить пустоты. В кронштейнах на стенах и в канделябрах горят толстые белые свечи. Из динамиков льется умиротворяющая, расслабляющая музыка в стиле нью-эйдж; ноздри щекочет приятный, но несколько назойливый аромат масел.

Прямо перед ней – стойка регистратуры; на хорошенькой молодой женщине с пышными, приглаженными гелем рыжими волосами – темно-синяя рубашка поло, на которой вышиты слова «Центр Кэбота». От сотрудницы Центра веяло таким несокрушимым здоровьем и жизненной силой, что Вера сразу же почувствовала себя калекой. Показав роскошные зубы, за которые не жалко и жизнь отдать, женщина-администратор приветливо улыбнулась Вере.

– Я к доктору Кэботу, – сказала Вера, разглядывая рекламные проспекты и брошюры на стойке.

– Вы записаны на прием?

– Да.

Рыжеволосая красавица спросила ее имя, затем указала на несколько стульев в стиле хай-тек, стоящих за стеллажом с цветущими комнатными растениями. В зоне ожидания уже сидели несколько человек.

– Туалет у вас есть?

– Да, прямо и направо.

Вера увидела указатель. Пройдя по коридору, она очутилась в просторном помещении, выложенном белой кафельной плиткой. Здесь тоже горели толстые белые свечи. Зайдя в кабинку, она присела на унитаз и закрыла глаза. Всю неделю ее одолевали приступы тошноты; они то ослабевали, то усиливались, а сейчас, видимо, брали реванш. Доктор Риттерман так ничего и не сообщил ни ей, ни Россу о результатах анализов. Почему? Неужели недели мало? Интересно, что ей ответить, если Оливер Кэбот спросит, как она себя чувствует. Нет. Росс придет в ярость, узнав, что она прибегла к помощи нетрадиционной медицины.

А о том, что она здесь побывала, Росс обязательно узнает: он постоянно следит за ней, проверяет содержимое аптечки, высмеивает ее, когда она покупает разрекламированные витамины или пищевые добавки. Кроме того, он время от времени роется в ее сумочках.

Вера опустила на колени перед унитазом; ее вырвало. Голова кружилась. Она долго не могла встать и сидела на полу, крепко вцепившись в сиденье. Ей казалось, что она вот-вот потеряет сознание.

Прошло несколько минут, и наконец ей немного полегчало. Она спустила воду, подошла к раковине, прополоскала рот. Придирчиво посмотрелась в зеркало, подмазала губы помадой, поправила волосы. «По крайней мере, – подумала она, – пока мне так плохо, Росс не заговаривает еще об одной пластической операции».

Она повернула голову направо и снова посмотрелась в зеркало. Шрам почти незаметен – и все же его можно разглядеть. И еще один такой же

шрам с другой стороны, за мочкой уха, сантиметра три длиной. След пластической операции, когда Росс приподнял ей скулы.

Днем, под слоем макияжа, шрамы совсем не видны. Только по ночам они проступают отчетливее. Росс уверял, что он их не замечает, и это самое главное. И все же крохотные шрамики раздражали Веру. Они постоянно напоминали о том, что лицо у нее не такое, какое было от природы.

Иногда Вере казалось: Росс нарочно сделал швы грубее, чем то было нужно; такие швы служили своего рода страховкой. Если он предложит ей очередную операцию, она не станет сопротивляться. Росс обещал, что во время следующей операции постарается уменьшить их. Под грудью у нее тоже следы швов – там он вставлял ей имплантаты. Увеличив ей грудь, Росс заявил, что уберет швы, когда Вера станет старше и ей понадобится подтяжка груди. Кроме того, он внушал жене: «Их ведь не видно никому, кроме меня, – так о чем волноваться?»

Вернувшись в зал ожидания, Вера присела на краешек современного дивана. Он оказался удобнее, чем выглядел. Перед ней располагался маленький японский садик с фонтаном; вода лилась на группку круглых плоских камней. Она стала разглядывать остальных посетителей: истощенный мужчина около сорока, одежда висела на нем складками, глаза запали – может быть, он болен СПИДом. Еще один мужчина, симпатичный с виду, который сосредоточенно работал на карманном компьютере; сидящая с закрытыми глазами полная темнокожая пожилая женщина, закутанная в нечто напоминающее пестрое одеяло инков; она держала на руках младенца, из носика которого торчала зеленая сопля. Еще одна женщина – молодая азиатка в полосатом костюме – читала журнал «Здоровье и красота».

Вера посмотрела на журналы, лежавшие на столике. Несколько брошюр, посвященных нетрадиционной и альтернативной медицине, и полный комплект рекламных листовок о Центре Кэбота. Потом она заметила журнал Научного общества гипнологов; на обложке приводился отрывок из статьи доктора Оливера Кэбота. Она взяла журнал и открыла страницы со статьей. Статья была озаглавлена «Ремиссия у онкобольных с помощью циркадного репрограммирования». Вера начала читать, но сосредоточиться было трудно. Где-то вдалеке тихо звонил телефон.

Перед поездкой сюда она долго выбирала, что надеть. Она решила одеться неформально, но не небрежно. Красиво, но не слишком. Она остановила свой выбор на тонком сером кашемировом свитерке с воротником поло, черных замшевых джинсах, черных полусапожках и длинном верблюжьем пальто. Одевшись, Вера покрутилась перед зеркалом.

Сегодня она выглядит совсем неплохо. И волосы лежат как надо. И цвет лица более-менее. Выглядит-то она хорошо, а вот чувствует себя плохо. Тошнота и нервы. Что ж, ладно!

На нее упала чья-то тень; на соседний диванчик уселась беспокойная женщина с двумя маленькими мальчиками – все трое с сильным насморком.

– Мама, – тут же заявил один из мальчиков, – я хочу в туалет.

– Ты был там полчаса назад. Потерпи...

– Миссис Рансом?

Вера повернула голову. Женщина в такой же, как у администратора, футболке приветливо улыбалась ей. Лет тридцати с небольшим, короткие каштановые волосы; симпатичное латиноамериканское лицо – и, как и у администраторши, такой здоровый вид, что просто нереально.

– Доктор Кэбот готов вас принять.

Женщина летела вверх по лестнице, как будто была невесома; Вера же почувствовала силу притяжения каждой клеточкой своего тела.

Если его окружают такие вот сотрудницы, есть ли у меня хоть один шанс?

Она тут же урезонила себя: «Не нужны мне никакие шансы. Это просто визит вежливости. Я пришла из-за тошноты – потому что мой врач до сих пор не может поставить мне диагноз. Вот и все. Вот почему я здесь».

Следом за женщиной она прошла по коридору, мимо двери с табличкой «Кабинет релаксации» и другой, «Кабинет гипнотерапии».

– Вера!

Оливер Кэбот стоял на пороге, одетый в черную куртку, серую рубашку без ворота, черные брюки и черные замшевые ботинки. Он выглядел даже лучше, чем когда она видела его в последний раз, но казался более серьезным. Сейчас все было похоже на то, что она навещает Оливера Кэбота – врача, а не Оливера Кэбота – друга. И все же, когда Вера протянула ему руку, он посмотрел на нее, не скрывая радости. Когда она пожимала ему руку и смотрела на его крупное, лошадиное лицо под гривой спутанных седых кудрей, он весело, от всей души улыбнулся. И тут же все ее страхи растаяли, и ей стало тепло и приятно.

– Вера! – повторил он, глядя ей прямо в глаза. Ей показалось, будто она – самое важное в его жизни. – Вера! Как отлично – просто не передать словами! Здорово, что вы пришли! Здравствуйте!

– Здравствуйте! – ответила она.

– Ну как вы?

– Спасибо, хорошо.

Вера не сразу осознала, что они слишком долго держатся за руки. Но ей показалось совершенно естественным стоять на пороге, впитывая теплоту его лучистых, сияющих серых глаз.

От радости ей стало легко и хорошо. Какое счастье – стоять рядом с ним! Такого чувства она не испытывала много лет.

Она чувствовала себя свободной.

Росс закончил обход пациентов дневного стационара и зашел в ординаторскую выпить чашку кофе. Комнатка была маленькая и узкая; по обеим сторонам вдоль стен стояли стулья. Кроме них, в ординаторской имелась еще кушетка. Томми Пирмен, его всегдашний анестезиолог, вошел следом за ним. Приземистый коротышка, похожий на мешок с картошкой, в хирургическом костюме он выглядел еще более бесформенным, чем был на самом деле. Овдовев, он с головой ушел в работу и в многочисленные хобби. Томми увлеченно коллекционировал предметы этрусского искусства, собирал старые машины, антикварные навигационные карты, учебники по медицине и, как ни странно, болезни. За много лет с помощью знакомых из медицинских кругов ему удалось собрать ужасающее количество бактерий и вирусов, которые он хранил в холодильнике в подвале своего дома в Кенте, больше похожего на баронский замок. Однажды, в воскресенье, когда Росс и Вера у него обедали, он сводил Росса в свое хранилище и показал коллекцию.

Среди сотен аккуратно надписанных пробирок там имелись образчики культуры оспы, пять разновидностей вируса гепатита, вирусного менингита, сибирской язвы, бубонной чумы, а также вирус из Советского Союза под названием «Марбург», разработанный для бактериологической войны: он буквально расплавлял внутренние органы. Когда Росс спросил Томми Пирмена, не мучает ли того совесть из-за того, что он хранит у себя подобные вещи – особенно возбудителя сибирской язвы, которая, по официальным сведениям, давно искоренена, – Пирмен ответил: ему спокойнее, когда он знает, что все эти страшные болезни собраны у него, в надежном месте, чем где-либо в другой части мира. Анестезиологом он был превосходным, и Росс всецело доверял ему, несмотря на то, что Томми любил паниковать по пустякам. Вот и сейчас Пирмен явно нервничал.

– Только что осмотрел миссис Жарден, – заявил он. – У нее сильная простуда и кашель с мокротой. Я боюсь за нее.

Росс посмотрел свой список. Элизабет Жарден сегодня предстояла операция. Круговая подтяжка лица. Пятьдесят семь лет; замужем за кинопродюсером. В середине июля собирается уехать на три месяца в Лос-Анджелес. Славная женщина; она понравилась ему, когда впервые пришла к нему на консультацию. Ей очень хотелось успеть сделать операцию до поездки в Штаты.

Мысленно он просчитал время, которое уйдет на всех сегодняшних пациентов. После Элизабет Жарден – семилетняя девочка со шрамом от ожога на груди, потом еще один ребенок, девятилетний мальчик с кожным разрастанием на черепе, препятствующим росту волос, женщина с липомой на лодыжке, еще одна женщина с опухолью на лице и мальчик-подросток с деформацией полового члена – болезненная эрекция после того, как во время обрезания ему удалили слишком много кожи. Работы много. И тем не менее он возразил:

– Мне бы не хотелось откладывать. Ей, конечно, следовало приехать к нам месяц назад, но месяц назад она заболела гриппом; она очень расстроится, если мы отложим операцию.

Пирмен покачал головой:

– По-моему, оперировать ее в таком состоянии опасно.

– Что, она настолько плоха?

– Да. Мне кажется, тебе стоит на нее взглянуть. Сам увидишь.

Обычно Росс доверял мнению Пирмена. Его сдерживало только беспокойство за Элизабет Жарден.

– Ладно, хорошо. Сейчас пойду осмотрю ее.

Наливая кофе, он увидел на столе большой, наполовину съеденный морковный торт в коробке из фольги и сразу вспомнил о том, насколько голоден. Он сегодня оперирует с половины восьмого утра и даже не завтракал.

– Чье это?

– Сандры – у нее день рождения. Тридцать семь. Она, конечно, выглядит моложе, но считает себя старухой – бедняжка.

В клинике существовала традиция: именинники угощали сотрудников тортом. Сандра Биллингтон работала главным администратором. Росс отрезал себе кусок. Торт оказался липким и крошился в руке.

– Я слышал, Сандра встречается с Роджером Хатоном. Знаешь его? Административный работник, бухгалтер. По-моему, зануда, но кто знает – может, они друг другу подходят. – Томми Пирмен обожал «сватать» сотрудников и считался главным сплетником клиники.

Пропустив его замечание мимо ушей, как отметал он все слухи и сплетни, потому что они его не интересовали, Росс откусил кусок морковного торта и спросил:

– Томми, ты слышал о болезни Лендта?

Анестезиолог питал слабость к истории медицины. Он уже написал две книги о развитии современной медицины, а сейчас трудился над историей анестезиологии. Из-за малого роста, полноты и стремления всем

угодить Томми всегда напоминал Россу крысу Рэтти из «Ветра в ивах».

– Да. Как раз недавно я кое-что читал об этой болезни – может, в «Нейчер». Так, дай вспомнить... Вроде бы вирусного происхождения. Воспалительные явления... Поражает центральную нервную систему. Довольно редко встречается. Если хочешь, могу поискать дома.

– Буду тебе очень признателен. В Интернете масса сведений – я вчера всю ночь читал.

– Вообще говоря, болезнь довольно интересная, – с воодушевлением продолжал анестезиолог.

– Интересная?

Угадав неодобрение в голосе друга, Пирмен примирительно пояснил:

– Ну да. По-моему, все новые болезни очень интересны – медицина без них была бы скучной профессией. Кстати, почему тебя вдруг заинтересовала болезнь Лендта?

– Заболела... родственница моего друга.

– Посмотрю, что сумею отыскать.

– Буду тебе очень признателен, – повторил Росс.

Пирмен вдруг хлопнул себя ладонью по лбу и встревожено заявил:

– Знаешь, до сих пор не понимаю, как такое могло произойти с Мэдди Уильямс.

Мэдди Уильямс была той самой пациенткой, которая умерла на операционном столе во время малой операции, когда Росс поправлял ей крылья носа.

– Угу. – Росс притворился, будто всецело поглощен тортом.

– Когда состоится слушание по делу?

– Недели через три.

– Что называется, не повезло. – Пирмен беспомощно пожал плечами. –

В ее истории болезни не сказано, что у нее больное сердце, но лечащий врач написал тебе об этом, послал письменное предупреждение, которое почему-то до тебя не дошло. Я тоже понятия ни о чем не имел; в ее истории болезни ни слова не было о сердце. Она вполне могла умереть во время предыдущей операции под общим наркозом. Очевидно, в нашей системе произошел сбой, раз пропало важное письмо. Как по-твоему?

Росс искоса посмотрел на анестезиолога. Торт был вкусный; он отрезал себе еще кусок.

– Единственное, что тут можно предположить, но это только досужие домыслы, – продолжал Пирмен, – кто-то нарочно потерял письмо или стер его из памяти компьютера. Но мне не верится, чтобы кто-то из наших был способен на такое... А ты как считаешь?

Росс ничего не ответил.

Я думал, ты окажешься совершенством. Я думал, ты живешь в доме, где все сверкает белизной и нет ни пятнышка, а когда ты идешь, тебя окружает сияние. Я думал, ты одета в белые меха и целый день лежишь на белом диване, как та дама из рекламы по телику.

Дверь была приоткрыта, и мальчик заглянул в спальню. Он увидел женщину, которая лежала на спине, закинув ноги на спину мужчины; его костлявые ягодицы двигались вверх-вниз между ее бедер. Лица мужчины он не видел, да и не хотел видеть. Мужчина не имеет значения. Важна женщина. Он увидел часть ее лица, и этого оказалось достаточно.

Ты бросила меня, потому что не могла выносить беспорядка, который я устраивал, а сама живешь как свинья и делаешь грязные вещи с мужчинами.

Ты бросила меня, и у тебя даже нет нигде на видном месте моей фотографии!

Держа в руке канистру с бензином, он на цыпочках отошел от двери и тихо вошел в гостиную. Телевизор работал, но звук был выключен. Интервью с участниками группы «Битлз». Несколько мальчиков в его школе тоже сделали такие стрижки «ступеньками».

Их небось не бросали матери!

В гостиной он тоже увидел грязные тарелки. Пепельница на полу была настолько забита окурками, вымазанными помадой, что некоторые вывалились на ковер. Возле них на блюде лежала опрокинутая чашка. У дивана стояла одинокая туфля на высоком каблуке, под журнальным столиком валялся чулок. Еще одна чашка; в остатках заварки плавал размокший бычок.

– Я сейчас... о господи, кончаю! – кричала женщина за дверью.

У него осталось всего несколько секунд. Ухватившись пальцами за тугую колпачок, мальчик открутил его и бросил на пол.

Оливеру нравилось наблюдать, как Вера осматривается в его кабинете. Одни люди, входя в незнакомое помещение, как будто не видят ничего вокруг. Вера, наоборот, замечала все – абсолютно все. Взгляд ее останавливался на предметах мебели, стенах, картинах, сертификатах и дипломах.

Он помог ей снять пальто; как приятно ощущать ее твердые плечи, вдыхать аромат ее духов, идущий от пальто. Сегодня она выглядит еще бесподобнее, чем во время их встречи неделю назад. *Вера Рансом, ты невероятна!*

Он повесил ее пальто в шкаф за письменным столом, аккуратно разместил на вешалке, вдыхая аромат и тепло.

Когда он повернулся к ней, то увидел, что она разглядывает черно-белую фотографию Джейка на стене. Джейк в футболке с изображением Барта Симпсона сидит на транце их яхты возле Каталина-Айленд; волосы взъерошены бризом. Он улыбается своей широкой, искренней, такой типично Джейковой улыбкой.

Вера думала: «Это его сын. Разумеется, он женат. И с чего я взяла, что он холост?»

Повернувшись к Оливеру, она увидела, что тот улыбается; но она успела заметить, что ему явно не по себе.

– Джейк, – сказал он.

– Ваш сын?

Он кивнул, сжав губы. Потом усадил ее на мягкий диван и спросил:

– Выпить хотите? У нас тут есть почти все.

Интересно, почему упоминание о сыне так расстроило его?

– Да, – проговорила Вера, – я бы выпила... – Она помолчала, не зная, что выбрать. Что-то, способное побороть тошноту. – Чаю!

– Травяного? Зеленого? Обычного черного?

– Обычного, с молоком, пожалуйста.

Она села и стала рассматривать кабинет, пытаясь найти ключи к Оливеру Кэботу. Ей нравился интерьер: светлый, просторный, современная мебель, четкие линии. Он вообще не был похож на кабинет врача – пара больших растений в горшках, горизонтальные жалюзи, полузакрытые, чтобы с улицы не было ничего видно, древний антикварный череп на белом

шкафчике с историями болезней. Несколько медицинских дипломов и сертификатов в рамках добавляют официальности. Согласно одному, он является членом Общества гипнотерапевтов. Еще Вера увидела несколько толстых незажженных свечей, ионизатор воздуха, карту рефлексолога в рамочке, красивую черно-белую фотографию Стонхенджа, подсвеченную лучами солнца, еще одну фотографию того же мальчика, одетого в костюм вампира, – наверняка его сняли перед тем, как он отправился пугать прохожих на Хеллоуин. Кроме того, Вера увидела старый большой бензонасос фирмы «Шелл» с патрубком.

Фотографии жены нигде нет.

Интересно, почему?

Оливер снова улыбался. Он уселся на ручку кресла, стоящего напротив, скрестил ноги и стал покачивать ими. Как большой ребенок, подумала Вера.

– Итак, – спросил он, – ему понравился бумажник?

Вера ответила ему непонимающим взглядом:

– Бумажник? Какой бумажник? – Потом до нее дошло. – Ах да. Не знаю. Росс не увидит его еще две недели – до своего дня рождения.

– Счастливчик.

Вера криво улыбнулась. С бумажником что-нибудь, как всегда, окажется не так: либо слишком большой для карманов Росса, либо в нем не хватает места для его кредитных карточек, или он не точно того оттенка, который ему нравится. За двенадцать лет их брака Росс редко одобрял подарки, которые она ему делала. Но сейчас ей хотелось поговорить не о Россе, а о докторе Оливере Кэботе. Взглянув на фотографию мальчишки в костюме вампира, она спросила:

– Это тоже Джейк?

Снова та же гримаса у него на лице.

– Угу.

– Сколько ему?

Кэбот перестал покачивать ногами. Долгая мрачная пауза, а потом:

– Сейчас исполнилось бы шестнадцать.

Она ощутила, как к горлу подступает ком – как будто он передал ей свою боль.

– Извините, – сказала она. – Я не...

Оливер похлопал себя по ноге и встал.

– Не переживайте, ведь вам неоткуда было знать. У вас есть дети?

– Сын, Алек. Ему шесть лет.

Вошла его секретарша – принесла чай для Веры и банку минералки

для Оливера.

Вере очень хотелось узнать об умершем сыне, но Оливеру явно не хотелось говорить о нем. Когда секретарша ушла, она попыталась навести его на разговор о нем самом:

– Чем занимается ваша жена?

– Марси писательница – она работает в Лос-Анджелесе, пишет сценарии для телесериалов, но мы... – Он беззлобно поморщился. – Скажем так: мы с ней живем на одной планете, и больше нас ничто не объединяет. – Помолчав, он добавил: – Мы разведены.

– Извините, – повторила Вера.

Он спрыгнул с ручки дивана и сел на сиденье.

– Знаете, Вера, к какому я пришел выводу? Счастливы те, кто меняется вместе. Но в большинстве случаев все происходит по-другому. Супруги продолжают жить вместе либо ради детей, либо из страха остаться в одиночестве и прожить остаток дней своих в тихом отчаянии. В противном случае они расходятся. Тогда их можно назвать смельчаками. – Он уныло улыбнулся. – Именно так я твержу себе. – Некоторое время он помолчал, а потом сказал: – Трагедия может сблизить людей, но иногда она их разделяет. – Оливер скрестил ноги, потом наклонился вперед и дотронулся до носков кроссовок, да так и остался – как свернутая пружина. – А вы как?

– Наверное... я принадлежу к категории тех, кто живет в тихом отчаянии.

– Вы не обидитесь, если я спрошу: почему?

Она бы с радостью выложила ему все, но внутренний голос подсказывал: «Не здесь, не сейчас... Сейчас не время! Еще слишком рано!»

В дверь просунулась голова секретарши.

– Извините, что помешала, доктор Кэбот. Звонит миссис Мартинс. Хочет срочно рассказать вам о своих зрительных образах.

Оливер поднял глаза:

– В третий раз за сегодняшнее утро! Тина, я ей перезвоню.

– И еще звонила репортер из «Дейли мейл» – ее зовут Сара Конрой. Они делают цикл репортажей о лондонских центрах альтернативной медицины. Она говорит, что уже брала у вас интервью, когда работала в журнале «Фокус». Я обещала, что вы ей перезвоните – ей необходимо поговорить с вами до четырех.

– Да, конечно, – напомните мне.

Она вышла, и Оливер сдернул кольцо с банки. Часть воды выплеснулась на столешницу. Отпив большой глоток, он вытер губы тыльной стороной ладони.

– Интересно, – сказала Вера, – зачем тут бензонасос?

Он повернулся, оглядел насос фирмы «Шелл», как будто совершенно забыл о его существовании.

– Я увидел его в магазине подержанных вещей. По-моему, он здесь именно потому, что в нем нет никакого смысла. Мы слишком цепляемся за смысл, значение. А мне нравится спонтанность, иррациональность. Я каждый день стараюсь делать что-то иррациональное, бессмысленное. А вы иррациональны, Вера?

Раньше Вера считала себя сумасбродкой; она часто совершала бессмысленные поступки. Ей очень нравилось «Шоу Монти Пайтона» – она не пропускала ни одной серии. Но в жизни Росса бессмысленности не было места. Она попыталась вспомнить последний свой иррациональный поступок и с ужасом поняла, что уже много лет не делала ничего просто так, для смеха. Много лет прошло с тех пор, как она расстегнула «молнию» на брюках Росса, когда он сидел за рулем – они тогда мчались по немецкому автобану. Много лет прошло с тех пор, как она однажды вечером украла из фойе отеля огромную тяжелую бронзовую пепельницу – прямо из-под носа у ночного портье – и закинула ее в чемодан; много лет прошло с тех пор, как она спяну звонила посреди ночи людям со смешными фамилиями, например Вонинг, и говорила: «Здравствуйте, мистер Вонючка!» – и умирала со смеху.

Господи, какая серьезная жизнь пошла у нее сейчас!

– Мне никогда не хотелось стать взрослой, – призналась она.

Оливер опустил плечи и подарил ей лучезарную улыбку.

– Иногда мне кажется, что жизнь слишком коротка для того, чтобы вырасти. Часть меня по-прежнему хочет остаться ребенком. Почему-то у меня такое чувство, будто в глубине души вы по-прежнему ребенок.

– Хотелось бы, – вздохнула Вера.

– Вы бы именно этого попросили, если бы могли исполнить одно свое желание? – спросил он. – Вернуться в детство?

– Нет. Я бы хотела вернуться в возраст постарше – может быть, лет в двадцать. – Судя по ее воспоминаниям, тогда она была счастлива – в те ранние дни, когда Росс за ней ухаживал; какое странное слово! Да, тогда она действительно была счастлива, влюблена и впереди у нее была вся жизнь.

Их прервала настойчивая трель телефонного звонка. Оливер покосился на свой письменный стол. Вера поняла, что звонок доносится из ее сумочки. Смутьившись, она вытащила мобильник фирмы «Нокиа» и посмотрела на дисплей. Росс звонит из клиники. Она нажала кнопку

«Отбой» и швырнула телефонный аппарат назад, в сумку, сама себе удивляясь. И как у нее хватило смелости на маленький акт неповиновения? Вечером Росс устроит ей дикий скандал, но сейчас ей все равно.

Сейчас ей на это наплевать.

– Сюда я почти всегда выхожу в обед, – сказал Оливер.

Вдалеке раскинулись крыши домов; под угрожающе черным небом они расплывались бесформенной черной массой. Суровый ледяной ветер трепал волосы, задира л пальто, но Вера почти ничего не замечала, шагая с Кэботом по тропинке среди могильных плит.

Оливер, в длинном черном пальто, с развевающимися волосами, нес маленькую сумку-холодильник, в котором поместились их бутерброды и две бутылки минеральной воды. Он шел мерной поступью, не торопясь. Вера читала имена, выбитые на могильных плитах. *Мэри Элизабет Мэйнуориш, любимая жена, 1889–1965. Гарольд Томас Сагден, 1902–1974. Уильям Персиваль Аидбеттер, 1893–1951. Покойся с миром в Царствии Небесном.*

Она подняла глаза на своего спутника:

– Вас привлекает смерть?

Он остановился и показал на могильную плиту Уильяма Персиваля Лидбеттера.

– Знаете, что меня привлекает? Тире. Маленький знак препинания между двумя датами. Я смотрю на чью-нибудь могилу и думаю: тире вмещает в себя всю человеческую жизнь. Мы с вами прямо сейчас проживаем наши тире. Не важно, когда человек родился или когда умер; важно, что он делал между этими двумя событиями. А здесь, на кладбище, мы видим только тысячи безымянных тире, и мне делается грустно.

– По-вашему, нужно выбивать на надгробиях всю биографию умершего человека? А может, какую-нибудь видео-голограмму, представляющую все достижения покойного, которую могут разглядывать посетители кладбища?

– Нет, можно придумать что-нибудь получше, – бросил Оливер, не останавливаясь.

– Вы часто думаете о своей смерти?

– Я стараюсь думать о жизни. Пытаюсь сообразить, как мне поступить со своим тире, чтобы жизнь прошла не зря. Я... – Он вдруг осекся, и они некоторое время брели вперед, не разговаривая. Наконец Оливер нарушил молчание: – Когда теряешь близкого человека, понимаешь, насколько мы беспомощны. Мы запустили человека в космос, мы скоро расшифруем структуру ДНК человека, мы можем на плоту переплыть океан с

крошечным эхолотом и скоро, наверное, сможем вызывать дождь по своему желанию. Но многие болезни до сих пор одерживают над нами верх. – Он постучал себя по черепу. – Мы обладаем способностью победить любую болезнь; нужно только найти способ обуздать силу, заключенную вот тут.

– Я тоже так думаю, – согласилась Вера. – Правда, что мы используем лишь малую часть мозга – кажется, процентов двадцать?

– Процент двадцать от того, что нам известно. Но мы не знаем, что еще заключено внутри нас и откуда мы можем черпать силу.

– Другое измерение?

Они подошли к скамейке.

– Неплохое место, чтобы посидеть, – заметил он. – Вам не холодно?

Вера мерзла, зато холодный воздух – а может, общество Оливера – прогнал приступ тошноты.

– Нет, мне хорошо.

Он достал из сумки сэндвич с тунцом и, передавая ей, сказал:

– Наверное, лучше было бы пригласить вас в какой-нибудь модный ресторанчик. Но...

– Нет-нет, я рада, что мы пришли сюда. – Вера не шутила. С каждой минутой, проведенной в обществе Оливера Кэбота, ей становилось все спокойнее, уютнее. И он все больше привлекал ее. А еще она чувствовала себя все свободнее.

Когда она разворачивала целлофановую обертку, снова зазвонил телефон. Она посмотрела на дисплей: вдруг Алек из школы. Но оказалось, что ей снова звонит Росс. Она снова нажала кнопку «Отбой» и бросила телефон в сумку.

– Где вы жили в Штатах? – спросила она.

– В Лос-Анджелесе.

– А в Англии вы давно?

– Семь лет, скоро будет восемь. – Он разворачивал сэндвич. Пальцы пианиста, подумала Вера, наблюдая за ним. Внезапно она поняла: в этом мужчине ее привлекает все – даже то, как он разворачивает сэндвич.

– Я приехал сюда, чтобы убежать от воспоминаний о сыне. В Калифорнии мне не было покоя. И знаете, оказалось, мне здесь хорошо. Надо только перенастроить мозги так, чтобы вытерпеть здешнюю погоду.

Она рассмеялась:

– То есть, когда ветер пробирает до костей, вы внушаете себе, что дует приятный теплый ветерок?

– Примерно.

Она наконец сорвала обертку со своего бутерброда.

– От чего умер ваш сын?

– От лейкемии. У него оказалась тяжелая форма болезни. Я знал, что средствами обычной медицины Джейку не помочь, но жена отказалась подвергать его нетрадиционным методам лечения, потому что считала: это все равно, что ставить на карту жизнь ребенка. – Оливер криво улыбнулся. – После его смерти я бросил врачебную практику; в обычной медицине слишком многое не имеет ничего общего с заботой о больном. Современная медицина сама посадила себя в клетку, и я решил посвятить жизнь ее высвобождению.

– Что за клетка?

Тишину внезапно нарушил стрекот подлетающего вертолета. В тот же миг телефон Веры зазвонил снова. Бросив на Оливера извиняющийся взгляд, она вытащила мобильник из сумочки.

– Хочу убедиться, что с сыном ничего не случилось, – пояснила она.

Номер звонящего на дисплее не определился.

Она нажала на зеленую кнопку ответа.

– Какого черта ты сбрасываешь мои звонки? – гневно прокричал Росс.

Вертолет пролетел прямо у них над головами.

– Я тебя не слышу! – крикнула она. Голос Росса стал на несколько децибел громче.

– Вера, пожалуйста, скажи, где ты и что делаешь.

– Я в Лондоне!

– Где именно?

Она помолчала.

– В Найтсбридже, – выговорила она наконец.

– Что там за шум?

– Вертолет.

– Почему ты мне не сказала, что собираешься в Лондон? Мы могли бы куда-нибудь сходить вечером. В «Ковент-Гардене» сегодня дают «Сильфиду».

Интересно, что у Росса на уме: раньше он не выказывал ни малейшего интереса к балету. Шум вертолета постепенно стихал.

– Так вот, взяла и поехала. Надо было купить для тебя подарок на день рождения.

– Напрасно ты мне не сказала о своих планах. Вера, мне не нравится, когда ты что-то от меня скрываешь. Тебе ведь это известно, правда? Мне всегда нужно знать, где ты, потому что я тебя очень люблю, милая.

– Я собиралась поехать в следующий понедельник, но тогда пришлось бы пропустить заседание Комитета против строительства гольф-клуба.

– К черту комитет! Как Алек попадет домой после школы?

– Сейчас каникулы. Он у Нико Лоусона.

– Вчера он тоже был в гостях. Вера, тебе нужно побольше бывать с ним. Ему, наверное, неприятно все время проводить у чужих людей.

Кипя от гнева, она покосилась на Оливера. Тот сворачивал целлофановую обертку в крошечный шарик. «Ах ты, лицемер проклятый! – думала она. – Сначала говоришь, что мы могли бы переночевать в городе, и тут же упрекаешь меня за то, что я не сижу с Алеком дома. Я всегда сижу дома с Алеком. Вот почему я не сделала карьеры».

– Он сам так решил, – сказала Вера, изо всех сил стараясь сохранить невозмутимость. – Его пригласили, и, кстати, у Нико сегодня день рождения, – сказала она. – Весь завтрашний день я проведу с ним. Мы могли бы съездить в Торп-парк.

– В последнее время ты все чаще бросаешь его.

Она снова покосилась на Оливера; ей стало неловко.

– Я так не думаю. Как у тебя дела?

– Хорошо. Вера, с кем ты там?

– Ни с кем. Одна.

– Надеюсь, ты говоришь правду.

– До завтра! Позвони мне домой, попозже.

– Мне не нравится твой тон.

– Здесь плохая связь.

– Связь отличная. А вот у тебя голос какой-то не такой. Не такой, как обычно.

– Я... неважно себя чувствую.

Последовала долгая пауза. Вера снова покосилась на Оливера, который вертел в руках бутерброд, как будто изучая его.

– Любимая, прошу тебя, расскажи, что ты чувствуешь!

– Просто чувствую себя неважно.

– Как именно?

– Как всегда.

– Тошнит?

– Да. Не понимаю, почему Джулс Риттерман до сих пор не звонит. Тебе он ничего не говорил?

Отчего-то ее последний вопрос успокоил Росса.

– Джулс? Нет. Я сам ему дозвонюсь, добьюсь от него... Я люблю тебя, Вера. Я правда очень тебя люблю, милая. Ты ведь знаешь, правда?

– Да.

– Я перезвоню тебе попозже, – сказал Росс. – Я тебя люблю.

– И я.

– Скажи, что любишь меня.

– Конечно, ты ведь знаешь, – примирительно ответила Вера.

– Нет, скажи сама. Скажи мне, Вера!

Еще один быстрый взгляд в сторону Оливера, потом напряженно:

– Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю.

Росс отключился.

Вера кинула телефон в сумку. Оливер посмотрел на нее:

– Извините. Надеюсь, из-за меня у вас не будет неприятностей?

– Нет. – Вера пожала плечами. – Просто... мой муж такой собственник!

– Его трудно винить. Наверное, я бы тоже стал жутким собственником, будь вы моей женой.

Она поспешно отвела взгляд; лицо залилось краской, но она улыбалась.

– Вам правда нехорошо?

– Мне... *прекрасно!*

Он засмеялся:

– Знаете, однажды я услышал замечательное определение зануды. Зануда – человек, который лишает вас одиночества, не обеспечивая обществом. По-моему, так можно описать множество браков.

– Росс не зануда и никогда им не был, – горячо возразила Вера и сама себе удивилась: почему она так рьяно защищает мужа?

– Не обижайтесь... я вовсе не имел в виду...

– Ничего, все в порядке. Я хотела сказать... – Вера не знала, почему вдруг кинулась на защиту Росса. Она вовсе не хотела говорить ничего подобного. Как будто тень Росса окутывала ее всю... Темный страх, от которого она никогда не сможет освободиться – не важно, насколько она от него далека.

Во многом она боялась за Алека. Что-то екало у нее в груди всякий раз, когда она позволяла себе роскошь помечтать о возможности развода. Алек. Страшно представить, как их развод отразится на мальчике! Росс будет использовать сына как заложника и постарается не выпустить его из своих когтей. Это гораздо, гораздо страшнее, чем мысли о том, что Росс может сделать с ней самой!

Оливер откусил кусок хлеба. Она опустила голову и посмотрела на свой сандвич, но аппетит пропал.

– Я хочу сказать, – продолжала она, – Росс не зануда, но это не

значит... – Голос ее замолк.

– Не значит?.. – эхом отозвался он.

Вера улыбнулась:

– Расскажите о себе. Расскажите о вашей жизни после развода.

– Что ж. – Он смущенно-лукаво улыбнулся. – Я храню целибат.

– Серьезно?

– Восемь лет. Так что, если ваш муж взревнует, скажите ему. Я говорю правду.

– Почему? – спросила Вера. – У вас есть особая причина или вы просто не встретили никого?

– Знаете, что такое цинь-ци?

Вера покачала головой.

– Так китайцы называют сексуальную энергию. Они верят: если управлять этой энергией, сохраняя целибат, она превращается в высшую энергию, которую можно применять на духовном уровне для целительства. Я хотел попробовать, – продолжал Оливер, откусывая еще один кусок. – Я хотел попробовать сконцентрироваться и достичь высших уровней сознания. Я много учился и подсчитал: это именно то, что нужно. И я принял решение. Кроме того, я еще не встречал женщины, которая заставила бы меня захотеть пересмотреть свое решение. – Он снова повернулся к Вере; его лучистые серые глаза смотрели на нее в упор. – До тех пор, пока не встретил вас.

Девушка была страшно изуродована. Оборвался ремень безопасности в древней паршивой русской машинке ее матери, и она на скорости шестьдесят километров в час вылетела из машины головой вперед, пробив последнее на планете Земля ветровое стекло, изготовленное из обычного, бьющегося материала. Она бы пострадала меньше, подумал Росс, если бы угодила под лопасти косилки.

Ли Филиппс была совсем молодая девушка. Слепела на один глаз; у нее срезало почти весь нос, губы и подбородок. Лицо, покрытое багровыми шрамами, выглядело так, словно его собрали из осколков наспех, кое-как. Ли Филиппс сидела в кресле перед его столом и, перед тем как ответить на очередной его вопрос, неизменно оглядывалась на мать, которая устроилась подальше, на диване.

Даже Росса, привыкшего за долгую практику к ужасным зрелищам, при виде этой девушки проняло. Он изо всех сил старался демонстрировать уверенность и профессиональное хладнокровие – и больше ничего.

Сам его кабинет располагал к спокойствию и уверенности. Он был обставлен в том же мужском стиле, что и кабинет у него дома. Обстановка богатая: темное дерево, кожаная мебель, картины с изображением морских сражений, книжные полки, уставленные медицинскими трактатами в кожаных переплетах; на белом дорическом постаменте – белый же мраморный бюст Гиппократов.

– Ли, когда вы родились? – спросил он.

Девушка привычно оглянулась на мать, сжимавшую в руках большой коричневый конверт. Мать ответила за дочь робким, нервным голосом:

– В 1983 году.

Росс вписал дату рождения в историю болезни ручкой «Монблан».

– Почему вы решили обратиться именно ко мне?

Ли опять предоставила отвечать матери.

– Наш лечащий врач дал нам целый список с фамилиями пластических хирургов. Муж отыскал сведения о вас в Интернете; по его мнению, вы лучше всего подходите для того, что нужно Ли. – Она ломала руки; на лице застыла жалкая улыбка, отчаянная мольба о помощи.

Росс бросил взгляд на лежащий на столе карманный компьютер. Десять минут четвертого. Исподтишка нажал на кнопку «Организер». Ли и ее мать – последние пациенты, которые сегодня записаны на прием; в

четыре он должен возвращаться в операционную. Трудно сосредоточиться, когда все его мысли об одном – о Вере. Где она, черт ее побери, шлялась сегодня?

В Лондоне.

Нет, ни в каком ты не Лондоне. Врешь, стерва! Где же ты на самом деле, Вера? Лучше тебе самой признаться, потому что я так или иначе все выясню!

Чтобы сосредоточиться, он перечитал историю болезни.

– Ясно, в Интернете. – Записав ответ, он поднял голову. За долгие годы работы пластическим хирургом он овладел искусством смотреть на любого пациента, вне зависимости от того, насколько тот был изуродован или искалечен, не выдавая своих эмоций. Скрестив руки на груди, он подался вперед: – Итак, Ли, скажите, чего конкретно вы от меня ждете?

Мать кивнула девушке, чтобы та говорила.

– Я хочу выглядеть как раньше.

– Ли была моделью, – пояснила мать, – работала в модельном агентстве высшего класса. В июньском номере журнала «Семнадцать» с ней целый разворот. Все говорят, у нее был... я хотела сказать, есть талант для того, чтобы взобраться на самый верх.

Глаза всех троих на мгновение встретились – словно вспышка молнии.

Мать встала и протянула Россу конверт, который до того крепко сжимала в руках.

– Вот... ее снимки.

Росс вскрыл конверт и вынул оттуда несколько профессионально снятых фотографий потрясающе красивой молодой брюнетки. Несмотря на весь его опыт, даже ему трудно было поверить, что на фотографиях и за его столом – одна и та же девушка; как же ей, бедняжке, не повезло! Видимо, ее кое-как, наспех, зашивали какие-нибудь горе-костоправы в отделении скорой помощи. Того, кто занимался ею сразу после катастрофы, нельзя назвать врачом. Жестянщик, настоящий жестянщик!

Положив фотографии на стол, он посмотрел сначала на мать, а потом на дочь. Как можно мягче он сказал:

– Ли, мне кажется, я смогу вам помочь, но потребуется много времени и несколько операций. Не могу стопроцентно гарантировать результат, и очень важно, чтобы вы обе это понимали.

– Доктор, как она будет выглядеть после операции? – взволнованно спросила мать.

Росс ничего не ответил, но подумал: не слишком. Возможно, он слегка подправит личико девушки, но на ее карьере модели можно ставить крест.

Потом он объяснился с пациенткой и ее матерью, а в голове крутилось: «Вера, дрянь такая, ты и не сознаешь, как тебе повезло! Я сделал тебя красавицей. Я мог бы с таким же успехом превратить тебя в такое вот страшилище».

Когда мать и дочь выходили из кабинета, девушка рыдала. Подросткам ее возраста трудно смириться с тем, что в ближайшие два года придется перенести десять операций. Но важно, чтобы и она, и ее мать знали, как обстоят дела: нужно много мужества, чтобы пройти испытание, которое в скором будущем предстояло Ли. И меньше всего Росс хотел, чтобы пациентка и ее родственники оказались разочарованными и недовольными конечным результатом.

Росс закрыл дверь и попросил секретаршу несколько минут ни с кем его не соединять. Он развернулся к компьютеру, ввел команду, затем пароль. Через несколько секунд он соединился с домашним компьютером, стоящим в его кабинете в Суссексе. Вскоре перед ним на мониторе возник список всех звонков, сделанных и полученных Верой за последние семь дней. Один щелчок мыши – и он может прослушать любой из них.

Ладно, сука такая, сейчас посмотрим, с кем ты болтала в последнее время!

– Мне пора. – Веру терзали угрызения совести: несколько часов, что она провела с Оливером Кэботом, она даже не вспомнила об Алеке. Как будто она мигом сбросила четырнадцать лет и снова стала подростком – вернулась в то время, когда впереди у нее была вся жизнь.

Когда она допивала капучино, оттаивая после холода, открылась входная дверь. Она настороженно оглянулась, возвращаясь в реальный мир. Парень и девушка лет двадцати. Незнакомые. Она расслабилась.

В кафе слышался бодрый гул голосов; сразу вспомнились студенческие годы. Пластиковые столы, клубы сигаретного дыма, запах густой мясной подливы, посетители сдвинули столики и болтают. Всякий раз, как открывается дверь, хлопают газеты в деревянных газетницах.

Пять минут четвертого. На то, чтобы добраться до вокзала Виктория, нужно минут сорок, а то и больше; полчаса на «Гатуик экспресс» и еще двадцать пять минут езды от станции до дома. По ее прикидкам, дома она окажется не раньше половины шестого. Как раз вовремя, чтобы поужинать с Алеком.

У Оливера, сидевшего напротив, волосы еще больше растрепались от ветра.

– Вы давно проходили полное медицинское обследование? – спросил он.

Вера вспомнила, как он рассматривал ее ладонь в кафе магазина «Дженерал трейдинг компани».

– Вообще-то недавно.

– Рад слышать. Все нормально?

Она ответила не сразу.

– Пока не знаю... сдала несколько анализов.

– Надеюсь, вы простите мое...

– Да. – В тепле, в облаках сигаретного дыма вернулась тошнота, но она не хотела ему признаваться в том, что ей нехорошо. – Я рада, что прошла обследование. Я... давно уже не проверялась.

– И как? Все в порядке?

Вере не хотелось рассказывать ему о своей депрессии, не хотелось показывать свои изъяны.

– По-моему, есть такое выражение – «в добром здравии». – В его глазах она ясно разглядела сомнение – а может, ей так только показалось?

– Хорошо. Я рад. – После долгой паузы он сказал: – Знаете, Вера, я правда очень рад, что вас увидел.

– Спасибо. Мне тоже было очень приятно.

– Мы увидимся снова?

Веру так влекло к нему, что стало страшно; вместе с тем влечение подхлестывало ее. С Оливером так хорошо! Она понимала, что должна ответить отказом, но, к собственному изумлению, вдруг услышала, как говорит:

– Да... я с удовольствием.

– Сумеете выбраться завтра?

– Сейчас школьные каникулы, и я на целый день везу развлекаться сынишку и двоих его друзей.

– А на той неделе?

– Пожалуй, лучше договориться по телефону, – нехотя ответила Вера. – Надо посмотреть ежедневник... Я состою в разных общественных комитетах... а в среду у Росса день рождения.

Ею овладели дурные предчувствия. Если Росс узнает об их свиданиях, он вышвырнет ее, запретит видеться с Алеком...

Оливер, широко улыбаясь, воздел кверху руки:

– Ладно, когда вам будет угодно. Выкроите немного времени, когда получится, и, если захотите меня увидеть, звоните. Я на месте. Никуда не денусь. – Он покрутил ложкой в чашке, собрал со стенок остатки кофейной пенки. – Просто знайте: мне очень хочется снова вас увидеть. Ладно?

Когда она вышла, ветер швырнул пряди волос ей в лицо, а потом, вдруг, словно проник внутрь и закружился в животе. Стало так холодно, что она едва не закричала. Тошнота подкатывала к горлу. Казалось, вся улица сорвалась с места, как будто кто-то обрезал невидимые канаты. Качнулся, приближаясь к лицу, тротуар.

Она смутно чувствовала руку Оливера, схватившую ее, – сильную, уверенную руку. Его лицо превратилось в искаженное, размытое пятно. Она услышала его бесплотный голос:

– Вера? Господи, Вера!

Он помог ей встать на ноги; она стояла пошатываясь, опираясь на него – он поддерживал ее за талию. Она глубоко дышала, чувствуя, как ветер холодит пылающее лицо, и смотрела на него – разглядывала глубокие складки, словно углем нарисованные под глазами.

– Хотите вернуться? – спросил он.

– Нет, мне уже лучше, только... холодно...

– Давайте вернемся в кафе, посидим там еще несколько минут.

– Нет-нет, мне правда лучше. Мне пора домой. Вы не вызовете мне такси? Со мной все будет в порядке, честно.

– В такси я вас не отпущу. Я сам вас довезу.

– Спасибо, не надо. Мне правда лучше.

Ей стало чуточку легче – но вдруг за глазами яблоками взорвалось ослепляющей болью, как будто ее ткнули кинжалом в голову. Ее настиг новый приступ тошноты, и она крепко схватила его за руку. По горлу поднималась желчь. Вокруг все снова стало размытым. Ноги у нее подкосились.

Сиденье в салоне темно-синего джипа Оливера было мягким, как кресло; Вере казалось, будто она в лодке – покачивается на волнах. Она слушала уверенное рычание дизельного двигателя, жужжание вентилятора, ощущала теплую волну воздуха. Из магнитолы доносится негромкая музыка – Моцарт. Звук прикручен, но не выключен. Вера сосредоточилась на главном.

Не вырвать! Не вырвать! Не вырвать!

Оливер переключил передачу, сбоку замелькали огни.

– Вера, что сказал вам врач?

Звонок. Ее мобильник. В сумке. *Что сказал врач? Ничего.* Телефон еще звонил. Она нащупала «молнию», рванула ее, порылась в сумке, достала телефон, посмотрела на дисплей.

Опять Росс.

Выключила телефон, бросила его в сумку. Речь давалась ей с трудом.

– Я... очевидно, что-то подцепила... в Таиланде... Там много всяких бактерий... В общем, все нормально.

– Нормально?! Черта с два!

Он нажал на тормоз, остановившись на красный сигнал светофора в коридорчике между двумя громадными внедорожниками. Вера слышала рев их двигателей, чувствовала, как они вибрируют, сотрясая весь ее мир. Оливер такой сильный, с ним так хорошо. Вдруг ее затопил глубокий, ужасный страх, темнота, как лужа чернил, пропитавшая промокашку. Что с ней? Кроме всего прочего, она боялась гнева Росса. А темно-синий джип, ставший ее временным убежищем, скоро доставит ее на вокзал Виктория, к поезду, который отвезет ее домой.

К поезду в ад.

Бензин выплескивался из горлышка канистры неравномерно. Заволновавшись, Росс принялся раскачивать, наклонять канистру в разные стороны, чтобы вылить все до конца. *Лейся же, ну, пожалуйста!* Вонь становилась все сильнее; пары бензина жгли глаза. Он плеснул на диван – *давай же, давай!* – на ковер, на обеденный стол. Потом, оставив за собой коричневую дорожку, пятясь, вышел в коридор и продолжал лить бензин до самой кухонной двери.

Теперь в спальне возился и сопел мужчина. Росс слышал скрип пружин; мужчина стонал все громче и громче.

Не переставая лить бензин, он вернулся к двери в спальню. Прикинул, как надо расположить канистру, чтобы бензин тонкой струйкой полился через дверную щель. Поставил канистру на бок.

Канистра гулко ударилась об пол; струйка коричневой жидкости полилась под дверь – прямо в спальню. Но удар заглушал шум, производимый мужчиной.

– Да! – кричал он. – Да, да, да!

Росс через кухню отступил к двери. Выждал как можно дольше и попытался достать из кармана спички.

Последнее действие он не отрепетировал. Резиновые перчатки прилипли к подкладке брюк.

Только не это!

Распсиховавшись не на шутку – вокруг ужасно воняло бензином, – он сорвал с руки перчатку, пошарил в кармане и выудил оттуда коробок. Когда он открыл его, несколько спичек упали на пол. Он опустил на колени, чтобы собрать их, – высыпались все остальные.

Вдруг до его ушей донесся удивленный вскрик:

– Эй! Господи, какого черта...

Дверь со стуком распахнулась. Шаги...

Нет времени смотреть, нет времени ничего предпринимать – только чиркнуть спичкой, поджечь...

Пш-ш-ш-ш-ш-ш!

Скорость, с какой пламя распространилось по полу, застигла его врасплох. Он поднял голову как раз вовремя – на один короткий миг он увидел в коридоре фигуру голого мужчины. В следующее мгновение, взревев от боли и страха, мужчина превратился в пылающий желто-

зеленый огненный шар.

Крики стали еще ужаснее – они превратились в жуткое, отчаянное завывание, исполненное мучительной боли. Внезапно послышался истерический женский визг.

Росс позволил себе одну секунду насладиться – как если бы слушал музыку. Потом он подхватил резиновую перчатку, плотно закрыл за собой дверь, повернул ключ, вынул его из замка и, сжимая в зубах, снова натянул перчатку. Вниз он спустился по пожарной лестнице.

Он перелез через забор за домом, спрыгнул на бетонный фундамент стройплощадки и, согнувшись, пополз вниз по пандусу, туда, где потом соорудят подземную автостоянку. Оранжевого света от уличных фонарей вполне хватало; он видел все.

Велосипед стоял на месте, заботливо спрятанный за бетономешалкой – там, где он его и оставил. Он вскочил в седло, на некоторое время выключил фары и начал бешено накручивать педали. Быстро поднялся по пандусу – и прочь отсюда, на оживленную главную улицу.

Когда он решил, что отъехал на безопасное расстояние, он остановился и включил передние фары и задние фонари. Затем поехал дальше в умеренном темпе – обычная фигура велосипедиста, часть ночного пейзажа, которая ни для кого не представляет интереса.

Прошло целых пять минут, прежде чем он услышал завывание первой сирены пожарной машины.

– Мистер Рансом, я отказываюсь верить в то, что вы не понимаете очевидных вещей, – заявила леди Джеральдина Рейнс-Райли. – Остальным все ясно с первого взгляда.

Она говорила очень четко и медленно, словно по слогам; ее произношение было до боли безупречным. Интонация выдавала презрение, как если бы она распекала нерадивого лакея, который едва владеет английским языком, и как будто разговор с ним крайне утомителен для нее.

За такую фигуру, как у нее, многие женщины, особенно ровесницы леди Джеральдины, были бы готовы убить: высокая, гибкая; великолепный бюст, над которым отлично потрудился предшественник Росса, другой пластический хирург; такие же потрясающие ноги, за которые ей следовало поблагодарить своих родителей, и длинные белокурые пряди, красотой которых, как безошибочно свидетельствовали ее брови цвета воронова крыла, она была обязана искусству своего парикмахера.

Ее внутренние биологические часы только что протикали пятьдесят два года, хотя репортеры светской хроники давали ей сорок семь. Внешне она выглядела куда моложе: прежний пластический хирург отрезал, отсосал и удалил ей лет двенадцать. Не многие тридцатипятилетние женщины способны соперничать с леди Джеральдиной. Какая жалость, что нельзя с помощью операции изменить также и ее характер!

Небрежно развалившись в кресле, она продолжала выговаривать Россу. Она была одета так, как одеваются только богатые. Есть что-то в по-настоящему дорогой одежде, что отделяет ее и ее обладателей от простых смертных. А леди Джеральдину Рейнс-Райли отделяла от простых смертных целая планета. Россу хотелось, чтобы Вера переняла такую манеру держаться, но... Сколько бы денег он на нее ни тратил, общая формула, так сказать, ускользала от него.

– Я обратилась к вам, мистер Рансом, потому что все, с кем я советовалась, считают вас лучшим хирургом в нашей стране, – продолжала его посетительница.

Хотя Росс ничего не ответил, он отлично знал, почему леди Джеральдина Рейнс-Райли на самом деле так часто меняет хирургов: его коллега, Николас Паркхаус, настоящий мастер своего дела, счел дамочку настолько невыносимой, что попросту отказался делать ей очередную операцию. Обычно Росс умел справляться с трудными пациентами, но он

уже горько сожалел о том, что взвалил на себя новую обузу.

Его соблазнило само имя Рейнс-Райли. Дамочка сделала стремительную карьеру: от обычной шлюшки, о которой писали на третьих страницах желтых газет, до персоны из списка сливок общества. Она взлетела на самый верх благодаря трем следующим друг за другом бракам; каждый ее новый муж был богаче и знатнее предыдущего. Ее теперешний супруг, умный и симпатичный баронет, фигурировал в списке ста самых богатых людей по версии «Санди таймс». Репортажи об этой парочке не сходили с полос светской хроники: то они играют в поло с принцем Уэльским, то посетили Уимблдон вместе с Томом Крузом и Николь Кидман, то отбыли на оперный фестиваль Глайнборн с королем и королевой Норвегии. Леди Джеральдина пожелала сделать подтяжку лица, чтобы лучше выглядеть перед съемками для журнала «Хэлло!», запланированными в их громадном особняке, однако осталась недовольна результатом. Росс с досадой осознал: подобный исход был неизбежен. Она – не из тех женщин, которым когда-либо и чем-либо можно угодить.

Возможно, есть доля правды в тех слухах, которые Вера когда-то показывала ему в колонке светской хроники в «Дейли мейл»: поговаривали, будто, несмотря на все свое богатство, леди Джеральдина пару-тройку раз отказывалась платить по счетам.

– У меня асимметричное лицо – надеюсь, вы в состоянии это заметить.

– Леди Рейнс-Райли, если вы взглянете на «Мону Лизу», то увидите, что у нее лицо тоже асимметричное.

Когда она артикулировала, лошади с пышными султанами, галопирующие на складках ее шелкового шарфа, медленно поднимались и опускались.

– Если хотите знать мое мнение, ваша «Мона Лиза» – просто старая кошелка. Сравнение с нею несколько мне не льстит. Кроме того, вы определенно испортили мне нос. Теперь он совершенно прямой, а я, помнится, недвусмысленно высказала вам свои пожелания. Я хотела, чтобы мой нос стал короче. Понимаете – ко-ро-че! Разумеется, и речи не может быть о том, чтобы я оплачивала ваши огрехи, и потому я требую, чтобы вы точно сказали, как вы намерены исправлять брак.

Россу понадобилась вся сила воли, чтобы сдержаться и не нагрубить ей. Дамочка сама не знает, чего хочет. Он отлично потрудился над ней; никакого сравнения с тем, что было. Но в то же время он понимал: если он промолчит или нахамит пациентке, она способна испортить ему много крови.

Решив положиться на свое обаяние, он спросил:

- А как ваш супруг относится к переменам в вашей внешности?
- Мистер Рансом, вряд ли мнение моего мужа имеет отношение к делу.

Самое главное – мои ощущения.

- Конечно, конечно, – торопливо согласился Росс.
- Итак, что вы намерены предпринять?

Подняв кверху руки, он воскликнул:

- Вы готовы к еще одной операции?

– Я не трусиха, знаете ли. Неужели я похожа на трусиху? С моим-то *асимметричным*, как вы выразились, лицом!

- Разумеется, нет.

– Надеюсь, вы сознаете, что повторная операция крайне неприятна и неудобна для меня?

– Да, леди Рейнс-Райли; кроме того, считаю своим долгом напомнить вам, что риск существует при любой операции.

– Я только что говорила, что я не трусиха, – язвительно парировала его клиентка, – но у меня каждый день расписан буквально по минутам. Кроме того, вы должны компенсировать мне все дополнительные убытки, которые я понесу в связи со второй операцией.

– Вы можете хотя бы приблизительно указать размер ваших предполагаемых убытков? – хладнокровно спросил Росс.

– Мои поверенные представят вам список, – ответила его пациентка с улыбкой, способной разьесть нержавеющей сталь.

Навес автозаправочной станции развевался, словно аэродинамическая труба. Склонив голову, чтобы защититься от безжалостных струй дождя, Вера стояла у своего «ренджровера». Как медленно сегодня наливается бензин в бак! Она следила за мелькающими на табло цифрами. Дождь атаковал со всех сторон, стуча по водонепроницаемому дождевику. Джинсы прилипли к ногам; волосы отсырели.

Алек, надежно пристегнутый ремнем безопасности на заднем сиденье, помахал ей и состроил смешную рожицу. Она тоже в ответ скорчила гримасу. Он наклонился к стеклу, расплющив о него нос, и свесил язык, словно ненормальный. Она рассмеялась. «Ты такой славный малыш, – подумала она. – Ты смешной, умный, добрый. Ты ни в чем не виноват. Я хочу забрать тебя от Росса до того, как он сделает тебя надменным, грубым и жестоким – таким, как он сам».

В последние двадцать четыре часа после того, как она едва не умерла в присутствии Оливера Кэбота, ей стало чуть лучше – и физически, и душевно. Вчера ночью к ней вернулся аппетит; утром и в обед она настолько проголодалась, что съела огромный гамбургер и размокшие чипсы, когда была с Алеком и его друзьями в парке развлечений. Они только что развезли детей по домам. Впервые после возвращения из Таиланда ей по-настоящему хотелось есть. Вот и сейчас она ощутила приступ голода – ей захотелось чего-нибудь сладенького.

Может быть, доктор Риттерман все-таки прав и инфекция пройдет сама по себе?

Послышался щелчок. Бензин полился быстрее; прошло несколько секунд, и струя перехлестнула через край и полилась по борту машины. Вера повесила пистолет на место, завинтила крышку бензобака и поспешила укрыться от дождя в теплом, уютном магазинчике при автозаправочной станции.

В кассу стояла очередь. Перед тем как стать в конец, она подошла к полкам и позволила себе роскошь на несколько секунд задуматься. Журналы были одной из ее слабостей; особенно она любила страницы, посвященные кулинарии и дизайну интерьера. Наконец она выбрала последние выпуски «Хорошей хозяйки», «Загородных домов» и «Хэлло!». Прихватила коробку «Молтезерз» для себя, круглые «Смартиз» для Алека и встала в очередь. За ней тут же пристроился помятого вида мужчина в

костюме.

Сегодня за кассой сидел парень, которого она любила меньше других: тощий и заносчивый юнец лет двадцати, не больше, с сальными светлыми волосами, зачесанными гребнем, с серьгой в ухе, модной трехдневной щетиной на подбородке и хитрой ухмылкой.

Он долго возился с покупателями, стоявшими впереди нее, и Вера задумалась. Когда очередь дошла до нее, ее мысли были очень далеко.

– Какая колонка?

Она непонимающе уставилась на парня, совершенно позабыв, где она находится.

– Какая колонка? – повторил он громче, чем надо.

Она очнулась. *Ты прекрасно знаешь, сопляк, у какой колонки я запрашиваюсь, какой марки у меня бензин и сколько литров я беру. Хам малолетний! Ты знаешь мою машину! Я уже бог знает сколько времени дважды в неделю запрашиваюсь на одной и той же станции. Все, что тебе нужно сделать, – выглянуть в окно.* Она понимала: парень играет свою маленькую игру, используя свою крошечную возможность применить власть.

Вера выглянула в окно, решив потянуть время. Пусть подождет! За хамство надо платить той же монетой (как ни грустно, но месть сладка).

– Номер четыре.

Вера выложила на прилавок журналы и конфеты; прочитала рекламный плакат общенациональной лотереи. Как давно она не покупала билетов! Росс не одобрял подобных трат.

– Шестьдесят восемь семнадцать.

Она протянула парню карточку «Мастер-кард» и снова стала изучать плакат. Ее так и подмывало купить лотерейный билет. Время от времени она выигрывала по десять фунтов, и ей часто везло в более мелких розыгрышах. Но ей не хотелось покупать билеты здесь, у противного юнца: наверняка окажутся несчастливými.

А у парня явно возникли какие-то затруднения. Он уже второй раз прокатывал ее карточку через машинку. Потом, посмотрев на дисплей, внезапно сунул карточку ей в руку:

– Недействительна!

Вера изумленно посмотрела в хитрые глазки:

– Недействительна? Что вы имеете в виду?

– Ваша карта недействительна.

Со злостью схватив карточку, Вера сказала:

– Не глумитесь! – Сознавая, что за ней стоит много народу, она

проверила срок действия карты. Еще пять месяцев! Протянув карту парню, она надменно заявила: – Карта действительна. Видимо, у вас проблемы с компьютером.

Не говоря ни слова, парень взял карту, снял трубку и набрал номер. Кто-то дернул ее за полу плаща. Обернувшись, Вера увидела Алека, который сжимал в руках комикс «Бино».

– Мамочка, можно мне его купить?

– Милый, я же велела тебе оставаться в машине.

Алек скорчил забавную гримаску:

– Знаю, но можно мне его купить? Этого выпуска у меня нет. Ну, пожалуйста!

– Недействительна, – заявил кассир достаточно громко, чтобы стало слышно всем. – Наверное, превысили лимит кредита.

Возможно ли такое? Вера задумалась. Невозможно. У ее карточки лимит в десять тысяч, а за последний месяц она потратила не больше нескольких сотен.

– Не может быть, – рассердилась Вера. Порывшись в сумочке, она вытащила платиновую карту «Америкэн экспресс», которой пользовалась редко, и протянула ее кассиру. Ее чувство собственного достоинства немного восстановилось.

Тот довольно грубо схватил карту и прокатил через машинку. Потом еще раз; всем своим видом парень демонстрировал: он-то знает, каков будет результат, но соглашается с упрямой дамочкой только из вежливости.

– Она тоже недействительна, – заявил он.

Вера вспыхнула:

– С вашим аппаратом что-то не так.

Позади нее раздался раздраженный мужской голос:

– Послушайте, я тороплюсь!

Кассир нажал пару кнопок на кассовом аппарате и взял кредитку у стоявшего сзади мужчины. Через секунду аппарат выдал слип-копию чека. Ликуяще улыбнувшись, парень вернул мужчине его карточку и протянул чек на подпись. Потом объявил:

– Аппарат в порядке.

Веру охватило беспокойство. Что происходит? Должно быть, где-то произошел компьютерный сбой. Когда она придет домой, надо будет как следует задать жару компаниям по выпуску кредитных карт. Пусть ей пришлют письменные извинения! Да, кстати, и напыщенному юнцу пусть напишут тоже. Интересно, хватит ли у нее наличных, чтобы расплатиться?

– Сколько, вы сказали, я вам должна?

Его ухмылка стала почти невыносимой.

– Шестьдесят восемь семнадцать. Плюс «Бино», всего вместе...

– Мамочка, не забудь мой комикс, мы должны и за него заплатить! – подал голос Алек.

– Сейчас посмотрим, хватит ли у меня денег, милый. – Она порылась в сумочке, вытащила все банкноты и пересчитала. Ровно шестьдесят фунтов. Она высыпала на прилавок все монеты.

Еще один раздраженный голос сзади произнес:

– Извините, не могли бы вы сначала обслужить нас, а потом заниматься той женщиной?

Вера готова была сквозь землю провалиться от унижения. Алек протянул ручонку:

– Мамочка, у меня есть шестьдесят пенсов, можешь взять.

Она улыбнулась:

– Спасибо, милый. Они мне пригодятся. – Она повернулась к кассиру: – У меня есть еще деньги в машине, только надо за ними сходить.

К своему облегчению, она собрала целых семь фунтов монетами в маленькой сумочке, где хранила мелочь для парковочных автоматов. Она вернулась в магазинчик, расплатилась за бензин и покупки и, подхватив Алека, пошла к машине. Как только она пристегнула сынишку ремнем безопасности, он тут же углубился в комикс.

Вера включила зажигание, вырулила с заправки, потом остановилась и набрала номер, напечатанный на обратной стороне ее золотой карты. Ей ответила сотрудница отдела по работе с клиентами.

– Мою карту не приняли в кассе магазина автозаправочной станции, – сказала Вера.

Сотрудница спросила номер счета, затем задала ряд обычных проверочных вопросов: адрес Веры, дата рождения, девичья фамилия матери. Потом она попросила Веру подождать.

Примерно через полминуты сотрудница заявила:

– Извините, но карта заблокирована основным держателем.

– Основным держателем? – изумленно переспросила Вера.

– Совершенно верно.

Вера поблагодарила и повесила трубку. Потом по очереди набрала номера, напечатанные на обратной стороне двух других карточек.

Росс заблокировал и их тоже.

Вера пришла в ярость. Она позвонила в приемную Росса на Харли-стрит. Трубку сняла его секретарша, как всегда надменная и отстраненная. Люсинда Смарт раздражала Веру несказанно. Сухая, похожая на лошадь,

разведенка под пятьдесят, чья сестра служила личным секретарем у принцессы Маргарет. С Верой Люсинда всегда держалась надменно и равнодушно.

– Люсинда, будьте добры, соедините меня с Россом, – попросила Вера. – По срочному делу.

– Мистера Рансома сейчас нельзя беспокоить, миссис Рансом. У него пациентка.

– Мне необходимо переговорить с ним сразу же, как только он освободится.

– Я передам ему вашу просьбу, миссис Рансом.

– И вот еще что. Прошу вас, передайте ему: если он не перезвонит, ужина сегодня не будет.

Он не перезвонил.

Когда-то – уже очень давно – шуршание шин по гравию музыкой отдавалось в ушах Веры. *Росс сейчас будет дома!* Когда-то она бросалась к нему, как только он показывался на пороге; она обнимала и целовала его. А однажды летним вечером, вскоре после того, как они сюда переехали, и незадолго до зачатия Алека, они лежали на полу в холле и занимались любовью – даже не закрыв дверь.

Она слышала, как залаял Распутин; он ринулся к двери, чтобы встретить хозяина. Алек в пижаме поспешил следом:

– Папа приехал! Папа дома!

Чуть раздвинув занавески, Вера увидела его «астон-мартин»; в темноте посверкивали габаритные огни. Она отступила назад. Она до сих пор была в джинсах и свитере грубой вязки, но ей было все равно. Сегодня придется ему потерпеть.

Вера нарочно не потушила свет в спальне, зная, что это раздражает его. На лестничной площадке на боку валялась игрушечная полицейская машинка; чуть дальше валялись детали «Лего» – Алек пытался построить гараж, да так и не достроил. Вера и не подумала ничего подбирать. Внизу слышался взволнованный собачий лай. Но вот скрипнула отпираемая дверь, и она услышала голос Росса, который поздоровался вначале с собакой, затем с сыном.

– Папа, показать, что я нарисовал в школе?

Снова голос Росса, перекрывающий остальную шум:

– Распутин! Тихо, малыш! Тихо!

– Показать, папочка? Показать?

И, впервые за все годы замужества, Вера решила, что не спустится вниз. Пройдя по коридору второго этажа, она зашла в одну из спален для гостей.

Включила свет, закрыла за собой дверь и села в глубокое кресло. Комната выходила окнами не на фасад, а на противоположную часть дома: на лужайки, уступами спускающиеся вниз, к бассейну, на теннисный корт, сад и загоны, но в такой дождливый вечер, как сегодня, из окна не видно ничего. Слышен лишь стук дождя по стеклу, а свинцово-серое небо тает во мраке.

Вера вздрогнула. Комната была холодная, нежилая. Обстановка тоже холодная – все подобрано со вкусом, но какое-то безличное. Щегольские

шторы в цветочек в тон покрывалу; мебель красного дерева; на прикроватных столиках – стопки старых журналов «Кантри лайф» и «Вог». Пустоты на стенах заполняли картины, убранные из жилых комнат: заурядные охотничьи сцены, пара скучных набросков, изображающих насосную станцию в Бате, и такая же скучная акварель с видом холмов Суссекса, которую они купили под влиянием шампанского и музыки в Глайндборне.

Хорошо, что здесь тихо. В ней кипела ярость; необходимо остыть. Ей никогда не удавалось переспорить Росса; раньше, когда они ссорились, больше всех страдал Алек – он очень пугался и замыкался в себе...

Вера закрыла глаза и стала думать об Оливере Кэботе. Она изо всех сил старалась вспомнить его лицо, однако оно ускользало: в первый миг она отчетливо представляла лицо Оливера, и тут же от него оставалось лишь слабое воспоминание. Всякий раз, когда Вера думала о нем, ей становилось теплее. Самое сильное чувство, связанное с ним, – теплота. Теплота и грусть, глубокая, нежная грусть, когда он говорил о сыне.

Острая тоска вдруг овладела ею; страстно захотелось его увидеть. Вере казалось, будто она уже не способна на такое, что подобные чувства остались далеко в прошлом и что она никогда больше не испытает ничего похожего. Подобные чувства она испытывала в ранней юности к мальчику по имени Чарлз Стуртон. Он был похож на Алека Болдуина и обожал ее. Обаятельный, с безупречными манерами, отличный собеседник, восхитительный любовник; он обладал даром нравиться всем. И работа у него была отличная – он трудился в фирме «Сотби». Ему предлагали двухгодичную стажировку в Нью-Йорке, и он просил Веру поехать с ним. В тот момент, когда ей казалось, что все так замечательно, что лучше и быть не может, он вдруг бросил ее.

Один короткий телефонный звонок. Он встретил другую женщину.

После разрыва Вера много месяцев была безутешна. Именно тогда она упала с велосипеда и познакомилась с Россом. Он наложил ей на лоб четыре шва; она еще боялась, что шрамы останутся на всю жизнь, – однако через несколько недель после того, как швы рассосались, на лбу не осталось и следа. К тому времени они с Россом уже встречались.

Он казался ей таким сильным, таким внимательным. Ничто не указывало на то, в какого психопатического тирана он превратится впоследствии... А может, она просто была слепа и до безумия влюблена в высокого, обаятельного, невероятно красивого и честолюбивого молодого врача?

– Какого черта ты здесь делаешь?

Вера повернула голову. Ее муж стоял на пороге с потемневшим от ярости лицом. Видя, что она не делает попыток встать, Росс широким шагом направился к ней.

– Я спрашиваю, какого черта ты здесь делаешь? – Он остановился прямо перед ней, дрожа от ярости.

Вера схватилась за ручки кресла. От злости она даже не испугалась его; ударь он ее сейчас, и она, скорее всего, ударила бы его в ответ.

– Я здесь живу, – холодно ответила она. – Здесь мой дом. Это одна из комнат моего дома, и я в ней сижу. В чем дело?

Росс изумленно воззрился на нее – так, будто не был уверен, как воспринимать ее слова.

– В этой комнате ты хотела бы с ним трахнуть?

– О чем ты, ради всего святого?

– Вера, где ты была вчера?

– Я же говорила тебе: в Лондоне.

– Ты трахаешься с ним в Лондоне?

– С кем трахаюсь? Я ходила по магазинам – покупала тебе подарки к дню рождения. Как я тебе и говорила.

– В Найтсбридже?

– Да. В «Хэрродсе», «Харви Николсе», а потом пошла в «Дженерал трейдинг компани».

Он смерил ее долгим недоверчивым взглядом:

– Вера, я хорошо знаю Найтсбридж. Я стажировался при больнице Святого Георгия; она стояла на углу Гайд-парка, там, где сейчас отель «Лейнсборо». Я прекрасно знаю тот район.

Он отвернулся, подошел к комоду, поднял плетеную корзиночку с ароматизированными лепестками и понюхал содержимое.

– Их нужно заменить. Они выдохлись. Ты не слишком-то хорошо ведешь хозяйство. Наверное, все время думаешь о своем воздыхателе? Не желаю, чтобы мой сын рос без матери, потому что она где-то развлекается с любовником. Понимаешь? Ты понимаешь меня?!

– Росс, у меня нет любовника.

Он поставил корзинку на место, вынул оттуда лепесток и смял его в пальцах.

– Вера, над Найтсбриджем вертолеты не летают. Запрещено. – Он взял еще один лепесток и смял его тоже.

– Вертолеты?

– Когда я звонил тебе на мобильник и мы разговаривали, я услышал шум вертолета. Ты была не в Найтсбридже, Вера. Где ты была?

– Так вот почему ты заблокировал мои кредитные карты! Ты услышал вертолет!

– Не воображай, что, раз у тебя мобильник, я не знаю, где ты. Я звонил в компанию «Водафон». У них вышки по всей стране, неужели ты не знала? Я связывался с тобой через станцию в Уинчмор-Хилл на севере Лондона. С кем ты там была, Вера? С доктором Оливером Кэботом? Так вот что, по-твоему, значит быть *хорошей матерью*?!

Она не отвела взгляда, хотя слова мужа ввергли ее в замешательство. *Как, господи помилуй, он узнал?*

Вдруг он набрал полную горсть лепестков и подошел к ней; лицо его побагровело от ярости. Нет, перед ней сейчас был не ее муж, Росс; то был какой-то демон. И демон сказал:

– Ты тоже выдохлась, потеряла свой аромат – шлюха!

Он так резко швырнул в нее лепестками, что ей ожгло лицо. Затем он почти выбежал из комнаты, с силой хлопнув дверью.

Вера сидела и слушала, как шаги Росса удаляются. Он спускался по лестнице.

Ублюдок!

Она стряхнула с груди и коленей листья и лепестки. Как же ей теперь оправдываться?

Сердце забило чаще. Господи помилуй, Вера, сказала она себе, тебе тридцать два года, и ты ни перед кем не обязана отчитываться, никому не обязана докладывать, что ты делаешь и куда идешь, – даже мужу.

Но думать о таком легче, чем открыто противостоять ему. В Россе есть нечто зловещее, пугающее ее до смерти.

Неужели я боюсь мужа?!

Мужей боятся многие женщины. В журналах Вере часто попадались истории о женщинах, вышедших замуж за монстров; впрочем, иногда, для разнообразия, там рассказывалось о мужчинах, которые женились на настоящих ведьмах.

Она боялась, что однажды в постели Росс зайдет слишком далеко и убьет ее. Похоже, в последние годы ему все больше нравится причинять ей боль, когда он занимается с ней любовью; он возбуждается, когда ей больно. Он поразительно силен; когда он возится с Алеком – кружит его по комнате или борется с ним на полу, – Вере хочется подбежать и вмешаться. Она была совершенно уверена: Росс не соразмеряет сил.

Она встала, смахнув на пол остатки лепестков, и, подойдя к зеркалу, посмотрела на свое отражение. На левой щеке осталась тонкая царапинка от пореза.

Она промокнула ранку платком, извлекла запутавшийся в волосах листик и бросила его в корзину для бумаг. Пол вокруг кресла был усыпан листьями, лепестками и кусочками сушеной апельсиновой корки. Пусть и дальше валяются здесь. Это проблема Росса.

Как, черт побери, объяснить вертолет?

Нет, не нужно ничего объяснять. Он выяснил, где она была.

У них вышки по всей стране, неужели ты не знала? Я связывался с тобой через станцию в Уинчмор-Хилл на севере Лондона. С кем ты там была, Вера? С доктором Оливером Кэботом?

Потом она вспомнила. Росс в машине после ужина в Королевском медицинском обществе. Как он проговорил – спокойно, но так, что кровь

стыла в жилах:

– *Я тебя видел.*

Росс не дурак. В телефонной компании ему сказали, что она находилась в Уинчмор-Хилл; а он выяснил или знал заранее, что в тех краях работает Оливер Кэбот. Может, он за ней следил? Вера давно поняла, что с Россом ничего исключать нельзя. Но раз он допытывался у нее, с кем она была, значит, просто угадал. Ей остается только одно: все отрицать. И придумать благовидный предлог, почему ей нужно было быть в том районе.

Или послать Росса ко всем чертям.

На последнем варианте она и остановилась. Гнев душил ее. *Убирайся к черту, ублюдок!* Она пронеслась по комнате и распахнула дверь. *Думаешь, отколол удачный трюк, заблокировав мои кредитки и унизив меня? Что ж, возможно, где-то есть параллельное пространство, в котором живет другая Вера Рансом; она кротко смирится с твоей выходкой, попросит у тебя прощения. Но я не такая.*

Ты живешь не на той планете, Росс.

Вдруг внизу громко заплакал Алек, как будто с ним произошел несчастный случай.

Вера опрометью кинулась вниз по лестнице. Внутри у нее все перевернулось, когда она увидела сынишку. Он лежал на плиточном полу, свернувшись клубочком, закрыв голову руками, и плакал от боли и страха.

Услышав ее торопливые шаги, мальчик поднял голову, не отпуская рук. Личико исказилось от боли. Вера упала на колени, обняла сынишку:

– Милый, что случилось?

Он ничего не ответил, продолжая так же ужасно рыдать.

– Милый! Пожалуйста, скажи... Ты упал с лестницы?

– Папа... уд-дарил меня...

Теперь и Вера заметила синяк под левым глазом, распухшую кожу, кровоподтек.

Худший из кошмаров! Росс бьет Алека. Росс часто рассказывал ей, как плохо обращался с ним отец, когда он был маленьким. И Вера знала – она прочла много литературы по воспитанию и психологии, – что люди, с которыми родители плохо обращались в детстве, часто обижают собственных детей.

С трудом справившись с душившей ее яростью, она внимательно осмотрела Алека, пощупала ему голову, чтобы убедиться, что ничего не сломано. Потом она взяла сынишку на руки и понесла на кухню. Усадила его на стул, открыла морозилку и достала оттуда пакет с замороженным горошком. Обернув пакет кухонным полотенцем, она приложила его к лицу

мальчика.

Он отворачивался, дергаясь от холода, но Вера уговорила его потерпеть, и малыш постепенно успокоился.

– Милый, за что папа тебя ударил?

– Я...я...я... – От пережитого мальчик начал заикаться.

На экране телевизора перед полицейским стоял Барт Симпсон; тот его обыскивал.

– Пора спать. Мамочка тебя уложит.

– Не-не-не-е-е-е-т!

Вера поняла, что Алек на грани истерики.

Она отнесла сынишку наверх, хотя тот рыдал и брыкался. Нежно уговаривала, утешала, успокаивала. Налила ванну, раздела его и посадила в воду. Алек перестал плакать.

– Милый, пожалуйста, расскажи, что сделал папа.

Мальчик молча сидел в ванне, пока она намыливала его, обливала водой, вытирала полотенцем.

– Скажи мне, сынок.

Но в Алеке как будто что-то сломалось. Вера отнесла его в постель, уложила, подоткнула одеяло. Он лежал молча, отстраненный, насупленный. Вера даже испугалась: сейчас сын был так похож на Росса! Та же насупленность, та же молчаливость, когда он рассержен или ему больно.

Вера взяла любимую книжку Алека, «Чарли и шоколадная фабрика», но он отвернулся к стене и сунул в рот большой палец. Наконец, измученная, Вера отложила книгу, поцеловала сына, пожелала ему спокойной ночи и выключила свет.

Алек тут же расплакался.

Она снова включила свет.

– В чем дело, милый? Хочешь, чтобы я оставила свет?

Он молча смотрел на нее огромными испуганными глазами; левая сторона лица распухла и покраснела.

– Оставить свет? – повторила она. – Поговори со мной, милый. Пожалуйста, скажи что-нибудь.

Вдруг он что-то быстро прошептал.

– Что? Не слышу. – Вера склонилась к сынишке.

– Пожалуйста, не пускай сюда папу! Не разрешай ему снова меня бить.

– Больше он тебя не ударит, – сказала Вера. – Обещаю.

Она выключила свет, закрыла дверь и немного постояла в коридоре. Убедившись, что мальчик заснул, она спустилась вниз и отправилась искать мужа.

Росс сидел в своем кабинете перед компьютером. Пиджак наброшен на спинку кресла, в пепельнице дымит сигара. По лицу текут слезы.

Вера закрыла за собой дверь и встала на пороге, скрестив руки на груди, пытаясь унять бушующий внутри вулкан.

– Ах ты, сволочь! – выговорила она. – Как ты посмел?

Ответа не последовало.

Уже не в силах сдерживаться, Вера закричала:

– Ты ударил моего ребенка, зверь! Ублюдок!

Опять – ни слова в ответ.

– Даю тебе десять секунд на то, чтобы ты ответил, за что ты его ударил. Или я вызываю полицию! – Помолчав, Вера добавила: – И еще... я хочу с тобой развестись.

Не отвечая, не отворачиваясь от монитора, Росс нажал клавишу. Через секунду до Веры донесся собственный голос – четкий и ясный:

«Здравствуйте, Оливер. Это Вера Рансом».

И потом такой же четкий и ясный голос Оливера Кэбота:

«Вера! Вот это сюрприз! Как я рад вас слышать! Как вы?»

Муж развернулся, и в этот момент Вера услышала свой ответ:

«Спасибо, хорошо. А как вы?»

«Отлично. А сейчас еще лучше – раз вы звоните!»

«Я... только хотела узнать... в силе ли еще ваше предложение показать мне клинику?»

«И пообедать. Я ставил условие, что угощу вас обедом».

Стараясь смотреть только на Росса, Вера услышала собственный радостный смех и ответ:

«Пообедать? С удовольствием».

Ее потрясла тишина. Те несколько секунд полной тишины, когда Росс выключил запись и облокотился о столешницу. Глаза распухли и покраснели от слез; на лице выражение крайнего отчаяния и обиды.

Прежняя Вера Рансом, та Вера, что существовала еще год назад, повела бы себя по-другому. Вероятнее всего, она кротко дала бы ему полный, подробный отчет о своих прегрешениях. Но сейчас она не испытывала никакого страха – наоборот. Она еще никогда не была так близка к тому, чтобы разорвать его на куски голыми руками.

– Ты прослушиваешь мои разговоры?

– Не без основания.

– Какого черта?! Кто дал тебе право думать, что ты имеешь право шпионить за мной? Так вот почему ты ударил ребенка! Трус! Ты избил сына, потому что это легче, чем бить меня?

Росс резко вскочил с места; стул на колесиках откатился в дальний угол комнаты.

– Ах ты, сука! Мне совсем нетрудно избить тебя!

– За что ты ударил Алека? *Как ты посмел его бить?!*

– Ты не справляешься со своими обязанностями, мать твою!

– Не смей ругаться!

– Позволяешь ему расшвыривать его гребаные игрушки по всему дому, а сама тем временем развлекаешься с любовниками! – Он начал угрожающе приближаться. – Кому-то нужно приучать ребенка к порядку, Вера, и, если у тебя нет времени, потому что ты слишком занята обслуживанием своих дружков, что ж, тем лучше. – Он ткнул себя пальцем в грудь. – Тогда его воспитанием займусь я, и сделаю все по-своему, объясню ему все на том языке, который он понимает. Ты слишком распустила его. Мальчишке нужна дисциплина!

– Дисциплина?! Забыл, что ты рассказывал мне о своем папаше?

Уголкем глаза Вера подметила, как Росс сжал кулаки. Она прикрыла лицо руками, уверенная: сейчас он ударит.

– И как он в постели, твой так называемый доктор Кэбот? А, Вера? У него большой член? Расскажи мне о нем. Длинный он? Двадцать сантиметров? Двадцать пять? Обрезанный или нет? И что тебе нравится с ним делать? – Лицо его исказилось в мучительной гримасе. – Куда он его тебе вставляет, Вера?

Возвысив голос, но оставаясь внешне спокойной, она ответила:

– Ради бога, Росс, он действительно врач. Я пошла к нему, потому что он врач. Если ты забыл, последние две недели я чувствую себя просто отвратительно. Сначала по твоему настоянию я побывала на приеме у твоего друга, Джулса Риттермана – он такой душка, верно? Я была у него неделю назад, и он, как всегда, заверял, что со мной нет ничего страшного. Но после он ни разу мне не перезвонил. Я пошла к доктору Кэботу, потому что дошла до ручки! До ручки, Росс!

– Интересно знать, отчего же ты дошла до ручки? Так хотелось трахнуть?

– Я пошла к нему потому, что он врач.

– Он не врач, а шарлатан. Знахарь.

– Вообще-то у него есть диплом врача.

– Он самый обыкновенный торгаш от медицины!

– Он врач, только ему удалось заглянуть за горизонты тесных клеток, в которых сидят большинство врачей, ясно? Я твоя жена, но я не твоя собственность, и, если я хочу пойти к доктору, которого выбрала сама, так я и поступлю. Не нравится – разводись.

Отступив на шаг, он спросил надтреснутым голосом – не столько злобно, сколько обиженно:

– Почему ты не поставила меня в известность?

– Потому что ты бы не согласился.

Слезы застилали Россу глаза, но он не сводил взгляда со своей суки жены. *Поганая шлюха! Ты сводишь меня с ума! Из-за тебя я ударил сына, которого люблю больше всех на свете, а теперь ты еще смеешь возражать мне!*

Ты доводишь меня до бешенства, сука. Ты довела меня до того, что я не сдержался и ударил сынишку. Видишь, что ты со мной делаешь? Видишь? Видишь?!

Россу хотелось избить ее, размазать в кашу смазливое личико, разбить пухлые губы, выбить зубы. Посмотрим, что скажет Оливер Кэбот, когда она куснет его за его длинный член выбитыми зубами!

Надо же – она смеет возражать ему! Это совсем на нее не похоже. Неужели сказывается влияние Оливера Кэбота? Неужели шарлатан настраивает ее против него? Вера никогда раньше не спорила с ним, всегда кротко соглашалась. Она не стала бы спорить и сейчас, если бы знала, что с ней происходит на самом деле.

Томми Пирмен завалил его информацией о болезни Лендта. Двадцать

процентов людей, которым был поставлен такой диагноз, через год еще живы. Восемьдесят человек из ста умирают, двадцать продолжают жить. Те восемьдесят процентов все равно умерли бы рано или поздно. Отрицательный настрой. Ты умираешь только тогда, когда хочешь умереть; ты умрешь, если тебе скажут, что ты умираешь. Вера не умрет, потому что никто ей ничего не скажет. Она ничего не узнает, и поэтому все с ней будет хорошо.

Росс шагнул к жене.

– Я люблю тебя, Вера, – нежно проговорил он. – Я люблю тебя больше всех на свете. Ты ведь знаешь, правда? – Он положил руки ей на плечи; ему стало больно, когда она дернулась. – Боже, разве ты не видишь, как я тебя люблю? Я хочу любить тебя, а не причинять тебе боль. Я хочу сделать тебя лучше и сделаю тебя лучше. Разве ты не понимаешь моих намерений?

– Каких намерений?

Холодная как ледышка.

Он попытался притянуть ее к себе, обнять, но она не давалась, сохраняя между ними расстояние. Как будто между ними вогнали толстую деревяшку.

– Думаешь, я бы послал тебя к Джулсу Риттерману, не будь я уверен, что он – лучший врач в Англии?

– Он мне не нравится; больше я к нему не пойду.

Как она на него смотрит! Нагло, вызывающе; наверное, решила, что взяла над ним верх. Триумфаторша! Вроде тех раковых клеток, обнаруженных при биопсии. С этим необходимо покончить немедленно, сейчас же.

Он с размаху ударил жену по лицу. Удар был такой силы, что Вера, пошатнувшись, ударилась головой об угол стеллажа, нелепо взмахнула руками, упала на ковер и затихла.

На губах струйка крови. Стекланный, безжизненный глаз напоминает рыбий.

Вдруг ему показалось, будто из него рывком выдрали какой-то клапан и кровь хлынула потоком.

– О боже! – Он упал на колени. – Вера! Господи боже мой... О боже!

Запах той первой вечерней сигареты всегда мучил, дразнил Росса. Он наблюдал за отцом. Тот сидел в кресле, туфли начищены до блеска, галстук аккуратно повязан. На коленях – открытый номер «Спортивной жизни». Сжимает сигарету толстыми пальцами; глубоко затягивается. Тускло мерцает огонек и, словно хищная гусеница, мало-помалу сжирает бумагу и табак, оставляя после себя аккуратный столбик пепла.

Когда отец выдыхает, вокруг него клубится облако сизого дыма; постепенно дым развеивается клочьями, завитками, которые расплываются по всей комнате. Росс читает комикс «Орел» и вдыхает дым. Ему нравится сладкий запах.

Отец отчеркивает что-то шариковой ручкой и спрашивает:

– Три тридцать в Чепстоу. Речная Волна. Как по-твоему, Речная Волна – подходящее имя для лошади, которая завтра выигрывает скачку?

Росс давно усвоил: единственный способ избежать отцовского гнева, который часто вспыхивал по совершенно непредсказуемым причинам, – придерживаться золотой середины и пытаться отвечать на каждый вопрос уклончиво. Отец и раньше спрашивал у сына, выигрывает ли выбранная им лошадь. Если мальчик ошибался и лошадь не приходила первой, отец вычитал сумму своего проигрыша из его карманных денег. Но если он угадывал верно, отец никогда не давал ему премий.

– Какая дистанция, папа?

– Две мили.

– С барьерами или без?

Джо Рансом неодобрительно покосился на сына:

– Сейчас лето, сынок. Какие барьеры?

– Волны на реке высокие? – спросил Росс.

Отец раздраженно ответил:

– Откуда мне знать? Зависит от самой реки, черт бы ее побрал. Или от ветра – да мало ли от чего еще! Какой длины кусок веревки, а?

– Зависит от того, из скольких нитей она сплетена.

– Ты не умничай!

Росс углубился в свой комикс. Отец отпил еще пива из высокой кружки, обтер губы тыльной стороной ладони и, зажав между губами тлеющий окурок, снова сосредоточился на газете.

Вдруг он сказал:

– Разумеется, это ничего не значит, но с твоей матерью произошел несчастный случай. Неизвестно, выживет она или нет.

Так она еще жива?! Росс вскинулся, но отец уже опять уставился в газету. Целых три дня Росс ждал новостей. Он просматривал газеты в книжном магазинчике рядом со школой, но там ничего не было. Существует еще местная, районная газетка, но она выходит всего раз в неделю. До следующего номера еще два дня.

Целых три дня он вздрагивал всякий раз, как по их улице проезжала машина; он боялся, что за ним приехали полицейские.

Значит, она еще жива, а он ведь хотел, чтобы она умерла. Какой удар! Она до сих пор жива... Он потерпел поражение.

Неизвестно, выживет ли она. Может, и нет.

– Что с ней случилось?

Отец неторопливо смял окурок в пепельнице.

– Я же сказал: это не имеет значения. – Он перевернул страницу и стал изучать данные о другой скачке. Еще через несколько секунд он все же нехотя обронил: – Пожар.

Россу понадобилась вся его сила воли, чтобы снова опустить голову и попытаться сосредоточиться на комиксе. По опыту он знал: о матери с отцом лучше не заговаривать. Всякий раз, когда он пытался что-то разузнать о ней, отец просто терял разум. Прошло несколько минут. Росс снова посмотрел на отца:

– Что случилось с мамой?

Джо Рансом закурил еще одну сигарету, повертел ее во рту и сквозь дымовую завесу скосил глаза на газетную страницу.

– Бог наказал ее за то, что она тебя бросила. – Затем тише, но с еще большей горечью он добавил: – И за то, что она шлюха.

– Что такое «шлюха»?

Отец сделал очередную пометку в купоне.

– Женщина, которая занимается нехорошими делами с мужчинами.

Росс подумал о голом мужике в коридоре, объятom пламенем; вспомнил, как ужасно он кричал. Мужик, чьи голые ягодицы то поднимались, то опускались между материнных ног. Он надеялся, что тот мужик, который занимался нехорошими делами с его матерью, оставался в сознании и мучился до самой смерти.

Когда отец перевернул страницу, Росс спросил:

– Папа, отчего возник пожар?

– Ты задаешь слишком много вопросов. Хочешь попробовать трости?

– Нет, папа.

– Тогда убирайся к себе в комнату.

На следующий день к ним пожаловали двое полицейских. Они просидели в гостиной больше часа – допрашивали отца. Росс подкрался к двери и попытался подслушать, о чем они говорили, но голоса звучали приглушенно.

– Расскажи, что ты чувствуешь, когда ешь.

С виду Кайли Сполдинг ничем не отличалась от остальных представителей рода человеческого. Девятнадцать лет, длинные каштановые волосы, нежная кожа; несмотря на болезненную худобу, личико у нее просто потрясающе красивое – прерафаэлитское.

Она лежала на деревянной кушетке в его кабинете, в свитере с воротом «хомут», джинсах и носках. Глаза закрыты; костлявые руки безвольно лежат вдоль тела. Когда Оливер Кэбот впервые увидел девушку три недели назад, у нее была сердечная аритмия и начальная стадия почечной недостаточности. Тогда она просто умирала. А сейчас понемногу оживает.

– Когда... я... ем? – Речь медленная, малоразборчивая.

Присев рядом, он спросил спокойным и уверенным голосом, каким пользовался при лечении гипнозом:

– Ты ведь любишь бананы, Кайли?

Долгая пауза, затем:

– Угу.

У Кайли была булимия, которой предшествовала нервная анорексия. Ее организму не хватало жизненно важных микроэлементов; зубы потемнели от разъедающего их желудочного сока. Нетрадиционная медицина стала для ее родителей последней надеждой. Но после всего двух встреч наблюдается улучшение – небольшое, но заметное.

– Я хочу, чтобы ты представила себе, что ты ешь банан. Поняла? Поверти банан в руках, рассмотри его как следует. Отличный банан, правда?

Никакой реакции – уже хорошо. Значит, она думает, впитывает.

– Спелый, душистый – именно такой, какой пригоден для еды. На шкурке зеленые полоски – зеленое на ярко-желтом. Я хочу, чтобы ты – только очень медленно – сняла шкурку и посмотрела на банан, посмотрела на его мякоть... Она твердая, твердая, но сладкая; ты никогда раньше не видела такого отличного банана. А теперь, Кайли, поднеси его ко рту и откуси кусочек.

Девушка поднесла руку ко рту и приоткрыла рот.

Горло тут же сжалось в спазме, затем расслабилось.

– Здорово! А теперь расскажи, тебе было хорошо, когда ты начала есть?

Кайли села на кушетке, широко открыв глаза, подставила ладони ко рту, и ее вырвало.

Оливер не двинулся с места.

Девушка в ужасе воззрилась на него. Через несколько секунд достала носовой платок и вытерла губы.

– Я... Простите.

Он протянул девушке стакан воды и невозмутимо предложил:

– Вот, попей.

Кайли с благодарностью схватила стакан и с жадностью начала пить. Он взял у нее стакан.

– Простите, пожалуйста.

– Кайли, тебе не за что извиняться. А теперь закрой глаза и постарайся представить то же самое. Подумай о банане. Ты ведь любишь бананы, правда?

Она кивнула и закрыла глаза.

– Теперь у тебя новый банан... – Оливер продолжал как прежде, утешая, расслабляя, хотя мысли его были далеко.

Вера Рансом, ты самая очаровательная женщина из всех, кого я знаю. Господи! Я мог бы в тебя влюбиться, но ты замужем. Я знаю, что ты несчастлива в браке, но я не имею морального права вмешиваться в твою семейную жизнь. Я могу попытаться помочь тебе, вылечить тебя, но нужно прекратить думать о тебе так, как думаю я. Каким-то образом надо прекратить это.

Кто бы знал, как это тяжело!

– Замечательно, Кайли. Ты молодец. Я горжусь тобой. Через несколько секунд я тебя разбужу, и ты поедешь домой, и, как только ты окажешься дома, ты первым делом пойдешь и съешь банан. Понимаешь?

– Угу.

Он поднял голову, посмотрел на фотографию Джейка и вспомнил, как мучились они с Марси. Они мучились от собственного бессилия; им оставалось лишь наблюдать за тем, как сын медленно ускользает от них. Потом он перевел взгляд на Кайли Сполдинг. Ее родители, мать и отец, сидят сейчас внизу, в зале ожидания, и на лицах у них такое беспомощно-отчаянное выражение, как тогда, когда они впервые привезли к нему на прием свою дочь. «Нет, – подумал он, – нет, Кайли Сполдинг, не позволю я тебе так огорчать родителей! Они ни за что не потеряют тебя».

Оливер гнал от себя непрощенные мысли, сравнения, но они упрямо лезли ему в голову. *И тебя, Вера Рансом, я не потеряю – ни в коем случае.*

Он стоял на коленях и плакал, глядя ее по лицу.

– Милая! Я люблю тебя! Как ты? В порядке? – Росс прижался лицом к лицу Веры, вдыхал аромат ее волос, шепча: – Милая, я люблю тебя! О господи, как я тебя люблю!

Потом он потянулся к ее тонкому запястью, пощупал пульс. Она моргнула – значит, в порядке. Потеряла сознание, но с ней все хорошо. Лежит на полу, не двигается, но жива.

Вот что она сделала – притворилась бездыханной, как опоссум. Мелкие зверьки часто притворяются мертвыми, чтобы обмануть хищников. Вера поступила так нарочно, чтобы помучить его, чтобы ему казалось, будто он причинил ей больше вреда, чем на самом деле. Она поступила так, чтобы он поверил, будто она мертва. Вот так, по-своему, мелко, она пытается ему отомстить!

Но ты не умерла, сучка. Когда я захочу, чтобы ты сдохла, – вот тогда ты сдохнешь.

Росс поцеловал ее в лоб, и она тихо застонала.

Взяв ее лицо в ладони, он прошептал:

– Я люблю тебя, милая. Вера, я так тебя люблю!

Капельки крови испачкали бежевый ковер – натекла целая лужа проклятой крови. Рядом с лужицей ее контактная линза.

– Эй! – позвал он. – Вера, осторожнее!

Он приподнял ее голову, промокнул губы платком, вытер кровь. Потом он заметил слева глубокую рану – там, где она ударилась головой о стеллаж. В разрезе белела кость. Господи! Ее нужно защитить.

Ударилась о стеллаж, глупая сучка. Кармическая месть. Ты трахаешься с доктором Оливером Кэботом, а потом мой стеллаж мстит тебе. Плохая карма.

Надо поскорее убрать тебя с ковра – иначе будет пятно.

Он положил контактные линзы в нагрудный карман рубашки, поднял жену на ноги и то ли понес, то ли поволок ее в кухню, где усадил в кресло. Вера уже пришла в сознание, но была какая-то вялая и не отвечала ему. Вот так она всегда: она часто делала так после того, как доводила его, выводила из себя; сидела неподвижно и следила за ним глазами.

Ах ты, дрянь! Тебе кажется, будто мне не по себе, когда ты играешь в молчанку? Что ж, открою тебе маленький секрет. На твое молчание

мне наплевать.

Росс обработал края раны, вколол Вере местное обезболивающее и принялся аккуратно зашивать ее.

– Тебе повезло, дорогая, что я оказался рядом; от таких ран остаются ужасно некрасивые шрамы, если за них берется какой-нибудь докторишка в отделении скорой помощи. – Он осторожно проколол кожу, протащил иглу насквозь. – Три недели – и никакого следа не останется. – Он пытался заглянуть ей в глаза, но всякий раз ее зрачки уходили в сторону. Она смотрела куда угодно, только не на него. – Сейчас ты, скорее всего, не способна оценить мою доброту, – продолжал он, – но потом ты оценишь. – Закончив, он заклеил рану полоской пластыря телесного цвета. – Ну вот, все готово.

Но Вера по-прежнему упорно не смотрела на него.

Росс отнес свой чемоданчик с инструментами в кабинет и вернулся на кухню за водой и тряпкой. Надо смыть пятно крови с ковра. Взгляд его наткнулся на кость, валявшуюся на полу перед электроплитой.

– Распутин грыз здесь кость?

Она никак не отреагировала на его вопрос.

В голове что-то мерно стучало; отбивался ритм совершенно не в лад с ее телом. Глухие удары словно раскалывали череп изнутри.

– Вера, я к тебе обращаюсь!

Снова подкатила тошнота – сильнее, чем обычно. Она положила руки на подлокотники кресла, вцепилась в них пальцами, испугавшись, что сейчас голова перевесит и она упадет на пол.

Голос Росса стал мягче. Он больше не злился на нее; он мягко упрекал:

– Милая... Вера, дорогая, ты хоть понимаешь, что испачкала кровью мой ковер? Сейчас я приберусь там вместо тебя; хочешь, чтобы я все убрал?

Она по-прежнему не смотрела на него.

– Вера, я отлично знаю, что ты меня слышишь. Я скажу тебе один раз, – продолжал он, – и больше повторять не намерен. Я очень обижен. За долгие годы, что у тебя были кредитные карты, ты ни разу – слышишь, *ни разу!* – не поблагодарила меня за них. Представляешь? Ни разу! Но стоило мне их заблокировать, и ты превратилась в фурию. Иногда ты ведешь себя как избалованный ребенок.

Он вышел из комнаты, взбежал по лестнице и открыл дверь в спальню Алека. Он слышал, как всхлипывает сынишка.

Несмотря на задернутые шторы, в комнате было еще светло. Алек лежал, отвернувшись от него, сунув палец в рот. Росс опустил на колени

у его кровати, положил руку на плечо сынишки. К его ужасу, малыш дернулся.

– Эй, большой мальчик! – мягко сказал Росс. – Ты не рассказал папе, сколько голов ты забил сегодня.

Алек продолжал плакать.

Росс склонился над кроватью и поцеловал мальчика в щеку.

– Я люблю тебя. Просто тебе нужно быть немножко аккуратнее, вот и все. – Росс прикусил губу. То же самое происходило между ним и его отцом. Он не хочет, чтобы и у него с сыном все было так же, не хочет, чтобы Алек переживал весь тот ад, какой пришлось в детстве пережить ему. Тогда он дал себе слово, что никогда не поступит так с собственным ребенком. И вот...

Мальчишке нужна дисциплина. Мальчишке необходимо понять, что общество живет по определенным законам, что нельзя расшвыривать игрушки по всему дому; если он оставит свою машинку валяться на лестнице, кто-нибудь наступит на нее и упадет; при падении с лестницы можно что-нибудь сломать или даже погибнуть. Алеку нужно усвоить элементарные вещи; некоторые уроки даются нелегко.

Нельзя приготовить омлет, не разбив яйца.

Он пристально посмотрел на сына и прижался лицом к его лицу; его слезы смешивались со слезами сынишки. Он ощущал теплоту маленького тельца. *Боже, как много ты для меня значишь! Ты и понятия не имеешь, как много! Ты моя жизнь, Алек, знаешь? Ты и твоя мать. Вы – все, что у меня есть... Кроме вас, мне никто не нужен.*

Он еще раз поцеловал Алека.

– Спокойной ночи, большой мальчик. Я люблю тебя.

Он вышел из детской с тяжелым сердцем. Сегодня он выполнил свой долг, каким бы тяжким он ни был.

Ребенку необходима дисциплина.

Вера по-прежнему сидела в кресле. Когда на Росса вот так накатывало, он превращался в незнакомца, как будто внутри его находился еще один человек. Раньше она упорно молчала, надеясь, что, если не будет реагировать на его выпады и злобные обвинения, он успокоится. Однако ее надежды никогда не оправдывались. Сейчас она попробовала сопротивляться, но новая тактика тоже не сработала.

– Не чувствую запаха еды.

Она посмотрела на Росса. Тот стоял на пороге кухни в рубашке с закатанными рукавами. В руках губка и ведро с водой.

– Еда, – повторил он. – Ужин. Не чувствую запаха готовящегося

ужина. Почему, Вера? Можешь объяснить?

Она закрыла глаза; ей захотелось спрятаться, заползти в липкую, шаткую темноту, притаившуюся за веками. Она собиралась сказать ему, что никакого ужина не будет, потому что он заблокировал ее кредитные карты и она не смогла купить еды. Как болит голова! И еще все кружится; сейчас самое главное – сидеть ровно и не упасть. А потом все ее эмоции прорвали хрупкую плотину, сдерживавшую их, и она безудержно разрыдалась.

Прошло несколько секунд – и она почувствовала на плечах руки Росса; он обнял ее, покачивая, как ребенка. И она сразу вспомнила все те ночи, которые были много лет назад, – ночи, когда они были так влюблены друг в друга, когда в постели идеально подходили друг к другу, когда невозможно было понять, где его тело, а где ее; тогда она чувствовала себя так спокойно и защищенно в тех же самых объятиях.

– Я люблю тебя, Вера. Ты понятия не имеешь, как сильно я тебя люблю.

Не переставая рыдать, она сказала:

– Ты ударил Алека, и ты ударил меня. Кто ты? Мне казалось, я тебя знаю... Росс, я всегда так тобой гордилась, ты столькому меня научил. Ты научил меня разбираться в людях, в жизни, научил правильному взгляду на вещи. Ты научил меня ценить хорошую еду, приучил любить вино, слушать музыку. Раньше я всегда смотрела на тебя снизу вверх и думала, что я – счастливейшая женщина на свете, потому что я твоя жена.

Она попыталась высвободиться, но он крепко держал ее, охватил ладонями лицо, заставляя взглянуть на себя.

– Я – счастливейший мужчина на свете, потому что я твой муж, милая. Я люблю тебя больше всего на свете.

– Я тебя ненавижу, – сказала она, вырываясь.

– Вера, ты – самое красивое создание, какое я когда-либо встречал. Без тебя я не могу жить.

– Я тебя ненавижу.

– Милая моя, ты научила меня любить.

– А ты научил меня ненавидеть.

– Просто я так тебя люблю...

Наконец Вере удалось вырваться. Она встала и подошла к двери.

– Я и не подозревала, что можно ненавидеть кого-то так сильно, как я ненавижу тебя.

Утро понедельника; половина двенадцатого. Росс сидел за столом в своей приемной на Харли-стрит.

– Вы уверены, что хотите знать все? Я всегда задаю один и тот же вопрос всем моим клиентам перед тем, как приступить к работе. Вы *совершенно* уверены в том, что хотите узнать правду?

– Именно поэтому я вас и нанял, – раздраженно ответил Росс.

Раньше Росс не имел дела с частными детективами; Хью Кейвен, сидевший в кресле, в котором обычно сидели его пациенты, совершенно не отвечал тому представлению о частном сыщике, какое успело сформироваться в голове у Росса. Худощавый, нервный с виду субъект под сорок; довольно старый серый костюм; галстук-бабочка; изрядно поношенные кроссовки. Однако при всем том модная короткая стрижка и золотая серьга в левом ухе.

Возможно, в молодости он выглядел неплохо: худощавый, гибкий, похожий на Теренса Стампа. Но сейчас его обезображенное лицо – перебитый нос, плохая кожа, впалые щеки – мстило за долгие годы бессонных ночей и неправильного образа жизни. Он был больше похож на постаревшую рок-звезду, чем на сыщика. Человек, который вдруг обнаружил, что переместился в собственную тень.

Хотя внешность сыщика его не особенно волновала, Росс решил, что он прекрасно подходит для той работы, на которую он его нанял. Хамелеон. Посадите его на диван, и он скоро сольется с обивкой. И потом, он пользуется известностью в определенных кругах: Росс совсем недавно встречал его фамилию в газете. После того как ревнивая жена наняла его следить за мужем, сыщик спровоцировал отставку министра, которого заснял за утехами с любовником-бисексуалом. Один из адвокатов по бракоразводным делам в конторе поверенных Росса настоятельно рекомендовал ему именно Хью Кейвена.

Говорит с ирландским акцентом; голос негромкий, но настойчивый.

– Я всегда так говорю, мистер Рансом, потому что некоторым клиентам нравится сама *идея* все выяснить. Но потом оказывается, что им приходится иметь дело с *реальностью*. Библия учит: правда делает нас свободными, но у меня другой опыт. Правда может разбить вас на куски на весь остаток жизни. По-моему, вполне честно предупреждать клиентов о той боли, с которой они могут столкнуться, если их подозрения

оправдаются.

Росс нахмурился:

– Послушайте, если бы я хотел вправить себе мозги, я бы позвонил психиатру. Я хочу устроить слезку за женой, а ваших поганых проповедей мне не нужно.

Хью Кейвен встал.

– Тогда, боюсь, я вам не подойду. Приятно было познакомиться, мистер Рансом. – Он наклонился и поднял с пола нейлоновую сумку для ноутбука.

Росс тоже поднялся – неуклюже от удивления.

– Эй, вы куда?

Кейвен повернулся к нему лицом, и Росс впервые понял, что частный сыщик не так-то прост.

– Клиенты нанимают меня, мистер Рансом, потому что у них проблема. Поверьте, я все перевидал, я не шучу. Если вам нужен скользкий тип с мощной камерой, поищите в справочнике «Желтые страницы». Вы ведь просите постороннего человека перевернуть с ног на голову вашу жизнь, жизнь вашей жены, а также жизнь ее любовника – если ваши подозрения справедливы и он у нее имеется. – Зрачки его расширились; в глазах читались боль и печаль. – Подумайте, мистер Рансом: целых три жизни. Всем нам приходится как-то сосуществовать на нашей планете – вот моя философия. Мне нравится, когда клиент подходит к делу хладнокровно. Если не хотите успокоиться, мне нет нужды работать на вас. Утро сегодня погожее, возьму выходной, выйду в устье Темзы порыбачить на лодочке. Мне будет приятнее, да и вам, наверное, тоже.

– Слушайте, погодите... Я не знаю, что сказать...

– Не думаю, что человек вашего ума, мистер Рансом, должен смущаться. – Сыщик снова поставил сумку на пол. – Кажется, Чарлз Дарвин написал, что человек достигает наивысшего уровня развития тогда, когда приходит к выводу, что он должен контролировать свои мысли. Вы человек умный – превосходный экземпляр выживания путем естественного отбора. Мне бы хотелось, чтобы вы прислушались ко мне, – иначе я сейчас выйду вон в ту дверь и отправлюсь рыбачить. – Он поднял вверх руки ладонями наружу. – Выбор за вами.

«Неужели мне хочется, чтобы на меня работала эта маленькая заносчивая вонючка?» – удивился Росс.

Но если он его выгонит, придется искать другое агентство, начинать все сначала. Тратить драгоценное время. Он глубоко вздохнул и сказал:

– Я вас слушаю.

Частный сыщик кивнул:

– Вот и хорошо, теперь мы успокоились. Может, снова сядем? – Он вытащил из сумки компьютер, поставил себе на колени и откинул крышку. – Я хочу, чтобы, пока я на вас работаю, вы хорошенько подумали обо всех осложнениях, мистер Рансом. В любое время, как только вы захотите прекратить слежку, наберите номер мобильного телефона, который я вам дам. – Он пытливо взглянул Россу в лицо и углубился в компьютер.

– Кажется, – заметил Росс, – вас мучает совесть.

– Мне хочется спокойно спать по ночам.

– Мне тоже хочется спокойно спать по ночам, – ответил Росс. – Мне хочется спать, не мучаясь мыслями о том, с кем трахается днем моя стерва жена.

Кейвен уставился на монитор.

– Прошу вас, сообщите адрес, по которому я буду с вами связываться.

Росс продиктовал адрес своего кабинета.

– Каков процент успеха в подобных случаях?

– Мистер Рансом, если у вашей жены интрижка, я это выясню. – Пальцы Кейвена быстро порхали по клавиатуре.

– Сколько времени займет работа?

Кейвен поднял руки вверх:

– Не могу ответить, не получив более подробных сведений. Все зависит от того, насколько она осторожна. Если мне повезет, возможно, я все выясню за неделю; если она умна, дело займет пару месяцев, а то и больше. И еще: все зависит от того, что именно вам необходимо выяснить и сколько вы готовы заплатить. Хотите, чтобы за ней следил один человек, или вам нужна круглосуточная слежка, девять человек, по три в три смены? Готовы платить за прослушку телефонных переговоров? За жучки в аппаратуре? За скрытые камеры в доме? Слежку за домом? Приборы спутникового слежения? Могу предложить вам полный спектр услуг в зависимости от ваших финансов и того, насколько срочно вам нужно все выяснить.

– Когда можете приступить?

– Как только узнаю подробности об обеих сторонах и получу аванс. Мистер Рансом, я могу двигаться так быстро, как вы пожелаете. Если хотите, могу начать следить за вашей женой хоть с сегодняшнего вечера.

– Мне нужны фотографии, – заявил Росс. – Четкие фотографии, на которых видно, чем занимаются моя жена и ее любовник. С увеличением. Можете сделать такие?

– Вы клиент, мистер Рансом; вы получите столько снимков, сколько пожелаете.

– Дело не в количестве, понимаете? Мне нужно *качество*. Я ясно выражаюсь?

– Вполне. Качество для нас – не проблема. Мы горой стоим за качество. Качество – наш девиз.

Росс вынул из ящика стола чековую книжку:

– Мистер Кейвен, а для меня не проблема деньги. Используйте все ваши возможности.

Без десяти двенадцать Вера накинула куртку, вышла из поезда на вокзале Виктория и начала ходить по платформе. Ее слегка подташнивало.

Она целую вечность решала, что надеть, и трижды переодевалась перед зеркалом. Наконец она остановила свой выбор на темно-синем брючном костюме, алом боди и полусапожках, за которые в свое время заплатила бешеные деньги. Но она была рада, что купила их: всякий раз, как она их надевала, у нее поднималось настроение. Особенно сейчас.

Во внутреннем кармане сумочки, в потайном отделении, лежал выключенный старый мобильник. В руке она сжимала новенькую крошечную «нокиа» с новым номером; она купила телефон сегодня утром за наличные, снятые с ее собственного отдельного счета.

Дойдя до конца перрона, она позвонила с нового телефона Оливеру на мобильный.

– Оливер? Я здесь.

Его ответ почти заглушило громогласное объявление дикторши. Она только расслышала:

– ...налево. Я припарковался за отелем «Гроувенор».

Вера встрепенулась; ей стоило немалых усилий не броситься туда бегом.

Она налетела на крупного мужчину восточной внешности, везшего чемодан на колесиках, и извинилась. Потом столкнулась с носильщиком.

– Извините, – пробормотала она и пошла дальше, с трудом пробиваясь вперед в плотном людском потоке; ей показалось, что толпы пассажиров одновременно спешили на поезд и с поезда.

И вот она вышла из здания вокзала; резкий весенний ветер пробирал до костей; запах бензина, грохот автобусов, скрежет тормозов такси, сердитые гудки клаксонов. Она почти пробежала мимо окошечка обмена валют, мимо газетного киоска, обошла стайку японских студентов, перегородивших тротуар, услышала велосипедный звонок и еще один клаксон. Потом она увидела впереди темно-синий джип с включенной аварийной сигнализацией.

Оливер!

Он стоял рядом с машиной и внимательно вглядывался в толпу: копна серебристо-седых кудрявых волос, широкая улыбка, черный свитер поло, протянутые ей навстречу руки. Он выглядел даже лучше, чем образ,

который она себе нарисовала и который лелеяла в течение трех долгих дней.

– Вера!

– Привет! Извини, поезд опоздал.

Он положил ей руки на плечи, и они поцеловались: в правую щеку, затем в левую. Он осторожно отстранил ее на расстояние вытянутой руки. Улыбка сменилась недоуменной гримасой.

– Что у тебя с лицом?

Хотя Вера заранее отрепетировала, что ответит, оказалось, что ее слова звучат довольно неуклюже.

– А! Я... просто... м-м-м... споткнулась об игрушечный автомобильчик сынишки и ударилась головой о шкаф. Ничего страшного!

– Болит?

– Нет... вот вчера после укола зверски болело... – Она осеклась. Она уже и так сказала больше, чем собиралась.

– Укола? Тебя зашивали?

– Наложили несколько швов.

– Где? В больнице?

– Н-нет... Росс случайно оказался дома. – Она с самым невинным выражением добавила: – Лучшего и желать нельзя!

– Да, – согласился он со смешком, который вырвался из горла каким-то странным клокотанием.

Приближался час пик. Оливер жестом пригласил Веру в машину и завел мотор. В джипе было тепло и уютно; когда они въехали в поток машин, Вера почувствовала себя в полной безопасности.

Свободна!

Он повернул к ней голову:

– Любишь тайскую кухню?

Вера ответила не сразу. В Таиланде они совсем недавно были с Россом. Там она подцепила инфекцию. Его выбор казался ей дурным предзнаменованием, но она не намерена портить ему день.

– Обожаю.

– Я нашел один классный ресторанчик. Одна из самых страшных лондонских тайн.

– Буду нема как рыба.

«Дворники» смели с ветрового стекла несколько капель дождя. Радио было настроено на волну «Классика FM». Элгар – музыка, поднимающая настроение, будоражащая душу; такую музыку мужчины слушают перед тем, как пойти в бой; от такой музыки кажешься себе непобедимым. И Вере

вдруг стало радостно; она почувствовала себя бесшабашной и тоже непобедимой. Здесь, в высоком джипе, ее с легкостью мог заметить кто-то из знакомых; хотя она предвидела неприятности, это ее нисколько не волновало. Такую радость не способна дать ни одна таблетка.

Оливер свернул вправо, мимо стоянки такси, и направился в сторону Белгрейвии. Оба молчали, но не ощущали напряжения. Им было легко молчать. Вера смотрела вперед, на поток машин; в салоне джипа, при звуках музыки она чувствовала себя словно в коконе.

Как хорошо! Так отлично, что даже дрожь пробирает.

Потом она снова вздрогнула, вспомнив Росса. В четверг вечером он избил ее и Алека. После того случая по ночам ее мучают кошмары. Нет никаких сомнений – как бы ни пыталась она оправдать его, как-то объяснить его поведение, – Росс становится все хуже. Раньше он никогда не поднимал руку ни на нее, ни на Алека.

На следующий день он был полон раскаяния. В субботу, после обеда, поиграв в гольф, он привез ей огромный букет цветов, а для Алека – большой электромобиль на аккумуляторе; мальчик мог разъезжать в нем по дому и парку. В субботу вечером он повез ее ужинать в ресторан. В воскресенье подал завтрак в постель; такое за всю их семейную жизнь случилось, может быть, раза два. Потом он вместе с Алеком поехал кататься на велосипедах. После обеда они втроем отправились гулять; в прежние времена такое случалось часто, но то было довольно давно.

Впрочем, как бы он ни старался, в Вере как будто что-то отмерло. Ее нисколько не трогали поступки мужа. Она старалась как могла перетерпеть выходные без нового скандала. Ей было страшно. Росс уже перешел Рубикон и теперь в любое время может снова ударить ее или Алека.

– Тебя избил муж, ведь так?

От неожиданного вопроса Оливера она вздрогнула. Он что, читает ее мысли?

Вера тщательно все обдумала. Она не была уверена в том, что хочет, чтобы он узнал правду. Она чувствовала острейшее унижение. Потом медленно повернула голову и кивнула.

В газетном киоске было полно народу; возвращаясь домой после уроков, школьники покупали по пути конфеты и сигареты. Никто не обращал внимания на высокого мальчика, стоящего у стенда с газетами и листающего последний номер «Стритэм эдвертайзер», вышедший сегодня.

То, что он искал, Росс обнаружил на пятой полосе. Он бы и так не пропустил статью. Он ожидал увидеть пару строчек, но репортаж занимал почти полстраницы с заголовком «СМЕРТЬ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОДЖОГА» и фотографией его матери с подписью: «Розамунда Рансом. Состояние критическое».

Торопливо оглядевшись по сторонам и убедившись в том, что никто на него не смотрит, Росс прочел статью:

«Почти наверняка установлено, что пожар, унесший одну жизнь и оставивший еще одного человека в критическом состоянии, – дело рук поджигателя.

В понедельник ночью водитель такси из Стритэма, Реджинальд Малкольм Тайлер (24 года) был доставлен в клинику при Кингз-колледже после пожара на первом этаже дома по Лэкэм-роуд, однако по прибытии в клинику пациент скончался. Квартиросъемщица, миссис Розамунда Рансом (36 лет), кассирша в магазине потребительской кооперации, доставлена в ожоговое отделение больницы „Ист-Гринстед“ с 60 % ожогов. У нее поражены лицо и туловище.

Полиция пока не подтверждает сообщения о том, что на месте пожара найдена канистра из-под бензина. Инспектор Дэвид Гейлор из полицейского отделения Стритэма заявил: „Я считаю данный пожар подозрительным; мы начали расследование по делу об убийстве. Все, кто видел что-либо подозрительное в районе Лэкэм-роуд ночью в понедельник, просим звонить в отделение“.

В настоящее время у полиции нет никаких зацепок, однако инспектор Гейлор подтвердил, что намерен допросить родственников миссис Рансом. Соседка, чье имя и адрес не называются, сообщила, что к миссис Рансом часто заходили мужчины».

В статье ни слова не говорилось о том, что у пострадавшей есть сын. Росс испытал одновременно и облегчение и раздражение.

На следующее утро Росс высыпал все свои сбережения из металлической коробочки в карман куртки. В школу он в тот день не пошел; он сел в автобус, идущий до железнодорожной станции, где купил билет до Ист-Гринстеда и обратно. Денег хватило в обрез.

События прошлой недели истощили его материальные ресурсы. Но дело того стоило.

– Любишь ракообразных?

– Ракообразных?

– У них потрясающе вкусный салат с ракообразными.

– Ты имеешь в виду креветок?

– Угу. – Оливер принялся насмешливо передразнивать английский акцент: – Я хочу сказать, старушка, здесь необыкновенно изумительные креветки; как, неужели ты не знала? Вкуснейшие, ароматнейшие и все такое. Ве-ли-ко-лепные!

Вера рассмеялась; при виде ее радостного лица Оливеру показалось, будто весь ресторан наполнился светом и теплом. Он смотрел на нее поверх свежей скатерти, высоких, мерцающих бокалов и вазы на один цветок, в которой стояла фиолетовая орхидея. Как приятно видеть ее хорошенькое личико, освещенное радостью, с морщинками от смеха; ее потрясающие, живые голубые глаза, видеть ее длинные светлые волосы, ее элегантную одежду. Ему захотелось наклониться к ней, дотронуться до нее, поддержать ее в своих объятиях, крепко прижать к себе...

Защитить от ее подонка мужа.

Но она пока отгораживается от него: сидит очень прямо, скрестив руки на груди. Классическая защитная поза. Нужно вывести ее из настороженного состояния, иначе они не двинутся дальше. Оливер начал, словно в зеркале, повторять все ее движения и жесты – осторожно, чтобы она ничего не заметила. Во-первых, он прислушался к ее дыханию и стал дышать в том же ритме. Через пару минут они дышали синхронно. Потом, не сводя с нее глаз – сохраняя зрительный контакт, – он сам скрестил руки на груди. Через несколько секунд Вера отпила глоток минералки. Оливер тут же сделал то же самое и поставил стакан на стол одновременно с ней.

Слегка подавшись вперед, Вера сказала:

– В Штатах так много слов, которые отличаются от наших.

Оливер тоже подался вперед с невозмутимым, «покерным» лицом и ответил:

– Знаешь, у меня сложилось совершенно такое же впечатление про Англию.

Она рассмеялась, хотя и не сразу, и Оливер тоже засмеялся – сейчас не потому, что он повторял все ее жесты и движения, просто у нее такой чертовски заразительный смех!

Подошла официантка. Оливер посоветовал Вере заказать на закуску креветки в кокосовом соусе, себе заказал то же самое, но потом переменял заказ на креветки с манго.

– Ты уже ел... мм... креветки в кокосе? – спросила она.

– Угу, – ответил Оливер, намеренно подавляя воодушевление. – По-моему, манго интереснее.

– Тогда я тоже буду манго, – заявила она.

Оливер заказал курицу с сорго и острый ореховый салат; к его тайной радости, Вера выбрала то же самое.

Когда официантка отошла, Оливер поднял бокал и отпил глоток воды. Вера сделала то же самое. Когда он поставил бокал, то немного откинулся назад; через секунду Вера повторила его движение.

Теперь она бессознательно копирует его; значит, он овладел ситуацией и она не будет сопротивляться. Данным приемом он пользовался, когда нужно было внушить пациентам, будто они сами принимают решения в ходе лечения. Если пациент считает, будто ему поможет что-то извне, шансы на успех значительно уменьшаются. А сейчас, в данную минуту, ему нужно было, чтобы Вера поверила в него, открылась ему.

Постучав себя по лбу над левым глазом, он попросил:

– Расскажи об этом еще.

Вера подняла руку и дотронулась до полоски пластыря. Вид у нее сделался смущенный.

– Я... – Ее перебил официант, принесший Оливеру на одобрение бутылку «Сансерре».

Кивком Оливер отослал официанта прочь, и Вера продолжала:

– Я... это... вышло не нарочно. Он не собирался...

– Вера, почему ты его защищаешь?

– Да нет, я вовсе не защищаю его; просто все как-то запуталось...

Официант налил на доньшко бокала вина, чтобы Оливер его продегустировал. К своему разочарованию, Оливер увидел, что Вера снова скрестила руки на груди.

Когда официант ушел, Оливер сам скрестил руки на груди, немного посидел так, а потом снова протянул руку и поднял бокал и, склонившись к ней, произнес:

– За тебя.

Она подняла бокал и чокнулась с ним.

– За тебя.

Он выпил и поставил бокал на стол; она снова повторяла его жесты.

– Ты говорила о муже, – напомнил он.

– В нем много хорошего.
– Ты бы не вышла за него замуж, если бы в нем не было ничего хорошего.
– Ты веришь в то, что люди способны меняться?
– Гераклит сказал: в одну реку нельзя войти дважды.
– Потому что мы движемся вперед? – уточнила Вера.
– По-моему, не меняются только глупцы, потому что они не учатся на собственном опыте. А умные люди меняются постоянно.

Она кивнула.

– Можно ли из доброго, заботливого человека превратиться в чудовище? В психопата?

Оливер покачал головой:

– Мы называем таких людей социопатами. Ими рождаются, а не становятся. Но они довольно быстро соображают и знают, где и как следует себя вести. При первом знакомстве они производят впечатление добрых и заботливых; они остаются добрыми и заботливыми до тех пор, пока не получают желаемого. Тогда маска им больше не нужна, и на свет божий выплывает их истинная сущность.

Он пристально посмотрел на нее; в глазах ее страх – кажется, этот страх навечно впечатался в нее. Она такая нежная, такая... хорошая, порядочная! Нельзя допустить, чтобы она жила в страхе. Страх ужасен; страх разрушает.

Вера, твой муж – социопат. Возможно, ты пока не готова это признать, но мужчина, способный ударить такую женщину, как ты, – чудовище. И ты в опасности, потому что дальше он станет еще хуже. Однажды он может ударить тебя так сильно, что ты больше не встанешь. А всем он расскажет, что понятия не имеет о том, что с тобой стряслось. Что ты просто исчезла, испарилась. Он будет выступать по телевидению, будет убедительно рыдать; притащит с собой маленького сынишку, который станет умолять мамочку вернуться. А через двадцать лет твои останки случайно обнаружат под слоем цемента во внутреннем дворике.

Его передернуло. Что-то не туда его занесло – но именно так он сейчас чувствует.

Вера смерила его странным взглядом; вдруг краска отлила у нее от лица. Она положила обе руки на стол, словно удерживая равновесие, стараясь не упасть. Может, у нее новый приступ – вроде того, что случился в прошлый раз?

– Ты в порядке? – встревоженно спросил он.

Вера побледнела еще больше; она кивнула, но ничего не ответила. Официант поставил перед ними закуску на крошечных блюдах.

– Вера!

Она дрожала и смотрела на него широко распахнутыми глазами. Вдруг она встала и побежала к туалетам.

Когда она вернулась, лицо у нее было еще бледнее, чем когда она вскочила из-за стола.

– Извини.

Кожа покрылась испариной – как будто у нее сердечный приступ.

– Желудок? – спросил он.

– Да. Иногда... такие внезапные приступы.

– Хочешь полежать?

– Да нет, сейчас мне будет лучше.

– Может, выйдем на воздух?

Она оглянулась с таким подавленным видом, что у него по коже побежали мурашки. Может, она больна серьезнее, чем говорит? *Я только что с тобой познакомился. Не дай мне потерять тебя до того, как я успею тебя узнать.* Вслух он сказал:

– Вера, что с тобой, собственно, такое? По-моему, ты мне не все рассказываешь.

Она так вцепилась в свой бокал, словно ей нужно было удержаться, не упасть в пропасть. Испуганным голосом, едва слышно она ответила:

– Я не знаю... мне не говорят.

– Твой муж врач, и он ничего тебе не говорит?

– Да.

– Вера, завтра тебе придется еще раз приехать в Лондон – в клинику. Я тебя хорошенько обследую, сделаю несколько своих анализов и выясню, что с тобой такое. Вот так. – Он не спрашивал; он почти приказывал.

Вера кивнула, и страх в ее взгляде сменился признательностью – влажной, как январское солнце.

На следующее утро, в половине девятого, Росс стоял в углу операционной на Харли-стрит и описывал только что проведенную операцию. Маска закрывала подбородок. Он не выспался, и операция прошла не слишком удачно.

Такого рода работу он любил меньше всего. Реконструктивная пластика: кожный трансплантат, который он месяц назад пришел на шею человеку, тяжело обожженному во время аварии на химическом заводе, воспалился. Произошло отторжение. Пришлось взять новый лоскут кожи с бедра и начать все сначала. Отторжение первого трансплантата произошло не по его вине, но Россу все равно было неприятно. Он считал, что виноват во всех неудачах, во всех отторжениях ткани.

Неудачный брак с Верой – тоже его вина; он предоставлял ей много свободы. Она слишком много времени проводила одна, и у нее было слишком много денег. Он и сам не понимал почему, но и ее болезнь он тоже рассматривал как свою ошибку. Теперь только он может ее исцелить. Со всеми проблемами можно справиться: просто нужно держать ситуацию под контролем, удалить зараженные куски, как некротизированную ткань, которую он только что иссек и заменил. Решение всегда можно найти. Уголком глаза Росс подметил, что к нему приближается анестезиолог Томми Пирмен – толстый, потный, бесформенный.

– В воскресенье пришел вторым в своем классе; я тебе рассказывал?

– Не знал, что ты ходишь в воскресную школу, – заметил Росс.

– Ха-ха! На моем «бентли».

– Ах да, на твоём «бентли». – Росс отчетливо представил своего анестезиолога в зеленом «бентли» выпуска 1930 года. Однажды Пирмен приехал к ним в этой машине на воскресный обед. На нем был кожаный шлем и очки, как будто он собирался предложить себя на роль Жабы-автомобилиста.

– Гонка по пересеченной местности. Рассказывал я тебе или нет?

Росс кивнул, записывая важные подробности операции.

Как ребенок, жаждущий внимания, Пирмен продолжал:

– Гонка в Прескотт-Хилл – там находится клуб владельцев «бугатти». Открытые состязания, для всех видов старинных спортивных и гоночных машин.

– Томми, почему ты не пришел первым? Всегда нужно стараться

прийти первым.

– Я поехал не ради победы, а ради развлечения, – оправдывался анестезиолог.

– Развлечение – это прийти *первым*. – Росс закончил писать и передал записи второй сестре, чтобы та занесла их в компьютер. – А раз ты пришел вторым, то и радоваться нечему.

Его прервал стажер:

– Мистер Рансом, фотограф спрашивает, нужна ли она на следующей операции.

Росс часто снимал результат своих операций; лучшие снимки он размещал на своем веб-сайте.

– Миссис Рейнолд? – уточнил он. – Она следующая; нам предстоит довольно интересная работа на ее челюсти. Да, фотографии мне понадобятся. – Он положил руку на плечо анестезиолога и подтолкнул его к выходу. – Томми, можно тебя на пару слов?

Когда они с Пирменом вышли за дверь, Росс сказал:

– В сентябре я должен выступать в Праге, на Всемирной конференции пластических хирургов. – Он понизил голос, так как мимо проходила медсестра. – Буду делать доклад о микроциркуляции; мне нужно немного расцветить его. Ты в курсе всех современных достижений; разбираешься в них не хуже, чем в старых машинах, верно?

Анестезиолог неуверенно кивнул.

– Мне нужно как-то протащить в доклад нанотехнологии. Знаешь, что это такое?

– Миниатюрные роботы.

– Вот именно. Раскопаешь что-нибудь для меня?

– Я нарыл тебе массу сведений по болезни Лендта; все данные по коктейлю, который используют на фирме «Молу-Орелан», по результатам второй стадии испытаний.

– Ну и?..

– Через год после начала приема в живых остались всего тридцать пять процентов.

Росс взволнованно сжал плечо друга:

– Тридцать пять процентов?!

Пирмен закатил глаза, что означало утверждение.

– Отличная новость, Томми!

– Я бы не назвал ее «отличной». Шестьдесят пять процентов людей с данным заболеванием умирают в течение двенадцати месяцев. Из тех, кто не получает лекарство, умирают восемьдесят процентов. Не слишком-то

радует. По-моему, тридцать пять процентов выживших – не такая уж большая цифра.

– Это великолепно, Томми! Только что спасения не было вообще, а теперь выживают тридцать пять процентов! Спасибо. – Оставив анестезиолога в коридоре, он поспешил к себе в кабинет, закрыл дверь и позвонил Джулсу Риттерману.

– Росс! А я как раз собирался тебе звонить, – сказал Риттерман.

– Я только что узнал результаты второй фазы клинических испытаний лекарства на «Могу-Орелан».

– Я собирался рассказать тебе то же самое. Данные не блестящие, но наблюдается некоторый прогресс.

– Джулс, ты должен записать ее на третью фазу испытаний, немедленно, сейчас же! Задействуй все свои связи!

– Постараюсь. – В голосе Риттермана слышалось сомнение. – Но ведь всего тридцать пять процентов – против двадцати пяти у той группы, что получала плацебо! Всего десять процентов разницы. И потом, как я тебе и говорил, мы никак не сможем выяснить, что будет получать Вера – само лекарство или плацебо. Шансы пятьдесят на пятьдесят.

Казалось, Росс не слышит предостережения.

– Вера крепкая; она сильная женщина, и у нее правильное душевное состояние. Вот что самое главное, остальное несущественно. Все получится, Джулс. Я знаю.

ОТЧЕТ № 1

Вторник, 17 мая. Данные оперативного наблюдения.

9.15. Деятельность. Объект выехала из поместья «Литл-Скейнз» в одиночестве, в темно-зеленом «ренджровере» (регистрационный знак S212 CWV). Объект проследовала в аэропорт Гатуик, парковка номер 3, купила билет в окошке «Гатуик экспресс». В 10.00 села на «Гатуик экспресс» (вокзал прибытия – Лондон, Виктория). В купе расположилась одна.

В 10.03 объект сделала краткий звонок по мобильному телефону (предыдущие мероприятия позволяют предположить, что она звонила доктору Оливеру Линдену Кэботу – домашний адрес и адрес места работы в конце отчета). Вот расшифровка записи разговора, сделанной с помощью направленного микрофона (НМ):

«Привет, как ты? Я еду – успела на десятичасовой, в десять тридцать буду на Виктории. Не могу... извини, не могу... (Далее связь прерывается, так как поезд въехал в туннель.)»

В 10.05 объект снова набрала номер (скорее всего, тот же самый). Продолжение расшифровки:

«Извини, мы въехали в туннель. Это (неразборчиво) плохое... (15 секунд звуки заглушались встречным поездом.) Там же, где в пятницу? Я тоже... Пока».

10.07. Объект предъявила билет кондуктору. Они не разговаривали.

10.10. Объект купила кофе у разносчика. Остаток пути читала газету «Дейли мейл». Не общалась и не пересекалась с другими лицами.

10.32. Деятельность. Прибытие на вокзал Виктория. Объект сошла с поезда, вышла в сторону Букингем-Пэлас-роуд и встретила с женщиной (на вид сорок пять лет, американский акцент, рост примерно метр восемьдесят, худощавого телосложения, вьющиеся седеющие волосы). Предварительно опознан по изображениям на веб-сайте как доктор Оливер Кэбот; необходимо окончательное подтверждение. См. Приложение 1.1 – фотографии. Оливер Кэбот ждал ее в темно-синем «джипе-

чероки», регистрационный номер P321 MDF (официально машина числится за Центром нетрадиционной медицины Кэбота). Расшифровка записи их разговора, сделанной с помощью направленного микрофона (НМ):

«Д-р ОК. Вера, привет! Здорово, что выбралась. Рад тебя видеть.»

ВР. И я тоже рада. Только зачем ты опять приехал меня встречать?»

Д-р ОК. Я сам захотел. Ясно?»

ВР. (Ответ неразборчив, заглушался проезжающим транспортом.)»

Объект и Кэбот сели в «джип-чероки». Кэбот на месте водителя. Аудиосвязь прервалась.

10.37. Деятельность. «Джип-чероки» отъехал от Букингем-Пэлас-роуд. Слежение продолжалось на такси. «Джип-чероки» направился на север Лондона. Время в пути – 43 минуты. Остановился у Центра нетрадиционной медицины Кэбота (Чепел-Хилл, Уинчмор-Хилл, Лондон, NW133 BD).

11.25. Деятельность. Объект и Кэбот вышли из джипа и вошли в Центр нетрадиционной медицины Кэбота. Наблюдатель не смог подойти достаточно близко для ведения аудиозаписи.

11.28. На днище «джипа-чероки» установлен магнитный передатчик-транспондер.

11.31. Установлены голоса объекта и Кэбота с помощью сканера с микрофоном, прикрепленных к стеклу. Расшифровка разговора, записанного сканером через окно первого этажа:

«Д-р ОК. Говоришь, стакан воды? Газированной?»

ВР. Без газа.

Д-р ОК. Сейчас. Вот так! Давай помогу тебе снять пальто. А теперь начнем с того, что ты подробно расскажешь обо всех своих болезнях. Сначала несколько элементарных... (Голос пропадает.)»

Оливер подошел к окну и всмотрелся в просветы между полотнами жалюзи. Вдруг он поднес палец к губам и направился к двери, кивком призывая ее последовать его примеру.

Озадаченная его странным поведением, Вера встала со стула, стоявшего у стола, и следом за ним через приемную вышла в коридор.

Он тихо прикрыл дверь и спросил:

– Вера, твой муж за тобой следит?

О боже!

Внутри нарастала паника; она снова вспомнила пятничный скандал и то, что Росс записывал ее телефонные разговоры. Да, вполне возможно...

– Почему ты спрашиваешь?

– От вокзала за нами всю дорогу следовало такси; я совершенно уверен, что такси одно и то же. Я нарочно поехал в объезд, но водитель ехал за нами. А сейчас на улице стоит человек; он прячется за моей машиной – разговаривает по мобильнику и смотрит прямо на мой кабинет, а антенну мобильного направил в сторону моего окна, как будто хочет подслушать наш разговор.

Всего несколько секунд назад ей было так хорошо и спокойно здесь, с Оливером. А сейчас тень Росса снова нависает, смыкается над ней.

– С ним все возможно, – сказала она.

Оливер метнул взгляд на полоску пластыря у нее над бровью.

– Я не слишком много знаю о слежке, кроме того, что читал в книгах и видел в кино, но я знаю, что есть средства, улавливающие звуковые волны, которые резонируют от стекла. Перейдем в другой кабинет, чтобы не рисковать.

– Как он выглядит?

– Он...

Их прервал симпатичный мужчина лет тридцати пяти, в сером свитере с круглым воротом и синем блейзере.

– Оливер, когда освободишься, удели мне несколько минут; хочу показать тебе инсулиновую кривую.

– До вечера не подождет? – спросил Оливер.

Его коллега немного подумал и ответил:

– Конечно.

Оливер представил Вере своего коллегу:

– Доктор Форестер – Вера Рансом. Доктор Форестер заведует отделением гипнотерапии.

– Приятно познакомиться. – Вера пожала ему руку.

– Мне тоже.

– Крис, – вмешался Оливер, – в твоём кабинете сейчас кто-нибудь есть?

– Нет. У меня пациент... – доктор Форестер посмотрел на часы, – через десять минут.

– Можно мы ненадолго займем его?

– Да... – удивленно проговорил доктор Форестер. – Да, конечно.

Жестом приказав Вере молчать, Оливер вернулся к себе, осторожно приблизился к окну, встав в углу, за кушеткой, чтобы его не было видно с улицы. Он показал Вере на свой джип.

Вера проследила за его взглядом, но вначале не увидела ничего, кроме припаркованных машин. В поле ее зрения попала пожилая женщина; она с трудом ковыляла по тротуару, волоча две сумки с продуктами. Мимо проехал белый грузовичок с лестницами на крыше. И тут она увидела его. Тощего человечка с короткой стрижкой в кожаной куртке, джинсах и кроссовках. Он стоял, прислонившись к стене, и то и дело искоса посматривал в сторону клиники. К уху человечек прижимал мобильный телефон; губы его шевелились.

Вера отошла от окна и следом за Оливером вышла в коридор. Когда он закрыл дверь, то спросил:

– Раньше ты его видела?

– Вряд ли.

По коридору навстречу им двигалась молодая женщина на костылях.

– Сьюзан! – приветствовал ее Оливер. – Как дела?

Тяжело дыша, Сьюзан остановилась.

– По-моему, неплохо. Иглоукальвание мне очень помогает; я только после сеанса. Но мне не нравится, когда меня колот иголками. Больно.

– Чтобы быть красивой, нужно страдать. Верно?

Какая у него очаровательная улыбка – он любого способен купить своим обаянием.

– Зайдите ко мне, когда приедете на следующий сеанс; я сам хотел бы взглянуть на вашу ногу и проверить, как идут дела. Кажется, с прошлого раза произошел заметный прогресс. Я серьезно!

Вера следом за ним поднялась на один лестничный пролет и пошла по очередному коридору.

– Ты всех здешних пациентов знаешь лично?

– Я стараюсь сам провести первичный осмотр и решить, какое лечение подойдет в том или другом случае. В традиционной медицине по большей части существует единственный способ лечения каждого конкретного заболевания, так называемый протокол, и врач не имеет права отклоняться от него под угрозой лишения лицензии, из боязни навлечь на себя гнев страховых компаний, судебного иска и так далее. В той же медицине, которой мы занимаемся здесь, к каждому больному следует подходить индивидуально. У той молодой женщины очень редкая форма ревматоидного артрита. Два года назад ее привезла на прием мать; она сидела в инвалидной коляске и не могла поднять даже шариковой ручки. Сейчас у нее остались проблемы только с одной ногой. Она приехала сюда сама, на своей машине. Мы вернули ее к жизни.

– Чудесно!

Оливер остановился у очередной двери.

– Мы не творим чудеса. Мы делаем то, что фармацевтическим компаниям следовало бы разрешить обычным врачам, но они никогда на это не пойдут. Необходимо понять, откуда пошли громадные доходы почти всей фармацевтической индустрии. Промышленники не станут вкладывать деньги в разработку лекарства, которое моментально излечит от всех болезней, – слишком дорого. Зато громадные средства вкладываются в, так сказать, управление ходом течения болезни. Фармацевтическим гигантам по душе хронические болезни: они не убивают больных, но и поддерживают стабильно плохое самочувствие; хронические больные обречены всю жизнь глотать таблетки. Вот откуда берутся миллионы фунтов, которые окупают расходы на разработку и внедрение новых препаратов. – Оливер поднял глаза. – У нас же совершенно другая цель: *исцелить* больного. Вот почему фармацевтическая промышленность делает все, что в ее власти, чтобы дискредитировать нас. Они впадают в ступор, когда мы излечиваем пациентов методами, которые невозможно запатентовать, или дешевыми лекарствами натурального происхождения, которые можно купить без рецепта.

Вера загадочно улыбнулась:

– Тогда почему большие шишки приглашают тебя на свои ужины?

– По-моему, им просто хочется изучить врага в лицо. – Оливер постучался на всякий случай и толкнул дверь.

В кабинете без окон было темно; он щелкнул выключателем, и на потолке загорелись две лампы дневного света. Одна из них громко жужжала.

Они находились в маленьком кабинетике с полным набором

суперсовременного оборудования и смотровым креслом. Здесь пахло как во всех современных офисах и в салонах машин прокатных компаний: резко пахло новенькой синтетической обивкой. Вера отчего-то сразу вспомнила о «тойоте», которую они арендовали в Таиланде.

Не прошло и месяца с тех пор, как они вернулись домой, но ей казалось, что они побывали в Таиланде давным-давно. Теперь ее воспоминания об отпуске были похожи на передачи о путешествиях, которые она любила смотреть по телевизору. В кадрах передачи мелькал высокий мужчина с женой-блондинкой и маленьким сынишкой. Мужчина играл с сыном, а в промежутках сидел в баре, болтая со всеми соседями. Само очарование!

Жена-блондинка не всегда сопровождала мужа. По приезде она сильно обгорела на солнце – сожгла плечи и грудь – и несколько дней провела в тени за чтением; проглотила несколько триллеров и одну серьезную книгу по психологии человеческих взаимоотношений.

Они предприняли несколько совместных вылазок вокруг острова на арендованном джипе; навестили обезьяний питомник и полюбовались живописным водопадом. Свозили сынишку в океанариум, где его буквально заморозил гигантский кальмар. Потом он храбро показывал язык рыбе-молоту.

Они были похожи на все семьи отпускников, которые наслаждаются отдыхом. Как легко создать у посторонних иллюзию того, что ты счастлив! Достаточно ходить взявшись за руки, и все решат, что вы счастливая пара, влюблены друг в друга и у вас отличная жизнь. Лишь немногим известно, что происходит за закрытыми дверями. Каждый вечер за ужином она молилась про себя: только бы Росс выпил лишнего и заснул, как только уляжется в постель, а не приставал к ней.

Оливер постучал по клавиатуре стоявшего на столе компьютера, и монитор осветился. Она увидела, что ее имя и фамилия появились вверху большой анкеты.

– Так, давай запишем основные данные. Когда ты родилась?

Веру опять затошнило. Тошнота, с которой она проснулась и которая продолжала преследовать ее в поезде, прошла, как только она увидела Оливера у вокзала. Сейчас ее тошнит по-другому – не от болезни, а от страха. Она боится человека в кожанке, который стоит внизу, на улице.

Она назвала дату своего рождения.

– Твой врач, этот доктор Риттерман, всесторонне обследовал тебя, когда ты была у него?

– Да, вроде бы.

– И, если не считать приступов тошноты, в остальном ты чувствуешь себя хорошо?

Вера пожала плечами:

– Я стараюсь не терять форму; каждый день гуляю с собакой, прохожу пять-шесть километров. Летом много плаваю, два раза в неделю хожу в тренажерный зал, занимаюсь аэробикой – вернее, занималась до отпуска. Но Джулс Риттерман... – Она замолчала.

– Что такое? – Жестом Оливер пригласил ее сесть.

– Он никогда особенно много со мной не разговаривает; вот и сейчас он ничего мне не сказал. Не знаю, с чем связано его молчание – то ли у меня все в порядке, то ли, наоборот, все очень плохо и он скрывает от меня мое состояние.

– Зачем ему что-то скрывать от тебя?

Вера подняла глаза к потолку, к мигающей лампочке.

– Просто затем, что для него я всего лишь жена Росса, другой подвид с двойной X-хромосомой, очередное звено в пищевой цепочке. – Она прикусила губу. – Извини. Не хотела быть такой напыщенной. Но меня всегда раздражает, когда со мной обращаются покровительственно.

– Любого бы раздражало на твоём месте. Такое дерьмо – обычная составляющая традиционной медицины. Потому-то врачи и выписывают рецепты на латыни, чтобы больные ничего не понимали.

Оливер придвинул ей стул и некоторое время молча разглядывал ее. Вере стало приятно. Ее ноздри улавливали тонкий запах его одеколона, она кожей чувствовала исходящую от него энергию; несмотря на весь его ум, в нем было и что-то чисто животное, крепкое, сильное, властное: лев, а может, леопард. На нем модная черная куртка, черная водолазка, черные брюки, тяжелые ботинки. Черный цвет подчеркивал черты костистого лица, живость его свинцово-серых глаз за стеклами очков, серебристые пряди в растрепанных кудрях.

А еще она видела то, что угадывала и раньше: прочный внутренний стержень человека, совершенно уверенного в том, что он делает; человека, которому удобно в своей шкуре.

В ней что-то дрогнуло: ей нужен этот мужчина, с каждой секундой, проведенной в его обществе, все больше.

Хватит! Не затем она сюда приехала. Она согласилась пройти у него обследование потому, что надеется, что он сумеет ее вылечить. Вот и все. Так она и скажет Россу, если тот спросит; и при этом нужно смотреть ему в глаза, так как ожидается грандиозный скандал, если частный сыщик доложит мужу о ее поездке.

– Оливер, можно попросить тебя кое о чем? Я хочу, чтобы ты пообещал, что будешь честным со мной. Ты откровенно расскажешь мне все, если обнаружишь у меня что-то нехорошее, – каким бы серьезным это ни было.

– Давай пока надеяться на то, что ничего настолько ужасного мы не обнаружим, хорошо?

– Вот теперь ты тоже разговариваешь со мной покровительственно!

Он рассмеялся:

– Ты права. Извини. Пойми: если мы действительно найдем у тебя что-то плохое, что бы там ни было, твоя болезнь обречена, потому что ей придется иметь дело со мной. – Он ткнул себя пальцем в грудь.

– Ладно, – криво улыбнулась Вера.

– Что бы мы у тебя ни обнаружили, мы справимся. Обещаю.

Она ему поверила.

Они целовались. Прижимались друг к другу щеками. Вера и Оливер Кэбот. *Доктор* Оливер Кэбот...

И ему хватает наглости называть себя доктором?

Шутка.

Снимок крупным планом, снятый с помощью увеличителя; из-за того, что фотограф зафиксировал свое внимание на парочке, фон получился размытым.

Щека к щеке.

Его жена и доктор Оливер Кэбот. *Целуются прямо на улице, черт бы их подрал!*

Росс прислонил фотографию к отделанному деревом рулевому колесу своего «астон-мартина» и, кипя от ярости, обернулся к частному сыщику, сидевшему рядом, на пассажирском сиденье. От сыщика воняло – отвратительное сочетание немытого тела и табачного перегара.

Они стояли на западной парковке больницы Королевы Виктории в Ист-Гринстеде, во дворе, застроенном скучными зданиями красного кирпича и одиноким сборным домиком.

Россу всегда было трудно поверить в то, что именно в этом, абсолютно непримечательном, месте зародилась современная пластическая хирургия. В 1939 году группу зданий, похожих на заводские цеха, превратили в ожоговый центр для летчиков; вскоре центр получил мировую известность. Снаружи здания центра и сегодня выглядели словно заводские цеха; иногда Россу казалось: возможно, это даже хорошо. Не вредно время от времени напоминать хирургам о том, что они – ремесленники, и только; пусть сегодня после их фамилий стоят многочисленные буквы и титулы, до которых так охочи снобы, желающие выделиться в толпе обычных врачей. Еще совсем недавно медициной занимались цирюльники, которые ампутировали конечности наряду со стрижкой и бритьем. Однако сегодня Россу было не до размышлений о судьбе врачей. Сегодня ему хотелось убить человека, который целовал его жену.

– Это шутка, – сказал Росс. – Тот тип – обыкновенный шарлатан. Интересно, как ему хватает наглости называть себя врачом?

Хью Кейвен вытащил из сумки для ноутбука, стоящей у него на коленях, лист бумаги и протянул его Россу.

– Биография доктора Кэбота, – заявил он ничего не выражающим

тоном.

Росс прочитал:

«1976 – закончил Принстонскую медицинскую школу с отличием.

1979 – докторантура, специализация – иммунология, Пастеровский институт.

1980–1982 – младший ординатор, специализация – онкология, больница „Маунт Синай“, Беверли-Хиллз.

1982–1988 – консультант-онколог в больнице Св. Иоанна, Санта-Моника.

1988–1990 – докторантура, специализация – психология. Магистратура в Калифорнии по клинической психологии, затем специализация по гипнозу.

1993 – основал Центр нетрадиционной медицины Кэбота в Лондоне».

Раздраженно вернув сыщику листок, Росс сказал:

– Он предал свою профессию! – Он перечитал отчет Кейвена. – Моя жена и этот шарлатан пробыли в помещении два часа, в течение которых вы и понятия не имели, чем они занимались. Потом он отвез ее на вокзал Виктория. Должно быть, они трахались целых два часа.

– При всем моем уважении к вам, мистер Рансом, позвольте с вами не согласиться. По-моему, в данном случае речь шла о настоящем медицинском обследовании. Когда они вышли из здания и когда расстались на вокзале, ни в их внешности, ни в жестах не было ничего указывающего на интимную близость. Судя по моему опыту, их связывают не более чем отношения врача и пациентки.

Росс смерил сыщика презрительным взглядом:

– Врача и пациентки?! Можете сходить ко всем нетрадиционным знахарям на свете, мистер Кейвен. Можете проглотить все, какие хотите, бесполезные гомеопатические пилюли, можете позволить утыкать себя иглами и стать похожим на дикобраза, можете слушать их рассказы о том, как они вылечат вас, приложив пальцы к подушечкам на ступнях, можете верить во что угодно. У меня нет времени на такую чушь, и я не намерен поддерживать отношения с шарлатанами, которые торгуют своими снадобьями. – Он покачал головой. – Неужели кто-то действительно способен поверить в примитивную чушь, будто врачи способны исцелить методами, действовавшими две тысячи лет назад? Вот что я вам скажу,

мистер Кейвен. Сто лет назад больные с острым аппендицитом почти всегда умирали, и медицина была не в силах им помочь. Сейчас же аппендицит – всего лишь легкое недомогание. Во время Второй мировой войны впервые в истории больше солдат умерло в госпиталях от самих ран, чем от инфекции, полученной во время выздоровления. И знаете почему?

Сыщик покачал головой.

– Пенициллин. За последние сто лет продолжительность жизни жителей стран Запада удвоилась только по одной причине: прогресс медицинской науки. Науки, понимаете? Меня тошнит от людей, которые воротят нос от современной медицины. И я не хочу, чтобы здоровье моей жены находилось в руках какого-то шарлатана-недоучки. Вы понимаете, что я хочу сказать?

– Вполне, мистер Рансом.

Росс посмотрел на часы:

– Сейчас моя жена и доктор Кэбот либо трахаются, либо скоро начнут. И мне нужны фотографии. Фотография – еще один дар, которым наука обогатила современный мир.

От станции мальчик шел пешком. По пути он остановился, чтобы купить апельсиновый фруктовый лед, так как июльское утро было жарким. Он лизал мороженое, входя в ворота больницы, – высокий, худощавый мальчик в шортах, рубашке с коротким рукавом и школьном блейзере с вышитой на нагрудном кармане эмблемой школы. В руке он сжимал букетик цветов. Он с нетерпением ожидал встречи с матерью, с женщиной, которая бросила его семь лет назад, потому что не выносила его неряшливости.

Сотрудница регистратуры с добрым лицом сказала ему, в каком отделении лежит его мать. Она слегка смутилась, но потом посмотрела на цветы, грустно улыбнулась мальчику и велела найти старшую сестру отделения.

Пока он добирался до сестринского поста, страх пробирал его до костей. Низенькая, довольно суровая на вид женщина со значком на лацкане «Марион Хамфриз. Старшая медсестра» и часами на цепочке бросила взгляд на сестричку помоложе, потом посмотрела на Росса:

– Ты сын миссис Рансом?

Росс кивнул. На лице застыло скорбное выражение, которое он долго репетировал перед зеркалом в ванной.

Марион Хамфриз отвела его в комнатку с пластиковыми стульями, усадила на виниловое сиденье и закрыла за собой дверь.

– Росс? – спросила она. – Тебя так зовут?

– Да.

– Твоей маме сейчас очень плохо. Она ужасно обожжена и лежит в отделении интенсивной терапии. Боюсь, на нее сейчас не очень приятно смотреть.

Он выбросил палочку от фруктового льда в мусорную корзинку.

– Она умрет?

Старшей медсестре явно стало не по себе.

– Мы делаем все от нас зависящее, чтобы спасти ее, но, когда человек получает такие обширные ожоги, как она, задеты легкие, а также многие жизненно важные органы... Возможно, тебе известно, что дыхание осуществляется в том числе и через кожу, а у нее осталось очень мало неповрежденной кожи.

– Как по-вашему, она умрет?

– Не знаю, Росс.

– А если она выживет, у нее останутся шрамы?

Медсестра нахмурилась:

– Она находится в лучшем ожоговом центре страны. Здесь у нас трудятся самые лучшие пластические хирурги. Лучше врачей нашей больницы никто не сможет ее вылечить.

– Какая вы славная, – сказал Росс. – Вы мне нравитесь.

– И ты славный мальчик, так волнуешься за маму. Ты сегодня прогулял школу?

– Учитель разрешил мне уйти с уроков.

– Где твой папа?

– Они с мамой не очень хорошо ладят.

– Ясно.

– Можно к ней сейчас?

– Всего на несколько минут.

Она взяла его за руку и не отпускала все то время, что они шли по коридору. Потом старшая медсестра открыла дверь, ведущую в небольшую палату.

Войдя, он почувствовал острый запах медикаментов и еще более острый, сладковатый запах горелого мяса. Он скользнул взглядом по целому ряду мониторов, от которых тянулись трубки и провода – целый лес трубок и проводов, который вел к черной безволосой голове, покрытой какой-то клейкой прозрачной массой. Голова была прикреплена к туловищу, почти целиком закрытому белой марлей.

В первое мгновение он решил, что она отвернулась к стене, потому что он видел лишь скопление каких-то темных пузырей. Наверное, это ее затылок.

Потом он понял, что перед ним – ее лицо.

Глазницы были закрыты тампонами. Губы, в которых была дыхательная трубка, представляли собой раздутые пузыри цвета пергамента. Единственным звуком, слышимым в палате, был мерный стрекот вентилятора: пф-ф... пф-ф... пф-ф...

– Миссис Рансом! – позвала медсестра. – Пришел ваш сын, Росс. Он принес вам цветочки.

Послышался странный звук – сдавленный стон, зародившийся где-то глубоко в горле. В уголке рта появились крошечные капельки слюны.

– Красивые цветочки, миссис Рансом! – Медсестра покосилась на Росса и понизила голос: – У нее сожжены все дыхательные пути. Боюсь, понюхать цветы она не сможет. Но она понимает, что ты здесь.

– Вы очень хорошо за ней ухаживаете, – сказал мальчик.

«НАШИ НОВОСТИ! В конце сентября мы переехали в красивый старый дом на реке в самом центре Шрусбери, в пяти минутах хода от кино (для Саймона) и от магазина „Маркс и Спенсер“ (для Бриджет), а всего через дом от нас находится хороший паб. Вселение прошло благополучно, несмотря на самое сильное за последние пятьдесят лет наводнение, которое началось через три недели после нашего приезда; в подвале вода стояла по пояс. Но подобные испытания закаляют характер!»

На улице безостановочно лил дождь. Вера сидела на кухне, пила маленькими глотками ромашковый чай, стараясь унять тошноту, и читала утреннюю почту. Сегодня она чувствует себя паршиво: голова болит, глаза режет, как будто в ее контактных линзах песок. Наверху пылесосит миссис Фогг – сейчас она находится как раз у нее над головой, в их спальне. Вот пылесос с глухим стуком ударился о гладильную доску, и Распутин, лежавший на своей подушке перед плитой, поднял голову и заворчал в потолок. Он пребывал в мрачном настроении, потому что утром Вера гуляла с ним совсем недолго.

– Знаю, ты ничего не имеешь против дождя, но мне он сегодня не нравится, – сказала Вера псу. – Иногда, просто время от времени, мы будем жить так, как хочу я, а не так, как хочешь ты.

Пес посмотрел на хозяйку с надеждой, глаза его загорелись. Он высунул розовый язык и часто-часто задышал. Потом встал, потрусил в холл и почти сразу вернулся, неся в зубах поводок.

Вера устало рассмеялась:

– Нет. Извини, дружок, сейчас я никуда не пойду.

Не обращая внимания на его укоризненный лай, она стала перечитывать письмо, которое ее подруга разослала всем знакомым. Она завидовала счастью Бриджет. В школе они с Бриджет Найтингейл были лучшими подружками, но сейчас, хоть и жили всего в трехстах километрах друг от друга, общались редко. Бриджет стала медсестрой и тоже вышла замуж за врача, невролога. Но на том все сходство между их судьбами и заканчивалось. Бриджет и Саймон были счастливы, у них получился удачный брак, они жили нормальной жизнью. Были, конечно, и у них свои взлеты, падения и трагедии, но они обожали друг друга.

Радостные интонации письма усилили Верину депрессию. Пылесос над головой замолк, и она слушала, как дождь бьет в стекло. Потом зазвонил телефон.

Она быстро сняла трубку; сердце радостно екнуло – вдруг Оливер? Правда, она попросила его звонить только на новый мобильный номер. Но оказалось, что звонит сервисный инженер фирмы «Глинуэд груп сервисез», которая производит кухонные плиты «Эй-джи-эй»; он намерен был приехать для профилактического осмотра плиты. Вера встала и направилась к своему ежедневнику.

Потом она снова села и вскрыла большой толстый конверт. Информация о курсах специалистов по питанию при Открытом университете, которую она запрашивала, а также анкета для поступающих. Хорошо, что письмо пришло сегодня, потому что завтра его увидел бы Росс. Письмо стало бы для него еще одним поводом для гнева – он не одобрял ее стремления к независимости и самостоятельности. Даже ее общественная деятельность его раздражала.

Еще одно письмо, на сей раз от мужа ее лучшей подруги Сэмми Харрисон, с которой она сегодня вместе обедает. Джон участвует в благотворительном велопробеге в Уганде, собирает средства в помощь голодающим детям. К письму прилагалась спонсорская карточка. Вера отложила карточку: надо будет спросить Росса, сколько они смогут пожертвовать.

Передумав, она сама перечитала анкету. «К черту все! – подумала она, проглядывая список людей, которые уже внесли свои пожертвования, и схватила ручку. – Я сама решу, сколько мы внесем».

Она потеряла глаза, потом вытерла их платком. Часы на стене показывали без двадцати десять. Сегодня пятница. Росс будет ночевать дома, а Алек проведет все выходные у школьного друга, на острове Уайт. По поводу отсутствия сына Вера испытывала смешанные чувства. Она была рада, что в эти выходные мальчик не будет чувствовать напряжения, возникавшего, когда Росс приезжал домой, но она очень скучала по Алеку, когда сынишки не было дома. Кроме того, они с Россом вынуждены будут все время тесно общаться. Долгий предстоит уик-энд, да потом еще банковский выходной. Целых три дня!

Она открыла местную газету и пролистала до раздела сдачи недвижимости. Стоимость аренды квартир с двумя спальнями начиналась от восьмидесяти фунтов в неделю; Вера знала, что даже в самых дешевых и убогих лондонских районах цена будет гораздо выше. Ей понадобится десять тысяч фунтов в год только на квартиру и еду для себя и Алека;

кроме того, нужно содержать машину плюс остальные расходы...

Возможно, ей удастся найти работу в какой-нибудь фирме, занятой ресторанным обслуживанием, но дальше придется всего добиваться самой. Ей предстоит суровая борьба за выживание – но она лучше, чем такое существование.

Если Росс ее отпустит.

А если он не отпустит ее добровольно, она сбежит вместе с Алеком. Росс будет добиваться, чтобы ее отдали под опеку на основании ее депрессии, но теперь, после того как он избил ее и Алека, ни один суд не отдаст ему ребенка.

Миссис Фогг перешла пылесосить в комнату для гостей. Вера поднялась к себе, вынула контактные линзы и опустила их в контейнер с раствором. Когда она снова вставила их, она опять ощутила ту же резь в глазах. Возможно, это от усталости – она почти не спала, думала о Россе и о том, что же с ней такое.

Прошло уже три дня с тех пор, как Оливер осмотрел ее; он объяснил, что на обработку данных понадобится время. Она постоянно думала о нем. Между ними ничего не было, но она по нему скучала. Сильно, страстно скучала.

Вера взяла трубку радиотелефона и, спустившись вниз, набрала номер доктора Риттермана. Она услышала голос его секретарши – как всегда, холодный и властный.

– Говорит Вера Рансом. Будьте добры, соедините меня с доктором Риттерманом.

– Вы уже звонили сюда вчера. – Секретарша как будто обвиняла ее в чем-то.

– Да, но доктор Риттерман мне так и не перезвонил. Я была у него две недели назад и хочу узнать, каковы результаты анализов.

– Доктор Риттерман очень занят. Он свяжется с вами, как только ему будет что вам сообщить.

– Мне это не подходит, – возразила Вера. – Я хочу, чтобы мой лечащий врач отвечал на мои звонки. Будьте добры, соедините меня с ним сейчас.

– Сейчас у него пациент; ему нельзя мешать. Я передам ему, что вы звонили.

– Послушайте, я...

Но секретарша уже нажала отбой.

Вера в ярости уставилась на телефонную трубку. Она уже собиралась перезвонить, когда в холл с лаем выбежал Распутин. Через несколько секунд в дверь позвонили.

У Веры упало сердце. На крыльце стояла Фелис Д'Ит в ярко-желтом дождевике – как будто она только что вылезла из спасательной шлюпки. В одной руке она сжимала резную бутылку с оливковым маслом высшего качества, в другой – корзинку-саше с засушенными листьями и лепестками. Под мышкой у нее был зажат огромный розовый плюшевый мишка. Багажник ее «мерседеса»-универсала был открыт; Вера увидела, что багажник доверху завален другими призами для беспроигрышной лотереи.

– Ну и погодка! Вы меня ждете? Кажется, договорились на десять?

Вера совсем забыла. Пока они разгружали машину и переносили содержимое багажника в комнату наверху, раскладывали призы и надписывали ярлыки, Фелис успела напомнить ей дважды, а потом еще и в третий раз, для ровного счета, что до ежегодного бала, проводимого Национальным обществом защиты детей от жестокого обращения, остается всего шесть месяцев. Интересно, подумала Вера, где будут они с Алеком через шесть месяцев.

Она стояла на коленях посреди моря призов, большинство из которых были просто безделушками, и, будучи добросовестной и исполнительной от природы, записывала в список каждый приз по очереди под диктовку Фелис, которая кратко характеризовала каждый приз и называла фамилию дарителя.

– Господи, как мне жаль того, кто выиграет вот это. – Вера повертела в руках фарфоровую статуэтку лошади; сбоку статуэтки красовались часы, которые торчали из выступа, похожего на опухоль. – Интересно, кто же ее пожертвовал?

– Я.

Вера почувствовала, как лицо горит от смущения.

– Мне подарил ее первый муж, и я всегда терпеть ее не могла.

Улыбнувшись с облегчением, Вера сказала:

– Не знала, что вы были замужем.

– Избавилась от него десять лет назад. Мой самый лучший поступок в жизни.

– Расскажите мне о вашем разводе, Фелис, – с жаром попросила Вера. Внезапно соседка стала для нее интересной.

Скинув свой дождевик, Фелис осталась в джемпере и мешковатых черных брюках. Неожиданно она показалась Вере маленькой и ранимой. Но на лице у соседки застыло непреклонное и горделивое выражение.

– Джонатан был настоящей скотиной, и в один прекрасный день я решила, что жизнь слишком коротка и с меня хватит. Я собрала свои вещички, забрала детей из школы и сбежала из дома, пока он был на

работе.

– А он что?

– Поехал за мной. Пару лет моя жизнь была сушим адом. Он настраивал против меня детей, избил моего приятеля. Но в конце концов, – Фелис пожала плечами, – игра стоила свеч. Иногда приходится за себя бороться. Вам повезло, если у вас удачный брак. Кажется, вы с Россом счастливы вместе.

Вера слабо улыбнулась:

– Наверное, мне нужно быть благодарной за подарки судьбы. По крайней мере, такого уродства он мне никогда не дарил.

Росс вошел в дом, широко улыбаясь. Едва ответив на радостное приветствие Распутина, он схватил Веру в объятия и прижал к себе.

– Вера, – сказал он. – Милая моя... Любимая!

Вера удивилась. Может, он пьян? Нет, спиртным не пахнет, только слабый запах антисептика из операционной.

– Господи, как я по тебе соскучился! – прошептал он. – Я так тебя люблю, Вера! Пора перестать ночевать в Лондоне. Не стоит нам с тобой так часто бывать врозь. Я ужасно по тебе скучаю. А ты?

Неуверенность в ее голосе – слишком слабая, чтобы он заметил.

– Конечно, и я тоже.

Распутин возобновил попытки привлечь к себе внимание хозяина и разразился громким лаем.

– «Конечно»? Всего лишь «конечно»? Разве ты не скучаешь по мне ужасно, страстно, каждую секунду?

Вера не понимала, куда он клонит.

– Ты же знаешь, что скучаю, – осторожно ответила она.

Он снова поцеловал ее.

– Скучаешь? А как ты скучаешь? Ты не звонишь мне по телефону и не говоришь, как сильно ты по мне скучаешь. Раньше, когда мы только поженились, ты часто звонила мне на работу – помнишь?

Вере показалось, что она идет на цыпочках по минному полю. Настроение мужа в любой момент могло измениться! Снимая с него пальто, она мягко сказала:

– Ты не любишь, когда я звоню тебе на работу... ты всегда так раздраженно отвечаешь, когда я звоню. – Она повесила его пальто на вешалку в гардеробной. Когда она вышла оттуда, Росс рылся в грудке почты на столе.

Как бы между прочим он произнес:

– Я все уладил с твоими кредитными картами. Теперь с ними все в порядке.

– Да.

– Ты заказала билеты?

– Да.

– На «Жизнь прекрасна»?

– Ты говорил, что хочешь посмотреть этот фильм.

Когда фильм только вышел на экраны, они не успели его посмотреть. Сейчас его показывали всего один вечер в небольшом артхаусном кинотеатре в Брайтоне.

– Где Алек? – беззаботно поинтересовался Росс.

– Уехал на остров Уайт к Кейборнам на все выходные.

Росс изменился в лице:

– Так речь шла об этих выходных?

– Да.

– И я его не увижу? Совсем?

– Он вернется в начале той недели.

– Не помню, чтобы я соглашался его отпустить.

– Мы обсуждали его поездку, и ты согласился, – сказала Вера.

– Я бы никогда не согласился отпустить его так надолго. Я и так мало вижу его; нет, конечно, я не возражаю, если он уезжает на день, но целые выходные? Я соскучился по нему, разве ты не понимаешь? Я действительно скучаю по нему!

– Я тоже скучаю по нему.

Росс положил руки ей на талию и носом потерся об ее шею.

– Зато у меня есть ты – на все выходные. Знаешь что? Я хочу тебя еще сильнее, чем двенадцать лет назад; по-моему, это хороший знак.

Вера сейчас не испытывала к мужу ничего, кроме отвращения; больше всего ей хотелось оттолкнуть его, но она не посмела. Она почувствовала, как он наливается желанием; увидела, как загорелись его глаза.

– Нам скоро выходить, – предупредила она. – Сеанс начинается в восемь.

– Мне надо быстренько выпить.

– Сейчас принесу. – Вера обрадовалась предложению освободиться от него. – Переодеваться будешь?

– Да.

Но вместо того чтобы подняться наверх, Росс последовал за ней на кухню и, прислонившись к сосновому шкафчику, распустил узел на галстук и расстегнул воротничок рубашки.

– Нам не обязательно смотреть фильм, если ты не хочешь.

– Я хочу – очень хочу.

– Вместо кино, можно где-нибудь поужинать.

– Я уже заплатила за два билета. Мы же решили поужинать после кино. – Вера открыла застекленную дверцу, взяла с полочки хрустальный бокал без ножки, прижала к окошку льдогенератора. В бокал со звоном упали кубики льда.

Потом она подошла к тому шкафчику, где всегда стояла наготове бутылка виски. Росс внимательно рассматривал фотографии в рамках, расставленные на полочках вперемешку с фарфоровым сервизом с трафаретным китайским рисунком. Взял снимок, стоявший между соусником и заварочным чайником. Их сфотографировали, когда они вдвоем катались на лыжах в Церматте; за их спинами возвышался величественный Маттерхорн.

– Я помню, как мы снимались, – сказал он. – Мы поехали туда на вторую годовщину нашей свадьбы. Там, наверху, было холодно; ты хотела снять лыжную шапочку, но ветер запорошил тебе глаза. Помнишь?

Вера налила в бокал на три пальца виски.

– Да.

Росс снял с полки еще одну фотографию.

– Везувий! Я поставил камеру на скалу и завел таймер, а ты еще говорила, что на снимке выйдут только наши ноги. Помнишь? – Лицо его осветилось выражением какой-то детской радости.

Протянув ему бокал, Вера сказала:

– Я помню, как мы карабкались наверх, а когда добрались до вершины, оказалось, что с другой стороны есть подъемник.

Росс взял еще один снимок: Алек сидит на лужайке и обнимает Распутину.

– Я люблю тебя, Вера. – Он отпил глоток виски. – Ты и понятия не имеешь, как сильно я тебя люблю.

Его объяснение в любви озадачило ее. Росс не имел обыкновения выражать ей нежные чувства, не излив на нее вначале раздражение и злость, и она не знала, как реагировать. Она предпочла промолчать.

– Как по-твоему, как я тебя люблю? – не отставал он.

– Не знаю. Сам скажи.

Росс одним глотком осушил полбокала, поставил снимок на полку и облокотился о столешницу.

– До конца мира и обратно – вот как!

Он ее пугал. Губы его улыбались, но глаза были черные.

– Только нашего мира? – поддразнила Вера.

Вдруг внутри его как будто переключили какой-то рычажок. Росс словно оглох – перестал ее слышать. Он медленно вертел в руке бокал.

– Да, кстати, – с наигранной беззаботностью продолжал он, – сегодня я говорил с Джулсом Риттерманом. Он извинился за то, что долго не давал о себе знать, – в лаборатории что-то перепутали. Твои анализы перепутали с чужими, и понадобилось время, чтобы разобраться.

– Я тоже ему звонила. Его секретарша нахамила мне и бросила трубку. Росс, я хочу наблюдаться у другого врача.

Росс пристально разглядывал свой бокал.

– Да нет, Джулс человек неплохой.

– Росс, я не хочу, чтобы секретарша моего врача хамила мне и бросала трубку.

– Я поговорю с ним насчет ее.

– Нет, Росс. Извини, но дело не только в секретарше, и говорить с ним не надо. Я намерена найти себе другого врача, который мне подходит.

– В общем, так или иначе, – продолжал Росс, как будто не слышал ее, – беспокоиться не о чем. У тебя действительно инфекция – одна из так называемых «болезней отпускника». На местных инфекция не действует, а наш иммунитет против нее бессилён. То же самое случается, когда жители стран Дальнего Востока приезжают сюда, к нам – они заражаются болезнями, от которых мы не страдаем, потому что наш организм привык к определенным видам бактерий.

– И как мне избавиться от инфекции?

Порывшись в правом кармане пиджака, Росс извлек оттуда маленький цилиндрический контейнер и протянул ей. На крышке зеленым по белому было напечатано: «„Молу-Орелан“ (филиал/Великобритания). НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ПРОДАЖИ! Фаза 2» и еще какие-то цифры и буквы.

Ободрающе улыбаясь, он продолжал:

– Новейший антибиотик; Джулсу удалось раздобыть его для меня. Он наверняка убьет всех микробов. Принимай по две капсулы три раза в день во время еды.

Воодушевление Росса не понравилось Вере.

– А может, лучше принимать какой-нибудь испытанный антибиотик? Мне не нравится, что я буду принимать новое лекарство... Какие у него побочные эффекты?

– На прошлой неделе я давал тебе испытанные антибиотики, – возразил Росс, – но от них не было никакого толку. «Молу» – хорошая компания, там работают серьезные ученые, я им полностью доверяю. Что же касается уже существующих антибиотиков, мы принимаем их в таких количествах, что они теряют свою эффективность, а бактерии и микробы приспосабливаются к ним, становятся резистентными. Я даю тебе то, что надо, поверь мне.

Она открутила крышечку, извлекла ватный тампон и высыпала в ладонь две крошечные капсулки. На каждой ярко-синим были выбиты

какие-то цифры – так мелко, что невозможно прочесть.

– Возьми их с собой, – велел Росс. – Примешь в ресторане перед едой.

Мы вроде решили после кино пойти в китайский ресторан?

– Если хочешь, можно пойти и в индийский.

– Нет, тебе больше нравится китайская кухня. Пойдем в «Китайский дворик», там вкусные закуски, да?

– Отличная мысль.

– А потом возьмем утку по-пекински с блинчиками. Ты ведь любишь утку по-пекински?

– Я – да, а вот ты всегда говорил, что...

– Я обожаю утку по-пекински!

Он ведет себя очень странно. Может, раскаивается в своем поведении в прошлую пятницу, когда ударил ее? Жалеет? Или боится? Интересно, продолжает ли он прослушивать ее телефонные разговоры? Если да, то его ждет разочарование: за эту неделю ничего интересного в них нет. Она соблюдала осторожность и старалась вообще поменьше говорить по домашнему телефону. Ее новый мобильник сейчас был выключен и заботливо спрятан в погребе. В любой момент Вера ждала от мужа расспросов о посещении клиники доктора Кэбота.

Но он и словом не обмолвился о Центре нетрадиционной медицины и об Оливере – ни единым словом. Был кроток, как ягненок.

Все выходные.

Те три дня стали самым долгим сроком, который Вера провела вдали от Алека. К утру вторника тоска по сынишке стала нестерпимой. Они разговаривали по телефону каждый день: Алек наслаждался жизнью и без умолку рассказывал ей о разноцветном песке в Алум-Бэй, об иголках, которые не настоящие иглы, а скалы под названием «Иглы».

Из окна спальни Вера следила, как за поворотом скрывается машина Росса. Она пребывала в полном расстройстве чувств. В холле громко лаял Распутин – как всегда, когда хозяин уезжал.

– Тихо! – прикрикнула она.

В ванной бормотало радио, но Вера не слушала. Мысли ее были далеко. Запахнувшись в халат, она спустилась вниз. Тапочки шлепали по холодной плитке в холле. Потом она оказалась в теплой кухне.

Для нее все было накрыто к завтраку; на тарелочке для хлеба лежали две капсулки – чтобы она не забыла их принять. Непохоже, чтобы ей стало заметно лучше. Приступы тошноты по-прежнему повторялись в течение всех выходных; вот и сейчас ее слегка подташнивает.

По каменным ступенькам она спустилась в погреб, включила свет и мимо полка с винными бутылками прошла к противоположной стене, где находился встроенный морозильник. Сунув руку между морозильником и стеной, она извлекла мобильник и унесла его наверх.

В комнату прилепал Распутин, понюхал пол, взял со своей подушки резиновую косточку и начал ее грызть. Вера зевнула. На часах – без десяти шесть.

Она включила телефон. Ей звонили три раза.

Свой новый номер она давала только одному человеку.

«Вера, это Оливер. Пятница, семь тридцать вечера. Извини, что не позвонил раньше, – пришлось ждать, когда придут результаты анализов. Позвони, как только сможешь. Звони в любое время на домашний номер или на мобильный».

«Вера, это опять Оливер. Суббота, утро. Я буду занят с пациентами до полудня. После этого звони мне на мобильный».

В его голосе слышалась тревога, которая обеспокоила ее. Ей показалось, что тревога нарастает с каждым новым звонком. Последний звонок был проникнут каким-то отчаянием:

«Вера, это Оливер. Воскресенье, одиннадцать часов. Мне очень нужно

как можно скорее поговорить с тобой о результатах анализов. Если тебе удастся прозвониться мне на голосовую почту, оставь сообщение, когда тебе можно перезвонить».

Вера подождала до восьми, а потом позвонила ему домой. Ей никто не ответил. Она позвонила на мобильный и оставила сообщение.

В девять Оливер перезвонил ей. В десять она села в поезд и поехала в Лондон.

В десять «Боинг-737» приземлился в аэропорту Малага в Испании. Росс, с кожаным чемоданчиком в руках, ступил на трап и сощурился от яркого солнечного света, пропитанного запахом керосина.

Следом за другими пассажирами он сел в автобус. Через десять минут – в его руках по-прежнему был только один чемоданчик – он прошел таможенно и очутился в полумраке зала прилета. В глазах зарябило от разноцветных вывесок и плакатов встречающих: «Куони», «Томас Кук», «М.А. Банун», «д-р Питер Дин», «Авис», «Дэвид Ройстон». Наконец он увидел потрепанный кусок картона, на котором было нацарапано: «Д-р Росс Рансом».

Встречавший его субъект сильно смахивал на сутенера; по-английски он не говорил. Он настоял на том, чтобы нести чемоданчик Росса; затем жестами пригласил его к выходу, где их ждал сверкающий белый «мерседес». За рулем сидел шофер.

Сутенер открыл перед Россом заднюю дверцу, вручил ему чемоданчик, а сам уселся на переднее пассажирское сиденье. В кожаном салоне пахло сигарным дымом и было прохладно, почти как в холодильнике.

– Как долетели, сеньор Рансом? – приветствовал его водитель на ломаном английском.

Пристегиваясь ремнем безопасности, Росс ответил:

– Спасибо, хорошо. – Он раскрыл чемоданчик, достал мобильный телефон и номер «Британского журнала пластической хирургии», который не дочитал в самолете, а еще солнечные очки – их он сунул в нагрудный карман пиджака. Обращаясь к обоим своим спутникам, он спросил: – Как поживает иль капитано?

Трогаясь с места, водитель повернулся к нему. На губах его расплылась широкая улыбка, обнажающая ряд золотых зубов.

– Кто, сеньор Милуорд? Она есть поживает очень хорошо.

– Отлично.

Росс позвонил своей секретарше. Она понятия не имела о том, что он в Испании; он ничего ей не сказал. Секретарше было известно лишь, что сегодня, во вторник, он взял выходной, чтобы продлить короткий отдых. Росс не хотел, чтобы кто-нибудь узнал о его поездке в Испанию.

Аэропорт остался позади, и дорога пошла в гору. Небрежно оглядывая пустыри, поросшие кустарником, которые спускались по склону холма

вниз, к Средиземному морю, Росс сосредоточился на разговоре с Люсиндой. Нужно уточнить график приема пациентов на следующие три дня. В четверг, напомнила Люсинда, назначена повторная операция леди Джеральдине Рейнс-Райли. Кстати, добавила секретарша, сегодня утром пришло письмо от поверенного леди Джеральдины. Он сообщает, что его клиентка не удовлетворена работой хирурга; повторная операция влечет большие неудобства для нее, и потому она требует компенсации.

Поговорив с секретаршей, Росс включил свой ноутбук, сделал несколько записей и стал читать журнал, стараясь отогнать злость на леди Джеральдину Рейнс-Райли.

Прошел час; когда Росс выглянул из окна, они ползли в длинной пробке мимо улицы, тесно уставленной магазинами. Вот промелькнула вывеска «Банг и Олуфсен». Через несколько минут они выехали на набережную яхт-клуба «Пуэрто-Банус».

В груди у Росса все сжалось от беспокойства. Шофер обернулся к нему, снова наградил его ослепительной улыбкой и сказал:

– Только один маленький короткий прогулка, сеньор Рансом. Двести метров.

Такси свернуло вправо с Ноттинг-Хилл-Гейт. Вера посмотрела в заднее окошко, чтобы проверить, не едет ли за ними другая машина. Никто не ехал. Потом, проехав совсем немного, такси свернуло налево, на Лэдброук-авеню. Она снова вперила взгляд в заднее окошко. Обернувшись, она заметила, что таксист наблюдает за ней в зеркало.

Вера бросила взгляд на свои часики «Ролекс»: двадцать пять минут двенадцатого. Чтобы ей не ехать через весь Лондон, Оливер предложил встретиться у него дома – в полдесятого у него в клинике пациент, которого ему необходимо принять лично, а сразу после приема он вернется.

«Вера, я получил результаты твоих анализов. Мне необходимо встретиться с тобой».

Что же там с анализами, черт их побери?

Такси замедлило ход и остановилось у дома номер 37. Вера вылезла, заплатила по счетчику и дала таксисту на чай. Она подождала, пока машина отъехала, и настороженно огляделась. Утро было чудесное, на небе ни облачка. На ней был синий блейзер, джинсы и полусапожки, и Вера пожалела, что не выбрала более легкие брюки и туфли.

Вдруг ее передернуло. Что-то в его интонации... Что-то совсем не хорошее...

Лэдброук-авеню оказалась большой улицей в жилом квартале, широкой, тихой и зеленой, обсаженной платанами, на которых уже распустились листья. За деревьями тянулись ряды массивных домов с отдельными входами, портиками с колоннами и высокими французскими окнами. Судя по многочисленным панелям домофонов, здешние дома, как и большинство лондонских домов такого размера, переделали в многоквартирные. Судя по маркам припаркованных вдоль улицы машин, в домах все же обитали люди небедные: «мерседес», БМВ, «ауди», «порше» и различные внедорожники. Джипа Оливера не видно. Может, его стоянка с другой стороны. Мимо проехал «ягуар», потом грузовик, за ним пикап, груженный пиломатериалами, потом двое юнцов в шлемах на мопедах; судя по значкам на рулевых рукоятках – ученики таксистов, изучающие правила дорожного движения.

Она посмотрела налево и направо – не видно ли где-нибудь мужчины в кожаной куртке, которого они заметили на прошлой неделе возле клиники, или другого наблюдателя. Потом поднялась по ступенькам, прошла между

колоннами, еще раз огляделась по сторонам, прочитала список жильцов и нашла фамилию Оливера.

Через секунду в домофоне закрипело.

– Да? – Его американский акцент чувствовался сильнее, чем обычно.

– Это Вера, – сказала она.

– Поднимайтесь! Верхний этаж. Лифта, к сожалению, нет.

Послышалось жужжание, потом щелчок. Она толкнула дверь. Дверь не открылась. Снова зажужжало, и Вера снова толкнула дверь. Наконец дверь подалась, и она неуверенно вошла в узкую мрачную прихожую. На полу – голые доски; краска на стенах облупилась.

Она миновала ряд почтовых ящиков, горный велосипед, прислоненный к стене, и большую коробку с эмблемой службы доставки DHL и начала подниматься по лестнице. Каблуки гулко стучали по ступенькам.

Когда она дошла до третьего этажа, то услышала, как наверху открылась дверь.

Бодрый голос без всякого акцента произнес:

– Я проверил все датчики. Тот, что в спальне, уже сторел; я его заменил – бесплатно, они на гарантии.

Потом голос Оливера:

– Спасибо, я вам очень признателен.

Вера услышала шаги, потом увидела мужчину лет тридцати пяти, в синем комбинезоне с эмблемой службы сигнализации «Лангардз», вышитой на нагрудном кармане. Мужчина нес ящик с инструментами.

К своему удивлению, Вера поднялась наверх с большим трудом. До Таиланда она думала, что находится в хорошей форме. А в Таиланде каждый день проплывала по пятьдесят дорожек в бассейне.

Откуда одышка? Сказывается месяц без тренировок? Вот как мало нужно, чтобы...

– Вера?

Она изумленно подняла глаза – и оцепенела. Перед ней стоял Оливер Кэбот – и в то же время не Оливер Кэбот. Зеленый свитер поверх майки, мешковатые джинсы, кроссовки. Та же фигура, те же черты, тот же цвет волос и почти тот же самый голос. Но человек, стоявший перед ней, выглядел лет на пять постарше, да и лицо выглядело немного иначе. Он был не так красив, он...

Протянув руку, он встретил ее крепким рукопожатием:

– Я Харви, брат Оливера.

– Ой, здрасте, – удивленно проговорила Вера. – Не знала, что у

Оливера есть брат.

Харви широко улыбнулся:

– Да уж, наверное, таким братом, как я, нечего хвастать.

Она рассмеялась, и он проводил ее в квартиру и закрыл дверь.

– Он только что звонил: стоит в пробке, но скоро приедет. Хотите чего-нибудь выпить?

Вера почти не слышала его. Она в благоговейном ужасе оглядывалась по сторонам.

– Если можно, чаю. Просто невероятно!

– Да, квартира что надо, – согласился Харви.

Квартира была огромной. Как в телерекламе. Мансардное помещение, которое, казалось, тянется бесконечно и завершается изящной металлической лестницей, которая ведет наверх, в гостиную зону полукруглой формы. Высота потолка – метров десять, а то и больше, потолок укреплен прочными дубовыми балками. Из панорамных окон открывается вид на километры крыш. Лакированный деревянный пол покрывают персидские ковры во всю длину квартиры; мебель дорогая, однако не загромождает пространство. Много красивейших восточных сувениров и безделушек. Роскошная китайская ширма, черный лакированный обеденный стол и стулья, резной камин, поместившийся между рядами книжных полок, несколько высоких жардиньерок и внушительные статуи божков – похоже, индонезийских. На стенах гобелены, зеркала, абстрактные картины; все острые углы закруглены, смягчены каким-нибудь комнатным растением. В огромном аквариуме медленно плавают экзотические рыбки.

Атмосфера квартиры заморозила Веру.

– Как много пространства и света! Вы вдвоем здесь живете?

Словно извиняясь, Харви ответил:

– Я здесь только гощу... живу в Штатах, в Северной Каролине. Бывали там?

– В Северной Каролине – нет. Я была в Нью-Йорке, Вашингтоне и Флориде.

– В наших краях очень красиво. Всего в часе езды от Голубых гор. Там здорово жить. Совсем другой ритм жизни, чем в Лондоне, но Лондон – прекрасный город, правда?

Они вошли в суперсовременную кухню. Харви налил в чайник воды. В лаконичной манере, как у Оливера, он заметил:

– А вы смелая – позволяете американцу заварить вам чай.

Улыбнувшись, она спросила:

– Вы приехали в отпуск?

– И в отпуск, и по делам. – Нагнувшись, он достал из шкафчика коробку с печеньем. – Хотите?

– Нет, спасибо. Чем вы занимаетесь?

– Исследовательской работой. Квантовая физика. На следующей неделе я должен выступать с докладом на конференции в Швейцарии; я взял несколько дней отпуска, чтобы побыть в Лондоне до и после конференции – повидаться с младшим братишкой.

Как странно наблюдать за его движениями, слушать его голос! Он так похож на Оливера... Жесты, выражение лица, глаза, которые расширяются, когда он говорит, движения рук, даже телосложение. А потом у себя за спиной она услышала голос Оливера:

– Извини, пробки просто ужасные!

Она развернулась. Оливер стоял на пороге кухни.

– Вера! Рад тебя видеть.

Она тоже обрадовалась ему. Он выглядел великолепно – пиджак, галстук, шоколадного цвета брюки и коричневые замшевые туфли. Вера впервые увидела Оливера при галстукке; ей понравилось, как он выглядит, – более серьезно, более властно.

Хотя он улыбался, глаза у него были тревожные. Они расцеловались в обе щеки; Оливер притянул ее к себе – нежно, но крепко. Однако она почувствовала некоторое напряжение, и страх ее усилился.

– Мой брат хорошо о тебе заботился?

– Я сразу почувствовала себя как дома.

Харви поднял руку вверх:

– Мне пора – надо навестить вашу Королевскую академию искусств, галерею Тейт и собрание Уоллеса. Да, тут приходил парень из службы охранной сигнализации; сказал, что обнаружил дефект, и устранил его. У тебя датчик перегорел.

– Хорошо, – ответил Оливер. – Спасибо!

– Всегда пожалуйста. – Затем, передразнивая тот же преувеличенно оксфордский акцент, как и Оливер в их прежнюю встречу, Харви продолжал: – А еще, старичок, кто знает – может быть, ваша старушка королева возьмет да и пригласит меня на чаек.

Вера рассмеялась.

– Рад был познакомиться, Вера. До свидания! – Он пожал ей руку и повернулся к Оливеру: – Когда сегодня начинается спектакль?

– В семь сорок пять, – ответил Оливер.

– Отлично! – И Харви ушел.

Несколько секунд Вера и Оливер просто стояли и улыбались друг другу.

– Какой он милый, – сказала Вера.

– Да, – кивнул Оливер. – У него славная жена и трое детишек. Сейчас они в школе, вот почему она не приехала с ним. – Некоторое время он молча смотрел на нее. – Как твое самочувствие со времени нашей последней встречи?

– То лучше, то хуже. Приступы тошноты повторяются.

– Чаше или реже?

– Чаше, – сказала Вера. – И сильнее.

Вода в чайнике забулькала; из носика повалил пар, и чайник отключился.

– Чаю?

– Спасибо.

Он открыл крышку стеклянного кувшина.

– С молоком?

– Да.

Оливер достал из кувшина два пакетика.

– У меня на окнах тройные стеклопакеты – не люблю шума. Кстати, я тут посоветовался с одним приятелем-ученым, который разбирается в радиосигналах; даже если наш прежний знакомец рыщет где-то неподалеку, он ничего не сможет подслушать.

– За мной не следили, – заметила Вера.

Он снова посмотрел на нее; беспокойство в глазах стало еще заметнее. Вере стало как-то не по себе; она повернулась и вышла в просторную жилую зону. Ей срочно нужно успокоиться.

Проходя мимо книжных полок, она читала корешки: Уильям Олуин Лишман, «Органическая психиатрия»; доктор Дэвид Вил, «Риск и вероятность»; доктор Зара Холимски, «Социальная трансформация американской медицины»; доктор Оливер Кэбот, «Здоровье и циркадные ритмы человека».

Она вытащила книгу, перевернула и посмотрела фото на обложке. На маленькой квадратной черно-белой фотографии Оливер выглядел серьезно. Не слишком хороший снимок, подумала Вера. Он совершенно не передает сущности Оливера, той жажды жизни, какую он излучает. Она открыла книгу на странице, где было напечатано содержание, но от волнения не могла читать. Слова расплывались перед глазами.

Оливер вышел из кухни с двумя большими кружками. Вера и Кэбот сели на мягкие диваны и некоторое время молча любовались панорамой

Лондона. Оливер нагнулся к ней и пристально посмотрел в глаза. Вера держала горячую кружку обеими дрожащими руками. Пытаясь унять напряжение, она сказала:

– Итак, расскажи, сколько часов мне осталось жить?

Он криво улыбнулся и снова стал ужасно серьезным.

– Много, Вера. Но результаты анализов не слишком хорошие, и с ними, к сожалению, нельзя не считаться.

Вере показалось, будто в комнате вдруг стало темнее, как будто снаружи напозла огромная туча.

– Что... что п-показали анализы?

– Скажи, доктор Риттерман говорил тебе *хоть что-нибудь*?

– Нет. В пятницу я снова позвонила ему и устроила скандал его секретарше; потом он позвонил Россу, объявил, что у меня какая-то инфекция, «болезнь отпускника», и прописал лекарство, антибиотик.

– Лекарство у тебя с собой?

Вера открыла сумочку и протянула ему контейнер с надписью «Молу-Орелан». Оливер прочел, что было написано снаружи.

– Лекарство передал тебе доктор Риттерман?

– Да... через Росса.

Оливер вытряхнул на ладонь одну капсулку.

– Сколько раз тебе велено их принимать?

– По две штуки три раза в день.

– Вера, что сказал тебе Росс про это лекарство?

Обескураженная его тоном, она ответила:

– Новый антибиотик. – Горячий чай выплеснулся через край кружки, обжег руку, и она поставила кружку на подставку. – А что? Он тебе знаком?

– Да, конечно, сама фирма «Молу-Орелан» мне знакома, но это новое лекарство, которого еще нет в продаже – у него даже нет пока торгового названия, только код. Муж что-нибудь упоминал при тебе о клинических испытаниях?

– Нет.

Оливер несколько секунд изучал капсулку.

– Ты, случайно, не слышала, не упоминал ли при тебе Росс о болезни Лендта?

– Кажется, нет... Нет, не упоминал. Что такое болезнь... как его?

– Лендта. Вера, у тебя именно эта болезнь. Я готов был бы отдать все, что угодно, только бы у тебя ее не было, но она у тебя есть.

Вера доверчиво заглянула ему в глаза, но впервые за все время их знакомства не нашла там утешения. Где-то снаружи, за прочными,

надежными стенами его дома, завывла сирена. В глубине ее души тоже завывла сирена, и Веру передернуло.

– Оливер, что такое болезнь Лендта? Я хочу знать все. Пожалуйста, скажи правду. Расскажи мне все, что тебе известно.

Медленно и стараясь, насколько можно, не испугать ее, он начал рассказ.

Сутенер открыл перед Россом дверцу машины, взял у него чемоданчик и предостерегающе ткнул пальцем в швартовную тумбу, стоявшую в опасной близости от «мерседеса». Из кондиционированной прохлады Росс вышел на набережную «Пуэрто-Бануса», на ослепительный солнечный свет и соленый бриз, насыщенный запахами пеньки и свежей краски. Росс был здесь только однажды, пятнадцать лет назад, на холостяцком турнире по гольфу. Тогда ему здесь не понравилось. Поговаривали, что здесь имеют обыкновение отсиживаться английские преступники, которые пользуются мягкостью местного законодательства в вопросах экстрадиции. Кроме того, говорили, что здесь доживают свой век постаревшие осколки Третьего рейха, проматывая последние награбленные денежки. Сейчас здесь как будто стало получше.

Над молом кружила чайка; на несколько секунд она застыла в воздухе, а потом лениво полетела на запад.

Росс надел солнечные очки и огляделся. Все здесь кричало о больших деньгах. У причалов стояли моторные лодки и яхты; на палубах возлежали молодые блондинки. На капитанских мостиках стояли пожилые мужчины с пивными животиками, в шортах и бейсболках. Все сжимали в руках банки с пивом и сотовые телефоны.

Посторонних сюда не допускали; за этим следила охрана. За причалами можно было наблюдать только со стороны бесчисленных баров, кафе и ресторанов, выходящих на море. Сейчас всеобщее внимание привлекала моторная яхта «Сансикер» стоимостью два миллиона фунтов. Отпускники и туристы следили, как красавица яхта медленно разворачивается носом к выходу из залива, и так заворожено слушали рев ее двигателей, словно перед ними выступал симфонический оркестр.

Был час утреннего исхода. Пора отдавать швартовы. Кучка филиппинцев по цепочке передавала друг другу ящики со льдом, которые грузились на яхты. Деревянная «Райва», беспорядочно виляя, отходила от причала задним ходом. Мотор у нее взывал неестественно громко, но капитан не обращал на это никакого внимания. Он грязно ругался и громко отдавал приказания своей спутнице-блондинке, которая, словно сумасшедшая дрессировщица львов, размахивала топорным крюком, пытаясь оттолкнуться от бортов соседних яхт.

Следом за своими сопровождающими Росс прошел мимо поста охраны

и дальше, по пирсу, где стояли на приколе самые большие яхты. Здесь было тихо; только время от времени шелестели фалы, хлопали флажки да изнутри одной плавучей виллы слышалась негромкая музыка.

Сутенер остановился у трапа яхты, больше похожей на круизный лайнер. На скругленной корме большими золотыми буквами было выбито название «Сузи-Би-ту», а под ним чуть мельче – название страны приписки: «Панама». Росс, немного разбиравшийся в яхтах, оценил экстравагантную красавицу миллионов в пятнадцать.

Из кормового салона материализовались два лакея в темных костюмах и дорогих солнечных очках; они следили, как Росс, следом за сутенером, идет по сходням, устланном красной ковровой дорожкой, мимо красно-белой эмблемы с изображением двух перекрещенных каблучков-шпилек, по тиковой палубе.

Войдя в салон, Росс снял очки и спрятал их в карман. Здесь царили полумрак и вульгарная роскошь: белая кожаная мебель, пушистый белый ковер, зеркала в позолоченных рамах, изогнутая барная стойка в углу, покрытая звериной шкурой. Здесь сильно пахло сигарным дымом, и Росс, чьи глаза быстро привыкли к сумраку, вскоре определил источник запаха, различив низенькую, приземистую фигуру Ронни Милуорда.

Тот сидел, развалившись на диване возле барной стойки, в темной рубашке поло, застегнутой на все пуговицы, в белых брюках, ослепительно-белых парусиновых туфлях и темных очках размером с круглые двери во внутренний дворик. Между губами у него дымила сигара; он пребывал в состоянии глубокой задумчивости, так как играл в электронную игру, стоявшую перед ним на стеклянном столике. Рядом с пепельницей стоял высокий бокал с какой-то розовой жидкостью и полурастаявшими кубиками льда.

Ронни Милуорду было под семьдесят, но благодаря худощавому загорелому лицу, отдаленно напоминавшему портрет покойного судового магната Аристотеля Онассиса, и волосам, крашенным в черный цвет, лишь со стильными седыми висками, он легко сходил и за пятидесятилетнего.

Не поднимая глаз на подошедшего Росса, Ронни Милуорд произнес своим грубым, простонародным лондонским говорком:

– Росс, в бридж играешь? Я вот пытаюсь научиться. Сейчас все играют. Если хочешь иметь друзей, научись играть в бридж. – Когда он нажал на клавишу, от сигары отделилась тонкая струйка дыма. – Здорово развивает мозги. Мне это сейчас не мешает – мозги. Остальное-то у меня есть, а вот кое-чего ни за какие деньги не купишь. Новые серые клетки. Кстати, и новый член тоже.

– Новый член я как раз могу тебе сделать.

Милуорд нажал еще на одну клавишу.

– Мать твою, сбил меня с ритма!

Росс с интересом разглядывал лицо Ронни. Пять лет – прошло почти ровно пять лет. Неплохо сохранилось. Милуорд выключил компьютер, встал во весь свой небольшой росток – метра полтора – и сжал руку Росса железной хваткой, не вяжущейся с его ростом. Потом он обхватил Росса обеими руками за талию и крепко обнял.

– Так-так-так! Рад тебя видеть, Росс-мальш!

Росс тоже обнял Ронни и сказал:

– И я рад тебя видеть, капитан.

Милуорд смерил его оценивающим взглядом:

– А ты неплохо выглядишь. Себе тоже операцию сделал, а? Признайся!

– Нет. Просто веду здоровый образ жизни.

– А ну тебя!

Они сели. Несмотря на то, что яхта была пришвартована в заливе, Росс ощущал легкое покачивание.

– Ну как ты, капитан?

– Я пью «Морской бриз». Будешь?

Росс нахмурился:

– Водка с клюквенным соком. Знаешь, бодрит – клюква-то. И холестерин уменьшает.

Милуорд что-то крикнул, и на пороге показалась длинноногая рыжеволосая красотка лет тридцати пяти, в шифоновой короткой блузке с обилием оборочек.

– Мэнди, это Росс Рансом, самый знаменитый пластический хирург в Англии.

Росс встал. Красотка наградила его бессмысленной улыбкой и вялым, влажным рукопожатием.

– Приятно познакомиться.

– Когда твои сиськи начнут отвисать, он тебе их подтянет.

– Правда? – Рыжая заметно оживилась.

– Он и увеличить их может. Да, не мешало бы их чуток увеличить.

– Здорово! – Красотка хихикнула, как будто только что выиграла неглавный приз в телешоу.

– Сделай нам два «Морских бриза» и принеси кешью.

Когда она вышла, Росс внимательнее изучил взглядом те части лица Ронни Милуорда, которые не были закрыты нелепыми солнечными очками.

– Ты неплохо сохранился.

– Зато внутри поизносился, – в рифму ответил Ронни. – Диабет. Простатит. Высокое давление. Холестерин. Все радости старения.

«По крайней мере, ты стареешь со вкусом, – подумал Росс. – По крайней мере, ты стареешь на яхте стоимостью пятнадцать миллионов и можешь как угодно тратить денежки, нажитые нечестным путем, можешь ездить куда вздумается, а не сидеть в камере с такими же подонками – хотя, наверное, ты заслуживаешь именно такой старости».

Ронни Милуорда на самом деле звали по-другому; имя, точно так же как и лицо, напоминавшее Аристотеля Онассиса, не было дано ему от рождения. Росс сделал ему пластическую операцию в швейцарской клинике. Операция была окружена строжайшей тайной – как засекреченный счет в банке. Двести пятьдесят тысяч фунтов перешли из рук в руки вдали от английской налоговой службы. Но сейчас, при виде яхты, Росс пожалел, что в свое время не запросил больше.

Поднеся пламя золотой зажигалки «Дюпон» к окурку сигары, Ронни втянул в себя дым и спросил:

– Тебе надо обратно к трем, чтобы успеть на самолет?

– Да.

– Я в прошлом году пару раз побывал на родине.

– Рискованно!

– Да меня бы и родная мать не узнала. – Ронни ухмыльнулся. – Ты ведь пересадил мне кожу на пальцах. Меня даже по отпечаткам не опознают. Жалко, что нельзя заодно и ДНК поменять.

Мэнди принесла им коктейли и явно настроилась посидеть в их компании, но Милуорд ее прогнал.

– Пошла вон! Оставь нас в покое. Неужели ты думаешь, что мистер Рансом проделал такой путь только ради того, чтобы поговорить о твоих сиськах?

Когда обиженная красotka вышла, Ронни, криво улыбаясь, повернулся к Россу:

– Итак, ты хочешь меня видеть, а в чем дело – не объясняешь. Мол, не телефонный разговор. – Он помешал у себя в бокале пластмассовой соломинкой и взял горсть орешков. – Что там у тебя?

– Капитан, пять лет назад ты говорил, что ты мой должник. Вот я и приехал получить должок.

Милуорд положил окурок на край пепельницы.

– Росс, я тебе ничего не должен. Ты сделал работу, я тебе заплатил. Мы в расчете. – Он закинул в рот горсть орешков и запил большим глотком коктейля.

Поскольку Росс не видел его глаз, он не мог наверняка сказать, шутит его собеседник или нет.

– И нечего напоминать мне о долгах, Росс. Тебе что-то нужно. Посмотрим, что я сумею для тебя сделать, – вот так я работаю. У Ронни Милуорда все по-деловому. Я не оказываю услуг, я делаю дела. Если хочешь по-деловому, говори, чего тебе надо.

– Ты можешь устроить кое-что или связать меня с людьми, которые умеют устраивать дела.

Из своего чемоданчика Росс извлек коричневый конверт. Оттуда он вытрус две фотографии и передал Милуорду.

Милуорд посмотрел на первую фотографию: увеличенный снимок мужчины анфас. Второй снимок был помельче – тот же самый человек в профиль. Высокий мужчина лет сорока пяти с худым лицом и гривой седых кудрей.

Положив фотографии на стол, Милуорд взглянул на Росса:

– Я что, его знаю или как? Вроде смахивает на того певца-французика, как бишь его фамилия?

– Нет, ты его не знаешь. Он американец, но живет в Лондоне. Зовут его Оливер Кэбот. Доктор Оливер Кэбот... Он трахает мою жену.

– Хочешь, чтобы ему преподали урок? Задали хорошую взбучку?

У Росса моментально пересохло во рту. Подняв бокал, он отпил ледяной водки. Потом, подавшись вперед и посмотрев прямо в огромные темные очки своего собеседника, он понизил голос:

– Я хочу, чтобы он сдох.

– Год? – спросила Вера. – Всего год?!

– Восемьдесят процентов людей с таким диагнозом не проживают и год.

Понадобилось время, чтобы переварить услышанное. Но Вера не хотела переваривать то, что она узнала. Ей хотелось продолжать говорить, как будто, если они будут долго обсуждать ее болезнь, она сумеет по-новому взглянуть на нее – на болезнь Лендта, скопище свирепых микроорганизмов, которые вторгаются в человеческое тело и убивают две из трех жертв.

Оливер как раз показывал ей увеличенный снимок на мониторе своего компьютера. Снимок был сделан электронным микроскопом. Вначале трудно было разглядеть что-либо в неровной, клубящейся массе зеленых и красных оттенков. Потом Оливер показал ей белый участок бобовидной формы.

– Они?

– Угу.

– Они... большие?

– На булавочной головке уместится штук сто.

Вера встала. Как будто все ее покинули! Глаза у нее увлажнились, но не оттого, что ей хотелось плакать; для слез она была слишком потрясена, изумлена; она словно оцепенела. Мысли в голове путались.

Восемьдесят процентов.

Четыре человека из пяти умирают в течение года.

Вера посмотрела в окно. На крыше дома, расположенного метрах в тридцати от них, раскинулся красивый садик с пышной листвой, висячими растениями; многие из них были в цвету. Кончался май; может быть, это ее последняя весна! Ее последнее лето... Последнее Рождество. Она не увидит Алека взрослым...

Мне осталось увидеть лишь еще один день его рождения...

А Росс знал? Так вот почему он был таким милым к ней все выходные! Неужели он солгал ей насчет капсул – насчет того, чем они на самом деле являются?

Оливер смотрел на монитор своего «мака». Так непросто сообщать плохую новость кому-либо, а особенно Вере. С ней ему особенно трудно.

Он хотел бы, чтобы анализы оставили поле для сомнения, но результаты оказались абсолютно недвусмысленными. И то, что Вере дают еще непроверенное лекарство фирмы «Молу-Орелан», то, что она участвует в программе клинических испытаний, – лишнее тому подтверждение. «Молу-Орелан» – единственная компания, которая занимается разработкой лекарства от болезни Лендта.

Но ни ее лечащий врач, ни подонок муж не сказали ей правды – хотя бы частично!

Шестьдесят пять процентов людей с такой болезнью умирают в течение года. Еще не доказано, что оставшиеся тридцать пять процентов, те участники испытаний «Молу-Орелан», которые остались живы через год, излечились. Все, что известно на данный момент, – препарат дает больным некоторую надежду.

Но Оливер подозревал, хотя и не мог ничем доказать справедливости своих предположений, что фирма-производитель подтасовывает результаты исследований. Их необходимо тщательно проверять, прибегать к независимым экспертам. Деятели из «Молу-Орелана» очень осторожны, и их трудно подловить, однако их моральные принципы довольно сомнительны. Оливер не слишком доверял результатам, опубликованным в отчетах компании; еще меньше он склонен был верить результатам, касавшимся смертельно опасной болезни – болезни, угрожающей жизни единственной женщины, встреченной им за последние десять лет, в которую он мог бы влюбиться.

А еще Оливер знал: на самом деле процентов двадцать людей, страдающих любым заболеванием, живут намного дольше остальных просто благодаря здоровой генетике и крепкому иммунитету – а может, благодаря силе воли. И лекарства тут ни при чем. Дело в везении и решимости выздороветь; Вере понадобится и то и другое.

Он наблюдал за ней: вот она молча стоит у окна, смотрит на улицу; лицо серое. Она пытается осмыслить, что бывает, когда тебе огласили смертный приговор. В свое время они с женой так и не открыли правды Джейку – он был слишком мал для такой новости, и потом, ни сам Оливер, ни Марси не хотели признаваться самим себе в том, что Джейк умирает. Как будто отрезать все пути к спасению, отказаться от мысли, что они каким-то чудом сумеют спасти его.

Может, муж Веры чувствует то же самое?

Ему пришло в голову и другое: он вмешивается не в свое дело. То, что он сейчас сообщил Вере, муж нарочно утаил от нее – может, из лучших побуждений.

Но потом он вспомнил о полоске пластыря у нее над левым глазом. Он не знает, каковы намерения Росса Рансома; ему известно одно: мужчина, который бьет женщину, не из тех, кому можно доверять.

Я помогу тебе, Вера. Чего бы то ни стоило, мы с тобой, ты и я, победим проклятую болезнь. Однажды я проиграл битву, но больше поражений не будет.

Она отвернулась от окна и приблизилась к нему; взгляд у нее был совершенно потерянный. Он протянул ей навстречу руки, и она упала в его объятия, крепко обняла его за шею, как будто он был бревном в штормящем океане.

– Я боюсь, – сказала она. – Хочу быть храброй, но не получается. Извини.

– Ты храбрая – и потом, тебе не за что извиняться. Поняла?

Она спросила шепотом:

– Есть ли какая-то, пусть самая маленькая, вероятность того, что ты ошибся?

– Когда я получил первые результаты, я направил твои анализы еще в две лаборатории. Результаты идентичны. И то, что тебя включили в программу «Молу-Орелан», доказывает, что твой лечащий врач пришел к тем же выводам.

– Почему же он ничего мне не сказал? И почему Росс лгал мне?

– Не знаю. Может, он просто пытался быть помягче – не хотел, чтобы ты узнала правду.

Он почувствовал, как Вера вздрогнула, и услышал едва слышный смешок. Она подняла голову, и Оливер не смог оторвать взгляда от ее ясных голубых, широко раскрытых, испуганных и в то же время доверчивых глаз.

– Люби меня, – сказала она.

Борта белого полугрузовичка «рено» украшала надпись: «Белли и сыновья. Осн. в 1951 г.». На крыше были закреплены две разборные лестницы. Грузовичок был припаркован в пятнадцати метрах от дома Оливера Кэбота, подальше от парадного входа. Благодаря такой удачной дислокации обитателям грузовичка сквозь задние стекла было видно, кто входит в дом или выходит оттуда.

Хью Кейвен сидел в кресле, купленном в магазине подержанной мебели, слушал концерт Шуберта по каналу «Классика FM» и читал избранные стихотворения своего знаменитого соотечественника, Уильяма Батлера Йейтса.

Над его головой висели телемониторы. Чайник, включенный в адаптер для прикуривателя, не спешил закипать; в спину впивалась вылезшая пружина.

В грузовичке воняло мокрой псиной. Барри Гатт, сдавший ему смену, весил слишком много и не отличался особой чистоплотностью. Впрочем, трудно ожидать, что от человека, безвылазно просидевшего двенадцать часов в кузове пикапа, будет пахнуть розами, как после бала в «Савое».

Зазвонил сотовый.

– Да?

– Я установил усилитель на крыше. Проверь картинку, – проскрипел его собеседник. – Пять каналов.

– А «Скай»?

– По-моему, очень четко.

Кейвен нехотя отложил книгу, прикрутил звук радио и нажал кнопку на панели управления. Все восемь мониторов немедленно ожили, и сразу же замигал ряд красных лампочек.

Три экрана остались темными, но на остальных пяти появилась картинка. Все передавали изображение большой, со вкусом обставленной квартиры: на одном появилось изображение входной двери и сразу за ней – прихожей, на втором стала видна часть жилой зоны, на третьем – кухня, на четвертом – пустая спальня. Однако Кейвен сосредоточил внимание на пятом экране. Он увидел двоих, которых немедленно опознал: Веру Рансом и доктора Оливера Кэбота. Они стояли рядом с диваном внушительных размеров и обнимались. Звук был тихим, и он вовремя увеличил его и услышал голос Веры Рансом:

– Люби меня!

Кейвен так и ахнул. Происходит то, чего он боялся! Он очень осторожно выбирал фотографии, которые передавал своему клиенту, Россу Рансому; и он предоставил ему подробнейший отчет о результатах слежки за его женой и доктором Оливером Кэботом.

Ему захотелось, чтобы доктор Кэбот отстранился от нее.

– Вера... мне кажется, сейчас момент не совсем подходящий.

«Молодец! Крепись! – мысленно похвалил его Кейвен. – Мужайся!»

– Вера, я нахожусь в опасной близости от того, чтобы влюбиться в тебя. Я не могу выкинуть тебя из головы, когда мы не вместе. Сейчас все по-другому... – Кэбот выразительно пожал плечами. – То есть ты такая, что я... – Он замолчал.

– Что ты – что? – спросила Вера.

– Я вождедею тебя. – Он улыбнулся. – Все время, пока мы врозь, мне страстно хочется тебя увидеть.

– Я чувствую то же самое, – призналась она.

Он снова прижал ее к себе.

– Я хочу тебя вылечить. Я хочу стать твоим врачом. Если я стану твоим любовником, то не смогу лечить тебя – мне нужно сохранять дистанцию, чтобы голова была ясной. Сначала я тебя исцелю, а потом... – Он принялся молча пожирать ее взглядом.

– А потом – что?

– Потом посмотрим на твое самочувствие, состояние, на твою жизнь, разберемся с твоим мужем и с твоим браком.

– А если тебе не удастся меня вылечить?

– Мы постараемся. Ты и я – мы с тобой будем работать вместе, в команде. Ты уж лучше поверь мне.

Улыбаясь, она проговорила:

– Похоже, особого выбора у меня нет.

– У тебя вообще *нет выбора*.

Их лица сблизились – нос к носу, губы к губам. Оливер Кэбот взял ее лицо в ладони и прошептал:

– Только что я не сказал тебе всей правды, когда признался, что нахожусь в опасной близости от того, чтобы влюбиться. Вера, я уже влюблен в тебя. Мне бы хотелось, чтобы это было не так, но я влюблен.

Палец Кейвена дернулся по направлению к кнопке «Стоп». Обычно он не испытывал жалости к объектам слежки; по своему опыту он знал, что люди, изменяющие своим супругам, получают по заслугам. Но сейчас все было по-другому: дамочка вроде бы порядочная; она его растрогала. Ему не

хотелось, чтобы Росс Рансом, к которому он испытывал сильную неприязнь, увидел эту сцену.

Господи, милая, и как тебя угораздило выйти за такого подонка?

Можно остановить пленку, перемотать назад, стереть запись, заявить Россу Рансому, что цена повышается, – или наболтать ему еще чего-нибудь. Или, как он уже докладывал раньше, сообщить, что между его женой и доктором ничего нет.

Человек порядочный на его месте так бы и поступил.

У Хью Кейвена был сынишка по имени Шон и жена на четвертом месяце беременности – они ждали второго ребенка. Кейвену хотелось, чтобы дети уважали его. Он хотел, чтобы они росли в убеждении, что их отец лучше, чем он есть на самом деле. Восемь лет назад он ввязался в сомнительное предприятие и сразу прогорел – он нелегально ввозил шпионское оборудование из Тайваня. Оптовый покупатель, который задолжал ему крупную сумму, умолял подождать с выплатами и просил продолжать поставки. Кейвену стало жаль мужика, которому грозило бы банкротство в том случае, если бы он потребовал немедленно вернуть долг. Тогда, заявил мужик, придется забрать детей из частной школы, потерять дом и вообще все.

Через год тот мужик все-таки разорился и сбежал, оставив Кейвена с необеспеченным чеком на сумму сто двадцать тысяч фунтов. Компании Кейвена угрожал полный крах.

Пытаясь предотвратить неминуемое, Кейвен решил получить страховку и поджег собственный склад. Однако нашелся свидетель, видевший, как он уезжал; кроме того, против него говорили результаты экспертизы. Он отсидел два года. За тот срок он потерял не только фирму, но и дом. Он потерял все, кроме жены.

Три года после освобождения были такими, что лучше не вспоминать. Он зарабатывал на жизнь сначала смотрителем автостоянки, затем, скрыв судимость, устроился ночным сторожем и, наконец, набрел на более доходную работу: ставил жучки для частного сыскного агентства. Вдохновившись успехом, Кейвен основал собственное сыскное агентство. Жизнь понемногу налаживалась. У него имеется моторка, уютный дом. Дела идут неплохо.

После того как он обанкротился, жена, Сэнди, заявила, что у него два недостатка. Во-первых, он слишком мягкий, а во-вторых, слишком придиричив к людям. Он и сам догадывался о своих недостатках, только не хотел верить очевидному. В делах иногда приходится быть полным дерьмом. Жена сказала, что ему придется стать жестче и научиться смирять

гордыню. Он обещал, что постарается.

Вдруг у него в голове зазвучали слова песни Боба Дилана – той, где говорилось о том, сколько дорог тебе придется пройти, прежде чем тебя можно будет назвать мужчиной.

Тоскливо извинившись перед двумя персонажами на экране, Хью Кейвен вспомнил о том, что сейчас для него главное.

- Мне перестать принимать капсулы «Молу-Орелан»?
- Пожалуйста, – попросил Оливер Кэбот, – вспомни, когда твой муж впервые дал их тебе...
- В пятницу вечером.
- Хорошо. В пятницу вечером, когда он дал их тебе, ты поверила в то, что они тебе помогут?
- Не особенно.
- Почему?
- Не знаю, просто так. Наверное, я просто перестала доверять Россу. И потом, может, тебе это покажется глупым... мне показалось, что он сунул мне лекарство как-то воровато. Я сразу поняла: он что-то скрывает.
- Большинство врачей убеждены в том, что лекарство помогает лишь тогда, когда пациент верит в его действенность.
- Но, даже если я поверю, мои шансы всего тридцать пять процентов?
- Семнадцать с половиной. Половине испытуемых дают пустышку, плацебо. Поэтому шансы сокращаются еще наполовину.
- Ты не можешь отправить капсулу на анализ? Может быть, в лаборатории скажут, что там только мел или сахар?
- Мы даже не знаем, каков долгосрочный прогноз для тех тридцати пяти процентов. Сомневаюсь, чтобы они на самом деле излечились. Фармацевтические гиганты занимаются управлением ходом болезни, а не излечением больных. Им хочется, чтобы люди постоянно принимали их лекарства... вот для чего они их создают. Да, я могу отдать одну капсулу на исследование. Но больше всего я хочу, чтобы тебе стало лучше. Шансы три к одному или шесть к одному все равно плохи. Но мы не ставим несколько баксов на рулетку; речь идет о твоей жизни. А я не хочу потерять тебя, Вера!
- Я тоже не хочу потерять тебя, – тихо и испуганно проговорила она.
- Росс у себя в приемной не отрывался от телеэкрана, крепко сжав правую руку в кулак. Ногти впились в ладонь.
- Ах ты, сволочь! – прошептал он. – Болтаешь о жизни моей жены... а сам, мать твою, что ей предлагаешь? Фирма «Молу-Орелан» стоит миллиона таких шарлатанов, как ты. Они спасают каждого третьего больного и могут представить доказательства. А какие доказательства у тебя? Чем ты ее околдовал, Свенгали хренов? Был бы ты настоящим

врачом, который занимается настоящей медициной, я бы при помощи этой пленочки навсегда лишил тебя практики за непрофессионализм!

Зазвонил телефон. Он не стал снимать трубку. Телефон зазвонил снова, потом в третий раз; звонки звучали тревожно. Нажав кнопку «Пауза» на панели видеомагнитофона, он схватил трубку и рявкнул:

– Люсинда, я же просил ни с кем меня не соединять!

– Без десяти четыре, – напомнила секретарша.

– Я знаю, который сейчас час, черт побери! Отец подарил мне часы, когда мне исполнилось семь лет.

– У вас три пациента в приемной; мистер Сирван ждет уже больше часа... а в пять приедет съемочная группа Би-би-си.

– Би-би-си?

– Вы согласились дать интервью для «Панорамы» по поводу маммоимплантатов.

– На когда записана леди Рейнс-Райли?

– На завтра, на три.

– Утром у меня есть окна?

– Нет.

– Выкроите для меня один час.

– Не могу. У вас все занято...

Росс положил трубку на рычаг и нажал кнопку «Пуск». Оливер Кэбот на экране сказал:

– Садись, Вера; я расскажу тебе, что я намерен предпринять.

У Росса все внутри сжалось так же крепко, как его кулак. Он наблюдал, как Вера садится на диван. Оливер Кэбот зажег низкую толстую свечу на кофейном столике и сел напротив. Теперь Вера оказалась спиной к камере; ее лицо искаженно отражалось в странных рыбьих очках докторишки. Его же лицо смотрело прямо в камеру.

– Традиционная медицина стремится излечить болезнь. А я пытаюсь изучить возможности иммунной системы каждого конкретного больного и отыскать способ укрепить его иммунитет. Я применяю гипноз и другие техники, включающие транс. Иногда я сочетаю данные методики с лекарствами и народными средствами. Уже тысячу лет прекрасно известно, что разум влияет на тело, что внутри каждого из нас таятся поистине целительные силы. Совсем недавно один американский профессор-иммунолог заявил, что иммунитет и разум – одно и то же. Я тоже придерживаюсь такой точки зрения; именно этим мы с тобой и займемся. Ну как тебе мой план?

– Звучит разумно, – сказала Вера.

– Для начала я намерен послать тебя в лабораторию, с которой я сотрудничаю. Там тебе сделают несколько анализов крови, которые помогут мне разобраться в состоянии твоего иммунитета. У каждого человека иммунная система уникальна; мне необходимо разобраться в том, над какими ее отделами придется работать в твоём случае.

– У меня кое-что отложено. Сколько будут стоить анализы?

– Около тысячи фунтов.

«Ах ты, мать твою, шарлатан гребаный!» – подумал Росс.

– Когда будут результаты?

– Я позвоню им сейчас; может, ты прямо сразу и поедешь? Туда пять минут езды на такси.

– Хорошо, – кивнула она.

У Росса снова зазвонил телефон; замолчал, потом зазвонил снова. Он нажал на паузу.

– Что еще, Люсинда?

– Звонит мистер Сейлер из банка «Кредит Шил» в Цюрихе; говорит, ему срочно нужно переговорить с вами. А у мистера Сирвана запланирована деловая встреча; он может ждать еще пять минут, не больше.

– Соедините меня с Сейлером.

Через секунду Росс услышал знакомый голос управляющего швейцарским банком.

– Добрый день, мистер Рансом, – поздоровался тот на ломаном английском. – Мы получили ваш факс, но я, если позволите, нуждаюсь в словесном подтверждении. Нам надлежит перевести сегодня сумму, эквивалентную двадцати пяти тысячам фунтов стерлингов, в евро и переслать ее на счет «Бенина корпорейшн» в Пуэрто-Банусе. Верно?

– Совершенно верно.

– Благодарю вас, мистер Рансом.

Росс повесил трубку и злорадно посмотрел на застывшее, смазанное изображение Оливера Кэбота. Аванс для Ронни Милуорда уже в пути.

Половина сейчас, половина по завершении.

Он выключил телевизор и велел секретарше проводить к нему мистера Сирвана.

Вера положила одну деревянную плашку на и без того шаткую башню и...

– Бер-регись! – заверещал Алек.

Она беспомощно смотрела, как все пятьдесят четыре кусочка в очередной раз с грохотом рушатся на кухонный стол; несколько деталек скатились вниз и застучали по дубовым половицам; один деревянный кружок приземлился в нескольких сантиметрах от носа спящего Распутина. Пес даже не шелохнулся.

Хихикая, Алек снова уселся на стул и стал показывать пальцем на мать.

– Ух ты! Опять проиграла! Вот глупая мама!

Улыбнувшись сынишке в ответ, Вера старалась сдержаться, чтобы не расплакаться. Она опустилась на колени под столом и стала собирать детали конструктора с пола. Заодно не мешает и себя привести в чувство. Нетрудно догадаться, почему у нее все валится: чтобы играть в эту игру, нужно, чтобы руки не дрожали, а у нее они сильно трясутся.

Только вчера вечером она не дрожала, когда вернулась из Лондона после анализов. Тогда она пригласила Сэмми Харрисон в гости – выпить по стаканчику. Когда Вера рассказала подруге о своем диагнозе и об Оливере, Сэмми с воодушевлением поведала ей о двоюродной сестре, у которой восемь лет назад нашли рак груди, но она пошла в клинику нетрадиционной медицины и теперь совершенно здорова.

После того как Алек пошел спать, подруги распили бутылочку шабли; целый час, а может, и дольше, спиртное придавало ей уверенность и помогало удержаться на плаву.

Правда, позже, когда Сэмми уехала домой, от уверенности не осталось и следа.

В три часа ночи она лежала без сна в их широкой постели под балдахином. Страх крепко схватил ее в объятия. От него было не скрыться. Вера с трудом удержалась от того, чтобы не позвонить матери и не рассказать ей обо всем. Некоторое время ей даже казалось, что мать все знает, что Росс поделился с ней новостями и велел: «Не говорите Вере, она не сумеет справиться». И конечно, мать будет на стороне Росса. Как всегда.

Но Вера не стала звонить матери. Вместо того она пошла в кабинет Росса, включила компьютер и стала искать сведения о болезни Лендта в

Интернете. Она нашла сорок сайтов. Среди них оказалась и группа поддержки для людей с диагнозом «болезнь Лендта». Там содержались подробные сведения о лекарстве, которое испытывается на фирме «Молу-Орелан», однако Вера не узнала для себя ничего нового.

На другом сайте рассказывалось о том, как вирусолог доктор Могенс Лендт выделил штаммы болезнетворных бактерий; там были снимки, очень похожие на те, что показывал ей Оливер в своем ноутбуке. Но на сайте больше рассказывалось о самом докторе Лендте и об опубликованных им статьях. Еще на одном сайте содержался список вирусных заболеваний, идентифицированных за последние десять лет; в качестве основной причины их возникновения называлось загрязнение окружающей среды.

Причина ее не волновала. Блуждая по Сети, Вера искала только одно: способ лечения! Достижения в лечении. Надежду для жертв.

Она ничего не нашла.

– Мамочка, давай сыграем еще разок!

Они играли вот уже пятый раз, и ей надоело. Семь вечера. Она не знала, что делать. В половине восьмого по телевизору документальный сериал «Мир будущего». Он всегда нравился ей. Она смотрела сериал и раньше, с отцом, и часто втайне надеялась, что в очередной серии расскажут, что найдено лекарство от его болезни. После этого на канале «Скай» кулинарная передача, а в девять – ее любимая «Скорая помощь».

Но сегодня она, похоже, не способна сосредоточиться на телевизоре.

Оливер Кэбот меня вылечит.

Я должна поверить ему.

А если у него не получится?

Она посмотрела на Алека. *Что будет с тобой? Ты окажешься в лапах Росса!*

– Давай, мамочка! Еще разок?

– В постель! – заявила она.

– Ох! Мамочка! Ну, пожалуйста! – Когда он строил такие рожицы, она всегда таяла.

– Ладно. Последний раз – и спать, идет?

– Да-а-а-а!

Алек начал складывать детали в коробку, готовясь к следующей игре. Видя, что сынишка отвлекся, Вера прикрыла глаза рукой и попыталась помолиться про себя. Вчера ночью она вспоминала «Отче наш» и три раза перепутала слова. В детстве она каждый вечер перед сном молилась за отца, но с каждым днем ему становилось чуть хуже. Один раз, задолго до папиной смерти, Вера сказала Богу, что она очень разочаровалась в Нем; и

если Он хочет, чтобы она снова начала молиться, пусть подаст ей знак, сделав что-то хорошее для папы.

Но вчера ночью, когда ей было совсем плохо, она снова начала молиться.

В холл выбежал Распутин, возбужденно лая. На секунду ей показалось, что пса разбудил Алек, но лай не прекращался.

– В чем дело, малыш? – спросила она.

В замке скрипнул ключ, дверь открылась, послышался мужской голос:

– Привет, дружок! Распутин! Эй, привет!

Росс?

Она весь день пыталась до него дозвониться, но какого черта он явился домой? Сегодня среда. Он обычно остается в Лондоне до пятницы.

Как только он показался на пороге кухни, Алек, радостно крича, бросился ему навстречу:

– Папа! Папочка!

Росс подхватил сына на руки, подбросил вверх. Зрелище рассердило Веру. Десять дней назад Росс сильно ударил его, а теперь обнимает, а Алек, кажется, все забыл.

– Привет, большой парень! Всю неделю тебя не видел! Как я по тебе скучал! Как ты вырос! Я не видел тебя девять дней, и ты вырос на целую голову! Теперь ты не просто большой парень, ты настоящий великан! – Он поставил сынишку на пол, и лицо его тут же омрачилось.

– Разве ему не пора быть в постели? Восьмой час. – Он бросил обвиняющий взгляд на Веру, которая так и осталась сидеть за столом.

– Я тебя не ждала. – Она тут же пожалела о случайно вырвавшихся словах.

– Вижу. Так вот что бывает среди недели, когда меня нет дома. Вся дисциплина тут же улетучивается.

– Росс, почему ты не отвечал на мои звонки?

– Восьмой час. Почему он еще не спит?

Вера взглянула на Алека. Меньше всего ей сейчас хотелось, чтобы сынишка стал свидетелем их ссоры, но она твердо решила не сдаваться. Спокойно, но твердо она ответила:

– Мы собирались сыграть еще один раз, а потом он пойдет спать. Твой ход, Алек.

– Нет, он пойдет спать сейчас – немедленно! – Росс был в ярости. Он огляделся, ища, на что бы еще разозлиться. Долго искать ему не пришлось. – Почему в раковине грязные тарелки? Они что, остались от обеда? Значит, когда ты меня не ждешь, ты живешь неряхой! Ты

позволяешь моему сыну ложиться, когда ему заблагорассудится, и оставлять после себя беспорядок?

Словно не слыша слова мужа, Вера сказала Алеку:

– Мы играем еще раз. Ходи первым, милый. – Затем, сохраняя тот же спокойный голос, как бы обращаясь к ребенку, она сказала, подняв глаза на Росса: – Иди отдохни в кабинете, а я принесу тебе виски.

Она начала подбирать кусочки мозаики; уголком глаза она видела, что Росс нерешительно мнетя на пороге.

– Я три раза просила Люсинду передать, чтобы ты перезвонил, – продолжала она. – Один раз вчера и два раза сегодня. А еще я оставила два сообщения для Джулса Риттермана. Мне очень хочется знать, почему вы оба не сказали мне правду, не сказали, что со мной. – Она мельком посмотрела на Алека, но мальчик, казалось, был всецело поглощен игрой.

Но, несмотря на игру, он все равно спросил:

– А что с тобой, мамочка?

Вера подняла взгляд на Росса:

– Может, ты ему скажешь?

– Мне нужно отправить пару срочных писем. – Росс в бешенстве крутанулся на каблуках и почти выбежал из кухни.

Через сорок минут Вера погасила свет в детской и закрыла дверь. Потом спустилась вниз, вошла в кабинет Росса и также закрыла за собой дверь. Росс, сидевший за компьютером, продолжал смотреть на монитор и что-то набирал на клавиатуре.

– Почему ты не сказал, что я умираю? – спросила Вера. – Почему наговорил море ерунды об антибиотиках и не сказал правды о капсулах, которые я принимаю?

Он поставил на столешницу знакомый ей контейнер с капсулами и ткнул в него пальцем. В голосе его больше не слышалось злобы, только обида.

– Ты их не принимаешь, Вера. Лекарство валялось у тебя в сумочке; я только что пересчитал капсулы. Ты не принимала их ни вчера за обедом и ужином, ни сегодня.

– Кто дал тебе право рыться у меня в сумке?

– А кто тебе дал право не принимать эти капсулы?

– Я имею полное право, черт возьми, не принимать их!

– Ты ошибаешься. Ты моя жена и мать Алека, и у тебя есть обязательства перед нами обоими – особенно перед ним. Вера, ты обязана остаться в живых. Нельзя родить ребенка, а потом бросить его!

– Почему ты лгал мне?

Росс вскочил и остервенело стиснул кулаки.

– Ах ты, сука! За двенадцать лет я ни разу не изменил тебе, шлюха! Ни разу!

Он подскочил к Вере, и она отступила, уверенная в том, что он сейчас ее ударит.

Но неожиданно он залился слезами.

– Я люблю тебя, Вера! Мне невыносимо думать о том, что я могу тебя потерять... Я и помыслить не могу о том, что ты, возможно, умираешь. Я просто хотел сделать для тебя все, что в моих силах, вот почему я ничего тебе не сказал. Понимаешь? – Он обнял ее, прижался к ее щеке мокрым от слез лицом. – Я хочу, чтобы ты принимала это лекарство, потому что оно дает больше всего шансов на выживание. Не желаю, чтобы тебя... – Он вовремя осекся. Она не должна знать о Хью Кейвене, он не должен выдавать себя. – Не хочу, чтобы тебя вводили в заблуждение и ты была уверена в том, что можешь победить болезнь, ничего не делая. – Он снова осекся. – Кстати, от кого ты узнала о своей болезни? От Джулса Риттермана?

Она почувствовала, как он сильнее прижимается к ней, и, несмотря на гнев и ненависть к нему, ей вдруг стало его жаль. Несчастный человек! В детстве его так ужасно изуродовали, что он почти не может об этом говорить. Он изуродован своими амбициями, изуродован собственными оголенными нервами, которые отказываются сдерживать его эмоции и подавлять взрывы бешенства.

Его мать умерла, когда он был еще ребенком, а негодяй отец скончался от сердечного приступа, когда Россу было двадцать с небольшим.

– Я посоветовалась еще с одним специалистом, – мягко сказала она.

Прижавшись к ней еще крепче, он прошептал:

– Вера, о, милая моя Вера! Да, у нас с тобой в последнее время были взлеты и падения, но я очень люблю тебя. Мы вместе победим проклятую болезнь. Я подниму на ноги всех, кого знаю, всех, кто может хоть чем-то тебе помочь. Я обеспечу тебе лучшую медицинскую помощь на свете.

– Почему ты дома? – спросила она.

– Отменил интервью с Би-би-си, потому что хотел побыть с тобой. Я приехал ради тебя. Я сделаю для тебя все на свете, любимая.

«Да, – подумала Вера, – все, кроме того единственного, чего я на самом деле хочу».

На следующее утро в десять минут двенадцатого Росс прошел мимо припаркованных мотоциклов и вошел в парадную дверь современного, довольно невыразительного офисного здания, перестроенного из бывших конюшен в окрестностях Уигмор-стрит. На маленькой табличке над дверью было написано: «Лаборатория».

По коридорам сновали курьеры-мотоциклисты; они толпились в тесной приемной. Росс прошел мимо них к стойке и весело поздоровался с женщиной-администратором лет двадцати восьми, с некрасивым, но живым лицом. Она сидела за двумя башнями свертков и пакетиков и за что-то отчитывала байкера-курьера. Росс всегда удивлялся, как у них ничего не теряется и не пропадает. Он вот уже десять лет сотрудничал с этой лабораторией, и они всегда успевали прислать результаты вовремя и ничего не путали.

Администратор повернулась к Россу:

– Доброе утро, мистер Рансом! Я все еще жду обещанной бесплатной подтяжки!

– Вам она ни к чему, – галантно ответил Росс, – вы и так выглядите потрясающе.

– С помощью лести можно многого достичь! Вы к кому?

– К доктору Гиллиатт.

– Проходите.

Вошел еще один курьер; он нес большой пакет. Росс посмотрел на список посетителей, вытащил ручку. Пока администратор расписывалась на квитанции, Росс быстро убрал ручку, так и не записавшись в тетрадь. Чем меньше он наследит, тем лучше.

Зачирикал телефон. Прежде чем ответить, администратор перегнулась через стойку и сказала Россу:

– Поднимайтесь, мистер Рансом. Четвертый этаж.

Росс пошел по лестнице. Перед дверью на площадке четвертого этажа была надпись: «Патологоанатомическое отделение–4». Когда он вошел, его тепло приветствовала старший патолог. Сьюзан Гиллиатт была симпатичной женщиной лет сорока пяти; она хорошо выглядела даже в белом халате и с туго заколотыми светлыми волосами. Росс не однажды мимолетно сожалел о том, что такая красота попусту растрачивается на бактерий, вирусы и другие виды низших форм жизни, с которыми она

проводит свои рабочие дни.

Следом за Сьюзан он прошел в угловую, без окон, лабораторию, прошел мимо длинного белого рабочего стола, заставленного оборудованием: ретортами, инкубаторами, пробирками с раствором, анализаторами ДНК, мощными микроскопами, компьютерными терминалами, колбами, кувшинами, пустыми пробирками, коробками со стерильными салфетками, защитными резиновыми перчатками, пластиковыми очками, предупредительными табличками: «Внимание – опасность бактериологического заражения!», инструкциями по правилам техники безопасности. В помещении был тот особый химический запах, который безошибочно подсказывает посетителю, будь он хоть с завязанными глазами, что он оказался в лаборатории.

В комнате находились человек десять сотрудников, все в белых халатах, в основном молодежь – лет двадцати-тридцати. Некоторые из них поднимали голову, когда Росс и Сьюзан проходили мимо, и коротко кивали Россу. Росс и Сьюзан остановились за спиной молодого человека с конским хвостом, лет двадцати восьми; тот с сосредоточенным видом капал из пипетки по одной капле в каждую из многих чашек Петри, выстроившихся перед ним в ряд. На руках у него были резиновые перчатки.

– Ниалл не покладая рук трудится над данной проблемой. Последнее десять дней он сутками отсюда не выходит.

Молодой человек на долю секунды повернул голову. Росс увидел налитые кровью глаза за круглыми очками в тонкой проволочной оправе, щетину, как у молодого Сталина, и серое от изнеможения лицо.

– Успехи есть? – спросил он у Сьюзан.

– Мы выделили штамм культуры; он содержится везде. – Она кивнула в сторону двух дюжин, а то и больше, чашек Петри, стоявших перед техником-лаборантом. В каждой чашке находилась кровь, зараженная особенно вирулентным штаммом вируса, обнаруженным при вскрытии в организме одной внезапно скончавшейся пациентки больницы «Харли-Девоншир».

– Ни на что не реагирует?

– Пока нет, – мрачно отвечала Сьюзан. – Будем надеяться, что случай единичный.

– Есть какие-нибудь предположения относительно того, где она могла подцепить заразу? – поинтересовался Росс.

Сьюзан покачала головой:

– Нет, пока мы не изучим его получше. За неделю до того, как попасть в больницу, покойная побывала в Индии. Там наиболее вероятный

источник заражения.

Росс знал, что женщина, которую госпитализировали, чтобы удалить фиброзную опухоль, во всех остальных отношениях была признана условно здоровой. Через два дня после операции, проведенной одним из ведущих гинекологов Великобритании, у нее развился сепсис, а еще через четыре дня она умерла. Естественно, персонал клиники проявил серьезную озабоченность; необходимо было исключить возможность внутрибольничной инфекции. Поэтому предпринимались все усилия для того, чтобы как можно скорее выделить штамм.

Ниалл взял чашку, в которую только что капнул каплю жидкости, встал со стула и направился к лабораторному столу. И тут же на поясе доктора Гиллиатт зажужжал пейджер.

Она извинилась и поспешила к телефонному аппарату, висевшему в нескольких метрах от стола, на стене.

Росс проследил за лаборантом – тот удалялся из вида. Потом торопливо обежал взглядом стены и потолок – нет ли камер видеонаблюдения. Он ничего не увидел. Сюзан Гиллиатт разговаривала по телефону.

Росс схватил одну из чашек Петри, проверил, плотно ли завинчена крышка, и незаметно сунул ее в карман брюк.

Стараясь успокоиться, он внимательно осмотрелся по сторонам. Рядом никого, кроме Сюзан Гиллиатт, но она стоит спиной к нему. Росс протянул руку и сдвинул оставшиеся чашки Петри поближе друг к другу.

Когда лаборант вернется, он не заметит пропажи.

В больнице «Харли-Девоншир» операционные занимали два этажа. На четвертом этаже находились малые операционные для небольших операций, а на пятом – большие. Первоначально в больнице в основном занимались пластической и реконструктивной хирургией, однако страховая компания, которой принадлежала больница, вложила деньги в суперсовременное диагностическое оборудование. Ультразвуковая диагностическая аппаратура разместилась под операционными, на третьем этаже, и теперь хирурги получили возможность довольно прибыльной общей практики.

Их пациентами становились в основном богатые клиенты из стран Ближнего Востока, а также растущий поток новых русских.

Как и во всех операционных пятого этажа, стены операционной номер два были выложены голубым кафелем, пол – сероватой плиткой в крапинку. перевязочное отделение было отделено перегородкой. Чтобы соответствовать ценам на операции, проводимым здесь, в операционной все было по последнему слову техники. Здесь имелась даже собственная автономная система стерилизации, произведенная в соответствии со стандартами НАСА. Микробы могли проникнуть в операционную единственным способом: с людьми.

Именно сейчас целый выводок враждебных созданий, таких мелких, что их невозможно разглядеть невооруженным глазом, незаметно проскользнул в операционную в наглухо завинченной пластмассовой чашке Петри, спрятанной в глубоком кармане хирургических брюк Росса Рансома.

Двадцать минут третьего. Между полуднем и двумя часами Росс проделал пять малых операций под местным наркозом в малой операционной, примыкающей к его кабинету; она служила также и смотровой. В три часа он будет оперировать в операционной номер два на пятом этаже.

Здесь никого не было. Если повезет, у него есть минут десять. Однако так много времени ему не понадобится. Хлопая шлепанцами без задника, он перешел в перевязочное отделение, где был вне поля зрения любого, кто случайно заглянул бы из коридора в один из маленьких иллюминаторов.

Хотя Росс все отрепетировал заранее, он волновался и все время беспокойно оглядывался. Взяв из диспенсера пару хирургических перчаток, он натянул их на руки. Потом вытащил из кармана чашку Петри, стараясь

не наклонять ее, глубоко вздохнул и отвинтил крышку, которую затем аккуратно положил в раковину.

Стараясь не дышать, он опустил в чашку пальцы правой руки, затем вытер жидкость о заранее намеченное место, справа от заклепки под раковиной.

Выпрямившись, он еще раз оглянулся через плечо, осторожно закрыл чашку Петри и завинтил крышку, а потом выкинул чашку в мусорную корзину. Не снимая перчаток, дважды намылил руки антисептическим гелем, снял перчатки и тоже выкинул их в корзину.

Потом он вышел из операционной и беззаботно зашагал к малой ординаторской, где налил себе чашку кофе.

В две минуты четвертого леди Джеральдину Рейнс-Райли, утыканную катетерами, с дыхательной трубкой в трахее, ввезли на каталке в операционную и переложили на стальной операционный стол. Пока Томми Пирмен со своим ассистентом подключали пациентку к наркозному аппарату и аппарату для гемотрансфузии, команда начала готовить ее к операции.

Росс стоял у раковины; он нарочито тщательно мыл руки и предплечья, вычищал щеткой грязь из-под ногтей. Пусть запомнят, как тщательно он размывался! Потом, для полноты картины, он сказал:

– Ну и дрянь же этот новый гель. Воняет дешевыми духами. Неужели нельзя достать гель, который бы пах получше? Ради всего святого, здесь операционная, а не будуар шлюхи!

Джейн Один, операционная сестра, ответила:

– Его закупают централизованно.

– И кто-то, должно быть, получает неплохой навар. – Росс протянул ей руки, и она натянула на них перчатки. – В том-то и дело, правда? Все стремятся побольше наварить.

– Я бы тоже не возражала, – ответила сестра.

– Джейн, давайте поставим Пятую симфонию Бетховена.

Она ухмыльнулась, удивленная его выбором.

– Сейчас посмотрю, есть ли она у нас.

– Я сам ее принес, – ответил Росс. Кивком он указал на пациентку, освещенную яркой бестеновой стационарной лампой: – Черт меня побери, если я позволю этой сучке слушать умиротворяющую музыку! Раз она хочет затаскать нас по судам, пусть немножко помучается.

– Да уж, приятной дамой ее ни в коем случае назвать нельзя, – согласилась операционная сестра, натягивая перчатку на его левую руку.

Пока ассистент, сестры и анестезиологи обрабатывали операционное поле, Росс поправил маску и вышел в перевязочную зону. Там он опустился на колени и потер пальцами левой руки под раковиной – там, где он полчаса назад испачкал стену штаммом бактерий септицемии.

Через несколько секунд он небрежной походкой подошел к операционному столу. Туловище и голова леди Рейнс-Райли были закрыты складками зеленой материи; виден был только ее нос.

Росс гневно посмотрел на пациентку. *Сука, под этими покрывалами ты выглядишь на свой возраст; ты лежишь на спине, и все твои мышцы расслаблены после наркоза. Теперь сила притяжения тебя не щадит. Вот бы заснять тебя в таком виде, а потом послать твои фотографии в колонку светских сплетен! Как, ты думаешь, после этого отнесутся репортеры к прославленной светской красавице? Вот что я тебе скажу: ты бы не сумела проделать одним местом путь к вершине, если бы выглядела так, как сейчас.*

Заявив претензию по поводу якобы неудачной операции на носу, леди Рейнс-Райли решила, что ее не устраивают также контуры лица. Ей ужасно хотелось соответствовать некоему мысленному образу, который она для себя придумала; отчаянно хотелось стать кем-то, кем она никогда не будет. Потому что Росс догадывался: на самом деле, положив руку на сердце, леди Рейнс-Райли хотелось быть похожей на себя саму в двадцать два года.

Тебе пятьдесят два, сука, и ты не молодеешь. Я отрезал от тебя все лишнее и сшил, чтобы ты выглядела на сорок два; и я старался как мог, и все получилось отлично. Будь ты порядочной женщиной, я бы по-дружески поговорил с тобой, попросил благодарить судьбу, радоваться тому, что ты имеешь, и перестать мечтать о невозможном.

Но ты повела себя непорядочно.

Ординатор затеял с Томми Пирменом разговор о машине, которую намеревался купить. Джейн Один отыскала компакт-диск и включила проигрыватель. Когда из динамиков полились взволнованные звуки Пятой симфонии Бетховена, Росс немного постоял, опустив левую руку ладонью вниз – близко к куртке, но не настолько, чтобы коснуться материи и оставить след.

Подняв правую руку, он принялся дирижировать воображаемым оркестром, а потом громко сказал:

– Все, конечно, знают, что Пятая симфония Бетховена символизирует победу. Вступительные звуки, согласно азбуке Морзе, обозначают латинское «V» – виктория. – Оглядев море пустых глаз над хирургическими масками, он произнес: – Только не стройте из себя

ханжей! Очень подходящая музыка, потому что сегодня мы одержим победу над носом и щеками леди Джеральдины Рейнс-Райли! – Он наклонился над столом и в течение нескольких секунд нарочито внимательно разглядывал нос пациентки. Потом он объявил: – Я намерен начать с носа. Сделаем ринопластику закрытым методом – по-моему, так выйдет лучше.

Перед началом операции хирургу всегда предстояло решить, как делать пластику носа – вскрыть полость или работать вслепую. Сегодня второй способ как нельзя лучше отвечал его планам.

– Назальный расширитель! – приказал он.

Он вставил лезвие расширителя в левую ноздрю и нажал на ручку, раскрывая полость. Не выпуская расширителя, он приказал:

– Остеотом!

Операционная сестра протянула ему резец. Росс переложил его в правую руку и принялся рассматривать, притворяясь, будто недоволен качеством лезвия. Затем он плотно зажал лезвие остеотома между пальцами левой руки, стараясь не прорвать тонкий латекс.

– Хотите другой? – спросила операционная сестра.

– Нет, этот вполне годится.

Осторожно держа зараженный резец, он начал вскрывать полость, пока острие не наткнулось на решетчатую пластину, отделяющую полость носа от черепа – пластину, пронизанную крошечными отверстиями, через которые проходят обонятельные нервы.

Никто из присутствующих в операционной и понятия не имел о том, что он делает. Он усилил нажим, направляя острие резца в одно из отверстий, затем нарочно надавил чуть грубее. Наконец он почувствовал, что кость поддалась и кончик резца проник в черепную коробку.

Тогда он вытащил резец; к своему удовольствию, он увидел на острие крошечную капельку крови. Носовое кровотечение замаскирует утечку спинномозговой жидкости из разреза.

Более чем достаточно; теперь он уверен в том, что добился своей цели.

Губы под маской шевелились; он напевал про себя, подпевая великой музыке и чувствуя мощный прилив адреналина в жилах.

Потом он начал переделывать ее нос. Он работал превосходно, вдохновенно, он был на коне. Когда он посмотрел на своих помощников, глаза его сияли.

Она будет выглядеть просто *сенсационно!*

– Дело в том, что эта буковая поляна упоминается во всех путеводителях!

– Они ее все равно увидят – речь идет всего-навсего о переносе тропы на сорок пять метров!

– Но необходимо принять во внимание, что некоторые деревья старше двухсот пятидесяти лет!

Наступила пауза. Затем Дональд Фогарти, вышедший на пенсию землемер графства и единственный, по мнению Веры, член комитета, который говорил дело, сказал:

– Да, нам все известно; но мы ведь хотим передвинуть тропу, а не деревья. К чему ваши возражения?

Комитет против переноса тропы в Литл-Скейнз проводил уже четвертое заседание. Вера сидела за длинным и узким дубовым столом в перестроенном амбаре, принадлежавшем Рут Хармен, и слушала вполуха. Ее участие ограничивалось присутствием на заседании.

Послышался другой голос:

– Гэри Тейлор великодушно предлагает пожертвовать сорок тысяч квадратных метров лесных угодий в пользу общины в обмен на согласие перенести пешеходную тропу на пятьдесят метров западнее его владений; собственно говоря, речь идет всего лишь об участке длиной менее двухсот метров, который проходит мимо его дома. Не понимаю, при чем здесь возраст буков.

– Дело в том, что тропа пролежала на том месте задолго до того, как появилась ферма.

«При чем тут я? – подумала Вера. – В самом деле, какое мне дело? Я не хочу проводить, может быть, последний год жизни, споря о пешеходной тропе. Или объездных путях. Или о спасении церковной крыши».

Она помешала ложечкой кофе.

– А вы что думаете, Вера? – спросил ее кто-то.

– Гэри Тейлор – порядочный человек, – ответила она. – Не понимаю, почему он должен мириться с бесконечными ордами тупых туристов, которые без конца шляются мимо его парадной двери. В историческом смысле всякая пешеходная тропа должна была обеспечить людям проход из одного пункта в другой, а открывается с той или иной пешеходной тропы живописный вид или нет – уже дело случая. Предложение Гэри не лишает

пешеходную тропу ее основного назначения, а бездельникам туристам все равно, где гулять.

Ей немного полегчало. Она с удовольствием оглядела потрясенные лица других членов комитета и снова помешала ложечкой в чашке.

После окончания заседания Вера проехала совсем немного и остановилась во дворе автозаправочной станции, подальше от колонок. Она включила мобильный телефон. Почти час дня. В субботу вечером у них гости. Ожидается десять человек, четверо из них медики, в том числе ее «любимец» – Джулс Риттерман. Кроме того, придут главный констебль Суссекса и судья Верховного суда – состав солидный. Ей предстоит закупить все для званого ужина, а в половине четвертого нужно забрать Алека и четверых его друзей.

Три коротких гудка – новое сообщение. От Оливера.

«Вера, привет! Как ты? Результаты анализов будут готовы самое позднее завтра вечером. Я хотел бы увидеть тебя в понедельник или, если получится, в выходные, но я понимаю, что в выходные тебе будет трудно выбраться. Позвони мне на работу; я велел немедленно соединять тебя со мной».

Она прослушала сообщение вторично – просто ради того, чтобы еще раз услышать его голос.

Потом прослушала его в третий раз; когда сообщение закончилось, она сохранила его в памяти телефона. Приятно сознавать, что оно там; уютно думать о том, что можно набрать номер голосовой почты и в любое время, когда она только пожелает, услышать его голос.

Я веду себя как влюбленная девчонка!

Ее стремление к американцу было интенсивным, постоянным; оно доминировало над всеми остальными мыслями. *Оливер Кэбот*. Ее тайна.

Может, она сама себя обманывает? Может, Росс прав? Неужели Оливер – просто шарлатан?

Нет! Ни в коем случае!

Почти всю ночь она пролежала без сна и думала, фантазировала... Какой была бы жизнь с ним? Совершенно другая, чем та, какую она ведет сейчас; там не будет местнических забот; в совершенно другом измерении они будут обсуждать все, как никогда не обсуждали с Россом. Она перебирала в голове те немногие разговоры с Оливером, какие происходили между ними за короткое время их знакомства. Они говорили о

жизни, о религии, о философии, искусстве, литературе, путешествиях.

Вера была совершенно уверена, что Оливер Кэбот каким-то образом – неизвестно как, но обязательно – поможет ей, исцелит ее. Ее исцелит Оливер Кэбот, а не капсулы из контейнера в сумочке.

Час дня. Ей пора принять две капсулки. Оливер не запрещал ей принимать лекарство, но и не поощрял. Она извлекла со дна сумочки полоску бумаги, которую он дал ей и велел регулярно читать. Он сказал, что текст был написан в 1887 году и что его необходимо перечитывать три раза в день – вместе с капсулами или вместо них. Вера послушно прочла несколько фраз на бумажке. Оливер сказал, что смысл написанного понимают не многие врачи и еще меньше тех, кто прислушался к этим словам.

«Мудрый врач, когда ставит диагноз, не ограничивается вредоносностью того или иного микроорганизма или природой ненормальной опухоли; мудрый врач внимательно оценивает волю к жизни пациента и его способность приложить все усилия, всю силу духа, которая может вызвать благотворные биохимические перемены».

Она вытащила из сумочки контейнер с надписью «Молу-Орелан» и вытряхнула на ладонь две капсулы. Затем, держа их в руке, она вышла из машины и выкинула их в мусорный бак.

На душе у нее полегчало.

Через три часа восемнадцать минут после начала операции под спину леди Рейнс-Райли подложили специальный скользящий щит «Фэтслайд» и переложили ее на каталку. Ее щеки, нос, челюсть и лоб были переделаны в соответствии с ее указаниями; теперь их покрывали ряды аккуратных швов. Одним из талантов Росса, вызывавших всеобщее восхищение, была его способность накладывать превосходно красивые швы. Другие пластические хирурги и в подметки ему не годились.

Но, несмотря на аккуратные швы, сейчас, бледная от внутренних кровотечений и микротравм, она выглядела как гравюра с картины Энди Уорхолла «яростного периода».

Менее чем через пять минут после того, как ее доставили в послеоперационную палату, она начала приходить в себя. Еще пять минут, и из трахеи удалили дыхательную трубку. Томми Пирмен пробыл у нее чуть дольше; он проверял ее пульс и уровень кислорода в крови. Наконец, убедившись в том, что пациентка вне опасности, он присоединился к Россу в раздевалке.

Когда Росс снял куртку от хирургического костюма и надел рубашку, Томми сказал:

– Сейчас отдам тебе материалы, которые я для тебя распечатал: данные по болезни Лендта из Интернета.

– Что еще ты нашел?

– Собственно говоря, немного. Фирма «Мерк» заявила, что они добились положительных результатов в опытах на крысах, но я бы не стал преждевременно радоваться – они начнут опыты на людях только года через два, не раньше.

– А по испытаниям «Молу» что-нибудь есть?

– Нет. – Пирмен похлопал себя по животу, как будто хлопок убирал лишние килограммы. – Надо мне, наконец, собой заняться.

– Тебе стоит принимать участие в марафонских забегах.

– Для марафона у меня слишком короткие ноги.

– Может, есть специальные забеги для толстых коротышек вроде тебя.

Пирмен надел рубашку и принялся завязывать галстук.

– Вообще-то я откопал кое-что об испытаниях «Молу-Орелан», – сказал он. – Может, это и важно. Болезнь распространяется ударными темпами, и они надеются запустить лекарство на рынок с помощью

министерства по контролю за медикаментами и продуктами питания.

– Значит, они уверены в том, что оно действует, – заметил Росс.

– И все же процент выживаемости составляет всего тридцать пять процентов.

Пирмен натянул брюки.

Поставив одну ногу на скамейку, Росс стал завязывать шнурки своих черных оксфордских туфель.

– Скажи-ка, ты ведь часто применяешь кетамин?

– В определенных обстоятельствах я пользуюсь им уже много лет; он эффективен для пациентов с ожогами, особенно если предстоит болезненная перевязка. А что?

– Кетамин близок по составу с ЛСД, так?

– Да.

– Ты даешь его в сочетании с другими препаратами?

– Нет. Кетамин – мононаркоз; он не является успокаивающим средством. Обычно я ввожу его внутривенно, так как у него короткий период полувыведения – около десяти минут.

– И как себя чувствует пациент под его действием?

Озадаченный его заинтересованностью, Пирмен ответил:

– Кетамин часто вызывает галлюцинации; пациенты испытывают помутнение сознания и страх. Один из недостатков кетамина заключается в том, что, несмотря на короткий период полувыведения, его действие обладает возвратным эффектом до сорока восьми часов или даже дольше. Иногда спасатели вводят его людям, попавшим в аварию, – кетамин притупляет боль и сужает артерии, уменьшая кровопотерю. Но он также обладает галлюциногенным действием. Некоторым больным кажется, будто они отделяются от собственного тела.

– А какова его биохимия?

Пирмен, подойдя к зеркалу, пригладил скудные прядки седеющих волос.

– Он избирательно возбуждает мозговую деятельность вблизи от центров настроения. Стимулирует приток крови к мозгу, посылая электрические разряды в области, расположенные рядом. Растет кровяное давление, отчего повышается мышечный тонус и стабилизируется дыхание. У некоторых пациентов отмечены плаксивость и нистагм.

– Его можно принимать орально?

– В общем, да, но я бы не стал вводить препарат орально. Так у него гораздо больший период полувыведения.

– Насколько больший?

– По меньшей мере часа полтора.

– Вкус у него есть?

Пирмен метнул на него странный взгляд:

– Н-нет... вроде бы он безвкусный.

– Он едкий?

– Нейтральный. Можешь сам посмотреть в лекарственном справочнике – или, если хочешь, я отсканирую тебе подробное описание и пришлю по электронной почте.

– Буду тебе очень признателен, – сказал Росс. – Спасибо.

В ожидании, пока Пирмен уйдет, Росс слонялся по раздевалке и читал пришедшие на мобильник сообщения. Потом он стал смотреть в окно. Наконец он увидел, как старенький «бристоль» анестезиолога выезжает из подземной стоянки и заворачивает на Девоншир-Плейс.

Росс тут же направился в кабинет анестезиологов, который, как всегда, оказался не заперт. То, что он искал, он обнаружил в третьем по счету шкафчике: целая полка была уставлена пузырьками с кетаминном – по десять кубиков каждый.

Он быстро схватил один пузырек и сунул в карман пиджака.

Паук сидел в своей всегдашней кабинке, в заднем зале ресторана «У торговца Вика» на Парк-Лейн, пил «Гавайский закат» и курил «Мальборо лайт». Ему здесь нравилось: роскошные кожаные банкетки, экзотические ароматы, особая клиентура. Здесь чувствовался стиль, утонченность. А еще здесь всегда темно, хоть днем, хоть ночью. Вот что нравилось ему больше всего.

Хотя Паук привык считать эту кабинку своей собственностью, он старался не мелькать здесь слишком часто. Он не хотел, чтобы персонал тех заведений, куда он ходил, начал узнавать его в лицо. Ни к чему оставлять следы.

Он сидел спокойно и скромно, прекрасно вписываясь в обстановку; всего лишь один из дюжины бизнесменов разных национальностей с ноутбуками, карманными компьютерами и мобильными телефонами, которые заходили сюда, словно на водопой. Вот почему ему особенно нравилась его кабинка – уединенная, вдали от остальных. Здесь даже темнее, чем в других частях зала. Отличное место для того, чтобы обдумать свои дела.

Паук рано понял: чтобы заслужить уважение, он должен работать усерднее остальных. Если у вас плохо прооперированная заячья губа, рост всего метр шестьдесят четыре и худосочная фигура, вам придется много дерьма вытерпеть в школе от мальчишек покрепче.

Он дрался как зверь, безжалостно – что позволило до некоторой степени унять травлю. Однако бойцовские навыки не помогли ему обзавестись друзьями. Тут надо было придумать какую-то фишку, за которую тобой бы все восхищались. И Паук придумал.

Он еще в раннем детстве открыл, что у него настоящий талант к верхолазанию; он совершенно не боялся высоты. Мог взобраться буквально на что угодно. Его талант производил на людей сильное впечатление. Ему даже удалось подцепить себе нескольких девчонок; их одновременно и отталкивала, и интересовала его изуродованная верхняя губа. Он начал с целей попроще: взбирался на башни подъемных кранов, стену Букингемского дворца, львов на Трафальгарской площади, памятник Альберту, Триумфальную арку. Постепенно он переходил к задачам посложнее. Оказалось, что можно выиграть неплохие деньги на спор, что он взберется практически на любое здание – причем часто вооруженный

лишь голыми руками да туфлями на резиновой подошве. Вот почему его и прозвали Пауком.

К пятнадцати годам он уже покориł дворец Александры, электростанцию Баттерси, тридцатитрехэтажный небоскреб Сентер-Пойнт и собор Святого Павла.

Когда он стал чуть старше, он нашел лучший способ завоевывать уважение: вместо того чтобы лазать по зданиям, постепенно выучился, фигурально выражаясь, лазать по карманам. Он брался за дела, которых другие сторонились. За выполнение подобных задач можно было заработать кучу денег. А еще можно было обзавестись друзьями. Друзьями на всю жизнь, которые щедро платили.

У Паука было хорошее настроение – как всегда, когда он приходил в ресторан «У торговца Вика». Здесь он ощущал себя личностью; здесь, откинувшись на спинку кожаного дивана, он не спеша попивал экзотический коктейль и покуривал сигарету, которой он, перед тем как раскурить, постучал о серебряный портсигар на манер героя своего детства Шона Коннери в фильме «Доктор Но». С невозмутимым видом оглядывал он зал ресторана через затемненные стекла очков. Губу прикрывали тонкие усики, которые он заботливо выращивал уже много лет и которые первоначально скопировал у Чарлза Бронсона.

Он повторил заказ.

Ожидая, пока ему принесут коктейль, Паук вытащил телефон, открыл крышку и проверил электронную почту. Ничего нового, но не страшно. Одно задание, скрытое в надежно защищенном файле, займет его на некоторое время – а оплачивается оно очень даже неплохо.

Задание было от доброго друга Ронни Милуорда.

Дяди Ронни.

Ронни в основном обитал на яхте в Испании. Вернуться в Англию мешали проблемы с законом. Ронни Милуорд был одним из немногих, кто в детстве Паука относился к нему хорошо. Паук так и не понял почему – то ли старый жулик чувствовал вину за то, что его папаша попался за вооруженное ограбление и получил двадцать лет, или потому, что крутил шуры-муры с его мамашей, пока папаша пребывал за решеткой. Как бы там ни было, все уже давно в прошлом, и родители Паука оба умерли. Но о нем, Пауке, дядя Ронни всегда заботился, а Паук в ответ приглядывал за делишками дядюшки в Англии.

В основном он занимался выколачиванием долгов и следил за тем, чтобы наличность, полученная от сбыта наркоты, оседала на нужных счетах за границей. Но время от времени он выполнял и другие задания.

Однажды он по просьбе дядюшки застрелил мужика на выходе из паба. Одна пуля в голову. Чисто сработано. В другой раз он выстрелил мужику в пах – за то, что тот поимел одну из девчонок Ронни.

Пушки он доставал из надежных источников – их было много. Пушки были чистые, всегда привозные и никогда до того не использовались на территории Великобритании. Сегодня он ждал человека, с которым несколько раз имел дело в прошлом. Тот должен принести пистолет П-9 фирмы «Хеклер и Кох», девятимиллиметровый, самовзводный, украденный пять лет назад из багажника немецкой патрульной машины, и десять патронов.

Паук заплатит поставщику две тысячи фунтов, вчетверо дороже, чем стоит пушка такого класса в Лондоне. Но за безупречное происхождение ничего не жалко. Он применит пушку только один раз, а потом выкинет в открытое море – в Ла-Манш. Пауку было тридцать один год; он уже двадцать лет выживал в своем бизнесе. До сих пор полицейским не удалось найти ни одну использованную им пушку.

Он снова перечитал сообщение от Ронни Милуорда и посмотрел на крошечную, но кристально четкую фотографию на экране своего коммуникатора. На снимке был изображен мужчина с худым морщинистым лицом и гривой седых кудрей. Похоже, умник – совсем не такой подонок, с какими он обычно имел дело по просьбе дяди Ронни. Никаких вопросов Паук не задавал. Обычное дело за обычную плату.

Прежде всего, ему нужна пушка, потом необходимо выбрать подходящее время и место. Заказ срочный – дядя Ронни просит управиться побыстрее. Но ему это на руку. Недавно Паук присмотрел себе классную машинку, редкую «субару-импреза», зеленую с золотом, двумя верхними распредвалами, шестнадцатилитровым оппозитным двигателем, с гоночным компрессором. Настоящий зверь! Ему не хватало пяти тысяч до запрашиваемой цены. Десять кусков, которые заплатит ему дядя Ронни, легко решат его проблему – даже после вычета всех расходов. Еще и на страховку останется. И еще кое на что.

Он снова взгляделся в лицо на экране. *Ты меня скоро осчастливишь, доктор Оливер Кэбот!*

– Что она выкинула в корзину?

– В корзину? – переспросил Хью Кейвен, сидевший на диване у камина в лондонской квартире Росса.

– В мусорный бак на подъезде к автозаправке! В вашем сегодняшнем отчете говорится, что в час дня она сидела в «ренджровере» у автозаправочной станции и слушала мобильный телефон. Потом она вышла из машины и выкинула что-то в мусор.

Сыщик протянул Россу белый запечатанный конверт:

– Вот что мой агент обнаружил в баке. Несколько листов промасленной бумаги и вот их.

Росс, так и не закурив сигару «Монтекросто», вскрыл конверт. Внутри находились две капсулы, которые он тут же узнал.

– Вот стерва! Она выбрасывает лекарство – сволочной шарлатан заставляет ее выкидывать лекарство! Господи! Просто невероятно! Моя жена умирает, эти капсулы – ее единственный шанс, а он уговаривает ее не принимать их! – Задыхаясь от переполняющих его чувств, готовый разрыдаться, Росс добавил: – Он убийца, мистер Кейвен.

Сыщик ничего не ответил.

Росс снова посмотрел на лежащий на столе отчет:

– Не знаю такого номера. Как он, мать его, с ней связывается? – Он щелкнул золотой зажигалкой «Дюпон», поднес язычок пламени к кончику сигары и несколько раз пыхнул, выдув густое сизое облако.

– Он звонит на мобильный.

– Не ее номер. – Росс нажал кнопку «Воспроизведение», и они прослушали запись снова.

«Вера, привет! Как ты? Результаты анализов будут готовы самое позднее завтра вечером. Я хотел бы увидеть тебя в понедельник или, если получится, в выходные, но понимаю, что в выходные тебе будет трудно выбраться. Позвони мне на работу; я велел немедленно соединять тебя со мной».

– Откуда он звонит?

– С работы, – пояснил Кейвен.

– Ответа не было?

– Мы поставили на прослушку его телефон в клинике, его мобильный, а в квартире установили камеры видео-наблюдения. До сих пор никакого ответа не зафиксировано.

– Перехитрить меня решила, сука! Пользуется телефоном, о котором я ничего не знаю. За десять дней я не записал ни одного разговора между ней и ее шарлатаном.

– Мистер Рансом, как я вам уже говорил, вы, по-моему, излишне драматизируете ситуацию.

– Излишне драматизирую? Интересно, как вы отнесетесь к тому, что какой-то знахарь, полоумный шарлатан попытается убить *вашу* жену!

Кейвен вытащил из кармана пачку сигарет и вытряс одну штуку.

– Уберите, – приказал Росс, свирепо глядя на детектива и затягиваясь своей «Монтекросто».

Кейвен удивленно посмотрел на него:

– Но вы же курите!

– Не хочу, чтобы ваша дешевка портила аромат моей гаванской сигары.

Кейвен не знал, что делать. Неприязнь к клиенту росла с каждой новой встречей. Но в уме он произвел быстрый подсчет. Он нанял трех агентов для круглосуточной слежки за квартирой доктора Оливера Кэбота – они работают в три смены; второй отряд из трех агентов дежурит в окрестностях загородного дома Рансомов и следит за миссис Рансом, когда она куда-то выезжает. Дополнительно он арендовал спутниковое время, благодаря чему имеет возможность записывать и прослушивать все разговоры Кэбота, которые тот ведет по рабочему и мобильному телефонам. Росс Рансом прекрасно осведомлен о больших расходах и платит охотно. За этот заказ он, Хью Кейвен, получит больше, чем за все предыдущие.

Детектив сунул сигарету обратно в пачку.

– Спасибо за то, что сохранили мне здоровье, – сказал он.

Однако хирург не понял иронии.

Лежа в постели, Вера читала книгу «Дикие лебеди». Узнав о том, как раньше обращались с женщинами в Китае, она решила, что ей крупно повезло хотя бы в том, что она родилась и выросла в Англии. В голове гудело. Двадцать минут двенадцатого.

Она выдавила из блистера две таблетки парацетамола и приняла их, запив стаканом воды. Потом вынула контактные линзы, положила в контейнер с раствором и завинтила крышку.

Гольф Росс нес через всю комнату пиджак. Он скрылся в просторной гардеробной, через несколько секунд вышел оттуда, снова пробежал через всю комнату и положил брюки в пресс для глажения. Вера точно знала, что он сделает потом. Он выберет галстук, осмотрит его на свет – нет ли пятен, отнесет в гардеробную и осторожно повесит в помеченное соответствующим цветом место на вешалке. Потом снова появится, осмотрит туфли, отнесет в гардеробную и поставит на место на обувную полку. После этого он снимет кальсоны и повесит их на шезлонг. Затем разложит носки – правый и левый в отдельности – и аккуратно разгладит их. И наконец, он возьмет носовой платок и положит его рядом с носками. Утром он возьмет все это и бросит в корзину для стирки. Вера никак не могла понять, почему ее муж сразу не бросает грязные вещи в корзину.

Его пенис не эрегирован, но вид у него такой, как будто он вот-вот возбудится.

Пожалуйста, дай мне поспать, я не хочу, чтобы ты входил в меня, – я не хочу, чтобы ты приближался ко мне.

Она выключила свет прикроватного бра, легла на подушку и закрыла глаза.

- Как ты? – спросил он.
- Голова жутко болит.
- Приняла что-нибудь?
- Парацетамол.
- Как капсулы «Молю-Орелан»? Еще много осталось?
- Да, достаточно.
- На сколько дней?
- Примерно на неделю.
- Я получил новый контейнер. Ты принимаешь их ежедневно, по три раза в день?

– Росс, у меня голова болит.

Внизу, в кухне, залаял Распутин. Возможно, почуял кролика, подумала Вера. Или лису.

– Как тошнота? Лекарство помогает?

– Не особенно.

Распутин еще раз гавкнул и затих.

– Милая, ты их принимаешь, ведь правда?

– Конечно, я их принимаю, черт бы их побрал!

Вера почувствовала, как кровать слегка просела. Потом его рука оказалась у нее на животе – поглаживает, пальцы движутся к лобку. Она отдернулась.

– Росс, мне правда нехорошо.

– И в среду у тебя болела голова.

– Прошу тебя, Росс!

– Мы не занимались любовью с прошлой субботы.

Она не ответила.

К ее облегчению, Росс убрал руку. Склонившись к ее лицу, поцеловал ее в щеку.

– Спокойной ночи, любимая.

С прикроватного столика Росс взял номер «Британского вестника пластической хирургии», раскрыл и начал читать. Но сосредоточиться на содержании он не мог. Он прислушивался к дыханию Веры, которое постепенно делалось все глубже.

Он повернулся и посмотрел в лицо засыпающей жены. Когда глаза под закрытыми веками начнут помаргивать, она перейдет в фазу быстрого сна. Он ждал терпеливо, листая страницы журнала, время от времени поглядывая на жену и прислушиваясь.

Терпение!

В десять минут первого он тихо позвал:

– Вера!

Она не ответила.

– Любимая! – снова позвал он.

Она снова не ответила.

Вот и хорошо.

Он выключил свет и лежал тихо, с широко открытыми глазами, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте. Снаружи, за задернутыми шторами, небо было безоблачным; ярко светила почти полная луна. Через пять минут он уже мог отчетливо различать силуэты предметов. Вдруг он услышал со стороны лужайки ужасный высокий визг. Распутин гавкнул

пару раз – так, для порядка. Вера не шелохнулась. Снова визг – уже короче, и потом тишина. Лисица схватила кролика.

Медленно и осторожно он выскользнул из постели и некоторое время постоял на месте. Потом шепотом позвал:

– Вера!

Нет ответа.

Он обошел кровать с ее стороны и еще немного понаблюдал за нею. Дышит глубоко; рот полуоткрыт.

Он взял со столика стеклянный контейнер, в котором хранились ее контактные линзы, и направился в ванную. Войдя, он закрыл за собой дверь и заперся на задвижку.

В полной темноте на ощупь приблизился к двойной раковине и дернул цепочку выключателя над своей половиной. Открыл дверцу зеркального шкафчика, снял с полки коробку из-под туалетной воды «Одержимость» для мужчин от Келвина Кляйна и открыл ее.

Внутри находились запечатанный пузырек с кетамин^{ом}, который он поместил туда заранее, и маленький шприц для подкожных инъекций. Росс взломал печать, оторвал фольгу и выкинул в унитаз. Затем проткнул резиновую пробку иглой, опустил иглу в жидкость и набрал в шприц совсем чуть-чуть.

Он понятия не имел, сколько ему потребуется и как подействует кетамин в сочетании с раствором для контактных линз. Сейчас проба, испытание. Надо начать с капельки и посмотреть, что будет.

Росс осторожно отвинтил верхнюю крышку контейнера, помеченную буквой «Л», капнул в раствор кетамин^{ом} и закрутил крышку. То же самое он проделал с нижней крышкой, помеченной буквой «П». Заторопившись, он положил пузырек и шприц в коробку из-под туалетной воды и поставил коробку на место, на полку. Потом рывком выключил свет, вернулся в спальню и, стараясь ступать как можно тише, поставил контейнер на место – на столик со стороны Веры.

Тихо вернувшись в ванную, он снова включил свет и спустил воду в туалете.

Вера так и не проснулась.

Приятный райончик. Много крутых тачек, вокруг никого, а освещение подкачало. Хорошее местечко, отметил про себя Паук. Здесь будет чем поживиться во время следующей охоты.

Дядя Ронни занимался прибыльным делом: поставлял роскошные машины заграничным покупателям – главным образом из стран Ближнего Востока, но в последнее время у него все больше клиентов в России и на перспективном балканском рынке. В Сербии особенно любят навороченные «джипы-гранд-чероки». Ронни высылал Пауку список заказов; большую часть машин тот добывал сам, чтобы не делиться с посторонними и получить от каждой сделки по максимуму.

У Паука много причин радоваться появлению туннеля под Ла-Маншем: он помог ему в делах. Поздно ночью он угонял, скажем, «ренджровер», суперроскошный «ягуар» – а иногда поступал заказ даже на «астон» или «феррари». Задолго до того, как владелец просыпался, его машина уже находилась в надежном месте, в восьмидесяти километрах к югу от Кале, с новенькими регистрационными документами и номерными знаками.

Ронни присылал подробные заявки с описанием требуемого цвета, внешнего вида, пробега, дополнительных опций. Иногда приходилось попотеть, чтобы найти машинку, которая соответствовала бы всем требованиям клиента. Паук много времени посвящал поискам новых охотничьих угодий. Сегодня ему показалось, что он набрел на отличное местечко. Странно, что он раньше не подумал об этом районе.

Но сегодня, разъезжая по тихим водам Ноттинг-Хилл-Гейт в неприметном «форде-мондео», взятом напрокат, он ломал голову вовсе не над машинами. Он размышлял о нарушении права на личную жизнь. В наши дни многие заявляют протест против вмешательства в их жизнь; Паук был с протестующими всей душой. Слишком часто, черт побери, нарушаются наши права! Особенно большую угрозу представляют камеры наружного видеонаблюдения. Сейчас их полно в каждом большом городе; их понатыкали в таких местах, что их и не замечаешь. Они тихо записывают на пленку все, что происходит в пределах их объектива; мало того, они могут увеличивать выбранный объект. В двухстах метрах видно, какой марки у тебя наручные часы.

Тут осторожничай не осторожничай, все равно тебя засекут.

Может, и сейчас за ним следят камеры; регистрационные номера «форда» проверяются в компьютерной базе угнанных машин, заносятся в память. Потом их можно будет вызвать нажатием нескольких клавиш. Если копы захотят, они могут проследить маршрут передвижения его машины по всему городу.

Впрочем, машина им мало что даст. Паук оформил аренду на чужую фамилию, по подделанным правам. Вот в чем прелесть каждой системы. Как только ты в ней разобрался, можешь ее перехитрить. Сегодня ночью на его машинку никто два раза и не взглянет. Даже компьютер.

Не обращая внимания на наклейку «Не курить!» на торпедке, Паук закурил «Мальборо», глубоко затянулся и выпустил дым. Какой-то человек выгуливал на поводке двух больших черных собак. Вот уж куча дерьма! Паук собак не любил, кроме гончих: от гончих хоть какой-то прок, раз с ними можно охотиться. Одно время, еще в детстве, он врал, будто собака укусила его за губу. Иногда, желая продемонстрировать сверстникам свою крутизну, он подходил к какой-нибудь собачонке, бил ее ногой и приговаривал:

– Вот тебе и всем твоим паршивым друзьям за то, что изуродовала меня!

Но сейчас он отрастил усики и больше не злился на судьбу за свои губы. Он редко вспоминал о своем уродстве. Иные девчонки даже находили его губу сексуальной. Севрула, например, от нее просто заводилась.

Есть!

Всего через четыре дома, у номера 37, он увидел то, за чем охотился.

Цвет отсюда разглядеть невозможно, но номерные знаки на «джипе-чероки» сказали ему все, что ему нужно было знать. Доктор Оливер Кэбот сегодня вечером дома.

Сладких снов, доктор, подумал Паук, проезжая мимо его дома. Услышав, что по радио «Харт» выступает группа «Джамироквай», он прибавил звук.

В конце улицы начиналась ограда общественного парка. Не доезжая ограды, Паук повернул направо, потом еще раз направо. Он оказался на улице, на которую выходила тыльная сторона дома доктора Оливера Кэбота. Еще одна похожая улочка, дома такой же этажности, та же архитектура. Возможно, две улицы разделяет проход. Он проверит это позже, не сейчас.

А пока неплохо просто ознакомиться с местностью, так сказать, понюхать. Завтра он сюда вернется на своем горном велосипеде, в шлеме, темных очках и маске против смога и присмотрится, нет ли где камер

наружного наблюдения. Скорее всего, здесь нет ни одной – уж больно здесь тихо. Но все-таки необходимо убедиться наверняка.

Он еще раз затянулся и сделал музыку погромче. Как хорошо! Сегодня после обеда дилер автосалона принял от него чек на пятьсот фунтов – аванс за «субару-импреза». Через несколько дней он будет рассекать на ней по городу! Дядя Ронни всегда платил немедленно, и он, Паук, рассчитывал на дядюшкину точность. Несмотря на то, что он внес предоплату, дилер отказывался придержать для него машину до понедельника.

А еще сегодня он перепихнется. Севрула была турчанкой, с которой он познакомился месяц назад в «Стрингфеллоуз»: она танцевала для него на столе. Две недели они спали вместе каждую ночь, а потом приехал в отпуск ее муж, который работал на нефтяной платформе в Северном море. Сегодня утром он как раз улетел назад, на работу.

Севрула уверяла Паука, что он целуется лучше всех на свете.

Всего через пару часов он заберет ее возле служебного входа ночного клуба. Может, по дороге они куда-нибудь заедут, выпьют по рюмочке. Потом он отвезет ее к себе, погасит свет, врубит музыку на полную громкость, угостит ее самым лучшим коксом дядюшки Ронни. А потом они накинута друг на друга как звери!

Паук закурил еще одну сигарету и во второй раз объехал вокруг дома Кэбота. Темнота. Тишина. Пожарные лестницы. Дома всего в четыре этажа.

Дельце плевое!

Узкая полоска солнечного света упала на лицо Веры, пробившись из-за крошечной щели между шторами. Она проснулась с улыбкой; ей было тепло и хорошо. Во сне они с Россом ходили по магазинам на Портобелло-роуд. Им было очень весело – они долго потешались над нелепым антикварным демоном на прилавке: якобы сделан несколько веков назад, но пластмассовый! Оба то и дело принимались хохотать. Они обнимались, едва стоя на ногах от смеха. Им было так хорошо вдвоем, что Вера просто ощущала всеми фибрами ту невероятную любовь, какую они друг к другу испытывали. Их любовь, казалось ей во сне, *никогда*, ни за что не кончится.

И вдруг ее накрыло сознание действительности – как будто она неожиданно провалилась в холодную и глубокую подводную яму. Длинные, липкие, как водоросли, завитки этой реальности цеплялись ей за ноги и утягивали еще глубже, в черноту и мрак, где было темнее, чем ночью.

Пять дней назад перед ней была вся жизнь – безграничная, как первые несколько дней в детстве после окончания учебного года, когда кажется, что каникулы будут длиться вечно. Потом внезапно оказывается, что каникулы кончаются; и она отсчитывала последние деньки перед школой, и ночи казались короткими. Вот и сейчас у нее было то же самое ощущение: скорого конца летних каникул, только хуже.

Увидит ли она еще одно лето? Может, стоит составить список дел, которые хочется сделать, пока она еще в состоянии?

Веру передернуло. Что ей хочется сделать? Ей хочется увидеть Алека взрослым, женатым; хочется увидеть его детей, стать бабушкой...

Ей хочется поехать в Перу, в Индию, в Австралию, посмотреть терракотовую армию в Китае. Съездить в Иерусалим. А еще...

Слезы катились у нее по щекам; подушка намочла. *Я не могу даже думать о болезни! Не могу принять ее, смириться с нею, настроиться на выздоровление. Оливер обязательно вылечит меня. Он настроен решительно: обещал избавить меня от болезни. Сегодня я прекрасно себя чувствую – в самом деле!*

А там, за окном, жизнь продолжается. Люди на земле приходят и уходят. Задолго до человека на нашей планете уже появились другие существа – микроорганизмы, микроскопические одноклеточные амебы, бактерии, планктон, муравьи, жуки. Когда-то Вера читала: они останутся и спустя много времени после того, как человеческая раса исчезнет с лица

земли. Некоторые виды тараканов отлично способны выжить и после выпадения радиоактивных осадков. Они не догадываются о существовании людей, не нуждаются в людях и не будут скучать, когда людей не станет. Мы, подумала Вера, даже не уйдем в историю.

А эти бобовидные создания внутри ее, которых она видела в микроскоп Оливера, эти крошечные живые создания, микроорганизмы Лендта, которые размножаются у нее во внутренностях и в нервной системе, используют ее в качестве каркаса в своей пищевой цепочке! Они и их потомство будут жить долго после того, как ее не станет. Когда всех не станет...

За окном щебетали птицы; они вдруг показались Вере ненастоящими. В ее жизни больше нет места ничему настоящему, реальному.

В доме слышались другие звуки. Раздражающие голоса, громкая музыка, грохот и крики. И почему у телевизионных мультиков всегда такой звук, словно она слушает плохо настроенное радио на слишком большой громкости? Вот и сейчас до нее доносится бормотание, хотя ее спальню и комнату Алека разделяют целых шесть стен.

Значит, Алек проснулся.

Сегодня суббота. Судя по яркости солнечных лучей, пробивающихся сквозь занавеску, на дворе ясное летнее утро. На циферблате часов у ее постели – 7.15. Росс заворочался под одеялом, и Вера принялась быстро подсчитывать в уме. В девять он играет в гольф; выйти из дому ему нужно в полдевятого. Значит, ему необходимо самое позднее в 8.15 спуститься вниз и позавтракать. А еще ему нужно принять душ и побриться, так что вставать придется в восемь.

Остается окно в сорок пять минут.

Внизу громко залаял Распутин. Наверное, принесли газеты – для почтальона еще рановато. Минута, другая – и пес затих.

Пожалуйста, не трогай меня. Не шарь по мне руками, я не хочу заниматься с тобой любовью!

Он что-то проворчал, перекатился на бок, и она услышала щелчок стального ремешка его «ролекса» и поняла, так как много лет спала с ним в одной постели, что он смотрит на часы и через несколько секунд отпьет глоток воды из стоящего рядом, на столике, стакана. И что у него на уме, ей тоже было известно.

– Вера! – сначала шепотом, потом громче и настойчивее. – Вера! Ты не спишь, любимая?

Она неподвижно лежала, свернувшись калачиком, отвернувшись от него, напряженная. Его пальцы пробежали по ее спине, между лопатками.

Оставь меня в покое!

– Милая! Вера!

Молчание. Она чувствует его дыхание. Кровать покачнулась; его ноги уперлись в устланный ковром пол. Пошел в туалет. Сначала она услышала, как он мочится, потом откручивает кран, чистит зубы. Щелкнула дверь; подошвы его фирменных домашних тапочек прошлепали вниз по лестнице. Взволнованный лай Распутина в кухне стал еще громче, когда Росс открыл псу дверь и тот выбежал на улицу.

Она знала: через несколько минут Росс снова поднимется наверх, неся чашку чаю со свежесрезанным цветком на блюдце; тогда уже нельзя будет притворяться спящей и отвергать его домогательства.

Она попыталась снова заснуть, но сон не шел. Вера принялась вспоминать, что еще нужно приготовить к вечеру. На ужине будет двенадцать человек. На закуску – так называемая итальянская смесь: пармская ветчина, дыня, помидоры, авокадо, оливки, моцарелла с чабатой из магазинчика итальянских деликатесов в Брайтоне. На закусках можно поставить галочку. Затем семга на крутонах – приготовить крутоны из тонко раскатанного теста – со спаржей, запеченной с пармезаном. Молодой картофель. Галочка. Горошек. Галочка. Вера вспомнила, все ли у нее есть для пудинга. Для фруктового салата. Галочка.

Вдруг не хватит сыра? Или батского печенья «Оливер»? Росс позволял ей подавать печенье «Оливер» только с сыром, и никак иначе.

Он уже возвращается в спальню. Вера услышала, как звякает о блюдечко чашка, щелкает дверь, шелестит его шелковый халат. Чашка поставлена к ней на столик, у изголовья – в миллиметрах от ее лица. Аромат розы. Шорох газет.

В горле запульсировало, и она напряглась еще сильнее, ожидая, когда просядет матрас, когда сдвинется одеяло. К ее удивлению, ничего подобного не произошло.

В ванной снова зашумела вода. Включилось радио; захлопнулась дверца душевой кабины.

Она открыла глаза и увидела на блюдце желтую розу. Может быть, до Росса наконец дошло, что с ней надо обращаться помягче, потому что она больна?

Но странное поведение мужа лишь еще больше обеспокоило ее.

Вера села.

От чашки поднимался парок. На пуховом одеяле лежит аккуратно сложенный номер «Дейли мейл» со следами зубов Распутина и оторванным уголком. Заголовки, слегка размытые, кричали о мире в Боснии и о скорой

свадьбе принца Эдварда и Софи Рис-Джоунз.

Вера потянулась за контейнером, в котором хранились ее контактные линзы, вынула линзы и вставила их в глаза.

Так гораздо лучше. Комната и буквы сразу обрели резкость. Вера несколько раз моргнула глазами. Первые несколько секунд с линзами всегда немного неприятно, а сегодня еще хуже, чем всегда. Глаза режет – может, потому, что она плакала.

Пространные рассуждения о том, что наденет Софи на свадьбу; упоминание обетов верности, которые ей предстоит принести. По ее словам, она пообещает повиноваться мужу, но полна решимости не жить в его тени. Веру восхищала смелость Софи Рис-Джоунз. Она уже поняла: жизнь в тени мужа в конечном счете разъедает душу.

Но, не успела она прочесть следующую строку, все слова как будто исчезли со страницы; Вера с изумлением воззрилась на пустой газетный лист.

Ей и в голову не пришло, что с ней творится что-то странное. Она просто оглядела белое пуховое одеяло, которое теперь буквально сияло ослепительной белизной – такой ослепительной, что больно смотреть. Она попыталась обнаружить маленькие черные слова, которые неизвестно куда подевались. Но не увидела их.

Они испачкают одеяло!

Вера подняла газету, и со страниц вдруг посыпались остальные слова, как капли дождя с полированной поверхности, и обдали ее настоящим душем.

– Росс! – позвала она. – Происходит что-то очень странное...

Стены комнаты зашевелились, как занавеси от ветерка. Вера как замороженная следила за ними.

– Росс! – позвала она громче. – Росс, иди сюда, посмотри...

Что-то заползло ей в волосы. Передернувшись, она попыталась вытащить пришельца, но у нее ничего не получилось. Там не одно создание; их несколько. Теперь они ползают у нее по спине... Вера в панике спустила ноги на пол, задев прикроватный столик. Чашка, блюдце, желтая роза – все полетело вниз, но медленно, как в замедленной съемке. Роза начала таять, как будто растворялась в кислоте.

– Росс!

Как только она ступила на ковер, пол покачнулся, и она упала лицом вперед – как будто полетела в пустую шахту лифта.

– Рос-с-с-с! Рос-с-с-с! – кричала она на лету.

Внезапно она взмыла под потолок; она плавала под потолком и

смотрела вниз, на пол. Она видела распластанную на ковре женщину – голую блондинку с разметавшимися волосами; у ее ног – коричневое пятно, в центре которого тает крошечный желтый цветок. Вдруг до Веры дошло: она видит саму себя.

Она смотрит с потолка на собственное тело, лежащее на полу.

Я умерла.

– Росс! – закричала она. – Росс, помоги мне! Я умерла, я умерла!

Вера поняла: муж в душе и не слышит ее; страх усилился.

– Росс! Помоги мне!

Лицо трется о грубые волокна ковра; ноздри забивает запах коврового покрытия и пыли. Слабо, как через стену, доносится шум воды в душе. В следующий миг она почему-то опять оказалась на потолке и смотрела на себя сверху. Плача от отчаяния, она звала:

– Росс, пожалуйста, помоги мне!

*Я никогда больше не увижу Алека. Кто-нибудь, приведите Оливера...
Пожалуйста, приведите Оливера! Он знает, как вернуть меня...*

Новый звук. Душ выключен, щелкает замок в двери; Вера как замороженная стала наблюдать за тем, как Росс выходит из ванной – видит ее, бежит к ней, но почему-то очень медленно. Вокруг бедер обернуто мокрое полотенце. Медленно-медленно опускается перед ней на колени, берет ее голову руками.

Помоги мне, Росс. У меня остановилось сердце.

– Росс... пожалуйста, помоги мне.

Если Росс сумеет оживить меня, я вернусь в собственное тело, а если он меня не оживит, я просто улечу еще дальше.

Потолок давил ей на спину, давил на нее. Стало трудно дышать, тесно. Губы Росса шевелились. Читая по ним, Вера поняла, что он окликает ее по имени. Лицо встревоженное.

Но голоса его она не слышала.

Схватив ее за запястье, Росс посчитал пульс. Регулярный, ритмичный. Немного учащен, что как раз хорошо.

Вздыхнув с облегчением, он бросил взгляд на часы: 7.48. Наскоро прикинув, что еще предстоит сделать, он подсунул руки жене под лопатки, поднял ее на руки и отнес на кровать. Отодвинул подушки, чтобы голова лежала ровно и дыхательные пути были открыты; проверил рот – там ничего нет. Не хватало еще, чтобы она задохнулась!

Ее глаза были открыты, но расфокусированы. Зрачки расширены. Росс выругался.

Слишком большая доза!

Медленно, заплетающимся голосом она произнесла:

– Ро-осс! Я тебя не вижу!

– Вот и хорошо.

– Я... я... – Она замолчала.

Он присел на край кровати и стал наблюдать за ней.

– Я там, наверху, – продолжала Вера. – Я наверху. Я вижу...

– Что ты видишь?

Глаза у нее закатились, как будто отделились от глазных мышц; зрачки исчезли. Росс некоторое время смотрел на ее белки. Она теряет сознание!

Снова пощупав ей пульс, он позвал:

– Вера!

Она отозвалась тихим, испуганным голосом:

– Росс, что происходит?

Он поцеловал жену в лоб.

– Все будет хорошо, моя милая. Просто наступил новый этап болезни.

– Не уходи.

– Не уйду.

– Ты... тебе сегодня... играть в гольф.

– Ничего страшного, поиграют без меня.

– Я испортила тебе утро.

– Я с тобой. А остальное для меня не важно.

– Нам... – начала было она.

– Что – «нам», милая?

– Нам нужен...

– Что нам нужно?

Она замолчала.

Росс еще раз пощупал пульс. Ее глаза метались. Потом снова закатились, а зрачки исчезли. Веки сомкнулись.

– Вера! – Он ущипнул ее за руку – никакой реакции. Проверил пульс: нормальный.

Прошло двадцать минут. Он сидел, держа ее за запястье, все время проверяя пульс, не смея отойти.

– Сыр, – вдруг отчетливо произнесла Вера, широко раскрыв глаза. – Нам нужен сыр!

– Ты проголодалась?

Ровным голосом она проговорила:

– Ты такой смешной, Росс. Ты такой смешной, ты все время меня смешишь; я просто не могу остановиться.

Потом она повернула голову и посмотрела прямо ему в лицо. Зрачки были в фокусе, однако взгляд оставался невидящим. Росс отвернулся, и Вера тут же спросила:

– Росс, ты хочешь меня убить, да?

– С чего ты взяла?

– Оскар Уайльд сказал: все люди убивают то, что любят.

– Оскар Уайльд – старый говнюк. Вряд ли человек, который совращал мальчиков, имеет право рассуждать о любви.

– Но ты меня убьешь, – возразила Вера. – Ты скорее убьешь меня, чем согласишься потерять.

– Я не собираюсь ни убивать, ни терять тебя. Я намерен вылечить тебя, милая, и мы вместе победим мерзкую болезнь, которая в тебе засела.

Последовало долгое молчание. Росс снова посмотрел на часы. Прошли еще пятнадцать томительных минут. Потом Вера сказала:

– Росс, я хочу вернуться в свое тело. Мне не нравится здесь, наверху. Я очень боюсь! Пожалуйста, не разрешай им забирать мое тело, пока я не вернусь. Ты ведь не разрешишь?

– Конечно нет.

– И не забудь напомнить мне, какой сыр купить.

– О чем ты?

– На вечер.

У нее появились проблески сознания; уже хорошо. Однако прошло еще полтора часа, прежде чем действие наркотика начало ослабевать.

Когда Вера настолько окрепла, что смогла, наконец, спуститься в кухню, чтобы начать приготовления к ужину, был уже почти полдень. Но даже и тогда Россу не хотелось оставлять ее одну. Он решил, что ей пока

небезопасно садиться за руль. Он сам свозил ее в супермаркет. Стоя в очереди у прилавка с сырами, Вера повернулась к нему и спросила:

– Ты можешь объяснить, что случилось со мной утром?

– Болезнь прогрессирует, потому что ты не принимаешь лекарство, – ответил он. – Ты должна возобновить прием.

Как только они вернулись домой, Росс заставил ее принять две капсулы. Оставив жену в кухне, он поднялся наверх. Сегодня на ужине будут Джулс Риттерман с женой. И доктор Майкл Теннент, психиатр, который ведет собственную передачу по радио. И еще один психиатр, Дэвид Де Витт. Лучших свидетелей не придумаешь! Не говоря уже о главном констебле Суссекса и судье Высокого суда.

Запершись в ванной, он открыл шкафчик и взял с полки коробку из-под туалетной воды от Келвина Кляйна. Перед приходом гостей они с Верой выпьют, как всегда, для создания подходящего настроения.

По его подсчетам, достаточно четверти той дозы, что он дал ей утром.

«Первый симптом – упорная рвота; приступы тошноты следуют в течение двух-трех месяцев. Затем – дезориентация во времени, в обстановке и так далее; далее у больного следуют продолжительные приступы мании преследования. Ночные кошмары. Терминальные симптомы – обмороки, галлюцинации. Затем постепенное угасание моторных функций».

Росс сходил в гольф-клуб и разыграл быструю партию в девять лунок. Предстояло еще забрать Алека – тот был на дне рождения у приятеля. Половина четвертого, а домой он попадет не раньше чем через час.

Радуюсь, что осталась дома одна, Вера сделала перерыв в своих приготовлениях к ужину и поднялась в кабинет Росса. Она зашла в Интернет и еще раз перечитала симптомы своей болезни.

Когда она дошла до слов «терминальные симптомы», ей стало не по себе.

Первый симптом у нее уже есть – упорная рвота. Приступы тошноты повторялись с угрожающей частотой. Однако последующие симптомы вовсе не обязательны. Да, бывает, она видит плохие сны, но кошмары ее не мучают. А сегодня утром у нее определенно была самая настоящая психотическая галлюцинация. Ее и сейчас пугает испытанное ею ощущение отделенности от собственного тела. Неужели именно так наступает смерть?

В стекло билась муха. Вера открыла окно, чтобы выпустить ее, и вдохнула запах свежескошенной травы. Выключив компьютер, она немного посидела в кожаном кресле Росса, мрачно прислушиваясь к себе. У нее ухудшение. Болезнь прогрессирует. Разрушает ее.

Есть ли у меня хотя бы крошечный шанс выздороветь?

Она извлекла из потайного места на дне сумочки мобильник, накинула плащ и вышла на лужайку, раскрыв застекленные двери. Мимо нее промчался Распутин; обогнав ее, ринулся по широкой, выложенной плиткой террасе и сел, дожидаясь ее.

Вера брела по безукоризненно подстриженному газону, сунув руки в карманы джинсов. Она решила спуститься вниз, к пруду. Солнце светило вовсю, но задул резкий ветер. Сейчас лето, но погоде, видимо, об этом ничего не известно. Слишком холодно для того, чтобы сервировать напитки

на террасе, как планировал Росс.

Пруд был длинным и узким, его окаймляли деревья. В середине пруда находился островок, где гнездилась пара диких уток. Трех утятам из восьми удалось уберечься от лисы и ворон; сейчас они подросли и почти догнали родителей.

Вера села на деревянную скамью и стала наблюдать за тем, как утиное семейство плывет к ней, выходит из воды, равнодушно к Распутину, который относился к ним презрительно – именно так, он полагал, и следует относиться к уткам.

– Извините, ребята, – сказала Вера. – У меня для вас ничего нет.

Утки продолжали истошно вопить, толкаясь, как стайка пожилых женщин у прилавка со всякими безделушками. Потом, так же шумно гогоча, они затопали назад, к воде. Вера наблюдала, как они плывут прочь, и ей вспомнились начальные строки любимого стихотворения:

Заяц встречает зарю и не знает о мыслях охотника.
Ласково шепчет листок, не ведая, что упадет.

Счастливы те создания, которым невдомек, что им объявлен смертный приговор.

Стараясь не заплакать, она набрала номер и через несколько секунд услышала голос Оливера:

– Вера! Эй! Где ты?

– Дома. Росс ненадолго уехал, вот я и решила позвонить. Я... мне просто хотелось услышать твой голос.

– И я рад тебя слышать. Похоже, ты чем-то расстроена?

– Сегодня утром мне было плохо... – Она огляделась по сторонам – просто так, на всякий случай. Вдруг Росс неожиданно вернется.

Оливер выслушал ее не перебивая. Когда она закончила рассказ, он заявил:

– Нам нужно как можно скорее начать лечение. Сегодня вечером я еду на Чичестерский фестиваль – меня пригласили. Но я могу пропустить спектакль. Что, если мы встретимся сегодня попозже?

– Я... не могу. У нас гости.

– Вера, тебе гораздо важнее вылечиться.

– Знаю.

– Я твой врач, черт побери! И я, как твой врач, приеду и скажу ему, что в твоем состоянии ты не можешь принимать гостей!

Она улыбнулась, представив стычку между Россом и Оливером. Трудно представить себе двоих более несхожих людей. Как будто они с разных планет.

– Да нет, я справлюсь. Как-нибудь переживу.

– Как насчет завтра?

– Завтра не могу, а вот понедельник у меня свободен. Ты передал, что и тебя устраивает понедельник.

– Понедельник? Отлично. Приезжай ко мне домой как можно раньше.

Вера быстро произвела мысленный подсчет. На следующей неделе будет очередь другой мамы отвозить детей в школу. Ей нужно только собрать Алека, вот и все.

– Я сумею приехать к десяти. Что мне делать, если повторится такой же припадок?

– Позвони мне, и я помогу тебе справиться; если я тебе буду нужен, я брошу все дела и приеду. – На мгновение он замолчал, а потом сказал: – Вера, я обязательно вылечу тебя; ты выздоровеешь. Постарайся быть сильной. Сейчас я передам тебе целительные мысли, которые укрепят тебя до тех пор, пока мы не увидимся. Я люблю тебя.

Комок подступил к горлу; Вера ответила с трудом:

– Я тоже тебя люблю... Как бы мне хотелось сейчас оказаться рядом с тобой! – Она погладила Распутина по голове, и пес, чувствуя, что хозяйка расстроена, потерся о ее ноги.

– Я могу отменить театр.

– Нет, нет. – Слезы ручьем струились по щекам. – Со мной все будет нормально.

– Позвони мне завтра, если получится.

– Постараюсь, хотя не обещаю.

– Что ты сейчас делаешь?

– Росс хочет, чтобы мы куда-нибудь поехали на целый день втроем, с Алеком. Он вдруг пожелал укрепить семью. Может, тогда он не будет чувствовать себя виноватым после моей смерти.

– Вера, ты не умрешь. Поняла?

– Да, – сказала она.

– Обязательно позвони, если я буду тебе нужен. Обещаешь?

Возвращаясь домой, все еще глубоко погруженная в свои мысли, Вера вдруг вспомнила, что забыла в духовке корж. Он там уже больше часа!

– Черт, черт, черт!

Она бросилась бежать, хотя и знала, что уже поздно. Она пекла корж для клубничного торта с миндалем, своего фирменного десерта.

На кухне ее встретил запах гари. Даже Распутин, который обычно равнодушно относился к пригоревшей еде, отошел на безопасное расстояние и с подозрением прищурился.

Плевать, что Росс не разрешил ей весь день садиться за руль! Она села в «ренджровер» и поехала в универсам «Теско». В витрине кондитерского отдела она увидела два готовых клубничных торта. Вот и отлично. Слегка примять с боков, и никто не догадается, что она не испекла их сама. Вера положила оба торта в тележку.

Но, уже дойдя до кассы, она вдруг вернулась в кондитерский отдел и положила торты на место. Черт побери, у нее достаточно времени, чтобы испечь торт самой!

Возвращаясь к машине с пустыми руками, она пыталась убедить себя в том, что вернула торты не из-за того, что испугалась гнева Росса – а он страшно рассердится, если выяснится, что она подала на десерт торты, купленные в магазине. Нет, подать гостям готовый торт ей мешает собственная гордость.

Истина, как всегда, находилась где-то посередине.

Зимой дни короткие, а ночи длинные. Рассветает поздно, темнеет рано. Паук больше любил зиму, чем лето. Он предпочитал холод жаре, дождь – солнцу, но главное – он предпочитал темноту свету.

Темнота дарит ему лучшее прикрытие, так необходимое для работы; еще лучше, когда идет дождь. И потом, в темноте или, по крайней мере, в тени он выглядит лучше, чем при свете. Ему даже казалось, что в отсутствие прямого солнечного света он выглядит очень даже ничего себе.

Но сегодня, жарким июньским субботним вечером, когда солнце так и шпарит, ему отчего-то совсем неплохо. Облаченный в хлопчатую футболку, шорты-велосипедки из лайкры, шлем, маску от смога и темные очки, он без усилия крутил педали велосипеда, поднимаясь вверх по Лэдброук-Гроув. Велосипед у него – просто мечта: новенький, с подвеской «Фишер», с плоскими рукоятками «Ричи Про-Лайт», композитной рамой, алюминиевой цепью и передачами «Шимано». Велосипед стоил полторы тысячи фунтов в розницу, но Паук заплатил за него всего восемьдесят знакомому пареньку, скупающему краденое у наркоманов.

Какая жалость, что его придется потом бросить!

Он снизил скорость, чтобы справиться с подъемом; хотя передача оказалась даже низковатой, но куда спешить? И потом, он едет слишком быстро, ему предстоит работа, перед которой нужно отдохнуть.

Гонка ни к чему!

Он проехал почти пятнадцать километров, и в основном в горку – люди и не представляют, в какой холмистой местности расположен Лондон, пока не попытаются объехать город на велике! Паук почти не вспотел. Каждый день он по два часа качался в тренажерном зале – в основном наращивал бицепсы и укреплял брюшной пресс. В детстве он был хилаком, а сейчас у него такая классная фигура – он вполне сойдет за боксера-легковеса.

Крутя педали, он одновременно внимательно озирает окрестности. Камеры наружного наблюдения по-прежнему оставались относительным новшеством, а среди законодателей пока не выработалось однозначного отношения к подобным уликам. Камеры были вкручены во все высокие стены, которые обеспечивали хороший обзор, обычно на перекрестках, чтобы иметь возможность наблюдать за происходящим в разных направлениях. Но, из-за недостатка финансирования, записи почти на всех

камерах автоматически стирались, если за время наблюдения не случилось никаких происшествий.

Он повернул направо, на Лэдброук-авеню. Пока никаких камер. Вряд ли их установили здесь, в такой тихой заводи. Шикарное местечко!

Темно-синий «джип-чероки» стоял на том же месте, что и вчера ночью, только чуть дальше от дома номер 37. Машин на улице поменьше, чем вчера, – многие уехали на выходные, сообразил Паук. Он нажал рычаг тормоза и, подняв голову, посмотрел вверх, на окна квартиры доктора Оливера Кэбота. Потом покатил вниз по улице, в конце ее свернул вправо, затем еще раз направо, в проход, разделяющий две параллельные тихие улочки, застроенные рядами стандартных домиков. Теперь он ехал медленно, отсчитывая расстояние. Он слез с седла, когда оказался точно за нужным домом, и огляделся.

Не очень удачное место. Слишком много окон, из которых его могут увидеть. Если он попытается влезть в дом отсюда – хоть по пожарной лестнице, хоть просто по стене, – его могут засечь любопытные соседи.

В субботу вечером народ обычно уезжает и приезжает допоздна. Никто и внимания не обратит на человека, который входит в дом через парадный подъезд, пусть даже и в поздний час. Севрула заканчивает работу в два часа ночи. Тогда он уже сделает дело, и у него будет полно времени, чтобы забрать ее, как он и обещал, из клуба «Стрингфеллоуз».

Вчерашняя ночь с ней была просто великолепна. А сегодня, когда с его души свалится большой груз, все будет еще лучше. Он знаком с ней всего месяц, но уже уверен, что хочет жениться на ней. Последний раз он испытывал подобное чувство к женщине шесть лет назад. И ему понадобилось целых шесть лет на то, чтобы пережить ее отказ. Но сейчас он в ударе.

Лицо его под маской сияло.

Без пяти восемь Росс поставил на проигрыватель диск с Бранденбургским концертом Баха. Он всегда ставил Баха, когда приходили гости: музыка барокко, говорил он Вере давным-давно, стимулирует мозг и повышает настроение.

На нем был малиновый парчовый смокинг, рубаша с открытым воротом, шарф, черные брюки и легкие кожаные туфли от Гуччи. Когда-то Вера считала, что в малиновом смокинге Росс совершенно неотразим; сейчас же муж показался ей надменным позером. На ней самой было простое короткое черное платье от Николь Фархи, которое выбрал для нее Росс. Шею ее украшало жемчужное ожерелье; на ногах – черные атласные туфли на шпильках от Маноло Бланика.

Официантка, которую они наняли обслуживать гостей, в последнюю минуту отказалась, и Вере пришлось уговорить миссис Фогг помочь ей вечером. Сейчас миссис Фогг стояла в кухне и причитала, что пропускает игру в бинго. Бросив ее, Вера присоединилась к Россу в гостиной.

Распутин караулил в холле, ожидая первого звонка в дверь.

– Вот, – Росс поднял бокал, – выпей. Тебе сразу полегчает.

Она взяла ледяной на ощупь узкий бокал шампанского, села на боковое кресло, чтобы не мять подушки недавно перетянутого дивана, и отпила глоток. Подойдя, Росс чокнулся с ней:

– За тебя, дорогая. Выглядишь потрясающе.

– Ты тоже смотришься очень здорово, – ответила она.

– Господи, женщина, перестань дуться! Надеюсь, ты не выйдешь встречать гостей с такой кислой физиономией.

– Извини, Росс. Что-то мне нехорошо.

– Сегодня к нам придут несколько серьезных игроков. И тебе, черт побери, придется взять себя в руки и взбодриться! – Он подошел к ней. – Вот, промочи горло, и тебе сразу станет лучше.

Она выпила еще крошечный глоток. Тошнота вернулась, и с ней приступ страха, который она всегда ощущала перед зваными ужинами. Только сегодня ей страшнее, чем всегда. У нее в животе хлопают крыльями огромные черные бабочки мертвая голова, наполняя ее дурными предчувствиями. Жаль, что нельзя позвонить Оливеру – просто ради того, чтобы услышать его голос.

Она смотрела на выкошенную лужайку. Небо покрылось облаками;

задул резкий ветер. С розового куста облетели лепестки. Залаял Распутин. В ворота въезжал «ягуар» – на две минуты раньше срока. Вера с досадой следила за приближением машины. Какого черта гости приезжают рано? Разве не знают, что в приличном обществе полагается приходить на десять минут позже?

– Джулс и Хильда, – сказал Росс.

Вера наполовину осушила бокал, поставила его на кофейный столик и вышла, чтобы открыть парадную дверь.

– Вера! Как мы рады вас видеть!

Карие глаза смотрят тепло, с улыбкой. За ними – злые зеленые глаза, как будто их владелицу притащили сюда силой. Карие глаза принадлежат Джулсу Риттерману; на нем темный парадный костюм. Зеленые глаза смотрят из-под старомодной светлой челки его нордической женушки, Хильды – на голову выше мужа, мрачная, одетая в какой-то кошмар бирюзового цвета. В руках – самая маленькая коробочка шоколадных конфет, которую Вера когда-либо видела.

Вере понадобилось некоторое время, чтобы разобраться, где чьи глаза. Она посмотрела в одни глаза, потом в другие. Только что глаза были прямо перед ней, а потом вдруг Вера усомнилась в том, что у гостей вообще есть глаза. Ее обдало жаром, как будто она стояла перед открытой духовкой. А потом – внезапный резкий озноб, словно ей под кожу впрыснули струю ледяной воды.

Мозг отключился. Она не могла вспомнить, как их зовут.

– Здравствуйте... привет... здорово... как доехали? Росс здесь, он вас ждет... то есть... мы оба...

О боже! По дорожке к дому едет еще одна машина. Белая. Где-то она читала: люди, которые предпочитают белые машины, обычно обладают нерешительным характером.

Карие глаза как-то странно смотрят на нее. Да и зеленые тоже. Интересно, что ей нужно делать сейчас? Забыла. Пригласить их в дом. Да. Она отступила на шаг, но к ней уже спешил Росс. Пожал руку Джулсу Риттерману, поцеловал нордический айсберг. Вдруг у Веры в руках оказалась крошечная розовая коробочка конфет «Годива».

– Мои любимые, – сказала она.

Гостья не улыбнулась в ответ.

– Позвольте ваше пальто.

– Вообще-то на мне сегодня нет пальто, – отрезала Хильда.

Вера окинула взглядом бирюзовый кошмар. Боже, и с чего она вообразила, будто это пальто?

– Да, – кивнула Вера, – конечно. Джулс, позвольте ваше?

Его всегдашняя покровительственная улыбочка, а потом:

– Вера, я сегодня тоже налегке.

Снова глаза. Черт побери, что такое творится с их глазами?

Смотрят на нее. Жалеют? Неужели в их глазах жалость?

Главное – не лопнуть со смеха. Господи, помоги мне не расхохотаться.

Обе пары глаз смотрели на что-то у нее за спиной. Вера обернулась через плечо, и вдруг там, каким-то чудом, оказалась сердитая миссис Фогг во вполне презентабельной белой блузке и черной юбке; в руках – поднос с бокалами шампанского.

шины заскрипели по гравию. Белая машина. Выглядит скромненько. Оттуда вышли невзрачный с виду мужчина и невзрачная с виду женщина. У них одинаковые седые волосы и почти одинаковые прически. Мужчина с такой прической смотрится нормально; он похож на занудного школьного учителя. А женщина выглядит глупо. Оба шагают к крыльцу с надменным выражением любителей пеших прогулок, которые взбираются на особенно крутой холм.

– Его честь Ральф Блейкхэм, – сказал Росс.

Раз «его честь», значит, судья, поняла Вера.

– И моя жена Молли, – представил судья.

Молли протянула Вере банку домашнего айвового варенья. Вера едва успела прочесть этикетку, как банка выскользнула у нее из рук и разбилась о крыльцо. Послышался такой грохот, точно взорвалась бомба.

Пока миссис Фогг убирала осколки, а Вера держала Распутина за ошейник, чтобы тот не порезал лапы о мелкие кусочки стекла, остальные гости прибыли все вместе.

В кухне Вера села на стул и принялась счищать со своих атласных туфелек налипшие осколки стекла, измазанные айвовым вареньем. Высыпав мусор из совка в помойное ведро, миссис Фогг заявила:

– Миссис Рансом, подобные поручения я считаю не соответствующими моему достоинству! – Лицо уборщицы расплылось и превратилось в нечеткое пятно. – Знаете, я ведь вовсе не обязана так унижаться – при моем-то образовании.

Вера снова взмыла под потолок и смотрела вниз; она видела саму себя, сидящую за столом, с туфелькой в руке.

Миссис Фогг продолжала:

– При моем-то образовании мне бы...

– Помогите, – попросила Вера. – Пожалуйста, помогите, у меня снова...

С потолка она увидела, как в кухню ворвался Росс.

– Какого черта вы обе здесь торчите? Гости еще ни глотка не выпили!

Вера уставилась на него сверху. Потом вдруг оказалось, что она смотрит на него снизу вверх. Он схватил ее за руки, поднял на ноги.

– Пойдем, бога ради, соберись, ты ведь хозяйка, черт побери! Куда подевалось шампанское?

– В ад, – ответила миссис Фогг.

Росс кое-как напялил Вере на ногу туфлю, схватил ее за руку и потащил из кухни. Она нерешительно семенила за ним, стараясь не упасть. На нее надвинулись стены холла, потом вдруг раздвинулись беспредельно – до бесконечности. Металлические латы раскачивались, как куст под ветром.

И вдруг она очутилась среди моря лиц, лopotания голосов. Повсюду глаза – лабиринт из глаз. Губы; иногда они шевелятся и что-то говорят.

– Майкл Теннент, – сказал Росс. – И его жена, Аманда. А это Вера.

Она снова смотрела на них сверху, с потолка гостиной; гремел Бах. Она слышала, как гости говорят, что рады с ней познакомиться; она понимала: нужно что-то ответить, проявить учтивость, быть очаровательной, как и подобает хозяйке дома. Но она не могла вспомнить нужные слова, потому что умирала.

Она выскользнула из тела в смерть – прямо перед всеми гостями, а никто ничего не понял. С трудом, заплетающимся языком Вера выговорила единственное, что сумела:

– Пожалуйста, помогите мне, я умираю.

Она отвернулась от их потрясенных лиц. Но увидела перед собой другие потрясенные лица. Отступив назад, столкнулась с худощавым и моложавым мужчиной с преждевременно поседевшими волосами. Главный констебль.

– Извините, – сказала Вера ему и находившейся рядом с ним женщине – наверное, его жене. – Извините. Я умираю. Никто этого не понимает. Пожалуйста, помогите мне. Пожалуйста! Мне нужна помощь, чтобы остаться в собственном теле. Прошу вас, помогите, не дайте мне уйти!

Она пятилась назад; вот она смотрит еще на одного мужчину – высокого, лысеющего, в вельветовом костюме, кривого на один глаз; его она уже видела раньше, но сейчас не помнит, как его зовут. Психиатр – единственное, что вспомнила Вера. Ничего, он ее поймет.

Крепко схватив психиатра за руку, она прошептала:

– Никто из них не понимает, что я умираю. Духи пытаются вытащить меня из тела. Пожалуйста, удержите меня. Росс мне не верит. Пожалуйста,

защитите меня.

Вот рядом оказался Росс, обнял ее за плечи – такой любящий, такой нежный.

– Милая, все хорошо, я с тобой. У тебя просто очередной приступ. Я отведу тебя наверх – полежи немного. Я дам тебе кое-что, и ты расслабишься.

– Паранойя, – произнес чей-то голос.

– Психоз, – вторил ему другой.

Потом она услышала Джулса Риттермана:

– Боюсь, это один из симптомов.

– Сейчас принесу – у меня в машине все есть, – заявил кто-то.

Вдруг ее тело оказалось как бы перед ней и в то же время за ней. Она в слепом ужасе повернула голову.

– Мое тело, – прошептала она. – Где мое тело?

Игла вошла в предплечье – как укусы осы.

Прошло несколько секунд, и она оказалась в своем теле. Она лежала на кровати. Над ней склонились озабоченные лица: Росс, Джулс Риттерман, Майкл Теннент. Она облегченно улыбнулась им всем.

Потом ее глаза закрылись, и она провалилась в теплый синий океан сна.

Близится полнолуние; света больше, чем он рассчитывал. Но главная мысль, заботившая Паука, была о велосипеде. Его могут украсть. В Лондоне под угрозой находятся все велосипеды, а его «фишер» – настоящее произведение искусства. Кто-то неплохо на нем поживится. Он не подумал об иронии судьбы: ведь велосипед и так уже был украден.

Человечество выживает на протяжении четырехсот тысяч лет во многом благодаря тому, что большинство людей обладают совестью, настроенной более или менее на одну волну. Но у меньшинства система ценностей другая. Паук способен на такое, о чем другие и не помышляют, но угрызения совести его не посещают.

В детстве, когда его мучили и обижали другие, он находил утешение в том, что мучил насекомых и животных. Тараканы не осуждали его из-за заячьей губы. Лягушки никогда не смеялись над ним, собаки не издевались. Паук платил бессловесным тварям тем, что мучил их до смерти. Жуки и пауки умирали медленно – он жарил их на крышке духовки. Лягушек ждала быстрая и страшная смерть: он привязывал их к петардам, и они либо взрывались, расщепляясь до молекул, либо уносились высоко в воздух, откуда шлепались на землю, привязанные к сторевшим палочкам от шутих. А собакам предназначалась невидимая смерть; Паук обнаружил, что обломки бритвы, засунутые в куски курицы, весьма эффективны.

Если бы его спросили, зачем он мучает животных, он бы, наверное, не сумел подобрать ответ, но любому психиатру было очевидно: Паук – классический психопат. Психиатров Паук видел только в кино, например в фильме «Молчание ягнят».

Сейчас, облаченный в легкий спортивный костюм, с нейлоновым рюкзаком за плечами, в тонких велосипедных перчатках, Паук крутил педали в тихой темени Лэдброук-авеню: типичный помешанный велосипедист в маске от смога и шлеме; похоже, возвращается с какого-нибудь субботнего сборища таких же, как он.

Улица была пустынна. Паук с облегчением отметил, что «джип-череки» стоит, где стоял, и припаркован на том же самом месте, что и днем, – под уличным фонарем. В голубоватом мерцании он увидел, что машина успела покрыться пылью; похоже, со вчерашнего дня на ней никто не ездил. Замедлив ход, он поднял голову и взглянул на окна квартиры доктора Кэбота. Темно. Хорошо!

В конце улицы он повернул налево, с трудом проехал в узком проходе между двумя зданиями, миновал ряд запертых гаражей и оказался у пустого и заброшенного сарайчика для велосипедов. Здесь он был невидим жильцам верхних этажей.

Паук спешил и стащил с плеч рюкзак. «Хеклер-кох» оказался тяжелой штучкой, а с глушителем он был еще тяжелее. Кроме того, у Паука с собой были: фотокопия плана квартиры доктора Оливера Кэбота, раздобытая в бюро технической инвентаризации, фотография Кэбота, скачанная из Интернета, мощный фонарик, набор отмычек, кусачки для замков, стеклорез и присоска для выемки кусков стекла, электрошокер для глушения рыбы «Великий шаман» с клипсой для крепления на поясе и двумя девятивольтовыми никель-кадмиевыми батарейками, широкий кожаный ремень, швейцарский армейский нож и пустой спичечный коробок.

Нож был нужен для срезания «сувениров» у жертв. У Паука постепенно скопилось множество экспонатов его, так сказать, частной коллекции, которые он хранил в ящике письменного стола. Спичечные коробки с надписанными этикетками содержали пряди волос, ноготь, крошечную полоску кожи, маленький кусочек материи. Ничего особенного. Ничего, что позволило бы полиции говорить о «почерке», связать все преступления с одним человеком. Просто разные мелочи.

Расстегнув липучки рюкзака, Паук начал готовиться к операции. Опясался ремнем, вставил батарейки в электрошокер, который с виду напоминал большой пульт управления, а на ощупь – кусок свинца. Он включил электрошокер для пробы. Яркий луч синего цвета заплясал на железной стене. Отлично! Он закрепил на поясе клипсу, выключил «Шамана» и подсоединил к клипсе. Затем, убедившись, что пистолет стоит на предохранителе, сунул заряженный «хеклер-кох» в правый брючный карман, специально для таких целей углубленный и подшитый. Глушитель он положил в левый карман.

Затем он прикрепил к поясу фонарик, швейцарский перочинный ножик и набор отмычек. Наконец, сунул в карман куртки пустой спичечный коробок, закрыл рюкзак, надел его на плечи и посмотрел на часы. Пять минут первого. Все готово!

Он выехал обратно на Лэдброук-авеню. Ни души, и свет горит лишь в нескольких окнах по обе стороны улицы. Откуда-то доносились звуки рэпа. Паук проехал мимо джипа, «ауди», фургона, старенького «порше». Затем снова слез с велосипеда, подкатил его к парадной двери дома номер 37 и тщательно прикрепил цепью к перилам.

Ему предстояла самая опасная часть дела: несколько ступенек, которые надо преодолеть пешком. Подходя к двери, он снял с пояса отмычки. Дядя Ронни научил его обращаться с ними, когда Пауку было двенадцать лет. Здесь как и вообще в жизни: как только поймешь основные принципы, девять десятых успеха гарантировано. Остальное – дело техники.

Замочек парадной двери оказался паршивый, обычная дешевка на пяти штифтах – новинка десятилетней давности. Ногой можно вышибить. Но Пауку не хотелось привлекать к себе внимание. Он быстро перебирал в руке вольфрамовые отмычки. Две треугольные, одна полукруглая и одна круглая, одна ромбовидная, гребешок и змейка. Он выбрал змейку, вставил в замочную скважину; поводя по выемкам, нащупал первый штифт и уверенно нажал на него. Штифт подался.

Есть, пошло дело!

Осторожно надавливая, он выдавил штифт из паза. Затем обнаружил второй штифт; тот поддался легко. Стороннему наблюдателю показалось бы, что Паук – обычный жилец, который почему-то не может сразу отпереть дверь ключом. Паук нервничал, руки дрожали, и оттого он не сразу обнаружил третий штифт. Пришлось вынимать отмычку, а потом снова вставлять ее в бороздку замка. После того как четвертый и пятый штифты без труда вышли из пазов, Паук всунул отмычку в замочную скважину на всю длину и начал медленно поворачивать, постепенно усиливая нажим. На лбу заблестела капля пота. Откуда-то по-прежнему доносился поганый рэп.

Замок щелкнул. Дверь открывалась вперед; Паук вздрогнул, услышав шорох. Опустив голову, он тихо выругался: на полу валялся ворох рекламных листовок пиццерии. Катафот велосипеда, прислоненного к стене, отбрасывал красные блики на ряд почтовых ящиков. Из-под двери слева пробивалась полоска света; до него донеслись приглушенные голоса и музыка – там, наверное, смотрели телевизор. Даже сквозь маску в ноздри проникал запах карри.

Паук закрыл за собой дверь. В подъезд из веерообразного окошка вверху входной двери проникал слабый свет уличного фонаря. Для того чтобы видеть дорогу, недостаточно. Паук включил фонарик и начал подниматься по лестнице. На уровне второго этажа скрипнула ступенька. Он замедлил шаги. Теперь он внимательно оглядывался перед каждым шагом. Не хватает еще, чтобы соседи потом доложили копам, в какое время кто-то входил в подъезд или выходил из дома.

На двери квартиры доктора Кэбота был прочный врезной замок. Дело дрянное.

Ему понадобилось четыре минуты глубокой сосредоточенности, прежде чем цилиндр повернулся и он смог чуть приоткрыть дверь. Осторожно, понемногу, все время прислушиваясь, вспотев, как свинья, Паук молил только об одном: лишь бы жильцы не накинули на дверь еще и цепочку. Внутри было темно; темнота ударила по глазам, словно его вдруг облили чем-то черным.

Еще... еще чуть-чуть...

Цепочки не оказалось.

Он не увидел и зловещих лучиков красного света, которые обозначали бы охранную сигнализацию. Только слабое мерцание откуда-то издали, а наверху, на потолке, движутся какие-то огромные тени. Паук оцепенел от страха, но тут же облегченно выдохнул. Поганый аквариум с подсветкой!

Он шагнул вперед, и вдруг на него из темноты надвинулась какая-то фигура. С трудом сдержавшись, чтобы не завопить от страха, он отскочил назад, хватаясь за рукоятку электрошокера. Потом он остановился.

Тоже, умник!

Перед ним было большое, в полный рост, зеркало, и он испугался собственного отражения.

Плохой знак. Всю жизнь он не любил зеркала, терпеть не мог смотреть на свое отражение, потому что зеркала напоминали ему о том, что он урод и навсегда останется уродом.

Он закрыл дверь и некоторое время постоял, прислушиваясь. В квартире было достаточно светло – в окна светила луна, с улицы проникал свет уличного фонаря; кроме того, здесь была аквариумная подсветка. Паук разглядел огромную комнату со свободной планировкой; поскольку план квартиры он заучил наизусть, он сразу представил, где что находится.

Он привинтил к стволу пистолета глушитель и сунул пистолет в нагрудный карман куртки. Затем снял с пояса электрошокер, положил палец на спусковой крючок и, сунув выключенный фонарик под мышку, направился к двери, за которой находился коридорчик и выходящие туда спальни.

Все соответствовало плану. Первая дверь, справа, которая, по его предположениям, вела в кабинет хозяина, стояла приоткрытой. Занавески были раздернуты, и с улицы проникало достаточно света. Паук разглядел небрежно застеленную кровать. Она была пуста.

Вдруг в коридоре зажегся яркий свет. Паук похолодел. Потом он сообразил, откуда идет свет. Из гостиной! Он услышал, как щелкнула дверь, звякнул ключ. Скрипнула дубовая половица; кто-то шел в его сторону.

Неужели полиция?!

Может, он не заметил сигнализацию? Глаза метнулись к окну; он принялся прикидывать путь к отступлению. Сегодня он совсем голову потерял! Нарушил собственное золотое правило: прежде чем вламываться в дом, определи, как будешь уходить.

Окно было старомодное, со скользящей рамой; Паук заметил медные шпингалеты, которые позволяли поднять раму всего на несколько сантиметров.

Он стоял за дверью спальни. Шаги приближались. Кто-то насвистывал «Капли дождя падают мне на голову».

Коп не стал бы насвистывать. Он сжимал бы в руке рацию, откуда доносятся совсем другие звуки.

Паук положил фонарик на пол, схватил электрошокер, а правой рукой выхватил из самодельной кобуры пистолет и снял его с предохранителя. Держа пальцы обеих рук на спусковых крючках, он выглянул из-за двери. Хотя поле зрения было сужено, он видел все четко.

В гостиную небрежной походкой вошел мужчина в куртке-бомбере, легких брюках и кожаных туфлях. В руках он держал какую-то брошюрку. Рост метр восемьдесят, а то и выше; грива курчавых седых волос.

Точно как на фотографии.

Паук воспользовался представившимся удобным случаем. Он быстро вышел из коридорчика, торопливо огляделся по сторонам – вдруг хозяин привел с собой гостей, – приблизился к жертве и позвал:

– Доктор Кэбот?

Человек удивленно повернулся к нему, но времени на то, чтобы что-то предпринять, у него уже не было. Паук прислонил к плечу жертвы ствол «Великого шамана» и нажал на спусковой крючок, послав в мышцы доктора Кэбота разряд в триста вольт.

Доктор Кэбот моментально обмяк, как будто из него вытащили все кости. Брошюрка – как заметил Паук, театральная программка – выпала из рук. Кэбот шагнул назад; глаза закатились, как будто выпали из глазниц. Потом он пошатнулся, схватился за постамент, на котором стоял чей-то бронзовый бюст, со стоном рухнул на пол и затих.

Паук опустился на колени. Из уголка рта доктора стекала тоненькая струйка крови – наверное, прикусил язык. Некоторое время он рассеянно разглядывал лошадиное лицо жертвы, сравнивая его по памяти с фотографией.

Тот же самый мужик, без вопросов.

Действие электрошокера продолжается недолго. Он уничтожает

запасы сахара в мышцах и парализует, «закорачивает» мышцы. Через минуту – если он, Паук, позволит – доктор Кэбот придет в себя.

Паук протащил его по полу, поднял за плечи и прислонил голову жертвы к подушке кожаного дивана – он не хотел рисковать. Пуля могла через пол проникнуть в квартиру внизу.

К жертве возвращалось сознание. Серые глаза сфокусировались.

– Слуш-ш-ш... Вы кто? – спросил доктор Кэбот заплетаящимся языком.

Паук прижал дуло «хеклер-коха» ко лбу жертвы – чуть выше носа. Он испытал слабое удовлетворение, увидев, что в серых глазах доктора мелькнул страх. Видно, понял, что сейчас произойдет. Убийца нажал на спусковой крючок недрогнувшей рукой.

Глушитель был сработан на совесть: пистолет лишь тихо щелкнул при сильной отдаче; и почти сразу – еще более тихий, хлюпающий звук: череп доктора разлетелся на куски, которые застряли в диванной обивке. Доктор Кэбот слегка дернулся, и глаза его остекленели. Из круглой аккуратной дыры с обожженными краями, в самом центре лба, текла черная вязкая жидкость.

В нос Пауку ударил острый запах пороха и другой, сладковатый запах горелого мяса. Он попробовал было поискать пулю, но голова доктора превратилась в настоящую кашу. Возможно, пуля сплюснулась на входе в череп или застряла в диванной обивке. Не важно!

Вытянув из швейцарского ножа маленькие ножнички, он срезал прядку волос с головы жертвы и положил ее в спичечный коробок. Затем ненадолго сходил в спальню за фонариком и вышел из квартиры, тихо прикрыв за собой дверь. Адреналин бил ключом; такого кайфа не бывает даже от кокаина. Еще минута – и он уедет прочь. Десять минут – и он в машине. Через час он заберет Севрулу.

И вдруг...

Паук осторожно спускался вниз по лестнице, помня о скрипучей ступеньке на втором этаже. Ее он осторожно перешагнул. Он в жизни не ступал так тихо, и еще никогда в жизни ему не было так хорошо.

Внизу послышалось жужжание.

Еще один звонок – резче, ближе.

Еще один – чуть дальше. Еще. Еще. Еще. Над головой, потом внизу. Снова вверху. Справа и слева. Кто-то внизу нажимает кнопки домофона, звонит во все квартиры!

Когда Паук спустился в подъезд, неизвестный замолотил в дверь кулаками. Громкий удар. Потом еще один. Вам! Вам! Вам!

От притолоки отлетела щепка.

Открылась дверь квартиры на первом этаже; оттуда вышел голый мужчина, в полотенце, обмотанном вокруг талии. И в тот же миг в подъезд ворвался громадный лысый толстяк в футболке и джинсах, сплошь покрытый татуировками.

Зажегся свет.

– Ты!

Лысый жирдяй показывал пальцем на Паука.

– Ах ты, сволочь, убийца поганый!

Электрошокер болтался на поясе; он был выключен. Паук отошел назад и попытался выхватить из кармана «хеклер-кох», но пистолет зацепился за ткань. Толстяк наступал на него, протянул руку, сорвал с лица маску; Паук почувствовал на себе его дыхание. От толстяка пахло жареным луком. Потом его сильно ударили в живот. Паук отлетел к стене, больно ударившись о поганый велосипед.

Цепляясь за стены и пол, как загнанная в угол крыса, не вынимая руки из нагрудного кармана, Паук отчаянно лягнул ногами и услышал крик боли, когда падающий велосипед ударил толстяка по коленям. Толстяк упал ничком, запутавшись в спицах.

Паук успел выхватить пушку; он прицелился в своего противника, который с трудом поднимался с пола, и спустил курок. На щеке толстяка появилась аккуратная круглая дыра.

На миг время словно остановилось, как будто он нажал на видеомagneтофоне кнопку «Стоп». Паук видел, как толстяк смотрит на него с почти детским выражением, как будто ругает непослушного мальчишку. Голый мужик в полотенце прижал руку ко рту; глаза у него побелели от ужаса. Мужик пятился по направлению к своей квартире.

Паук выстрелил еще раз, и половина шеи толстяка исчезла. Голова упала набок, лицевые мышцы обмякли. На мгновение он превратился в массу лоскутов кожи и сухожилий, потом из раны начала хлестать кровь – неравномерно, как будто из шланга, на который наступили ногой. Толстяк рухнул на бок, как мешок, сброшенный с парашюта.

В подъезде воняло экскрементами, порохом и карри. Паук с трудом поднялся на ноги.

– Пожалуйста, не надо! – завопил голый мужик в полотенце. – Не убивайте меня! – Он на удивление проворно скакнул в свою квартиру и захлопнул дверь.

Только тогда Паук осознал, что маски у него на лице нет.

Мужик видел его лицо!

Он выглянул на улицу. *Ну и облом!* Послышался грохот придвигаемой мебели. Он бросился к квартире, в которой скрылся мужик, и со всей силы лягнул ногой дверь. Изнутри слышался голос:

– Не надо, пожалуйста! Я ничего никому не скажу, я вас не видел!

Паук дважды выстрелил в замок, проделав в двери дыру размером с кулак. Потом навалился плечом. Послышался грохот. Мужик в квартире закричал.

Где-то вдалеке завывала сирена.

Паук перевел взгляд на распахнутую парадную дверь.

Вперед!

Он в последний раз метнул злобный взгляд на квартиру первого этажа и нехотя вышел из подъезда. Спустился по ступенькам к своему велосипеду. Ключ от всячего замка, как назло, на самом дне рюкзака.

Сирена все ближе.

Он достал ключ. Из спикерфона слышался чей-то голос:

– Алло! Алло! Кто там? Что происходит?

Сирена совсем близко.

Паук выронил ключ, будь он неладен.

Попытался подобрать его, но в перчатках это было нелегко. Черт побери, ему нужен проклятый велосипед, и как можно скорее!

Еще одна попытка подобрать ключ. Он заметил мощный синий луч, который обшаривал стоящие в конце улицы машины. *Брось его! Брось к черту!*

Паук побежал, забыв о велосипеде. На поясе болтался электрошокер, под мышкой – фонарик, в руках – «хеклер-кох». Он сунул пистолет под футболку. Глушитель такой горячий, что ожгло кожу. Но Паук не замечал боли. Он бежал наугад – вперед, в тишину, мчался на запах свежей зелени, в огромный темный оазис – общественный парк.

В голове крутилась единственная мысль: «Облом! Настоящий облом. О господи, как же я обломался!»

Телефонный звонок ворвался в сон противным металлическим скрежетом, выманивая ее из уютной, теплой раковины. Второй звонок прозвучал громче, третий еще громче – резко и пронзительно. Вера попыталась снова провалиться в сон, поймать видение за хвост, вернуться в другой мир, в котором она пребывала, гораздо лучший мир, но он стремительно ускользал, и она оказалась словно выброшенной на берег.

Завывал ветер. Вера открыла глаза и увидела, что занавеси раскачиваются на карнизах, как сорванные паруса; за окном она увидела асфальтово-черные тучи, услышала, как крючки, на которых крепились занавеси, бренчат по карнизам. У нее в душе туча была еще чернее. Холодный, враждебный ветер дул ей в лицо. Телефон зазвонил в четвертый раз, и кровать наконец зашевелилась. Росс перекатился на бок и схватил трубку. Потом она услышала его голос:

– Мм?

Вера лежала неподвижно, радуясь, что прекратились противные звонки. Голова кружилась; ее так тошнило, что невозможно было даже пошевелиться. На один краткий миг мелькнула мысль: «Понедельник. Поеду к Оливеру».

Потом она с печалью осознала: нет, нет, еще не прошло воскресенье. Надо пережить воскресенье.

– Кто это? Простите, не понял... А, да, да... Извините, вы меня разбудили... Поздновато... Да.

Циферблат часов ее радиобудильника, стоящего на прикроватном столике, показывал десять минут девятого. По стеклу забарабанили капли дождя. По коже побежали мурашки; что-то еще, что-то темное, вонзилось в мозг. Дыра, вакуум, огромное пустое пространство, последовательность событий, когда все пошло не так.

Росс уже сидел на краю кровати, прижав трубку радиотелефона к щеке с отросшей щетиной. Волосы вздыбились, как у мальчишки-неряхи. Голос звучит озабоченно:

– Когда это случилось? То есть когда... началось?

У Веры внутри что-то оборвалось. Огромный провал в памяти. Вчера у них были гости... Званый ужин. И вот она, оказывается, лежит в постели, и уже наступило утро. Утро воскресенья?

– О боже! – воскликнул Росс. – Хотите, чтобы я приехал? Если я

нужен, смогу добраться через полтора часа.

У Веры закружилась голова. Она закрыла глаза, отчего ей стало еще хуже. Как будто мозги вращаются в черепе.

– Похоже на перекрестное заражение, – заявил Росс. – Да, очень похоже. Почему вчера никто ничего не заметил? Ясно. Вы дежурите весь день?

Она встречала гостей, а теперь лежит в постели, и уже утро воскресенья. Гости ушли. Она не помнит, чтобы разговаривала с кем-то из них. Разносила напитки. Угощала едой.

От Росса воняет сигарным перегаром.

– Не нравится мне это. Совсем не нравится. Пожалуйста, держите меня в курсе. Какие вы назначили анализы? – Он уже встал с постели и, не выпуская трубки, направился в ванную, по пути закрыв окно. – Ладно... То есть вы не уверены, что... те же симптомы... Лаборатория сегодня закрыта, верно? Значит, до завтра ничего подтвердить нельзя. Нет, нет, ничего. Спасибо, что позвонили, это очень важно. Вы ведь понимаете, какие осложнения грозят клинике, если окажется, что мы имеем дело с внутрибольничной инфекцией?

Я выронила на крыльцо банку айвового желе, а теперь лежу в постели.

– Кто-нибудь еще заразился? Нет уж, вы как следует проверьте всех – инфекция может оказаться бог знает где: в системе кондиционирования, в воде, в еде – да где угодно!

Вера услышала щелчок: трубка легла на рычаг.

– Господи, – проговорил Росс, – ну надо же так случиться – одна из моих пациенток!

Щелчок пульта – включился телевизор; Росс прошлепал в тапочках по направлению к ванной. Хлопнула дверь. Голос диктора:

«По словам свидетеля, преступник, убивший доктора Кэбота, застрелил вторую жертву, человека по имени Барри Гатт, скорее всего, потому, что тот пытался его задержать».

На секунду Вере показалось, что она ослышалась или неправильно что-то поняла. Но диктор продолжал:

«Доктор, опознанный его секретаршей сегодня утром, восемь лет назад приехал в Англию из Америки вскоре после того, как от лейкемии умер его сын. Доктор Кэбот был известен

своими независимыми взглядами. Он часто оказывался в центре внимания средств массовой информации благодаря своим неоднозначным высказываниям по поводу медицины и фармацевтической промышленности. В 1990 году он основал в Лондоне Центр нетрадиционной медицины».

Веру словно подбросило на месте. На экране телевизора появилась картинка: дом на Ноттинг-Хилл-Гейт, в котором жил Оливер. Парадное крыльцо и ступеньки затянуты брезентом; тротуар огорожен заградительными лентами. Вера увидела несколько патрульных машин и фургонов без надписей; из кузова одного фургона вылезал человек в белом спецкостюме.

Нет!!!

Где-то внутри словно открылась перемычка. Наверное, она спит и видит страшный сон. Кровь из нее как будто выкачали и заменили ледяной водой.

Нет. Только не Оливер! Господи, нет!

Вдруг она увидела знакомое лицо: симпатичное лицо мужчины лет тридцати. Она уже видела его раньше. Где? Внизу появилась подпись: «Доктор Кристофер Форестер. Гипнотерапевт». Доктор Форестер словно обезумел от горя. Вера вспомнила, где видела его. Он заговорил с Оливером в коридоре клиники. Они попросили разрешения на время зайти к нему в кабинет, после того как... как выглянули из окна и увидели, что за ними кто-то следит.

– Оливер был прекрасным человеком, – с трудом говорил доктор Форестер. – Не представляю, за что кто-то захотел его убить. Он посвятил жизнь помощи людям, он старался сделать нашу жизнь лучше.

Вера оцепенела от горя. В голове прокручивалась одна и та же мысль: «Пожалуйста, сделай так, чтобы с Оливером ничего не случилось».

На экране снова возник диктор:

«На убийце был костюм велосипедиста; он был в шлеме и с рюкзаком. Полиция ищет свидетелей, видевших вчера человека, подходящего под данное описание, в окрестностях Лэдброук-Гроув между половиной двенадцатого и половиной первого ночи».

На экране возник полицейский; хотя Вера напряженно вслушивалась, оказалось, что ей трудно сосредоточиться и она плохо разбирает речь.

Слова словно разлетались по комнате мимо ее головы. Полицейский говорил: преступление было совершено с особой жестокостью, однако рассуждать о мотиве пока рано. Полиция располагает приметам преступника; вскоре будет готов его фоторобот.

Картинка поменялась. Знакомые ворота дворца стормонта в Белфасте. Затем диктор произнес:

«Премьер-министр Тони Блэр прибудет в парламент Северной Ирландии к началу нового этапа переговоров с лидером ольстерских юнионистов Дэвидом Тримблом по поводу перемирия в Страстную пятницу».

Может, она что-то упустила?

С трудом, забыв о тошноте, она выбралась из постели, схватила пульт и переключилась на телетекст, затем включила раздел «Заголовки утренних газет». Вера даже не заметила, что на ней по-прежнему надето черное платье, в котором она была вчера вечером.

«Двойное убийство в районе Ноттинг-Хилл». Страница 105.

Из ванны вышел голый Росс. Он положил руку ей на плечи:

– Проснулась, милая! Как ты себя чувствуешь?

Не отвечая, она набрала на пульте нужные цифры.

– Возможно, – продолжал Росс, – мне придется поехать в Лондон. У одной пациентки, которую я прооперировал на той неделе, заражение крови. Баба поганая; не хватало только, чтобы такое случилось именно с ней... – Он помолчал. – Что ты ищешь?

На экране появились буквы:

«Полиция расследует дело о двойном убийстве в районе Ноттинг-Хилл. Погибли известный лондонский врач Оливер Кэбот и еще один мужчина. Стрельба началась вскоре после полуночи».

– Господи! – воскликнул Росс.

Вера бросилась к нему в объятия.

– Нет, – сказала она. – Это не он! Росс, кто мог убить его? За что? Не может быть, чтобы он умер!

Росс присел на кровать и взял в ладони ее голову. Вера истерически рыдала.

– За что кому-то было убивать его? – повторяла она.

Снова зазвонил телефон. Трубку поднял Росс. Сквозь рыдания Вера слышала, как он говорит:

– Томми? Уже знаешь? Леди Рейнс-Райли... просто невероятно... И о чем они там только думают? Как, черт побери, такое могло случиться? Я буду к половине одиннадцатого. Ладно, до скорого.

– Я не хочу умирать, Росс! – всхлипывала Вера.

– Ты не умираешь, ангелочек мой.

– Не может быть, чтобы он умер! Кто убил его? За что?

Он крепко обнял ее, поцеловал в мокрую щеку.

– Слушай, любимая, мне надо ехать в Лондон. Директор клиники созывает экстренное совещание. У нас серьезные неприятности. Вернусь, как только смогу.

– Не уезжай! Пожалуйста, не бросай меня!

– Надо, ангелочек.

Она обвила руками его шею, в страхе прижимаясь к нему.

– Прошу тебя, останься!

– Я дам тебе успокоительное.

Он отпустил ее. Она обмякла; текст на экране телевизора превратился в размытое пятно. Кто-то с ирландским акцентом рассуждал о списанном оружии.

Вскоре вернулся Росс со стаканом воды. Он положил ей в рот таблетку; она послушно проглотила ее, запив водой. Потом еще одну.

– Давай-ка ложись обратно в постель. Я сам приготовлю Алеку завтрак.

– Росс, пожалуйста, останься со мной!

– Попрошу миссис Эпплбай прийти к нам и присмотреть за Алеком. – Миссис Эпплбай была вдовой, жившей неподалеку; она всегда с радостью сидела с ребенком.

Вера почувствовала, как он поднимает ее на руки, несет куда-то и укладывает на спину. В телевизоре человек с ирландским акцентом все еще что-то говорил.

Внизу залаял Распутин.

Потом наступила тишина.

– Мамочка!

Вера испуганно очнулась после глубокого сна и увидела, что рядом с кроватью стоит Алек. На нем была футболка с длинными рукавами – черная, с зелеными люминесцентными завитками. Сынишка прижимал к себе пластмассовую фигурку борца сумо без руки.

– Мамочка, когда мы поедem в «Леголенд»?

Занавески были раздернуты; дождь с такой силой хлестал по стеклу, что оно стало как будто матовым. Вера моментально вспомнила: случилось самое плохое.

– В «Леголенд»?

– Ты обещала, что сегодня мы поедem в «Леголенд». Ты обещала!

Вера посмотрела на часы: 12.25.

Она не сразу осознала, что произошло. Нет, не может быть... неужели она проспала все утро?

– Мамочка, ты обещала!

Она все вспомнила. *О господи!*

Оливер.

Умер.

Она беспомощно посмотрела на Алека. Голова кружилась. Ей необходимо несколько минут побыть одной, подумать.

Алек чуть не плакал.

– Мама, ты обещала, обещала!

Дрожа, она невидящим взглядом посмотрела на мальчика:

– Ты позавтракал, милый?

– Сто лет назад. Папа приготовил мне завтрак. Тост пригорел, а яйцо переварилось. И еще Распутинa вырвало в холле.

– Здорово!

– Миссис Эпплбай все убрала.

– Папа говорил, когда вернется?

– Он сказал, что тебе нехорошо. А сейчас тебе лучше?

Вера взяла сынишку за руку, сжала его запястье.

– Конечно, милый. Мне лучше, потому что я тебя люблю.

Алек задумчиво присел на кровать.

– Тебе станет лучше сегодня, и мы успеем в «Леголенд»?

Несмотря ни на что, Вера улыбнулась. И поняла, как отчаянно она

любит сына. Ради него она обязана держаться. Что бы ни было, она обязана позаботиться о том, чтобы у ее хрупкого, ранимого малыша было нормальное детство. Чтобы он был счастлив. Может, после того, как ее не станет, Алека сумеет вырастить мама?

– Когда точно тебе станет лучше? – допытывался Алек.

Вера снова улыбнулась. Иногда он так забавно выражается!

– Точно – через пятнадцать минут.

– Я есть хочу, а миссис Эпплбай говорит, что ей пора домой.

– Я что-нибудь тебе приготовлю, хорошо?

– Что?

– Сюрприз.

– Ладно. – Просветлев личиком, Алек спрыгнул с кровати и выбежал из комнаты.

Вера подошла к телевизору и снова переключилась на телетекст. Нашла список газетных заголовков.

«Двойное убийство в Ноттинг-Хилл».

Она набрала номер страницы, желая узнать подробности, но по сравнению с тем, что ей уже было известно, нового было мало. Зазвонил телефон. Росс сказал, что ему придется еще задержаться в больнице «Харли-Девоншир». Если он успеет, то постарается подъехать к ним в «Леголенд». Об Оливере он не сказал ни слова.

«Доволен, подонок?» – подумала Вера, вешая трубку. Она снова посмотрела на экран. В голову вдруг пришла дикая мысль. Может, это Росс играет с нею в одну из своих безумных игр? Послал фальшивую новость на телевидение ради того, чтобы помучить ее...

Несколько секунд она цеплялась за последнюю слабую, безнадежную соломинку. Потом вспомнила, что видела по телевизору утром сцену у дома, где жил Оливер, ограждение, полицейских. Она села на кровати, сжимая голову руками. По щекам градом катились слезы. Она пыталась осознать, что Оливера больше нет. Она никогда больше его не увидит.

Вера кое-как приняла душ, оделась, заплатила миссис Эпплбай, которая, как всегда, сначала долго отказывалась от денег, посадила Алека, сжимавшего свою игровую приставку «Гейм-Бой», на заднее сиденье «ренджровера» и пристегнула его ремнем. Завела мотор, включила «дворники», разложила на коленях карту и стала сообщать, как им лучше проехать в «Леголенд».

– Хочу писать, – заныл Алек. – Хочу писать – прямо сейчас!

Вера перевела передачу на «Вперед» и вдавила педаль акселератора в пол. Под колесами заскрипел гравий.

– Ничего, потерпишь.

– Ты не дала мне обед, и я очень, очень, очень голодный!

– Я тоже не обедала, так что мы с тобой оба голодные. – Вера взгляделась вперед и завернула с шоссе на узкую дорожку.

За спиной послышалось резкое, гнусавое пиканье. В зеркале она увидела мордашку Алека, сморщенную от сосредоточенности. Он играл в игру «Покемон», которую они купили ему в Таиланде.

– Мама, ты обещала мне сюрприз. Ты сказала, будет хороший сюрприз.

Она выехала на главную дорогу. На ветровом стекле появилась пленка грязи; дорогу впереди было еле видно. Сглотнув подступивший к горлу ком, она ответила:

– Боюсь, сюрприз заключается в том, что с обедом придется подождать. Сегодня утром у меня тоже был один неприятный сюрприз, поэтому у нас обоих воскресенье испорчено.

– Почему папа с нами не поехал?

– Потому что у него тоже неприятный сюрприз. А сейчас играй в свою игру.

После того как они проехали почти с час, Вера увидела впереди вывеску «Счастливого едока», заехала на стоянку, и они вошли в ресторанчик. Зал был переполнен; от запаха жареной картошки ее замутило. К ним подошла официантка и предложила им меню. Алек отнесся к выбору блюд со всей серьезностью. Он пожелал двойной бургер с ананасом и картошку фри. Вера сделала заказ, хотя и знала, что сынишка вряд ли съест так много. Себе она взяла только кофе. Хотя со вчерашнего обеда она ничего не ела, аппетита не было.

Алек продолжал играть в «Покемона». Справа от них сидела молодая парочка. Они склонились друг к другу над столом. Держались за руки. Влюблены. Слева сидел мужчина, читавший «Санди таймс». О двойном убийстве – ничего; подумала Вера, все случилось слишком поздно и еще не успело попасть в утренние выпуски газет.

У нее из головы не шло лицо Оливера. Она попыталась вспомнить его в квартире. Кто-то вломился в квартиру с пистолетом. Грабитель? Может, Оливер ему помешал и оттого его убили? В квартиру вломился какой-нибудь наркоман, которому не хватало на очередную дозу; ему нужны были деньги, и наплевать, что он убил одного из лучших людей на земле...

– Мамочка, почему ты плачешь?

Она заглянула в круглые, встревоженные глазенки мальчика, и ей стало еще хуже. Она встала, попросив официантку присмотреть за Алеком, быстро прошла в туалет, заперлась в кабинке и расплакалась.

Прошло несколько минут, прежде чем ей удалось более-менее прийти в себя и вернуться за столик. Алеку как раз принесли еду. Он сидел над тарелкой с бутылкой кетчупа в руке. Содержимое бутылки было и в тарелке, и на столе, и на его лице, рубашке, руках.

– Мама, крышка слетела. Я не виноват.

Пока Вера чистила его, он спросил:

– Ты плачешь потому, что с нами нет папы?

Она криво улыбнулась сынишке:

– Все в порядке, просто мне сегодня немного грустно.

– Ты сказала, что позвонишь папе; может быть, он к нам приедет.

– Вот сейчас и позвоню.

Вера поняла, что забыла свой старый мобильник. Какого черта? Теперь все не важно. Она порылась в сумочке, достала свой личный телефон и включила его. Прежде чем она начала набирать номер, пикнул индикатор «Сообщение». Она поднесла телефон к уху.

«Вера, привет, это Оливер. Позвони мне на мобильный, как только сможешь».

Она с трудом боролась с обуревавшими ее чувствами. Должно быть, он послал ей сообщение еще вчера, когда был жив. Она снова прослушала его. Голос подавленный. Может, он знал, что что-то не так, знал, что кто-то хочет его убить?

Может, он звонил, чтобы предупредить ее?

Ну почему, почему я не проверила голосовую почту вчера?

У нее снова закружилась голова. Встав с места, она сказала Алеку:

– Сейчас вернусь, милый. Доедай.

Она вышла, прислонилась к перилам крыльца. Ветер дул в ее сторону; лицо заливал дождь. Она прослушала сообщение в третий раз. Как только оно закончилось, телефон зазвонил. Вздвогнув, она нажала кнопку «Ответ».

– Алло?

– Вера?

Это был Оливер.

– Оливер? – Ее била крупная дрожь.

– Убили Харви, моего брата. Господи, Вера, какой ужас! Я... просто поверить не могу.

– Ты жив?! – с трудом выговорила она.

– Я жив.

– По телевизору... в новостях сказали, что...

– Харви, – повторил Оливер. Он плакал. – Господи, Вера, какой-то подонок убил моего брата!

– Сказали, что тебя.

– Как я рад, что дозвонился до тебя. Мне нужно поговорить с тобой, мне так хотелось услышать твой голос, Вера! Мне пора... полиция... О господи. Мы еще созвонимся?

– Да.

Он произнес что-то неразборчивое и нажал отбой.

Вера стояла на месте, прислонившись к матированному стеклу и глядя, как ее сынишка увлеченно ест. Она понимала, что нехорошо радоваться: убили Харви... и кого-то еще. Убили брата ее любимого – славного человека; она и сейчас живо помнит его. Она понимала, что воодушевлению сейчас не место.

Но ничего не могла с собой поделать.

По рельсам со скрежетом тащился товарный поезд, который направлялся в порт. Скрежет был громче, чем от рухнувших лесов.

Паук, в мятой белой футболке и кальсонах, лежал без сна на кушетке в своей тесной квартирке с голыми стенами.

Сквозь грязные, незанавешенные окна в комнату проникал серый свет. Телевизор в ногах кровати был по-прежнему, как и всю ночь, включен без звука. От тарелки, стоявшей на полу у кровати, воняло пригоревшим жиром. Рядом с тарелкой стояла жестянка колы; в нее был вдавлен окуроч «Мальборо».

Утро понедельника. Чувствовал он себя дерьмово. Севрула упорно отказывалась с ним разговаривать. Ни одно из объяснений, почему он кинул ее в субботу вечером, не сработало. Паук посмотрел на экран. Там показывали его фоторобот. Уже раз в десятый за утро. По каналу Ай-ти-ви, по Би-би-си-1, по «Скай», во всех новостях – черт бы их побрал.

Невероятно точное сходство.

Паук мрачно размышлял о том, что мечты о зеленой «субару-импреза», также как и мечты о женитьбе на Севруле, можно спустить в унитаз. Остается надеяться, что подонок дилер хотя бы вернет ему аванс.

Зазвонил телефон. Он снял трубку в надежде, что это Севрула.

Мужской голос произнес:

– Ах ты, козел! Придунок! Утренние газеты видел?

– Нет, – жалким голосом проскрипел Паук.

– Советую посмотреть. Говорят, ты угодил на первые полосы.

– Дядя, вам опасно звонить мне домой!

– За меня не беспокойся. Если бы у тебя в башке была хоть капелька мозгов да половина из них работала, ты бы, мать твою, сейчас не дома штаны просиживал, а залег бы на дно где подальше – желательно на другой планете. Ты все равно что вложил в кармашек пристреленным свою визитную карточку! Можно сказать, облегчил копам жизнь.

– Сходство не так уж и велико, – попробовал возразить Паук.

– Да? Сходство отменное, придунок! Копы скоро прочешут списки всех пташек, которые есть у них в компьютере. А за тебя к тому же назначили награду в пятьдесят тысяч фунтов. Что там за шум?

– Поезд, – пояснил Паук, сидя на краю кровати. Товарняк продолжал гроыхать. Здруг он встрепенулся: – Какая награда? Я ничего не слышал ни

о какой награде.

– У тебя, мать твою, нет таких источников информации, как у меня. Брат одного из двоих твоих застреленных, доктор Кэбот, вчера заявил копам, что назначает награду за твою голову. Копы без лишнего шума уже объявили о награде в нескольких местах, где собираются торговцы оружием.

– Почему без лишнего шума?

– Наверное, не хотят тебя спугнуть, Паук. Скорее всего, они вычислили, что у тебя и так хлопот хватает.

Паук вздрогнул. Пятьдесят тысяч фунтов – денежки большие. Достаточно большие, чтобы барыга, который продал ему пушку, поддался искушению...

Слишком большие, чтобы он отказался!

О, черт! А ведь «хеклер-кох» сейчас здесь, в его квартире. Он не хотел выкидывать пушку во время своего панического бегства по Лондону в ночь на воскресенье. Ему тогда хотелось только одного: оказаться как можно дальше от Лэдбрук-авеню. Тогда, добежав до противоположного конца парка, он украл велосипед и, бешено накручивая педали, проехал несколько километров. Вернуться за машиной, припаркованной всего в полутора километрах от дома Кэбота, он не осмелился, так как боялся, что весь район оцеплен. Он поехал прямо домой и не выходил оттуда до одиннадцати вечера следующего дня, когда голод выгнал его на улицу, в ближайшее кафе, где торговали едой навынос.

– Ты не говорил, что у него есть брат, – заявил Паук.

– Я про его родственников не в курсе.

Думая о «субару», Паук сказал:

– Я все равно могу выполнить заказ... только подбрось пару...

– Даже не мечтай. Послушай моего совета: убирайся оттуда немедленно. Исчезни!

Связь оборвалась.

Товарняк наконец прошел; во внезапно наступившей тишине стены вокруг него стали сдвигаться, комната сжалась; его квартира стала похожа не на дом, а на тюремную камеру.

Ни мыться, ни бриться нет времени. Паук торопливо оделся, то и дело спотыкаясь и не попадая ногами в штанины. Он старался четко представить, что ему нужно взять с собой и куда пойти.

К Севруле?

А если она его прогонит?

Он сунул «хеклер-кох» поглубже в брючный карман. Гребаной

турецкой красотке придется усвоить: он, Паук, не признает слова «нет».

Во время приема у Росса зазвонил телефон. Он снял трубку и, кивнув пациентке в знак извинения, сказал:

– Да?

– Вас спрашивает мистер Кейвен.

– Пусть запишется на прием, как все остальные.

– Он говорит, у него срочное дело.

– У остальных тоже.

– Вид у него взволнованный.

Что-то в голосе секретарши тронуло его.

– Я смогу принять его на две минуты после того, как закончу с миссис Аивайн.

Когда пациентка ушла, в кабинет вошел частный сыщик с сумкой для ноутбука в одной руке и коричневым конвертом – в другой. Лицо у него было бледное, как будто он не спал ночь; от него воняло сигаретным перегаром. Росс закрыл дверь. Сесть своему посетителю он не предложил.

– Лучше бы у вас были хорошие новости, – заявил он. – Утро у меня выдалось то еще.

Кейвен протянул ему коричневый конверт, глядя сурово, словно обвиняя. Внутри конверта, похоже, находилась коробка, в которой что-то гремело. Со своим певучим ирландским акцентом сыщик сказал:

– Мистер Рансом, когда вы меня нанимали, то просили фотографии. Думаю, вам стоит кое на что взглянуть.

Росс вынул из конверта коробку. Там оказалась видеокассета.

– Что там записано? – спросил он, хотя уже знал ответ.

– У вас есть где это посмотреть?

Росс бросил взгляд на часы, открыл шкафчик, в котором находились телевизор и видеомагнитофон, и поставил кассету. И он, и его посетитель, оба стоя, начали смотреть запись.

Запись была черно-белая, не слишком хорошего качества, однако все было видно достаточно четко. Запись делалась широкоугольной скрытой камерой и показывала большую квартиру в мансарде. Вначале было темно. Потом внезапно, когда сработала вспышка, стало светлее, и Россу стало все видно четче. В квартиру с улицы входил человек, похожий на доктора Оливера Кэбота.

Когда он шел по коридору, из двери за его спиной показалась фигура –

низкорослый мужчина или женщина в маске и велосипедном шлеме, с рюкзаком за спиной. В одной руке фигура держала пистолет с глушителем, в другой – что-то черное.

Словно услышав, как его окликнули по имени, человек, похожий на Оливера Кэбота, обернулся. Фигура ринулась вперед и прислонила черный предмет к плечу Кэбота. Кэбот, спотыкаясь, сделал несколько шагов и рухнул на спину.

Росс и Кейвен молча смотрели, как фигура волочет бессознательную жертву по полу. Тащить пришлось недалеко; нападавший усадил Кэбота, прислонив его спиной к дивану, и выстрелил ему в лоб. Фигура тут же скрылась за той дверью, откуда она появилась. Вскоре убийца вернулся с фонариком. Он поспешил к входной двери и вышел из квартиры.

Росс, бледный как смерть, повернулся к Кейвену.

– Можете выключать, – кивнул Кейвен. – Здесь просто небольшой фрагмент, который я переписал специально для вас.

Росс, дрожа, подошел к письменному столу, взял телефон и позвонил секретарше.

– Люсинда, несколько минут я буду очень занят. Держите оборону!

Потом он сел за стол. Внезапно из него словно выкачали воздух.

Кейвен вытащил кассету, убрал в коробку, а коробку сунул обратно, в коричневый конверт.

Россу понадобилось все его самообладание, чтобы не выпалить: «Я же предупреждал засранца Ронни Милуорда, что квартира под наблюдением! Господи, я же его предупреждал!»

Ему удалось промолчать. Он молча оглядывал кабинет, стараясь не встречаться глазами с детективом. Ему не хотелось смотреть тому в глаза, не хотелось давать маленькому нахальному ирландцу ни малейшего шанса с помощью жестов догадаться о том, что у него на душе.

Хью Кейвен присел на диван, а конверт положил на подушку у себя за спиной. Прошло несколько секунд.

– Мистер Рансом, – заговорил частный сыщик, – вам известно, что такое бритва Оккама?

– Никогда о ней не слышал. А что? Я, как хирург, должен знать, что это такое?

– Уильям Оккам был философом четырнадцатого века. Он считал, что научное познание основывается на опыте и самоочевидных доказательствах. Он верил в Аристотелев постулат: не нужно искать сложностей, кроме тех случаев, когда это абсолютно необходимо. Его принцип получил название «бритва Оккама». Он заключается в

следующем: любую проблему следует излагать в основных и простейших терминах. В науке следует выбирать простейшую теорию, в которую укладываются все факты данной проблемы.

– Пожалуйста, объясните мне то же самое в другой форме, понятной для меня.

– Конечно, мистер Рансом. Обычно простейшее объяснение и является верным.

– И какое это имеет отношение к тому, что мы только что видели?

Кейвен сложил ладони, оглядел кабинет, словно искал жучки, и ответил:

– Человека никогда не убивают без причины. В девяноста процентах случаев убийцей оказывается близкий родственник. В оставшихся десяти процентах иногда мотивом бывает ограбление, но в данном случае из квартиры ничего не пропало. Кроме того, если бы преступник собирался просто обчистить квартиру, ему незачем было бы казнить жертву – ведь он уже оглушил хозяина электрошокером. – Кейвен откашлялся. – Вы подозреваете, что у доктора Кэбота интрижка с вашей женой. Для подтверждения своих подозрений вы нанимаете частного детектива. Брата доктора Кэбота, которого можно принять за его близнеца, хладнокровно убивает, судя по всему, профессиональный киллер. Харви Кэбот – хороший человек, выдающийся ученый, счастлив в браке. У него нет очевидных врагов. Зато у Оливера Кэбота есть враг, которому есть за что его ненавидеть и устранить.

Росс растянул губы и покачал головой, однако в его улыбке не было ничего веселого.

– Мистер Кейвен, если я правильно вас понял, вы собираетесь меня шантажировать. Надеюсь, что у вас хороший адвокат. Вы уже совершили два серьезных преступления, когда установили свои камеры наблюдения: вам могут инкриминировать несанкционированное проникновение в чужую квартиру и нелегальную слежку. Уверен, следя за доктором Кэботом, вы нарушили и ряд других законов. Я бы не советовал вам дополнять список своих нарушений нелепой попыткой шантажа. А теперь убирайтесь из моего кабинета и из моей жизни.

Кейвен не шелохнулся. Очень тихо он сказал:

– Мистер Рансом, в ночь с субботы на воскресенье убили и второго человека; его застрелили в прихожей. Он был одним из моих агентов, одним из лучших, с кем мне довелось работать. Он увидел, что случилось, и попытался вмешаться. Понимаю, вы сейчас рассержены, но вы и представить себе не можете, насколько зол я. Доктора Кэбота вы даже не

знали. Барри Гатт был шафером у меня на свадьбе.

– Вон! – Росс подошел к двери. – Пришлите мне счет. Не желаю вас больше видеть.

– Вы лучше успокойтесь, мистер Рансом. Нам нужно поговорить о...

Росс рывком распахнул дверь и вытолкнул детектива в коридор, крича:

– Убирайся к черту из моей жизни!!!

Он хлопнул дверью с такой силой, что со стены отлетел кусок штукатурки.

Паук долго размышлял и наконец решил: дядя Ронни его просто запугивает. Паниковать нет причины. Он стоял над раковиной, тщательно намыливая подбородок; рядом, в мойнице, дымил окурок. По телику показывали очередное уродское кулинарное шоу – Паук ненавидел кулинарные шоу. Он напряженно подсчитывал в уме. Если назначили награду, значит, полиция узнала о ней самое раннее вчера, в воскресенье. Им необходимо распространить слух о награде через сеть информаторов по барам и пабам. По воскресеньям слухи циркулируют медленно. Почти никто не знает, где он живет. Да, положение аховое, но чтобы опасность грозила ему прямо сейчас? Нет, не может быть.

Наверное, гребаный фоторобот изготовили со слов того придурка, который заперся в квартире. Паук горько сожалел о том, что позволил придурку сорваться с крючка.

Он провел лезвием вниз, сбрав левую сторону тонких, как у Чарлза Бронсона, усиков, скрывавших неумело зашитую заячью губу. Эти усики подробнейшим образом воспроизведены в фотороботе.

Севрула говорила, что никогда не встает раньше одиннадцати. Если он заявится к ней, когда она еще будет валяться в постели, вот она удивится. Может, без усиков он не так ей понравится – ее проблема.

Фоторобот еще не все; нельзя вынести человеку приговор только на основании фоторобота. Тот голый придурок и видел-то его всего каких-нибудь несколько секунд – в полночь, в темной прихожей. Примет ли суд в расчет его показания? По крайней мере, в одном Паук был уверен точно: отпечатков он не оставил. Правда, эксперты сейчас наострились: могут привлечь на основании крохотной ковровой ворсинки у тебя на подошве. И еще больше проблем создает анализ ДНК; для доказательства достаточно капли пота или волосяной луковицы. Но самая большая проблема – пушка.

Надо избавиться от пушки.

Первым делом, во что бы то ни стало. Сейчас пистолет лежал на кровати; он видел его в зеркало. Тяжелый, блестящий «хеклер-кох» темнеет на простыне; от него до сих пор пахнет порохом. В магазине недостает пяти пуль.

Лучше всего отправить его в Ла-Манш. Ночью, в темноте, выкинуть за борт с парома. Навсегда. Но за паромами сейчас наверняка следят. Пушку надо выбросить так, чтобы ее никогда не нашли и никогда не установили

связь между стволом и пулями, обнаруженными в доме на Лэдброук-авеню.

И пусть стукачок, у которого он купил пушку, бежит в полицию в поисках обещанных пятидесяти тысяч. Пока не найдут «хеклер-кох» и не установят, что пули были выпущены именно из данного оружия, против него нет ни одной улики!

Неожиданно в голову закралась по-настоящему черная мысль.

Способен ли сам дядя Ронни заложить его за пятьдесят кусков?

Нелепая мысль... он ведь выполнял для него столько заказов. Он для дядюшки дороже каких-то паршивых пятидесяти тысяч. Нет, он ни за что...

Но дядя Ронни славится своей вспыльчивостью. Ему пришлось покинуть Англию после одного спора в пабе, который закончился трагически: дядя Ронни пристрелил человека на глазах у тридцати свидетелей. Как было написано в одном заголовке, «ХЛАДНОКРОВНОЕ УБИЙСТВО». А еще Паук вспомнил бюст в холле роскошного особняка дяди Ронни в Чигуэлле; бюст одного древнего греческого типа по имени не то Атриум, не то Ариус. Дядя Ронни, бывало, похлопывал бюст по бронзовой голове и рассказывал Пауку: однажды тот древний тип поссорился с родным братом. И знаешь, как он отомстил? Убил детей брата, собственных племянников, и подал ему зажаренными на пиру.

Дядя Ронни считал, что тот долбаный грек поступил как герой.

В детстве Паук довольно долго боялся чем-нибудь разгневать дядю Ронни. Он боялся до ужаса, что, если он огорчит дядюшку, тот и его зажарит и подаст на ужин с гарниром. Повзрослев, он понял: дядя Ронни, когда выходит из себя, способен на что угодно.

Постепенно до Паука дошло кое-что еще. Он крепко обломался: сначала пристрелил не того, потом ухлопал внизу второго мужика. Но его облом угрожает не только ему самому: Ронни Милуорд потерял лицо перед клиентом. И вот это уже серьезно.

Из-за него дядюшка оказался в дурацком положении.

Вера расплатилась с таксистом, сунула швейцару монету в один фунт, вошла в фойе отеля «Триумфальная арка» и, с трудом пробившись сначала через толпу японцев, которые могли бы составить население небольшого городка, затем через громадную груды чемоданов, поднялась в переполненном лифте, зажата между двумя мощными американками в мешковатых шортах.

Она вышла на десятом этаже, посмотрела по указателю, куда идти, повернула направо и вскоре нашла номер 927. Она негромко постучала и стала ждать. Где-то звонил телефон.

Дверь открыл Оливер. Он был босиком, в мятом темно-синем свитере и джинсах. Вере показалось, что вся его фигура стала какой-то мятой и сморщенной; небритое лицо изможденное, серое, под глазами черные круги, щеки ввалились, волосы всклокочены. Сначала он просто стоял и невидящим взглядом смотрел на нее, как будто его глаза потеряли связь с мозгом.

Вера была потрясена. Оливер предстал перед ней живым воплощением горя.

– Вера! Как хорошо, что ты пришла.

Она обвила его шею руками: ей захотелось защитить его, утешить. Ей необходимо было увериться, что перед ней не привидение.

– Бедный ты мой, – сказала она, крепче прижимая его к себе. – Боже, бедный ты мой!

Они долго стояли молча; ее лицо прижималось к его груди, его руки поглаживали ее по спине. От его дыхания со лба сдуло прядку волос.

– Вера, – прошептал он, – скажи, что я ошибся, скажи, что ничего не было. – Голос его сорвался и зазвенел от гнева: – Кто мог его убить? Здесь, в Лондоне... считается, что здесь безопасно. Харви был прекрасным парнем. Все его любили. Кому понадобилось убивать его?

У самой Веры голова распухла от вопросов, которые она хотела задать ему, но не сейчас. Сейчас им обоим необходимо немного успокоиться. За спиной у нее зазвенели столовые приборы и посуда: мимо проехала тележка официанта, за которой тянулся аромат бекона.

Не выпуская друг друга из объятий, они перешли в номер, и Вера захлопнула дверь ногой. Потом подняла голову и заглянула в серые печальные глаза Оливера. Его взгляд проникал ей в самую душу. Они так

тесно прижимались друг к другу, что она чувствовала глухие удары его сердца.

Ими овладело возбуждение; и они молча опустили на пол. Губы Оливера были мягкие, нежные, влажные. Вера целовала его, прильнув к нему всем телом. Все вокруг вдруг погрузилось во мрак и начало кружиться: стены, шторы, стулья, столы. Мимо проносились тени, потом предметы и вовсе исчезли – потому что она утонула в темно-карих, почти черных глазах Оливера.

Запустив руки ему под свитер, Вера гладила, ласкала его мускулистую спину. Оливер потянул ее блузку, расстегнул юбку...

Вера порывисто вздохнула, когда его руки принялись поглаживать ее живот; пальцы скользнули под пояс и стали спускаться ниже... коснулись нежного треугольника между ног, зарылись в волосы. Не в силах больше ждать, она потянула за ремень его джинсов, расстегнула пуговицу и потянула вниз язычок металлической «молнии». Потом начала стаскивать с него джинсы и трусы, жадно вдыхая пряный аромат его тела... зарылась лицом в густые, блестящие волосы на лобке; потом взяла в руки его копье – прекрасное, невероятное, твердое как камень. Она поглаживала его вкрадчивыми, мягкими движениями, чувствуя, как напряжено тело Оливера, и вслушивалась в его учащенное, хриплое дыхание. Затем она прижалась губами к влажной головке – такого ей еще не доводилось испытывать. Она впервые видела обнаженное оружие другого мужчины, прикасалась к члену другого мужчины, вдыхала аромат другого мужчины... Сейчас все было по-другому. Оливер прекраснее Росса – он лучше всех, он неподражаем.

Она потянула вверх его свитер, начала целовать живот, затем соски; пока он стягивал с нее трусики, она дразнящими движениями ласкала его кончиком языка. Так и не раздевшись до конца, Вера помогла ему войти в себя, шепча его имя. Он обхватил ее лицо руками, целовал ее лоб, щеки, глаза. Весь мир сейчас превратился для нее в непокорные седые волосы, темно-карие глаза и теплое мятное дыхание.

Вере захотелось остановить мгновение, навек остаться с Оливером Кэботом: он так глубоко проник в нее, что она словно стала его частью. Вера снова тихо прошептала его имя. Она навеки связана с ним, очарована, околдована, окутана им. Она закрыла глаза, опять открыла. Невозможно поверить, что все это происходит на самом деле, что они здесь, наедине друг с другом. Чувствуя приближение взрыва, она закрыла глаза, молясь, чтобы все происходящее не оказалось сном, чтобы на лице Оливера подольше оставалось выражение счастья, чтобы миг их близости длился

вечно!

Оливер тоже был близок к финалу; она чувствовала, как он растет в ней; она старалась оттянуть момент наслаждения, задержать, продлить его. Его руки крепко держали ее, прижимали к себе; в нее словно переливалось его безумное отчаяние, смешанное с такой же безумной радостью, как будто наступил именно тот момент, та единица времени, ради которой они оба до сих пор жили, и здесь было единственное место, где их судьбы переплелись.

Она снова позвала его по имени, дрожа всем телом; по его телу тоже прокатилась дрожь, учащенное дыхание громом отдавалось у нее в ушах.

Потом они лежали молча, не разжимая объятий. Веру объял покой! Она и забыла, что так бывает.

Пружинистое виниловое кресло было слишком низким, и оттого Россу было неудобно. Как будто он смотрит на психиатра со дна глубокого ущелья.

Внешне доктор Дэвид Де Витт скорее напоминал не врача, а архитектора – или, может, литературного критика. Долговязый лысеющий человек лет сорока с небольшим, в мятом коричневом вельветовом костюме, черной рубашке, галстук, при виде которого сразу вспоминался Джексон Поллок, и грязных кроссовках. Не убирая своей вечной оптимистичной улыбочки, он слушал Росса так, словно тот рассказывал анекдот и подбирался к самой соли.

Весь его кабинет ужасно раздражал Росса. Из-за своей нелепости комната была похожа на розыгрыш, дурацкую шутку, предназначенную только для своих. Внешне обширный дом времен Регентства в ряду таких же домов в квартале «Маленькая Венеция» представлял собой поблекшее величие: облупившаяся краска, крошащиеся ступеньки, ржавые декоративные львы. Внутри дом был со вкусом модернизирован элегантной женой Де Витта – кроме его кабинета, который, похоже, декорировал орангутан-дальтоник при помощи краски из баллона.

Стены имитировали леопардовую шкуру, потолок был фиолетовым, с пятнами еще более яркого розового цвета, ковер – оранжевым; с металлического офисного шкафа свисал ядовито-зеленый резиновый паук. Почти все поверхности были завалены шаткими грудками папок, квитанций, книг и журналов. Новичок, попавший в кабинет впервые, возможно, решил бы, что доктор Де Витт только что вселился сюда, но Росс уже был здесь лет пять назад и помнил, что тогда кабинет выглядел точно так же.

Пять лет назад Де Витт консультировался с ним по поводу младшего сына, Ника, которому в то время было пять лет. У мальчика было врожденное уродство: огромный хоботоподобный нос. В школе мальчика так ужасно травили, что он отказывался выходить из дому. После нескольких операций Россу удалось исправить дефект, и теперь, по словам отца, Ник прекрасно ладит со сверстниками.

Психиатром он был высококлассным; его не обходили вниманием СМИ, и у него были обширные связи. Отчасти потому Росс так дорожил знакомством с ним. Другой причиной была специализация Де Витта: он считался светилом среди пациентов с различными физическими

уродствами. Но главным образом, к доктору Де Витту обращались самые обыкновенные с виду люди, которые либо были недовольны собственной внешностью, считая себя уродами, либо стремились к какому-то недостижимому идеалу. Иногда Де Витт переправлял своих пациентов к Россу, чтобы тот убедил их в том, что внешность менять не нужно.

– Хорошо мы с тобой повидались в субботу, – сказал Де Витт. – Отличный ужин. Особенно приятно мне было встретиться с Майклом Теннентом – раньше я не был с ним знаком лично. И твой друг, главный констебль, мне тоже понравился. – Помолчав, он добавил: – Мне очень жаль Веру.

– Да.

– Ты сказал, у нее болезнь Лендта?

Росс кивнул.

– Но есть ли хотя бы искорка надежды? Как насчет того нового лекарства?

– Нам остается только надеяться...

– Что, не помогает?

Хорошо отрепетированным движением Росс словно проглотил подступивший к горлу ком.

– Нет. – Он достал носовой платок и вытер глаза.

– Извини. Она такая милая. Если я чем-то могу вам помочь... Мы с Викки так обязаны тебе за все, что ты сделал для Ника.

– Спасибо. – Росс притворился, будто с трудом берет себя в руки. – Вообще-то, Дэвид, ты угадал: я приехал к тебе за помощью. И спасибо тебе большое за то, что ты сумел так быстро меня принять.

– Мне повезло: один пациент отменил визит.

Глядя на Росса Рансома, Дэвид Де Витт видел дорого одетого мужчину примерно одного с собой возраста, очень стильного. Только Росс ухитрился до завтрака заработать больше, чем он сам – за целый день. Нет, Дэвид не завидовал своему посетителю; но ему казалось, что должна быть какая-то компенсация: у хирургов неудачи должны случаться чаще, чем у психиатров, или они должны быть менее счастливы в личной жизни или плохо спать по ночам. В жизни, конечно, так не бывает. Пластические хирурги гребут деньги лопатой; они одеваются как преуспевающие банкиры и безумно обаятельны. Дэвид Де Витт был искренне признателен Россу – после всего, что тот сделал для маленького Ника. До Росса он побывал еще у двух пластических хирургов, и те уверяли его, что исправить уродство его сына невозможно. А Росс не побоялся риска; он сделал Нику три большие операции, а с его родителей не взял ни гроша.

Сейчас же он явно очень расстроен и подавлен.

Взгляд Де Витта приковало белое пятно на письменном столе. Записка от жены, Викки. Она будет дома поздно и напоминала, чтобы он не забыл разогреть в СВЧ-печи ужин для детей. А он как раз и забыл! Пять часов, дети уже, наверное, дома. Поскольку, по мнению Викки, ее работа главного консультанта в фирме «Прайс Уотерхаус Купс» куда важнее, чем его работа психиатра, она, видимо, вправе была ожидать, что муж в нужное время прервет прием и поставит еду в микроволновку, хотя управлять ею он так и не научился.

– Росс, у тебя есть микроволновка?

– Микроволновая печь? – переспросил Росс, удивленный этим не относящимся к делу вопросом.

Де Витт кивнул.

– Да. А что?

– Помоги, будь другом! Мне надо разогреть ужин для детей, но еще никогда не удавалось заставить печку сделать то, что нужно.

Росс следом за хозяином спустился в полуподвальный этаж, где находилась кухня. Видимо, правда то, что все говорят о мозгоправах: они все полностью спятили.

На кухне вовсю орал телевизор; Росс старательно обходил валявшиеся на полу игрушки. Психиатр показал ему микроволновку, и Росс принялся внимательно изучать панель управления. Прочитав записку жены, Де Витт сказал:

– Шесть минут на номере два. Если сумеешь совладать с кнопками, значит, ты можешь управлять космическим кораблем. Итак, расскажи, чем я могу тебе помочь?

Росс дождался, пока они снова не поднялись наверх, в кабинет, закрыли дверь, чтобы никто не мог их подслушать. Тщательно подбирая слова, он начал:

– Ты здорово всех потряс, когда высказал свое отношение к пересмотру Акта о психическом здоровье! В понедельник я слышал твое выступление в программе «Сегодня». А вчера читал твою статью в «Таймс».

– Да, по-моему, только врачи имеют право решать, кто является душевнобольным и кого следует изолировать от общества. Говорунам политиканам нужно держаться от нас подальше. Они занимаются только тем, что подсчитывают, во сколько обходится содержание пациентов психбольниц. Они не учитывают, что обществу придется нести гораздо более серьезные расходы в том случае, если таких больных выпустят на

свободу.

– То есть ты полагаешь, что медики должны занять более агрессивное, наступательное отношение по отношению к психически больным?

На лице психиатра снова появилась его оптимистичная улыбочка.

– Агрессивное?

– Ну, пожалуй, я употребил сильное слово. Скажем, более активное.

– Росс, почему тебя так занимает отношение общества к душевнобольным? В чем твой интерес?

– Я как раз подхожу к сути. – Росс нарочито помрачнел. – Понимаешь, Дэвид, Вера... – Он позволил голосу дрогнуть. – Болезнь затронула ее мозг... Ты ведь сам видел, ради всего святого! – Он всхлипнул, как бы подавляя сдерживаемое рыдание. – Извини. Я так ее люблю!

– Понятно.

– Ужасно наблюдать, как твоя любимая сходит с ума. Никто и представить себе не может, что это такое, пока сами не пройдут через испытание. А Вера... несмотря на то, что фирма «Молю-Орелан» присылает ей лекарство... Ничего не помогает, потому что она не принимает капсулы.

– Но почему? Почему?

– Думает, что я хочу ее отравить. Вместо того, чтобы лечиться как следует, она ходит к какому-то поганому целителю-альтернативщику.

– Какого рода целителю?

– Он занимается всем подряд. Гомеопатией, акупунктурой, психотерапией, гаданием по куриным желудкам – в общем, чем угодно.

– Росс, – Де Витт посерьезнел, – и что я, по-твоему, могу для тебя сделать?

– Мне требуется твоя помощь. Огромная услуга, Дэвид. Возможно, тебе мой план не понравится, но он – единственный шанс спасти ее жизнь. Иногда для того, чтобы быть добрым, приходится проявлять жестокость.

Вера лежала рядом с Оливером. Одна его рука обнимала ее, пальцы другой гладили ее по спине. Она вдыхала его аромат и всякий раз, когда моргала, слышала шорох ресниц, соприкасавшихся с подушкой. Интересно, о чем он сейчас думает?

Сквозь двойные матовые стекла в номер проникали приглушенные звуки лондонского утра: отдаленный гул машин, сигнализация, скрежет отбойного молотка, крики. Она не знала, который час; собственно говоря, ей было все равно: Алека заберет из школы мать его одноклассника; он останется в их доме до тех пор, пока Вера за ним не заедет.

Она не помнила, чтобы когда-либо раньше испытывала нечто подобное, чтобы ей было так хорошо, покойно. Наверное, ей следовало бы испытывать раскаяние оттого, что она лежит в постели с чужим мужчиной, однако сейчас это казалось ей самым естественным, прекрасным и успокаивающим состоянием.

– Я твой врач, – негромко проговорил Оливер. – Предполагалось, что я буду тебя лечить, а не спать с тобой.

– По-моему, ты только что меня исцелил, – прошептала она. – Мне лучше. Никогда еще мне не было так хорошо.

Он поцеловал ее в глаза; от постели шел пряный, мускусный запах любви. Она глубоко вдохнула.

– Ты только что пустила по ветру восемь лет celibата, – сказал он.

– Настоящее уголовное преступление.

– Что – нарушение обета безбрачия?

– Нет. Целибат для такого любовника, как ты.

В ее мозгу молнией мелькнуло: «Мы не предохранялись!» Однако она не расстроилась, а, наоборот, обрадовалась.

Она снова поцеловала Оливера, и он улыбнулся в ответ, но тут же его лицо омрачилось. Он по-прежнему смотрел на нее, но больше ее не видел: словно он смотрел какой-то фильм, который раскручивался у него в голове, или путешествовал в параллельном мире, в котором Харви Кэбот был еще жив – возможно, находился в Швейцарии и делал доклад о ядерной физике, а не лежал в морозильнике морга, вскрытый полицейским патологоанатомом, с биркой на большом пальце ноги.

Вера закрыла глаза и попыталась отыскать свой параллельный мир или вселенную, куда она могла бы провалиться и увидеть обновленную версию

себя, другую Веру Рансом, которая только что занималась любовью с Оливером Кэботом. Веру Рансом, которая была полностью здорова, а не умирала от страшной болезни. Веру Рансом, в чей организм не впивается банда свирепых бобовидных амёб. Она пыталась отыскать параллельный мир, где она бы прожила много лет и увидела взрослого, женатого Алека, увидела бы внуков. Мир, где она могла бы строить жизнь с человеком, в чьих объятиях она сейчас лежит и с кем ни за что не хочет разлучаться.

– Я люблю тебя, – сказала она.

Оливер сжал ее плечо в молчаливой признательности.

Она спросила:

– Тебе тяжело возвращаться домой?

– Домой? – Его голос звучал как будто издалека.

– В квартиру на Лэдброук-авеню.

– Место преступления.

До Веры не сразу дошел смысл его слов.

– Значит, тебя просто не пускают туда?

– Весь дом опечатан. Мне разрешили ненадолго подняться в квартиру в сопровождении полицейского – забрать кое-что нужное. Сказали, я смогу вернуться домой не раньше чем через неделю. Правда, не знаю, захочу ли я возвращаться.

– Ты... то есть у них есть версии, кто мог убить Харви?

– Если они и подозревают, то меня в известность не ставят.

– Кем был тот, второй?

– Частным детективом. Несколько лет назад имел пару приводов за хулиганство. Раньше служил вышибалой, кажется в ночном клубе. В общем, что называется, со дна жизни. Трудно понять, что связывало его с Харви. – Оливер выпустил ее руку и приподнялся. – Полицейские говорят, возможно, преступник обознался. По всем признакам, там действовал профессиональный киллер. Меня спрашивали, есть ли у меня враги.

Глаза их встретились; на Веру словно напозла огромная тень. Да, подобная мысль пришла ей в голову сразу после того, как она вчера увидела новости.

– Росс вспыльчив, – сказала она, – но вряд ли он...

– Я вовсе не имел в виду... – начал было Оливер, но Вера перебила его:

– Несколько лет назад Росс купил дробовик, потому что нам угрожало нашествие кроликов – они пожирали траву и рыли газон. Но стреляет он очень редко и только по кроликам.

– Вера, послушай, я вовсе не собирался...

– В первую минуту я как раз подумала о нем. Но я хорошо его знаю. Он способен превратить мою жизнь в ад и бить меня, но вряд ли способен убить человека. Он врач, причем врач от Бога. Пару месяцев назад у него на столе умерла пациентка; когда он приехал домой, он плакал. В душе он ребенок, ребенок, которому всегда не хватало любви.

– Большинство психопатов – это люди, которых недолюбили в детстве.

– Только не Росс. – Вера покачала головой. – Он может быть каким угодно, но я не думаю, что...

Оба замолчали; они чувствовали себя не столь свободно, как несколько минут назад. *Почему я защищаю Росса?* Вера вспомнила, как тот рыщет по дому, выискивая беспорядок, запугивая ее и Алека. Росс всегда был фантастически ревнив, но с Оливером он перешагнул через край. Хотя она и в самом деле не уверена, что он способен убить человека.

Но почему ей так кажется? Потому что так и есть на самом деле?

Или потому, что так проще?

Росс стоял в телефонной будке на Марилебон-Хай-стрит. Его окружали наклейки и визитные карточки с телефонными номерами шлюх.

«Сакки: восточное наслаждение – чувственный массаж».

«Мисс Строгая. Дисциплина».

«Девятнадцатилетняя блондинка датчанка. Недавно в Лондоне».

На последней карточке значилось имя Керстин; судя по фотографии, лет ей было отнюдь не девятнадцать, а хорошо за тридцать, и ее бюст зазывно торчал вовсе не благодаря Господу или хорошим генам. На взгляд Росса, ее силиконовые прелести были сработаны одним знакомым хирургом, которого он невысоко ценил; тот занял прибыльную нишу, задешево увеличивая груди на потребу любителям сексуальных фантазий.

В трубке послышались гудки; через несколько секунд мужской голос ответил по-испански.

– Я хочу поговорить с сеньором Милуордом, – медленно проговорил Росс. – Передайте, что я звоню из Англии, и я недоволен. Он поймет, кто я.

– Секундочку. Подождите, пожалуйста.

Слабый треск. Росс сунул в прорезь автомата монету в один фунт и услышал отчетливый голос Ронни Милуорда:

– Да... Кто там?

– Я.

– Ага. Я так и подумал. – По крайней мере, гангстеру хватило ума не называть его по имени. – Парень облажался, и его ловят. Что я могу сказать?

Росс думал о двадцати пяти тысячах фунтов, которые он перевел на банковский счет Милуорда в Цюрихе. А еще он думал о докторе Оливере Кэботе, который теперь волен сколько угодно трахать его жену и отравлять ей сознание.

– Что ты намерен в связи с этим предпринять? – спросил он.

– Напрасно ты не упомянул, что у него есть брат, – укоризненно заметил Милуорд. – Все не вышло бы так печально.

- По-твоему, я сам виноват?
 - По-моему, в случившемся виноваты обе стороны.
 - То есть?
 - Я с удовольствием доделаю дело, но как насчет вознаграждения? У меня было много расходов.
 - Очевидно, ты не слишком-то потратился на предварительную разведку. Не уверен, что сейчас разумно доделывать дело.
 - Переждать несколько недель? Посмотреть, куда ветер дует?
 - Да, наверное. Но если я решу отменить операцию, ты вернешь мне деньги полностью.
 - Я так не работаю.
 - Я тоже.
 - Что ж, переждем несколько недель. Ты знаешь, где меня найти.
 - Лучше оставайся на месте.
 - Думаешь, я пушусь в бега ради твоих двадцати пяти кусков? Да я ради них и из кровати не вылезу.
- Вдруг связь прервалась. Сначала Росс подумал, что Ронни Милуорд обозлился и швырнул трубку. Потом он сообразил, что забыл опустить следующую монету.

В крошечную однокомнатную квартирку Паука на верхнем этаже можно было попасть по узкой наружной лестнице, которая вела от парадной двери, зажатой между букмекерской конторой и китайским рестораником. Дверь выходила на главную улицу, где всегда было много людей и машин. Улицу населяла гремучая смесь индусов, пакистанцев, выходцев из стран Карибского бассейна. Правда, в последнее время в их квартале селилось все больше сербов.

На каждом углу можно было купить дозу; наркотики продавали маленькие, крепко сколоченные банды. Чуть поодаль стояли дозорные; они подавали сигналы руками, как «жучки» на скачках. В таком квартале все лавки по ночам закрывались металлическими решетками. Здесь никто не совал носа в дела соседей, а люди имели обыкновение ходить быстро, глядя прямо перед собой. Неосторожный взгляд, брошенный на незнакомца, мог повлечь за собой ножевое ранение. Низкая плата за жилье, частые переезды жильцов; у полиции в таком квартале всегда найдутся дела. Здесь полно более крупной рыбы, способной заинтересовать копов больше, чем он.

Но только не сегодня.

Паук, в тренировочном костюме, с рюкзаком в одной руке и ключами в другой, вышел на лестницу, закрыл за собой входную дверь и сразу все понял.

Синяя бейсболка. Синий комбинезон.

Все ясно.

На мгновение он оцепенел.

Сотрудники Особого отряда могли затесаться в любую толпу, как хамелеоны, но благодаря ярко-синим бейсболкам и комбинезонам они легко узнавали друг друга.

Внутренности у Паука сдавило, словно веревкой.

Бейсболки возвышались над толпой и приближались к нему. *Господи ты боже мой! Вся их поганая свора. Они выжидают.*

Черт, черт, черт!

С довольно близкого расстояния послышался громкий голос, усиленный мегафоном:

– Брось рюкзак на землю! Брось рюкзак!

Какая-то тень надвинулась на него; темное лицо под темным козырьком.

Голос стал громче, он оглушал:

– БРОСЬ РЮКЗАК!

Паук отступил назад, хлопнул дверью, услышал громкий скрежет и увидел полоску света, бьющую из-за косяка, – там, где коп навалился на дверь всей своей тяжестью. Задвижка шевельнулась; медь растягивалась, как эластичная.

Паук повернулся, кинулся вверх по лестнице. Он оказался на площадке второго этажа, когда услышал, как дверь внизу распахнулась настежь.

Теперь ему казалось, будто с ним разговаривают стены.

– Полиция! Мы вооружены! Дом окружен. Выходи, подняв руки вверх!

Паук летел вверх через одну-две ступеньки. Шарик в голове крутились с бешеной скоростью. Он пытался сосредоточиться. Пожарная лестница? Нет! Его подстрелят снизу. Выхода нет. Он рванул по направлению к своей комнате, кое-как вставил ключ в замок, повернул, распахнул дверь, захлопнул ее за собой, придвинул к двери кровать, на нее взгромоздил маленький комод, потом – откуда только силы взялись – придвинул туда же телевизор и холодильник.

В дверь замолотили:

– Полиция. Откройте!

Паук рванул из рюкзака «хеклер-кох», спустил предохранитель. Дверь подавалась; от нее отлетали щепки. Ножки кровати заскользили по полу. Паук навалился на нее всей своей тяжестью, двинул ее вперед, выиграв несколько драгоценных сантиметров. Потом бросился назад, к окну, высунулся и посмотрел вверх и вниз.

Синие бейсболки. Три копа, один, с ружьем, – под сигнализацией, другой с ружьем за бетонным столбом, третий стоит на открытом месте, за сетчатой оградой, расставив ноги, и целится прямо в окно. Дверь открывалась все шире; ножки кровати царапали древний линолеум.

Паук сунул пистолет под футболку и рывком поднял сдвижную раму. Теперь в него целились два ружья с телескопическими прицелами, а в прицелы смотрели два самых лучших – черт бы их взял! – снайпера.

Правда, Паук знал: копы не откроют огонь, если он не выстрелит первым. Они не посмеют, особенно когда кругом столько народу.

Ты еще можешь выкрутиться, Паук, только думай, черт тебя подери, думай!

Ножки кровати снова заскрипели.

– Полиция! Мы вооружены! Откройте!

Он рывком вылез из окна, затем выпрямился в полный рост на сгнившем подоконнике. Подняться наверх по кирпичной кладке? Для него

– пара пустяков: полно отверстий и щелей, куда можно просунуть пальцы. Внизу загредел еще один мегафон:

– Сдавайся! Ты окружен! Спускайся вниз!

Как бы не так, вашу мать!

Выломав кусочек бетона, который мешал подниматься, Паук сунул пальцы в образовавшуюся щель, подтянулся на руках, нащупал ногой выступ чуть выше оконной рамы. Надо забраться повыше – и побыстрее. Он пополз вверх, цепляясь за водосточный желоб. Напрягая все силы, снова подтянулся на руках. Снизу послышался голос, кричали уже из его квартиры:

– Стоять!

Он карабкался вверх, по крутой двускатной крыше. Из-под ног сыпались куски черепицы. Крыша была мокрая после дождя и скользкая как черт. Левая нога соскользнула, Паук перенес вес тела вперед и, упав, больно ушиб колено. Потом снова поднялся, почти на самом верху, схватившись сначала за поднятую стальную мачту радиоантенны, затем за спутниковую тарелку. Голубь, сидевший совсем рядом, продолжал как ни в чем не бывало чистить перышки. Вдруг он тревожно дернул головой и улетел.

Паук тоже поднял голову. Мразь! Он услышал стрекотание за секунды до того, как увидел вертолет, кружащий над крышей серого бетонного муниципального многоквартирного дома в конце улицы. Затем вертолет рванул вперед, прямо к нему. От ветра, поднятого винтами двигателя, на нем зашевелилась одежда; пыль с черепичной крыши запорошила глаза.

Кружит прямо над ним.

Паук поднял голову. Сверху на него было направлено ружейное дуло. На солнце сверкнули линзы оптического прицела. И еще один мегафон, у него над головой:

– Вы окружены вооруженным отрядом полиции. Медленно спускайтесь вниз. Если вы спуститесь, вам не будет причинен вред. Повторяю: вы окружены полицейскими снайперами. Если вы спуститесь, вам не будет причинен вред.

Вы, мать вашу, так или иначе не причините мне вред, и нечего брать меня на пушку!

Внизу завывали сирены. Паук побежал по гребню крыши. В лицо ударил ветер, поднятый вертолетными винтами, он мешал бежать, тормозил его. Шум двигателей был такой, что он едва не оглох. Взглянув вниз, направо, он увидел главную улицу, странно тихую. В центре образовался огромный пустой полукруг; рядом толпились зеваки, которым

не терпелось поглазеть на интересное зрелище, но которые не готовы были умереть из-за своего любопытства. Из кузова полицейского фургона выпускали двух овчарок.

Слева сады, потом проволочная изгородь и железнодорожная ветка. Поле. Собаки мигом его догонят, если только он не переберется через ограду. Но даже и с той стороны он будет на земле, то есть на одном уровне с собаками. Здесь у него преимущество высоты. Впереди улица заканчивалась стеной, за которой находилось бетонное офисное здание. В голове смутно забрезжил план спасения: взобраться на стену, влезть в здание через окно, в какой-нибудь кабинет, взять заложника. Внизу имеется хорошо знакомая ему парковка – пару раз он угонял оттуда машины.

Только бы попасть туда! В то здание. Вниз, на парковку. Добраться до Севрулы.

Над головой загремел мегафон:

– Спускайся!

Он взглянул вверх и, в эту единственную долю секунды, не почувствовал треснувшей черепицы, которая раскололась пополам, когда он опустился на нее всей тяжестью. Левая нога заскользила вниз. Он споткнулся и почувствовал, что из-под футболки высовывается «хеклеркох».

Нет!!!

Отчаянно вцепившись в пистолет обеими руками, пытаясь нащупать ногами опору, Паук не заметил, как подался другой кусок черепицы, под правой ногой. Он упал ничком и беспомощно съехал вниз по крутой мокрой крыше. Куски черепицы пролетали мимо лица. Он обдирает руки, пытаясь удержаться. Потом ударился подбородком о выступ водосточного желоба, но каким-то чудом сумел ухватиться за него одной рукой и повиснуть в воздухе. Сначала ему показалось, что все будет нормально, что желоб его выдержит и он сумеет снова подтянуться. Но не выдержали крепления в старой кирпичной кладке; громко вскрикнув, Паук полетел вниз, прямо на крышу стеклянной теплицы.

Он ударился о крышу лицом, проломил ее и рухнул навзничь на помидорную грядку. На секунду боль пересилил резкий, влажный запах помидорной рассады, потом вверху сверкнуло что-то, похожее на громадную прозрачную птицу, – это большой кусок разбитого стекла рухнул на него с крыши. Паук не успел даже закричать: стеклянная панель упала ребром ему на шею, перерезав яремную вену и сонную артерию.

Он ощутил медный привкус во рту. С губ сорвалось слабое, еле слышное бульканье. В ответ послышался собачий лай, и вот над ним

показалось то, что он увидел последним в жизни: морда овчарки.

Собака не поняла, что он мертв. Просто ей что-то не понравилось.

Моряки называют такое место «морской комнатой». Вокруг тебя со всех сторон открытое море. Можно дрейфовать в любом направлении, не беспокоясь ни о скалах, ни о мелях, ни о земле. Хью Кейвен называл такое место «комнатой для размышлений». Именно сюда он всегда приплывал, когда необходимо было поломать голову над той или иной проблемой.

Нос «Леди Сэнди» то вздымался вверх, то падал на волнах; далеко позади, к западу от кормы, находился шлюз. Нефтехранилища, прибрежные нефтеперерабатывающие заводы, подъемные краны, зернохранилища, склады, яхт-клубы и электростанции растаяли в серо-черной дымке. В шкафчике у него под ногами, в водонепроницаемой целлофановой обертке хранились лоцманские карты прибрежных вод. Он наизусть выучил все названия, нанесенные на них: остров Кэнви, Черная Грязь, Чистота, остров Зернышко, Низина, остров Шеппи, Маплиновы Пески и еще с дюжину. Здесь можно плавать всю жизнь и обнаружить лишь крошечную долю имен и названий, нанесенных на карту.

Дома у Кейвена была книга Эрнеста Хемингуэя «Старик и море»; он считал ее самой трогательной книгой на свете. Иногда, сидя здесь, он воображал себя Сантьяго, решительным, отважным и упрямым стариком, который отчаянно сражается с акулами ради спасения своего прекрасного марлина и сохранения хотя бы частичной победы. Может быть, в жизни всегда именно так и бывает: победа никогда не бывает полной, можно наслаждаться лишь какой-то ее долей.

Кейвену было жаль, что Хемингуэй, при всей своей мудрости, сам покончил с собой: раз уж человек такого острого ума не справился с трудностями, что говорить о других?

Сегодня ему необходимо было побывать здесь, в устье Темзы, в своей крепкой маленькой обшитой внакрой лодочке, оставив между собой и привычным миром как можно более широкое водное пространство. Сэнди он сказал:

– Мне надо сплавить в «комнату для размышлений».

Она его поняла.

Сейчас, чувствуя на губах вкус соли, обоняя успокаивающие запахи бензиновых выхлопов, водорослей, брезента и канатов, слушая монотонное гудение навесного мотора «Ямаха», смешанное с плеском воды, он понемногу оттаивал. Ненависть к Россу Рансому отступала.

Кейвен сидел спиной к корме; в лицо ему дул легкий ветерок. Руками он крепко держался за румпель подвесного мотора, переводя взгляд от компаса на нактоузе к спокойному морю перед носом и на синий переносной холодильник с жестянками пива «Гаффри» и бутербродами, стоящий у него между ногами, а потом снова поднимал голову и озирал удочку, ящик с наживкой, рыболовный сачок и багор.

В холодильнике имелось и кое-что еще: мастер-кассета с записью того, как человек в тренировочном костюме стреляет в брата доктора Оливера Кэбота. Единственную копию кассеты он оставил в кабинете Росса Рансома. Кейвен был совершенно уверен в одном: даже если хирург до сих пор не уничтожил кассету, она хранится в таком месте, где ее никто не найдет.

Над носом лодки рассыпалась водяная пыль, словно крошки льда. Хью Кейвен залюбовался зрелищем. Водяная пыль была такой холодной, свежей – она завораживала. Потом он повернул голову и взглянул на корму: в кильватере за ним оставался след, похожий на коричневый валун. Иногда бывало: сзади неожиданно возникали громадные нефтеналивные танкеры или сухогрузы, и душа от страха уходила в пятки. Но сейчас за кормой никого не было, кроме нескольких чаек, которые вились над водой, да полузатонувшего рангоута почти на горизонте.

Кейвен снова посмотрел вперед, сосредоточившись на буйке примерно в одной морской миле впереди, и на большом корабле милях в пяти отсюда, который шел вверх по течению. Вдалеке, справа по борту, неторопливо разворачивался, описывая широкую дугу, полицейский катер. Больше не о чем беспокоиться. По крайней мере, здесь.

Глубина тоже значения не имеет; однако Кейвен все же взглянул на эхолот «Орел», прикрепленный к нактоузу под компасом. Тридцать пять морских саженей. По маленькому зеленому монитору все время бежало изображение морского дна, и каждые несколько секунд на экране возникала виртуальная рыбешка, одного из трех различных размеров. Она проплывала слева направо. Он купил эхолот себе в подарок на день рождения, чтобы знать, где проходят косяки рыбы, но до сих пор изображение на экране было для него откровением.

Подумать только, еще на прошлой неделе он радовался взбалмошному клиенту. Тогда ему казалось: закончив дело, он, наверное, сумеет модернизировать свою лодку. А сейчас ему предстоят тяжелые времена: из подонка хирурга нелегко будет вытряхнуть лишний грош сверх полученного задатка. Но о вытряхивании денег ему сейчас думать как раз и не хотелось.

Погиб его агент, Барри Гатт. У него осталась вдова, Стеф, и тройняшки – результат лечения от бесплодия. После родов ее эндокринная система совсем разладилась, и у нее развилась депрессия. Стеф хватало на то, чтобы ухаживать за тройняшками и кое-как управляться по дому, но и только. Ей обязательно нужны деньги.

А Барри нужна справедливость.

Но...

Большое но. Установка видеокамер в квартире доктора Кэбота – уголовно наказуемое деяние.

Он мог бы заработать кругленькую сумму, продав видеозапись какой-нибудь телекомпании или в бульварную газетенку. Картинки что надо! Вырученные деньги можно передать Стеф Гатт, и, хотя Барри не вернешь, деньги хотя бы немного скрасят ей жизнь. Но только обнародовать такую запись – все равно что разворошить пчелиный улей. Полиция моментально выйдет на покупателя и потребует выдать продавца.

Он, Хью Кейвен, сейчас между молотом и наковальней, и чем больше он думает, тем менее ясным становится решение.

Впереди вода почернела; по щеке мазнули капли дождя. Он поднял голову к асфальтово-черному небу. Когда-нибудь он купит себе лодку с рулевой рубкой. Хью Кейвен застегнул «молнию» на спасательном жилете «Генри Ллойд» с теплой подстежкой, натянул на уши зеленую рыбацкую фуражку, опустил козырек, и стал смотреть вперед, помня о буйке. Он заранее изменил курс на несколько градусов, чтобы отойти от буйка подальше. Впереди замаячила громада сухогруза, но он не представлял собой опасности: пройдет где-то в километре справа по борту. Кейвен сверился с новым курсом – 92 градуса – по компасу. Есть. Звякнул спущенный якорь.

Он должен отдать запись в полицию. Соккрытие улики – преступление более тяжкое, чем проникновение в чужой дом и незаконное видеонаблюдение. При данных обстоятельствах он, вполне вероятно, отделается одним только выговором. Но он сидел. С него не снята судимость.

Да, копам его визит будет на руку.

Что, если они попробуют осложнить ему жизнь? Несколько раз он, работая, перебежал им дорогу; при желании они могут здорово попортить ему кровь. Будут настаивать на том, чтобы он выдал им имя Росса Рансома. Кто-нибудь наверняка позаботится о том, чтобы история просочилась в газеты. И тогда можно навсегда распрощаться с остатком гонорара.

А если не ходить в полицию?

Возможно, эксперты, которые осматривают место преступления, и обнаружат камеры, хотя и вряд ли: они будут искать следы на полу и стенах, на мебели. Посмотрят ли они наверх? Будет ли у них повод? А если даже и поднимут головы, обнаружат ли крошечные глазки камер?

Сегодня утром он получил по голосовой почте сообщение от некоего детектива Ансона, который продиктовал номер телефона полицейского управления и пару других телефонов. Он до сих пор не ответил на звонок. Нельзя звонить, пока он не решил, что говорить. Вот еще один хороший повод для того, чтобы уплыть подальше от берега.

Он поступил глупо, заявившись к Россу Рансому в кабинет и показав ему запись. На что он, черт побери, надеялся? Вытянуть из клиента признание? Вполне возможно, хирург виновен. Кейвену нравилась мысль о том, что его клиент мог заказать доктора Кэбота. Психика у него расшатана: получил записи, уличающие жену в неверности, и нанял киллера. А что? Вполне в его духе.

Сейчас, вдали от суши, за буйком, он в безопасности. Ветер утих; дождь только моросит. На часах ровно три. Через час начнется промежуток между приливом и отливом. Кейвен выключил мотор, закрыл крышку бензобака, вскрыл банку с пивом и отхлебнул кремовую пену, которая с шипением поднялась наверх.

Потом он закурил сигарету, впустил в легкие волну сладкого дыма. Лодка мягко покачивалась на волнах; вода тихо плескала по корпусу. Над головой крикнула чайка. Хью Кейвен наблюдал, как поверхность воды вокруг него рябит от капель дождя.

Внутренний голос советовал: «Держись от него подальше, Хью. Ты можешь расплатиться со Стеф и по-другому, не ища приключений на свою задницу. Росс Рансом – хитрая сволочь. И пропадешь ты, а не он».

Докурив сигарету, он принял решение. Открыл переносной холодильник, достал кассету.

Его охватили сомнения. Он снова вспомнил слова той песни Дилана, слова про дороги. Сколько их, дорог? Сколько дорог ему придется пройти? «Господи ты боже мой, – подумал Кейвен, – я не знаю ответа».

На кухонном столе лежал номер «Дейли мейл». На первой полосе – крупный заголовок:

«Подозреваемый в двойном убийстве разбился насмерть при падении».

На телеэкране Барт Симпсон стоял на сцене в лучах света и что-то пел. Алек, в красной футболке с длинными рукавами, положив локти на стол, с ложкой и вилкой в руках, сдавленно хихикал. По его руке ползли спагетти.

– Алек, – ласково сказала Вера, – милый, убери локти со стола и положи ложку и вилку. – Она снова перечитала репортаж в «Дейли мейл». Никак не могла оторваться.

Алек не обратил на ее слова никакого внимания.

Вера отвлеклась от чтения.

– Алек!

Он по-прежнему игнорировал ее.

Она выключила телевизор.

Историю перепечатали все газеты; она стала новостью номер один. Врачи скорой не смогли спасти мужчину, который истек кровью. Далее шли другие, более свежие новости.

– Мама!

– В постель!

– Мамоchка, но ведь ты всегда разрешаешь мне досмотреть «Симпсонов»!

Вера встала, схватила сынишку за руку и рывком вытащила из-за стола.

– Куда подевались твои хорошие манеры? Воспитанные люди не смотрят телевизор за едой.

– Но ты сегодня приехала за мной поздно. Я всегда ужинаю, а потом смотрю.

– Не позволю тебе класть локти на стол, а потом не обращать внимания на мои замечания.

– Ты тоже сегодня опоздала. Я не мог посмотреть...

– Сегодня я опоздала потому, что была на важном совещании. Мы пытаемся помешать уничтожению окрестной природы. Это одна из

маминых обязанностей.

Личико Алека искривилось, и он заплакал.

– Я не слышал, когда ты говорила мне про локти!

– Нет, черт побери, все ты прекрасно слышал!

– Нет, черт побери, ничего я не слышал!

– Не ругайся.

– Сама не ругайся!

На площадке она схватила сына за плечи, стараясь подавить душивший ее гнев. «Срываюсь на ребенке, – подумала она. – Срываю на нем раздражение, потому что вчера мне пришлось уехать от Оливера домой, вместо того чтобы провести с ним целый день».

Срываюсь на собственном ребенке! Господи! Успокойся. Возьми себя в руки.

Она увидит Оливера утром. Но до утра слишком долго ждать.

Вере хотелось поскорее уложить Алека. Тогда она позвонит Оливеру, как обещала. Сегодня ей лучше. Нет тошноты, нет странного чувства отделенности от собственного тела. Голова ясная; она даже была способна сосредоточиться на заседании комитета, несмотря на то, что оно сильно затянулось.

Вчера, после того как они любили друг друга, Оливер настоял на том, чтобы немного поработать с ней: гипноз и визуализация. После сеанса она чувствовала себя отдохнувшей и бодрой, хотя и не знала, чему обязана своей бодростью: любви, гипнозу, просто тому, что была с Оливером, или травяным капсулам, которые он ей дал и велел принимать каждые три часа. Собственно, ей было все равно. Вера твердо знала одно: впервые за много недель ей было хорошо целые сутки подряд. Она была в норме.

«Я справлюсь с болезнью, – подумала она. – Истреблю всех поганых бобовидных амёб до одной».

– Мама, ты сама ругалась. Да, ругалась! Я хочу посмотреть «Симпсонов».

Внизу, в холле, взволнованно залаял Распутин.

Алек рыдал и топал ногами.

– Я хочу посмотреть «Симпсонов»!

– В следующий раз, когда мама велит убрать локти со стола, ты уберешь их со стола, понимаешь?

– Я не виноват, что ты опоздала!

Скрип открываемой парадной двери. Голос Росса. *О боже!*

Сердце ушло в пятки. Какого черта он делает дома?

Убирайся! Уезжай в Лондон. Оставь меня в покое. Росс никогда не

приезжал домой вечером во вторник. Сколько внимания он вдруг начал ей оказывать! Смешно. Много лет она просила мужа почаще бывать дома, но в нужную минуту его никогда не оказывалось рядом: он был то в Лондоне, то за границей, то работал, то выступал на конференциях. А сейчас вдруг стал другим – любящим и заботливым Россом. Вера едва не закричала: «Убирайся из моей жизни!»

– Вера! Милая!

Росс стоял у подножия лестницы, прижимая к груди такой громадный букет, что почти сгибался под его тяжестью.

Алек с унылым видом затрусил вниз.

– Папа, мама не разрешает мне смотреть «Симпсонов». Барт проходил прослушивание, и теперь я не знаю, отобрали его или нет!

Сверху Вера увидела, как Росс положил букет, поднял Алека на руки и поцеловал.

– А почему мама не разрешает такому большому парню смотреть «Симпсонов»? – Подняв к ней лицо, он улыбнулся.

– Потому что... – Алек вытер глаза рукавом футболки. – Потому что я ее не послушался...

Росс опустил сынишку на пол.

– Алек, – сказала Вера, – поцелуй папу на ночь, поднимайся и иди в ванную.

Не обращая внимания на ее слова, Алек продолжал:

– Папа, я правда ее не слышал – честно.

– Иди наверх и прими ванну, – сказал Росс. – А потом я зайду и почитаю тебе перед сном. Договорились?

Сначала мальчик надулся, потом задумался. Успокоился. Иногда отец оказывал на него странно умиротворяющее действие. Он мог заставить его сделать то, чего Вера не могла добиться. Алек мрачно кивнул. Затем, раздражающе медленно, как будто нашел единственный способ отомстить ей, начал подниматься по лестнице, еле волоча ноги, останавливаясь на каждой ступеньке, поворачиваясь кругом и не спеша наступая на следующую.

На полдороге она окликнула его:

– Ты сегодня кормил Спайка?

Малыш виновато раскрыл рот. Остаток пути он проделал бегом, спеша накормить хомяка. Вера стояла и смотрела сверху вниз на мужа.

Он поднял цветы:

– Вот что я тебе принес.

– Спасибо, – без выражения произнесла она и нерешительно начала

спускаться. У него в руках зашуршали газетная и целлофановая обертки. Она наклонилась и понюхала цветы. Орхидеи она узнала сразу, но в букете были еще какие-то экзотические растения; вряд ли она когда-либо видела такие. – А вон те, длинные, как называются?

– Названия не помню, но стоят, черт их побери, целое состояние.

– Пойду поставлю их в воду.

– Судя по цене, их надо бы держать не в воде, а в шампанском.

Он зашел в кухню следом за ней.

– Рада, что я приехал?

– Нечего сказать, сюрприз.

– Надеюсь, приятный?

Она заткнула слив раковины затычкой, отвернула холодный кран и стала оглядываться в поисках подходящей вазы. Росс подошел к ней сзади, обнял за талию, потерся носом о шею.

– Как насчет шампанского? Старого доброго «Пола Роджера», которое так любил Уинстон Черчилль? Надо отпраздновать.

– Что празднуем?

– Что мы победим ту заразу, которая в тебе сидит.

Она заметила: он пробежал взглядом по газетному заголовку. Наверняка он читал в «Таймс» о том, что погиб убийца доктора Харви Кэбота. Или слышал новость по радио в машине. Однако он ни словом не обмолвился о происшедшем.

– Что новенького о твоей пациентке, которой стало плохо – леди Рейнс... как ее там?

– Плохо. Менингоэнцефалит. Ее муж угрожает мне и всем остальным судом.

– Она подцепила заразу в клинике «Харли-Девоншир»?

– Вполне возможно. Три дня назад диагностирован случай заражения тем же штаммом. Никто точно не знает, как подобная инфекция проникает в больницу. Бактерии могут находиться в системе кондиционирования, в воде – где угодно.

– Клинике это повредит? – Вера не знала, зачем спрашивает; ей было все равно. Жизнь с мужем уже ушла для нее в историю. Ей важно было отвлечь его от своей шеи.

– Нет.

– Если, конечно, больше не будет подобных случаев?

– Вряд ли такое возможно, – со значением заявил Росс.

Вера нашла вазу, вытряхнула оттудадохлого паука, налила воды, сполоснула. Потом снова налила воду.

– Почему ты так думаешь? Если уже было два случая заражения инфекцией и никто не знает, как больные заразились, разве можно быть уверенным, что других случаев не будет?

– Достану из погреба бутылку «Пола Роджера». – Росс отошел от нее.

– Что бы тебе хотелось поесть? – спросила она вдогонку. – Себе я собиралась приготовить только салат с тунцом. Может, достать что-нибудь из морозилки – бараньи отбивные, пиццу?

– Мы куда-нибудь съездим, чтобы ты не готовила.

В его голосе послышалось нечто – совсем неуловимо – странное. Почти как если бы сейчас дома был не сам Росс, а его двойник, который превосходно играл его роль.

– А как же Алек?

Росс посмотрел на часы:

– Няню нанимать поздновато. – Он нагнулся у двери, ведущей в погреб, и бросил второй взгляд на часы. – Да, придется, наверно, поужинать дома. Только не волнуйся насчет еды. Мы выпьем и славно поболтаем. Сейчас спущусь в погреб – у нас еще осталась бутылочка урожая восемьдесят третьего года.

Вера посмотрела на наручные часики. Без пяти семь. Потом взглянула на кухонные часы. То же самое. Росс фанатично требовал, чтобы все часы в доме показывали одинаковое время. Она обещала позвонить Оливеру в семь. Он огорчился из-за гибели главного подозреваемого. Днем Вера поговорила с Оливером: полиция сообщила ему некоторые факты, неизвестные средствам массовой информации. На одежде покойника обнаружили следы пороха, говорившие о том, что он недавно использовал огнестрельное оружие. При нем нашли пистолет того же калибра, что и пуля, убившая Харви Кэбота. Сведения о мужчине хранились в архиве полиции. Он дважды сидел в тюрьме: один раз подростком за разбойное нападение, второй раз – за угон машины. Известно, что у него были обширные связи в преступных кругах.

По словам Оливера, полицейские уверены в том, что он и есть убийца, но они пока не видят связи между Харви и вторым убитым, Барри Гаттом. Им неизвестен мотив преступления, однако они по-прежнему считают, что Харви убил профессиональный киллер.

Оливер огорчился из-за того, что подозреваемый погиб. Ему нужны были ответы, объяснения и, впоследствии, правосудие. Он боялся, что теперь, после смерти подозреваемого, полиция перестанет так же тщательно расследовать дело.

Вера крикнула в погреб:

– Съезжу в магазин – совсем ненадолго! Посмотрю, что из рыбы есть в «Теско». Может, привезли морских гребешков...

Росс, топоча ногами, вышел из погреба:

– Не надо никаких гребешков. Поем салата с тунцом: мне полезно немного похудеть. Давай расслабимся, ради бога! Не так давно ты жаловалась, что у нас никогда нет возможности посидеть вместе вечером и выпить по бокальчику. Пойдем в библиотеку, выпьем шампанского и отдохнем. Да?

– Сейчас достану красивые бокалы. – Вера старалась скрыть разочарование. – Кажется, у нас есть баночка оливок с анчоусами. Хочешь?

– Почему бы и нет? Пойду сниму галстук.

В спальне Росс снова взглянул на часы. Семь. Он открыл шкафчик в ванной и снял с полки коробку из-под туалетной воды «Одержимость». Он быстро произвел подсчеты в уме. Сейчас самое главное – все правильно рассчитать.

И отмерить нужное количество. Это тоже очень важно.

До самого длинного дня в году оставалось две недели. Обычно Вера любила начало июня, когда весна неожиданно оборачивалась летом, когда в саду деревья были в цвету, яркие краски, все расцветает, в теплице у нее начинают созревать помидоры, можно выкапывать нарциссы, а кабачки выставляют вверх цветки, как флаги. В это время года в воздухе словно разливалось обещание грядущего счастья. Такое спокойствие! И в такие дни буйного празднества природы почти невозможны мрачные мысли.

Но сегодня мысль о зиме расстроила Веру, как никогда раньше. Она боялась того, что лето скоро кончится, а следующего она уже не увидит.

– Твое здоровье, – сказал Росс.

Через окно эркера за его спиной Вера наблюдала за тем, как серая белка взбегаёт по стволу большой старой березы. Некоторые называют их «древесными крысами». Дрянное создание царапало кору на стволе; теперь береза может заболеть и даже погибнуть. Семейство белок наносило большой урон их деревьям. Может, Россу стоит их пострелять – но как можно решать, кого убивать, а кому сохранить жизнь? Что ценнее – береза или белка? Все относительно. Что важнее для планеты? Белка не понимает, что наносит вред, – как те амёбы, что вгрызаются в ее центральную нервную систему.

Все хотят выжить. Жизнь. Непрерывная пищевая цепочка. Смешно, но ее почему-то совсем не радует: она, мыслящее человеческое существо, стоящее на вершине пищевой цепи, не более чем поганая столовая для миллиардов безмозглых амёб.

– Эй! – позвал ее Росс. – Вера, милая, эй! Привет! Твое здоровье! Ты где?

Она отогнала свои мысли прочь и, чуть улыбнувшись, подняла бокал.

– Гарантирую, лучшего шампанского ты в жизни не попробуешь, – заявил он.

Вера отпила глоточек. Росс оказался прав: шампанское оказалось превосходным, с богатым, насыщенным вкусом. Какого черта? Она отпила еще, чуть больше. Может, шампанское поднимет ей настроение. Оливер внушал ей, как важно мыслить позитивно и постоянно – с самого момента пробуждения – быть решительно настроенной победить проклятых амёб.

– Отличное, – кивнула она.

Восьмой час. Ей хотелось поговорить с Оливером. Завтра она снова

его увидит. Завтра... она надеется, что они снова займутся любовью. Ей хотелось лежать с ним в постели, прикоснуться к его коже, почувствовать его внутри себя. Она понимала, что Оливер ей во много раз ближе Росса. Как будто она знала его лучше, чем когда-либо знала Росса. Она должна, во что бы то ни стало должна поговорить с ним сегодня. Если повезет, Росс уйдет поработать к себе в кабинет, пока она будет готовить ужин. И тогда она сумеет позвонить...

Росс лучезарно улыбнулся:

– Какая ты красивая! Я уже давно не видел, чтобы ты так хорошо выглядела. Теперь ты понимаешь, что таблетки действуют?

Вера промолчала.

Росс протянул ей оливки. Она взяла одну, прожевала, наслаждаясь остро-соленым вкусом анчоуса, и выпила еще шампанского. После соленой оливки шампанское показалось еще вкуснее, богаче; она почувствовала, как оно играет у нее в жилах, как поднимается настроение.

О нет!

Совсем слабый толчок – и вдруг все изменилось. Как будто комната вдруг превратилась в купе поезда, который мчит по кругу. Все накренилось, но так незаметно, что, наверное, ей только кажется. Вера осушила бокал до дна. Ей вдруг захотелось впустить в себя спиртное, почувствовать, как она пьянеет, заводится, расслабляется.

– Вот так, до дна!

– У тебя озабоченный вид, – заметила она.

– У меня?!

И голос у него стал какой-то странный. *Ты и в самом деле Росс?*

– Почему бы тебе не выкурить сигару? – предложила Вера. – Странно видеть, как ты пьешь, а сигару не куришь.

– У шампанского слишком тонкий букет. Сигара убьет его.

– Чушь собачья! – возразила она.

Он ухмыльнулся, и Вера поняла, что тоже улыбается во весь рот, как чеширская кошка, и смеется. *Господи, я поехала! С одного бокала!*

– Ты не Росс, – заявила она. – По-моему, ты чужак, который с виду похож на него. Тебя прислали сюда, чтобы меня напоить.

И вдруг он начал таять, превращаясь в жидкость, и стек лужицей на стул. В голове появилось странное чувство, как будто кто-то пытается – очень медленно, но настойчиво – вращать в черепе ее мозги. Ему это удалось: сейчас она видела только внутренность своего черепа, как пещеру, неровные выступы на стенках, изогнутую чашу, затем странные очертания розового уха, солнечный луч, который слабо проникал через спиральный

туннель.

Потом способность видеть глазами вернулась. Замечательно! Похоже было на то, как если бы ее мозг покоился на крутящемся столике для закусок – кажется, его называют «лентяйка Сьюзен». Она могла по своему желанию произвольно вращать его. Вращать до тех пор, пока глаза не оказывались на затылке. Хихикая, она сообщила Россу, что у нее глаза на затылке.

Росс вернулся в твердое состояние. Он затвердел, но был еще не слишком тверд по краям. Там, где контуры его фигуры встречались с воздухом, Вера видела ярко-оранжевый свет. Он выглядывал из окна.

– Ты что, автобус ждешь? – спросила она. – Или поезд?

Вдруг она задрожала, так как ее накрыла с головой паника. Она снова очутилась вне своего тела. На сей раз не на потолке, просто оторвалась от своих внутренних органов. Бестелесна. Она услышала голос, который мог быть ее собственным, хотя она не была в том уверена. Голос сказал:

– Росс, я чувствую себя очень странно.

Он по-прежнему смотрел в окно.

Я умерла. Так вот почему он не поворачивается. Я умерла, и он не может меня слышать.

Она проверила себя, проговаривая слово за словом, вслушиваясь и пытаясь определить, слышен ли ее голос. Она не была уверена, в состоянии ли она шевелить губами, но, обдумав все как следует, решила, что в состоянии.

– Росс, – позвала она. – Пожалуйста, помоги мне! Это снова случилось... то, что тогда... прошу тебя!

К дому подъехала машина. Такси. Казалось, оно не едет, а скользит по воздуху. Внизу лаял Распутин, но Вера его не видела. Она позвала пса; ей хотелось, чтобы он вбежал в библиотеку, хотелось увидеть Распутина, понять, что он настоящий, а она не умерла и пес не явился ей только в воображении.

– Росс, я умерла?

Он не повернул головы. Просто вышел из комнаты так, словно и не слышал ее.

Голоса. Как болтовня на вечеринке с коктейлями. Собачий лай. Вере захотелось выйти и присоединиться к ним, но она боялась оставить здесь свое тело – что, если, вернувшись, она его не найдет? А может, кто-то заберет его, решив, что она умерла, прежде чем ей удастся объяснить, что она жива – то есть не совсем, но все-таки...

– Росс, – услышала она чей-то голос, похожий на свой собственный. –

Распутин! – Голос снова был похож на ее собственный, но Распутин не пришел. Вместо него по дорожке проехала машина, похожая на ту, в которой ездила ее мать, маленькая синяя «тойота».

Чей-то знакомый голос произнес:

– Здравствуйте, Вера.

На пороге стоял тощий, долговязый мужчина в очках и смотрел на нее. Дэвид Де Витт, психиатр, он с женой был у них в прошлую субботу на ужине. Почему он вернулся? Забыл что-нибудь?

Потом он вошел в комнату, а на пороге очутился Майкл Теннент, еще один психиатр. Он тоже был в субботу на ужине. И тоже что-то забыл?

Или, может, у нее в голове все перепуталось?

– По-моему, – услышала она свой голос, – на кухне сейчас полная неразбериха. Вам придется напомнить мне, поели мы или нет... сейчас, когда ночи такие длинные, мне трудно судить...

– Как вы себя чувствуете, Вера? – спросил Дэвид Де Витт.

Голос, который вполне мог принадлежать ей, ответил:

– А как бы вы себя чувствовали, если бы были частью пищевой цепи? Вы хоть представляете, сколько вреда способны причинить вьюнки на грядке со спаржей?

Де Витт и Теннент переглянулись, словно обменялись некими сигналами. Где-то сзади продолжал лаять Распутин; Вере захотелось, чтобы пес поскорее замолчал.

Вдруг в комнате оказалась ее мать.

– Мама!

Маргарет была одета совершенно неподобающим образом для званого ужина: на ней был легкий нейлоновый анорак. Может, она приехала просто посидеть с внуком. Вера видела, что мамины губы двигаются, но голос вроде бы шел не изо рта.

– Здравствуй, доченька.

Вера услышала, как говорит:

– Скорее всего, вы все не можете меня слышать, потому что я умерла. Мама, прошу тебя, растолкуй Россу, что к чему. Он упорно не обращает на меня внимания. Пожалуйста, объясни, что я умерла, и нужно, чтобы меня каким-то образом вернули назад, в тело.

Вдруг в комнате оказался Джулс Риттерман; он смотрел на нее в упор. Он сказал Россу что-то, но слов Вера не могла разобрать. Потом он приблизился к ней. За ним следовали Теннент, Де Витт и ее мать.

Риттерман заговорил с ней мягко, увещающе, как если бы он обращался к Алеку:

– Вера, Росс говорит, что вы плохо себя вели, не принимали лекарство, которое вам выписали. Это правда?

Вера услышала собственный голос:

– Понимаете, я умерла. Никакие лекарства не помогают, когда человек умер.

Потом все начали задавать ей вопросы. Теннент спросил:

– Вера, вы слышите голоса?

Потом Де Витт:

– У вас бывают видения?

Потом Теннент сказал:

– Вера, с вами в последнее время происходило что-то необычное, странное?

Еще один голос негромко произнес:

– У нее смущенный вид. Не наблюдалось ли у нее в прошлом склонности к суициду?

На некоторые вопросы она кое-как отвечала, но большинство из них плавало у нее в голове, словно в воздушных шарах. Спустя какое-то время все вышли из комнаты, но Вера слышала, как они переговариваются в коридоре, спорят. Она услышала мамин голос: мама отвечала на вопросы о ней, Вере.

Риттерман сказал:

– Как правило, в подобных случаях принято приглашать представителя власти.

Вера то находилась в сознании, то теряла его. Внезапно все снова оказались в комнате и молча смотрели на нее. Джулс Риттерман что-то прятал за спиной. Веру кольнул страх.

Росс опустил перед ней на колени:

– Я люблю тебя, Вера. Я так тебя люблю... Просто хочу, чтобы тебе стало лучше. Мы все хотим, чтобы тебе стало лучше. Пожалуйста, пойми меня!

Теперь она разглядела, что прятал Джулс Риттерман. Шприц для подкожных впрыскиваний и маленькую ампулу.

Ужасный крик раздался в комнате.

Вера поняла, что кричит она сама.

Она попыталась встать со стула, но ее плечи сжимали чьи-то руки, не пуская, не давая вырваться. Ее держали Росс и Де Витт.

– Нет, прошу вас, оставьте меня! – услышала она собственный голос.

Перед ней появилась мать:

– Мы любим тебя, милая. Мы поступаем так ради тебя.

Кто-то закатывал ей рукав. Плечо сжали железной хваткой.

Она почувствовала укол. Какая-то густая жидкость устремилась в мышцу плеча. Она увидела глаза Росса. Глаза Джулса Риттермана. Глаза матери. Глаза Майкла Теннента. Глаза Дэвида Де Витта.

Мать повторила:

– Мы все так любим тебя, милая.

Свет в комнате начал меркнуть.

В тишине она услышала, как за окном щебечет птичка. Летний звук.

Птичка пела специально для нее.

Потом она замолчала.

«19.50. 8 июня, вторник. Пленка № 9. Запись допроса доктора Оливера Кэбота, проводимого сержантом уголовного розыска Ансоном».

Детектив убедился в том, что обе пленки в диктофоне крутятся, сел в кресло, кинул в рот семечко и скрестил руки на груди. Ансон был почти такого же роста, как Оливер Кэбот; лицо у него посерело от испарины. В целом сержант уголовного розыска смотрелся немного странно. Под коричневым пиджаком – белая рубашка, на шее клубный галстук с гербами. Широкие плечи, глаза навывкате, свидетельствующие о проблемах со щитовидкой, и нелепая стрижка под горшок – так мать стрижет маленького мальчика, чтобы сэкономить на парикмахерской. Сзади коротко, а спереди болтается челка.

Детективу Ансону хотелось домой, как, впрочем, и доктору Кэботу.

Оливер решил, что сержант уголовного розыска похож на типичного полицейского, которого показывают в сериалах, так любимых в Англии. Вежливый, флегматичный; выясняет все обстоятельно, не торопясь. Усердно записывает его показания в блокнот, несмотря на то, что включен диктофон. Боже, сколько бумаги он исписал! В то же время Оливер все время был настороже: судя по вопросам, которые задавал Ансон, очевидно, что детектив все время пытается уличить его, поймать на лжи.

Оливеру было почти все равно; он как будто оцепенел после смерти брата и целого дня, проведенного в комнатухе для допросов без окон в полицейском участке «Ноттинг-Хилл». Впервые в жизни он понял, как можно добиться от человека нужных показаний. В определенный момент вы готовы подтвердить все, что угодно, лишь бы вас выпустили из такой вот комнатки.

За стенами участка был теплый летний вечер, но могла быть и зима – любое время года, все равно какое. Харви погиб. Утром, едва проснувшись, Оливер уже почувствовал крайнее истощение. Почти всю ночь он разговаривал с невесткой, Ли, вдовой Харви, которая в Шарлоттсвилле (штат Северная Каролина).

Весть о гибели мужа дошла до нее через полтора дня, и Ли подробно расспрашивала Оливера обо всем, что случилось с тех пор, как Харви сошел с самолета в лондонском аэропорту. Потом она вспоминала их

совместную жизнь, задавала вопросы о детстве своего покойного мужа... Ли говорила обо всем: о религии, философии, о чем угодно – лишь бы не слушать тишину в доме, где спят дети.

В голову Оливеру пришла мысль: и в смерти можно сохранить достоинство. Люди часто умирают достойно. Гораздо труднее сохранить себя в горе, которое сдирает с тебя все внешние покровы. Горе выбивает почву из-под ног, выбивает из-под тебя стул, на котором ты сидишь, разрушает стены.

Ли славная женщина – красивая, умная, нежная. Она не заслужила того, чтобы в сорок три года стать вдовой. Джон-Джон, Том и Линда четырнадцати, двенадцати и десяти лет тоже не заслужили того, чтобы остаться без отца. И весь мир не заслужил того, чтобы потерять Харви Кэбота. Он мог бы столько еще дать людям, столького достичь...

Да и он, Оливер, не заслужил того, чтобы лишиться брата. Он уже лишился сына, и потеря Джейка была для него невыносима. Аристотель сказал: нет у богов худшей пытки, чем заставить мать пережить своего ребенка. То же самое он вполне мог бы сказать об отце. Или о брате, который переживает брата...

Во время обеденного перерыва, когда они вышли подышать воздухом, сержант уголовного розыска Ансон поведал Оливеру, что увлекается стрельбой из лука. Так он расслабляется: тяжелый лук, для натяжения тетивы которого требуется приложить силу в шестьдесят килограммов, суперсовременные стрелы – чудо техники, по двадцать фунтов за штуку. Странно! Позавчера убили брата; его смерть обусловила импровизированный урок стрельбы из лука: как натягивать тетиву, как накладывать стрелу, как прицеливаться, как стрелять. Детектив с гордостью сообщил: в битвах с французами английские лучники неплохо себя показали. При Агинкуре английские лучники за семь минут застрелили восемь тысяч французов.

Неожиданно сильные руки детектива, способные натянуть тугую тетиву, поднялись вверх и завращались, изображая две шестеренки, которые не пересекаются.

– Доктор Кэбот, вы с братом... ладили в детстве? Не было ли между вами соперничества, как часто случается между братьями и сестрами? – Он протянул Оливеру мятый пакетик с семечками. Оливер вежливо отказался. Ансон взял себе еще одну штуку. Приятно хотя бы то, что доктор Кэбот не осуждает его привычку грызть семечки.

Сейчас все мысли Оливера были заняты Верой. В последний час он чувствовал: что-то не так, Вере плохо, она расстроена. Он ей нужен.

Возможно, ему только кажется, но тем насущнее потребность услышать ее голос.

– В детстве для братьев и сестер вполне естественно соперничать, – не сдавался сержант уголовного розыска Ансон. – Возможно, вы сумеете что-нибудь вспомнить...

Вера Рансом – единственный луч света во мраке, единственное существо, ради которого стоит продолжать жить. Оливером овладел страх за нее. Что, если он не сумеет ее вылечить? И неизвестно, на что способен ее подонок муж. Возможно, гибель Харви – все-таки его рук дело...

Вслух же Оливер довольно раздраженно произнес:

– Что вы делаете? К чему все ваши фрейдовские штучки? Зачем вы постоянно пытаетесь меня подловить? Я любил брата, я не убивал его и не нанимал киллера.

– Доктор Кэбот, я вполне понимаю ваши чувства...

– Неужели? – перебил его Оливер. – Вам доводилось терять брата?

Не ответив на его вопрос, детектив сказал:

– Восемьдесят процентов убийств в нашей стране совершают близкие родственники, члены семьи. Мне необходимо исключить такую возможность.

– Вы ведь уже нашли парня, который застрелил Харви.

– Он пока всего лишь подозреваемый, – поправил его Ансон.

– Чушь собачья! Вы прекрасно знаете, что он убийца.

– Но нам неизвестно, почему он его убил. Действовал ли он по собственной инициативе или его кто-то нанял, а если нанял, то почему?

– Я уже говорил: вам стоит допросить мужа Веры Рансом.

– Я записал его фамилию. Он будет допрошен в ходе расследования.

– Но вы ведь до сих пор не допросили его! Ради всего святого, прислушайтесь ко мне! Муж Веры Рансом должен стать вашим главным подозреваемым! Но вы, видимо, не воспринимаете мои слова всерьез, и только потому, что Росс Рансом врач и окутан покровом респектабельности.

– При всем моем уважении к вам, доктор Кэбот, позвольте напомнить, что вы тоже врач. – Детектив улыбнулся.

Как ни странно, Оливер улыбнулся в ответ. Пусть этот малый и чокнулся на своих семечках и пристрастии к средневековому оружию, но у него хотя бы есть чувство юмора. Может, им обоим нужно немного отдохнуть.

– Дело расследуют десять опытных детективов. Ваши отношения с миссис Рансом приняты во внимание. Мы также записали ваши показания

о том, что вы не считаете ваши с ней отношения адюльтером, хотя ее муж, видимо, думает иначе.

– Он ее бьет, – сказал Оливер.

Ансон записал его слова.

В девять часов детектив сказал:

– Доктор Кэбот, не вижу причин брать с вас официальную подписку о невыезде, но надеюсь, вы с пониманием отнесетесь к моей просьбе не выезжать за пределы Англии до окончания следствия.

– Хотите сказать, я не смогу присутствовать на похоронах брата?

– Уверен, вы успеете на похороны. Еще несколько дней тело будет находиться у coronera.

– Настаиваю на том, что я должен сопровождать гроб в Соединенные Штаты.

– Понимаю.

– Вы меня не остановите.

Через десять минут Оливер сидел в своем джипе. Детектив попросил его соблюдать осторожность. Если киллер хотел убить именно его, значит, угроза его жизни пока сохраняется.

Оливер заверил Ансона, что будет осторожен, но, выезжая со стоянки у полицейского участка, он вовсе не думал о себе. Все его мысли были о Вере. Его мучили дурные предчувствия. В машине он проверил автоответчик на своем мобильном телефоне и голосовую почту. И там и там было несколько сообщений с работы.

От Веры – ничего.

Хью Кейвен сидел за письменным столом, зажатый между двумя шкафами с папками, струйным принтером и цветным фотокопиром. Штаб-квартира детективного агентства Кейвена помещалась в довольно тесной комнатке в его собственном доме, небольшом современном особнячке, заваленном игрушками, в тихом районе Айкенхем на юго-западе Лондона. Стол стоял против окна, из которого открывался вид на задний дворик. Кейвен рассеянно наблюдал за женой и сыном. Сэнди развешивала выстиранные вещи. Трехлетний Шон возился с игрушечной лодкой в крошечном надувном бассейне.

На столе громоздились груды бумаг. Сверху лежал сегодняшний выпуск «Дейли мейл». Под ним было еще несколько газет, и во всех первые полосы были посвящены человеку, чье имя не называлось. Полиция хотела допросить его в связи с субботним двойным убийством в Ноттинг-Хилл-Гейт, однако данный субъект вчера погиб, упав с высоты.

У Хью Кейвена в полиции имелся приятель, который только что отзвонил ему и сообщил нужные сведения. По мнению полиции, погибший был убийцей Барри Гатта и Харви Кэбота. Узнав от приятеля некоторые подробности, Хью Кейвен пришел к сходному выводу. Однако до сих пор оставался невыясненным мотив преступления; сейчас копы активно взялись за прошлое погибшего и его круг знакомств. Подозревали, что его наняли, однако до сих пор не обнаружили никакой связи между Барри Гаттом и Кэботом. Они ничего и не узнают – по крайней мере, от вдовы Барри.

Барри был профессионалом. Он никогда не сообщал Стеф, где он работает или за кем следит. Кроме того, что Барри был по натуре довольно скрытным, он был еще и совестливым, порядочным человеком. Хью Кейвен отлично понимал, почему погиб его сотрудник и друг. Барри вел слежку за квартирой доктора Оливера Кэбота. Он увидел, как убийца застрелил Харви Кэбота, и поспешил на помощь. Бритва Оккама. *Простейшее объяснение...* Все очень просто.

Снаружи, в садике, сынишка споткнулся о бортик надувного бассейна и шлепнулся ничком на траву. Сквозь открытое окно Хью услышал его рев. Жена тут же перестала развешивать вещи, подбежала к малышу, подняла его и утешила. Хорошая мать, хорошая женщина. Ему повезло. Пять лет назад он сидел в тюрьме и у него ничего не было. Теперь у него есть

любимая жена, ребенок, которым он очень гордится, и вполне процветающий бизнес.

А близкий друг погиб.

В его власти снабдить полицию недостающим звеном в цепи. Он *должен* рассказать. Хью Кейвен совершенно убежден, что за убийством стоит Росс Рансом. Он за всю жизнь ни к кому не испытывал такой неприязни, как к надменному пластическому хирургу.

И все же...

Задаток, полученный им, разошелся весь без остатка. За последние две недели его расходы составили несколько тысяч фунтов. Круглосуточная слежка, в том числе зарплата Барри, плюс стоимость оборудования, установленного в квартире доктора Кэбота. Теперь уж его не вернуть.

Сэнди взяла Шона на руки. Какая она красивая! И Шон – славный малыш. *Вы заслуживаете всего самого лучшего, что я могу вам дать... Вопрос: кто даст вам все самое лучшее? Отец, который жертвует принципами ради денег? Или человек, который рискует получить второй срок из-за своих убеждений?*

Хью Кейвен ненавидел каждую секунду времени, проведенного им в тюрьме. В первые несколько дней срабатывал фактор новизны, но потом жгучую ненависть вызывало буквально все: вонь, стоявшая в камере, продажные охранники, которые предлагали заключенным наркотики и могли превратить в ад жизнь тех, кто не хотел покупать дурь; невозможность уединения. Но превыше всего он ненавидел сокамерников. В тюрьме не встретишь любимцев фортуны, преуспевших в жизни. Туда попадают неудачники, и приходится круглые сутки проводить в их окружении. Неудачники вроде него, которые напортачили и, вероятно, будут и дальше наступать на одни и те же грабли.

Перед ним маячит именно такая возможность. Если он пойдет в полицию, Росс Рансом неизбежно узнает об этом. Тогда из него не выжать ни пенни, то есть Хью Кейвен теряет около шести кусков. Такую большую сумму он не может себе позволить потерять. С другой стороны, когда Росс Рансом успокоится и все хорошенько обдумает, он, возможно, заплатит ему куда больше тех шести кусков – лишь бы он, Хью Кейвен, не ходил в полицию.

Где-то за стенами ее комнаты все утро кричал человек. Утро начиналось с негромких, но ужасных стонов; такое впечатление, будто неизвестного посадили на кол. Стоны сменялись громкими истерическими криками. Они тревожили Веру.

Но еще больше ее тревожил Главный Вопрос.

Он беспокоил ее уже некоторое время – точно она не могла сказать сколько, потому что часов у нее на руке не было. Их заменили пластмассовым браслетом, на котором было выгравировано ее имя: миссис Вера Рансом.

Насколько Вера понимала, браслет ей выдали специально, желая помочь. Сейчас ей важнее помнить, как ее зовут, чем знать, который час. Все, что здесь делают, нацелено на помощь ей – хотя она понятия не имеет, где находится это «здесь».

Неудобно, что браслет узкий – уже, чем ремешок ее наручных часиков. На запястье видна белая полоска незагорелой кожи, не тронутая палящим солнцем Таиланда. Она спрашивала и Сестру, Которая Приносит Лекарства, и Сестру, Которая Меняет Белье, нельзя ли поменять браслет на более широкий, чтобы закрыть белую полоску, но обе с сомнением качали головой.

Узкий браслет не был Главным Вопросом, тревожащим Веру, хотя, размышляя о браслете, можно было хоть чем-то занять себя, хоть ненадолго отвлечься от криков человека, посаженного на кол.

Больше всего ее заботила штука в ее руке. Вера видела такое сто раз; такие штуки показывали во всех телесериалах – там, где действие происходило в больнице. Но у нее самой раньше никогда такого не было.

Вдруг откуда-то из глубин памяти всплыло слово «пуповина». Как будто она снова стала младенцем. Привязана к матери. Высокой, молчаливой, металлической матери – собственно говоря, просто металлической палке с ответвлением, из которой выходила пуповина. К ней крепился пластмассовый крест, приклеенный к ее руке пластырем.

Как же это называется?

С ее памятью творится что-то неладное; ничего не может вспомнить. Время от времени Вера тревожится, но вскоре успокаивается. Она спокойна.

– Вообще-то мне совершенно на все наплевать, – произносит она

вслух. Оказывается, приятно вот так разговаривать; кроме того, говорить вслух полезно: так не разучишься. Ей нужна тренировка.

– Навыки либо используешь, либо теряешь, – произнесла она, ни к кому конкретно не обращаясь.

Человек, посаженный на кол, издал громкий стон; вдруг Вера поняла, что так он выражает свое согласие с ней.

Она огляделась, хотя смотреть было особенно не на что. Все вокруг было давно знакомым, привычным. Голые стены, выкрашенные в белый цвет – приятный оттенок, на него хочется смотреть и смотреть. На такие стены можно проецировать мысли. Как на киноэкран. Вера уже несколько раз видела на стенах свои мысли. Теперь наступила передышка.

Картин в комнате не было; через единственное крошечное окошко под потолком едва проникал солнечный свет. Интересно, какая сейчас погода там, за окном? Может быть, серый денек, а может, погожий. Стекло матовое, понять невозможно. Не имеет значения.

Занавесок тоже не было.

Последнее Вера отметила просто так, машинально; на самом деле ей было все равно. Сейчас ей вообще было все равно. Состояние было как много лет назад, когда они с подружками перебрали пива и пошли гулять; словно бы слегка пьяная, но это и хорошо. Трудно сосредоточиться на чем-либо больше чем на несколько секунд, но зачем напрягаться?

В голове много мыслей, как будто запертых в ящики, и все разные. Ящик с ярлычком «Алек», ящик с ярлычком «болезнь Лендта», ящик с ярлычком «Оливер Кэбот». Но на запертые ящики с разноцветными этикетками сейчас просто нет времени. День делится не на часы и минуты, а на визиты. Визиты Сестры с Лекарствами. Визиты Сестры с Едой. Визиты Сестры, Которая Приходит с Дежурным Врачом. Еще одна, Которая Задает Вопросы. Визиты доктора Дэвида Де Витта. Визиты Росса. Частые визиты Росса.

И все такие приветливые! Наверное, потому, что Росс врач. Медики уважают друг друга.

Сейчас в комнату вошла Сестра с Лекарствами. Темные волосы, оживленный голос.

– Ну, как мы себя чувствуем?

– Шикарно!

Сестра нахмурилась – интересно, почему? Поднесла к ее губам маленький бумажный стаканчик с водой. Вера отпила глоток. Держать стаканчик самостоятельно было очень трудно; и потом, тело ее так отяжелело, как будто в жилы ей вместо крови запустили расплавленный

свинец. Лучше всего просто лежать неподвижно, как дерево. И для тебя все делают другие. Из крошечного контейнера вытряхнули две капсулы; кладут ей в рот – по одной.

– Ну вот! И совсем не горькие, правда?

Вера послушно проглотила капсулы. Речь давалась ей с большим трудом, но ей нужно было поговорить, нужно получить ответ на волнующий ее вопрос. Ответ на Главный Вопрос.

– Эта штука, – заплетающимся языком проговорила она. – Как она называется?

– Канюля? У вас на руке? Катетер, а к нему присоединена трубка капельницы.

– Трубка капельницы! – Вера так обрадовалась, что повторила: – Трубка капельницы!

– Капельница для внутривенных вливаний, – услужливо продолжала сестра. – Там обычный физраствор, соль и вода. Ваш муж беспокоился, что у вас наступит обезвоживание.

В комнату уже входил Росс.

– Она только что получила дневную дозу лекарства, – сообщила ему сестра.

– Хорошо. Как она?

– Нормально; состояние стабильное. Выглядит отдохнувшей.

Послушайте, я человек, а не стол и не шкаф. Почему вы говорите так, словно меня здесь нет? Вера еле сдержалась, чтобы не упрекнуть мужа и медсестру вслух, но ей не хотелось казаться невежливой. И потом, какое это имеет значение?

– Оставляю вас наедине с мужем, – сказала Сестра, Которая Разносит Лекарства.

Росс поцеловал Веру в лоб.

– Как ты, милая? – очень ласково спросил он.

– Мне сейчас очень хорошо, – ответила Вера.

Она заметила, как Росс поднял голову.

– Капельница, – с трудом выговорила она. – Пуповина.

Росс пристально посмотрел ей в глаза и направился к открытой двери палаты, которая была открыта.

– Не... уходи... подожди, – попросила Вера.

Он плотно закрыл дверь, затем вернулся к ее кровати, зашел за спинку – оказался вне поля ее зрения. Тень надвинулась ей на лицо, и она подняла глаза. Мешочек с раствором двигался. Росс что-то с ним делал. Отсоединял его.

Вера забеспокоилась:

– Что ты... делаешь?

– Проверяю, – объяснил Росс. – Хочу убедиться в том, что моя любимая получает сколько нужно... не желаю, чтобы на тебе сэкономили.

Вот он уже сидит на стуле у кровати. Вере смутно кажется: с его курткой что-то не так. Один карман оттопыривается. Неужели он забрал...

Она посмотрела вверх. Мешочек висел на месте, раствор тек по трубке, по пуповине. Росс просто заботится о ней. Он хороший муж.

Вера услышала шум льющейся воды. Оказывается, Росс уже склонился над раковиной. Потом он засовывает что-то в карман.

– Через полчаса мне надо быть в операционной. Я еще заеду к тебе вечером. – На прощание Росс целует ее. – Я люблю тебя, Вера.

– Я тоже тебя люблю, – сказала она.

Щелкнул замок в двери.

Она снова посмотрела наверх, на мешочек. Так приятно лежать здесь и почувствовать себя счастливой – любимой. Она отвела взгляд, но почти сразу же снова посмотрела на мешочек. Пуповина, подумала она.

Мама.

Связь, плохая связь, несколько слабых искр – вот и все. Они как-то связаны. Мешочек на капельнице. Ее мать.

То, что она здесь.

Но сейчас она так устала, что не в состоянии ни о чем думать. Глаза ее закрылись... Снова открылись. Господи, опять начинается! Стены комнаты то сближаются, давя на нее, то отодвигаются в стороны. Придя в ужас, она поднесла руку ко лбу. Так и есть: она вся в испарине, пот градом катится по лицу, по шее...

– Помогите! – сказала Вера. – Пожалуйста, помогите, опять начинается...

Она снова умирает. Они пришли по ее душу. Она снова вылетела из тела и смотрела сверху вниз: ее телесная оболочка лежит в кровати, глаза широко раскрыты, губы шевелятся, кричат: «Помогите, пожалуйста, помогите!»

О боже! Ведь она действительно умирает. Умирает, оставляя Алека и Оливера Кэбота. Где Оливер? Почему он не...

Открывается дверь. Входит сестра, а с ней мужчина в белом халате. Вера уже его видела – он врач. Врач наклоняется, смотрит ей в лицо, светит фонариком в глаза, проверяет пульс.

Она слышит, как врач спрашивает:

– Раньше с ней уже бывало такое?

– Дважды, – отвечает сестра. – Это один из симптомов ее болезни.
– Да, – спокойно и важно, со знанием дела, подтверждает доктор.
– Пожалуйста, верните меня назад, в тело, – просит Вера. – Я должна повидать сына до того, как умру совсем, окончательно – до того, как я уйду и не вернусь.

Ей отвечает мужской голос:

– Вера, успокойтесь. У вас всего лишь небольшая паническая атака. Скоро вы поправитесь. Раньше вы плохо себя вели и не принимали лекарство, которое вам назначили. Потому-то у вас и начались такие приступы. Не волнуйтесь, за несколько месяцев мы поставим вас на ноги.

Оливер сидел в своем кабинете в Центре Кэбота. Он подключил код 141, чтобы номер его телефона не отображался на экране того, кому он звонит, и набрал домашний номер Веры. Через четыре гудка автоответчик голосом Росса Рансома сообщил, что дома никого нет.

Оливер положил трубку на рычаг.

Что ты с ней сделал, псих несчастный? Убил? Прикончить меня не получилось, и вместо меня ты убил ее?!

Внизу, в приемной, его ждала пациентка; он уже на двадцать минут задержал консультацию. Зря он сегодня вообще вышел на работу. Он думал, что работа его отвлечет, думал, что главное – убраться подальше от гостиничного номера, в котором он безвылазно проторчал весь вчерашний день в ожидании звонка от Веры. Вера так и не позвонила.

Может, дело в том, что они с ней переспали? Может, по дороге домой она измучилась, не в силах ничего решить? Наверное, пришла к выводу, что нужно подождать, а пока вернуться в семью... Нет, невозможно – после всего, что она ему говорила?!

По опыту Оливер знал: трудно понять, что творится в голове у других людей, и еще труднее предсказать их действия.

Но к Вере это не относится. Она не способна лицемерить, такое не в ее характере. По своей сути она – глубоко порядочный человек. Если она уехала домой и передумала или передумала после их короткого разговора во вторник, она бы откровенно во всем ему призналась.

Но тогда... чем еще объяснить ее молчание? Когда он звонит по ее мобильному, то сразу переключается на голосовую почту. Дома никто не подходит. Они с ней договорились созвониться во вторник в семь вечера. Определенно созвониться, без всяких «если» и «может быть». Вера обещала позвонить, но не позвонила.

Сейчас четверг, час дня. Со времени их последнего разговора прошло более сорока восьми часов. Что, черт побери, могло помешать ей позвонить? Несчастный случай? Она могла угодить в аварию по пути в «Леголенд» или на обратной дороге. Оливер посмотрел по карте, проверил маршрут, по которому она ехала, обзвонил все больницы между ее домом и «Леголендом». Больная с такой фамилией нигде не значилась. На случай, если она погибла, он позвонил в полицию. Ничего.

Так что же ему остается? Она либо нарочно не звонит ему, либо ей

запрещает муж. Первый вариант Оливер отбросил сразу.

Остается муж. Подонки, который контролирует ее жизнь, который одержим ею, который бьет ее. Либо он что-то с ней сделал – может, где-то запер, – либо...

О самом плохом даже думать не хочется.

Оливер отпил воды из стакана, стоявшего на столе. Внизу его ждет красивая молодая женщина. Два года назад у нее появилось безобидное белое пятнышко на подушечке большого пальца руки; сейчас руку ампутировали. Она хочет, чтобы он помог ей победить рак, перед которым пасовали все врачи, лечившие ее прежде. Ради нее он обязан быть сильным. Он обязан быть сильным ради всех своих пациентов – и ради Ли, особенно когда он вернется в Америку с телом Харви. Наверное, тогда ему придется призвать на помощь все свои силы.

Ты нужна мне, Вера, ты так нужна мне прямо сейчас!

И мне не нравится твое молчание. Оно слишком громкое. Вопиющее.

В 15.17 пополудни доктор Джонатан Мамфорд, дежурный врач в больнице «Харли-Девоншир», стоял над кроватью леди Джеральдины Рейнс-Райли и заполнял свидетельство о смерти. В графе «Причина смерти» он записал: «Менингоэнцефалит вследствие септицемии».

Через полчаса после того, как дежурный врач вывез тело на каталке вниз, в ледник, служивший временным моргом, из служебного входа больницы вышел врач-стажер, живущий при больнице, Джейсон Риллетс, двадцати одного года. Пройдя несколько сот метров, он остановился в дверях и огляделся. Убедившись, что его не видно из окон больницы, он вытащил из кармана мобильный телефон, купленный специально для таких случаев.

Звонил он журналисту по имени Уилл Арнольдсон – тот подружился с ним пару лет назад. Довольно беспутный тип, смуглый, смазливый на южноевропейский манер, увлеченный всякими темными делишками. Он больше походил на негодя из фильмов про Джеймса Бонда, чем на газетного репортера.

Арнольдсон был «вольным стрелком» и сотрудничал со многими изданиями. У него имелись обширные связи в высшем обществе. Отчасти он зарабатывал на жизнь тем, что поставлял сплетни в разделы светской хроники. Он платил Риллетсу по тридцать фунтов за истории, которые происходили с богатыми и знаменитыми клиентами клиники «Харли-Девоншир» – разумеется, при условии, что истории можно было пустить в печать. В последний раз Джейсон Риллетс скормил репортеру лакомый кусочек две недели назад; история появилась в разделе новостей журнала «Хэлло!».

– Имя леди Рейнс-Райли что-нибудь тебе говорит? – спросил Риллетс, озираясь по сторонам.

– Да, очень ценный кадр, – ответил Арнольдсон. – Очень и очень ценный кадр. Что там с ней произошло?

Риллетс рассказал.

Как обычно, Арнольдсон вытянул из него больше, чем он, Риллетс, собирался поведать. Репортер сразу сообразил: из гибели леди Джеральдины можно раздуть отличный скандал; надо только, фигурально выражаясь, нарастить немного мяса. Из сырья может даже выйти два разных материала; если Джейсон не против, можно подать историю под

двумя различными углами зрения. Тогда он получит вдвойне.
Джейсон не возражал.

– Он звонит уже во второй раз, – сказала Люсинда. – По-моему, вам стоит с ним поговорить.

На столе у Росса стоял контейнер фирмы «Молу-Орелан». В контейнере было девяносто семь капсул. Три штуки лежали на столе. Прочно зажав одну капсулу щипчиками, он просунул иглу шприца в зазор между двумя половинками и ввел в капсулу то же крошечное количество кетамина, какое только что осторожно ввел во все остальные.

– Во сколько у меня завтра операция? – спросил Росс, вытаскивая иглу и разглядывая капсулу на свет, а затем бросая ее в контейнер.

– В одиннадцать. Вы специально просили не назначать ничего раньше. Пришлось повозиться.

– Как по-вашему, нужно мне идти на похороны леди Рейнс-Райли?

Последовала пауза, затем резкое:

– Зачем?

– Ну... я ведь ее оперировал. – Затем он уныло прибавил: – Из чувства долга?

– Не думаю, что появиться на похоронах пациентки, которая умерла после операции, хорошая мысль.

– Вы правы, – сказал Росс. А про себя подумал: «О чем я, черт побери, думаю? Может, у меня крыша едет? Пусть себе катится в ад». – Как вы думаете, может, послать цветы?

– Ни в коем случае. Вам необходимо держаться как можно дальше от всей этой истории. Пусть ваше имя не связывают с ней. – Помолчав, секретарша привела последний довод: – Все равно ведь вы ее не любили. С какой стати посылать ей цветы?

– Из вежливости. – Росс проверил количество жидкости в шприце и зажал щипчиками следующую капсулу.

– Вы ответите на звонок? Сержант уголовного розыска Ансон. Он ждет.

– Соедините.

Зазвонил звонок, и в холл с лаем выбежал Распутин. Следом бежал Алек, крича:

– Мама вернулась! Мама вернулась!

– Вряд ли, мой милый.

– А вдруг?

Бабушка быстро выглянула из окна библиотеки, чтобы проверить, кто стоит у двери. Она всегда настороженно относилась к чужакам и не спешила открывать им дверь.

На дорожке стоял незнакомый ей синий внедорожник, а на крыльце – высокий мужчина в приличном костюме, которого она никогда раньше не видела.

Подойдя к входной двери, Маргарет из предосторожности накинула цепочку и только потом повернула в замке ключ. Когда она приоткрыла дверь на несколько сантиметров, Алек высунул наружу любопытную мордочку. С виду мужчина выглядит совершенно нормально, и стрижка нормальная, но какое значение имеет внешность в наши дни?

– Чем я могу вам помочь? – спросила она.

– На пять часов у меня назначена встреча с миссис Рансом. – Голос приятный, говорит с американским акцентом.

– Встреча?

– Да, мы договорились в понедельник.

– Простите, а кто вы такой?

Он протянул ей в щель визитную карточку. Она прочитала:

«Дон Росслин, начальник отдела исследований. „Молекула-Орелан фармасьютикалз“, филиал „Молекула-Орелан корпорейшн“».

На карточке значилось два адреса, один – в Лондоне и один – в Беркшире. Она вернула карточку незнакомцу.

– Миссис Рансом сейчас нет, – заявила она.

– Как «нет»? – удивился посетитель.

Решив, что мужчина не похож ни на насильника, ни на вора, Маргарет закрыла дверь, сняла цепочку и снова открыла дверь – пошире, держа Распутину за ошейник.

Мужчина тут же опустился на одно колено и принялся гладить собаку.

Алек сказал:

– Мама плохо себя чувствует, она в больнице. Но папа говорит, что скоро она вернется домой.

Продолжая гладить Распутину, мужчина удивленно переспросил:

– Она в больнице?

– Видите ли, моя дочь не совсем здорова.

Мужчина встал.

– Извините. Собственно говоря, потому-то я и приехал. Она включена

в программу клинических испытаний лекарства, которую проводит наша компания. Мы испытываем новый препарат и надеемся, что он ей поможет.

– Я все знаю, – кивнула мать Веры.

– А сейчас мы проводим, так сказать, плановую проверку. В понедельник я разговаривал с миссис Рансом, и мы договорились о встрече. По ходу испытаний мы изучаем действенность препарата; после краткой личной беседы с каждым из пациентов мы, как нам кажется, можем добиться усиления положительного эффекта. Связана ли ее госпитализация с болезнью Лендта?

Бросив исподтишка взгляд на внука, словно не зная, стоит ли ему слушать, она ответила:

– Да.

– Мама скоро поправится, правда, бабушка?

– Конечно, милый, а этот симпатичный джентльмен ей помогает. Пойди посмотри телевизор, а я с ним поговорю. Хорошо?

Алек нехотя ушел на кухню.

– Болезнь прогрессирует, – сообщила мать Веры. – Мы считаем, ей стало хуже потому, что она обманывала нас и не принимала лекарство. У нее очень независимый характер.

– Но сейчас она принимает лекарство?

– О да.

– Тем более я должен ее повидать. Если пациент не принимает лекарство, мы получаем неверные данные. Мы стремимся к абсолютной чистоте эксперимента. Только так мы в конце концов сумеем помочь страдальцам победить их недуг. Пожалуйста, скажите, в какой больнице она лежит? Вы знаете адрес?

– Он записан в блокноте на кухне, – сказала мать Веры. – Сейчас принесу.

Через пять минут Оливер Кэбот вывел свой синий «джип-чероки» из ворот поместья «Литл-Скейнз». Странно быть здесь, странно разговаривать с матерью Веры: мать и дочь похожи, но вместе с тем такие разные! Должно быть, в молодости ее мать была очень красивой; у нее стройная фигура, как у Веры, и маленький прямой носик, но она совсем не похожа на дочь – и разговаривает совсем иначе.

Проехав несколько сот метров по аллее, он свернул вбок и сверился с автомобильным атласом.

Больница? Вера, милая моя, неужели состояние ухудшилось за одну ночь?

На все вопросы о профиле больницы мать Веры отвечала уклончиво. Название ничего ему не говорило, но в Великобритании множество неизвестных ему больниц. Сильно ли ухудшилось состояние Веры?

Он позвонил в справочное бюро и узнал телефон клиники «Роща». Потом набрал номер справочной.

– Я хотел бы побеседовать с Верой Рансом.

– Секундочку. – После короткой паузы сотрудница справочной вежливо, но холодно ответила: – Извините, ей нельзя разговаривать по телефону. Могу соединить вас с сестринским постом ее отделения.

– Простите за глупый вопрос, но какой профиль у вашей больницы?

– Какой... профиль?!

– Да.

– У нас частное лечебное учреждение закрытого типа, – раздраженно ответила сотрудница справочной.

– Закрытого типа?!

– Да, для психически больных.

Оливер повесил трубку.

Психиатрическая больница?!

Вера жаловалась ему: иногда она не помнит, что с ней происходит. Провалы в памяти. Неужели на сей раз приступ оказался настолько серьезным? Настолько, что ее муж и лечащий врач решили изолировать ее от общества?

Оливер закрыл атлас и завел мотор. По его подсчетам, чтобы добраться туда, потребуется часа полтора. Он позвонил секретарше и попросил навести подробные справки о клинике «Роща», а также постараться выяснить, почему туда поместили Веру Рансом.

Секретарша перезвонила через сорок минут.

– Доктор Кэбот, ее поместили в частную психиатрическую лечебницу на принудительное лечение в соответствии с положениями Акта о психическом состоянии. Срок принудительного помещения составляет двадцать восемь дней.

Десять минут шестого. В час пик на то, чтобы доехать до больницы, понадобится полчаса, не меньше. Потом, когда он доберется до палаты, ему нужно еще полчаса побыть с Верой – необходимо, чтобы в ее палате у него было достаточно времени для последней замены. Сегодня, по его подсчетам, у нее заканчивается запас капсул «Молю-Орелан», и завтра ей начнут давать капсулы из нового контейнера. Тогда жизнь станет легче.

Какого черта он позволил какому-то сержанту уголовного розыска Ансону явиться к нему на квартиру для беседы?

Спускаясь на подземную автостоянку на Кавендиш-сквер, Росс вспоминал голос полицейского по телефону и пытался определить его характер. Видимо, педант – говорит не спеша, выговор правильный и вежливый, не выдающий ни капельки эмоций. Только служебный долг. Голос любителя докапываться до истины.

Россу голос сержанта не очень понравился; ему не понравилось то, что он не в состоянии его разгадать. Интересно, что уже известно полицейскому – или что он подозревает.

После того как он во вторник выкинул Кейвена из своего кабинета, крысеньш наверняка тут же кинулся в полицию. Отлично! Кейвену ничего не известно о его договоренности с Ронни Милуордом. То, что он нанял частного сыщика следить за женой, не преступление, а если Кейвен в ходе слежки и нарушил законы – что ж, его проблема.

Росс вдруг подумал: наверное, он зря сорвался на Милуорда. Кейвен – всего-навсего вонючий хорек. Ронни же Милуорд – совершенно другое дело. Пусть по телефону он уверял Росса, что ради его двадцати пяти тысяч он даже из постели не вылезет. Если Ронни поймет, что можно не возвращать денежки, сделав один-два звонка и сдав Росса Рансома полиции, воспользуется ли он такой возможностью?

Всегда ли жена Цезаря вне подозрений?

Вместе с тем Милуорд не дурак. Наверняка помнит, что у Росса имеются фотографии, на которых запечатлен процесс его перевоплощения, сделанные до и после пластической операции. Не настолько он глуп, чтобы рисковать свободой ради каких-то жалких двадцати пяти тысяч.

Росс толкнул дверь стоянки второго уровня и широко зашагал по освещенному проходу мимо припаркованных машин. В ноздри ударил знакомый запах теплого машинного масла, бензина, резины и пыли.

«Астон-мартин» стоял на обычном месте, под своим номером, между спортивным «ягуаром» и маленьким «мерседесом»-универсалом. Остановившись у машины, он полез в карман за ключами.

Неподалеку в тишине тикал и гудел разогреваемый мотор. Росс нажал на кнопку, и индикаторы на приборной панели «астон-мартина» ожили и осветили янтарным светом стены и пол салона. Центральный замок щелкнул и открылся, и тут из темноты неожиданно появилась фигура.

Росс вздрогнул. Неужели все-таки Ронни Милуорд?

Он узнал голос прежде, чем разглядел лицо, и сразу успокоился.

– Добрый вечер, мистер Рансом. Собираетесь навестить жену? Кажется, уже третий раз за сегодняшний день.

Мягкий ирландский акцент. Короткая стрижка, щуплая фигурка, бледное личико состарившейся рок-звезды.

– Вы что, за мной следите?

Частный сыщик пожал плечами:

– Должно быть, вы ужасно ее любите.

– Мне нечего вам сказать, поэтому уйдите с дороги. Вы мне мешаете.

– Мистер Рансом, нам с вами нужно поговорить.

– Вам, возможно, и нужно, мне – нет. Кстати, мне только что звонили из полиции. Хотят меня допросить. Интересно, почему? – Росс посмотрел на человека. – Что вы им наплели?

– Я ничего им не сказал. Именно поэтому я здесь.

– Вот как? Значит, они просто психи?

Обойдя сыщика, Росс открыл дверцу машины. В салоне зажегся свет; в спертом воздухе запахло дорогой кожей.

– Мистер Рансом, вам *придется* поверить мне на слово. Я ни слова не сказал полицейским.

Изо всех сил стараясь сдерживаться, Росс положил руки на плечи сыщика и крепко сжал.

– Ты слизняк, Кейвен! Маленькая жалкая вонючка.

– Мистер Рансом, будьте благоразумны. Вполне понимаю, что вы...

И тут Росс сделал то, чего не делал со школы. Двадцать лет он даже не думал, что способен на такое. Он боднул сыщика головой.

Кейвен отлетел назад, ударился о зеркало «мерседеса», сбив его, и, нелепо дернувшись, словно сломанная тряпичная кукла, опустился на пол. В глазах застыло изумление, из носа текла кровь.

Росс сел в «астон-мартин», захлопнул дверцу и заблокировал ее. Потом вставил ключ в замок зажигания, повернул, глядя в зеркало заднего вида на сыщика, выехал в проход и нажал на газ. Когда он повернул

направо, к выезду, то увидел, как человечек выходит в проход и бежит за ним.

Он подъехал к пандусу, круто свернул вправо по стрелке. Завизжали шины. Вдавлив педаль газа в пол, он мчался к выходу. Впереди замаячил хвост другой машины, и он со всей силы нажал на клаксон. Когда он подъезжал к стойке смотрителя, то увидел, как из двери выходит Кейвен. Он больше не хотел, чтобы ссора с этим человеком задерживала его.

Шлагбаум был опущен, а проклятый смотритель в будке болтал по телефону. Росс дважды нажал на клаксон. Кейвен всего в нескольких метрах позади него. Смотритель махнул рукой в знак приветствия, и шлагбаум начал подниматься. В машине у Росса зазвонил телефон. Не обращая на него внимания, наблюдая в зеркало за Кейвеном, он выехал на улицу. Подонок по-прежнему бежал за ним. Он прибавил газу, не переставая смотреть в зеркало.

О боже! Нет, нет, нет!

Огромная красная стена впереди. Он нажал педаль тормоза.

Черт, черт, черт, черт!

Раздался жуткий металлический скрежет, и тут же, почти одновременно, острая боль взорвала барабанные перепонки; перед глазами мелькнула вспышка белого света; плечо заломило резкой болью, и машина резко остановилась.

Мгновение застылой тишины. Уши заложило, как будто он упал с высоты в три тысячи метров или в салоне самолета произошла разгерметизация. Росс зажал ноздри пальцами, продул нос, и стало чуть легче.

Крышка капота поднялась; моторный отсек задымился. Подушки безопасности на обоих передних сиденьях болтались, как использованные презервативы. За капотом он смутно различил помятый бок автобуса. Испуганная женщина в больших очках смотрела на него из окна. Из кабины медленно спускался водитель.

Росс отстегнул ремень безопасности и попытался открыть дверцу. Она не поддавалась. Вспотев от усилий и от ярости, он надавил на дверцу плечом. Она все равно не открывалась. Что-то ритмично тикало.

Поганый телефон в машине все еще звонил.

Он в третий раз навалился на дверцу. Вокруг его машины уже толпился народ; он почувствовал себя полным идиотом. Потянулся к дверце со стороны пассажира и вдруг понял, почему не может выйти: центральный замок заблокирован.

Он отпер центральный замок, открыл дверцу и вылез. Дрожа, он

озирал сомкнувшиеся вокруг него лица.

– Слепой, что ли? – услышал он рассерженный мужской голос. – Автобус не разглядел? Ничего не видишь впереди? Раз водить не умеешь, лучше бы не садился за руль!

Росс встревоженно огляделся, пытаясь вычислить Кейвена. Но Кейвен исчез, словно испарился. Наверняка стоит где-то рядом и радуется, с досадой подумал он, оглядывая искореженный капот «астона».

Надо как-то разбираться с аварией, но у него нет времени. Росс состоял в клубе экстренной помощи на дорогах; номер телефона записан на карточке, которая лежит в его бумажнике. Надо поймать такси, а по пути позвонить в клуб. Пусть приедут, заберут машину и починят ее.

– Извините, – проговорил он, стараясь выбраться из толпы. Чья-то рука удержала его. Обернувшись, Росс увидел шофера автобуса.

– Далеко собрался?

– У меня очень больна жена, – объяснил Росс.

– Никуда не пойдешь до приезда полиции.

– Пошел ты! – Росс потряхнул руку водителя. – Я врач, и у меня срочный вызов.

Водитель – крупный мужик с пивным животиком и моржовыми усами – схватил его крепче.

– Пусти, мать твою!

– Ты останешься здесь.

Росс услышал вой сирены. Он сжал кулак, собираясь ударить водителя, но потом оглядел зевак и решил сдержаться. Представил себе огромные заголовки в газетах: «ПЛАСТИЧЕСКИЙ ХИРУРГ В ПРИСТУПЕ ЯРОСТИ ИЗБИВАЕТ ВОДИТЕЛЯ АВТОБУСА».

– Пусти меня, я никуда не уйду.

Набывшись, водитель отпустил его плечо. Росс оглянулся на свою машину. Проклятый телефон звонил и звонил.

К тому времени, как он нырнул в салон, чтобы ответить, звонки прекратились. Он вылез, чувствуя себя еще большим идиотом. Разозлившись, он вытащил телефон. Не желая ни с кем встречаться глазами, он нажал кнопку прослушивания сообщений.

Новое сообщение было всего одно – из отдела работы с клиентами телефонной компании «Водафон». Представитель компании интересовался, доволен ли он работой компании.

Для представителей Викторианской эпохи размер имел значение. Мужчина демонстрировал толщину своего кошелька посредством объема талии и величины своего дома.

Поздние викторианцы увлекались готикой. Чем больше башенок, фонарей, зубчатых бойниц и горгулий могли они вылепить, вырезать или вытесать на своих уродливых загородных особняках или еще более уродливых лондонских домах, тем лучше. Металлические перила балконов филиграннойковки, колонны и пилястры, позаимствованные в Древней Греции, веерообразные окошки, оформленные «под паутину» в стиле братьев Адам.

Клиника «Роща» первоначально была именно такой загородной резиденцией – скорее утверждением могущества, чем домом; сооружение красного кирпича, построенное на тогдашней окраине Лондона каким-нибудь новоявленным бароном Викторианской эпохи, бывшим бандитом с большой дороги, разбогатевшим на торговле оружием и боеприпасами и купившим себе титул – впоследствии хозяин наверняка стал мэром своего городка. Клиника располагалась на улице, застроенной жилыми домами и конторами, зажатой между шумной Веллингтон-роуд и относительно тихой Мейда-Вейл. «Роща» являла собой образец той лондонской архитектуры, которая никогда особенно не нравилась Оливеру Кэботу. Ему были больше по душе легкость и элегантность георгианского стиля, построек времен королевы Анны и эпохи Регентства, а не викторианские мрачность и скученность.

Он посмотрел в зеркало заднего вида, желая убедиться, что за ним нет хвоста. Вероятность покушения до сих пор сохраняется. Затем он припарковался на единственной желтой линии сразу у входа. Часы в машине показывали 18.10 – он приехал за двадцать минут до того, как к пациентам начинали пускать посетителей. Обдумывая, что делать, он вылез из машины, затем забрал с заднего сиденья куртку и надел ее. Несмотря на то, что в джипе работал кондиционер, рубашка взмокла от пота. Вдруг он заметил наверху чью-то тень и, подняв голову, увидел над головой ссорящихся подростков-скворцов. Стайка птиц взорвалась фейерверком и рассыпалась в ста различных направлениях, затем чудесным образом снова соединилась вместе и, приземляясь на крыши, полетела на север, в сторону Риджентс-парка.

Вечер был теплый; душистый лондонский воздух был полон тишиной и сладостью. Оливер отер носовым платком пот со лба, поправил галстук, прикрепил сотовый телефон к поясу и запер машину. Затем, неодобрительно поморщившись при виде здания, поднялся по ступенькам к застекленной парадной двери под козырьком, повернул медную ручку и толкнул. Дверь оказалась запертой. Слева находился спикерфон, над которым ясно виднелась видеокамера наружного наблюдения. Оливер нажал на кнопку.

Скрипучий голос:

– Да, кто там?

– Доктор Кэбот. Моя секретарша предупредила вас о моем приезде.

Несколько секунд молчания, затем щелкнул замок. Он толкнул дверь; на сей раз она подалась. Внутри все было каким-то тусклым и невыразительным. Он вошел в узкий, непримечательный холл, в котором выделялась высокая, красного дерева стойка администратора. За стойкой маячила пожилая раздраженная женщина с аккуратной прической.

Освещение было тусклое, обстановка застывшая и традиционная: голые стены кремового цвета, увешанные одними лишь дипломами, лицензиями и сертификатами, список процедур первой помощи и стрелки с указанием пожарного выхода. На полу фиолетовое ковровое покрытие. Резкий запах краски, как будто здесь недавно делали ремонт. Слева открытая дверь; за ней Оливер разглядел комнату ожидания. В центре большого деревянного стола свалены журналы. Вокруг стола – разнокалиберные стулья. На одном из них сидел тщедушный с виду человек восточной внешности в костюме; он сжимал в руках костыль. За ним на диване пристроились две женщины в восточных одеждах и паранджах. Все смотрели перед собой и хранили похоронное молчание.

– Доктор Кэбот? – спросила администраторша, словно перепроверяя.

– Да. Я приехал, чтобы повидать свою пациентку, миссис Веру Рансом.

Администраторша передала ему книгу посещений, попросила вписать свое имя, затем потянулась к телефону – довольно живо, что шло вразрез с ее напускным равнодушием. Когда ей ответили, она сказала:

– Шила, у меня в приемной доктор Кэбот.

Оливер просмотрел список посетителей. Первым за сегодняшний день значился Росс Рансом. Пришел в 7.15, ушел в 7.35. Ниже Оливер снова увидел его имя. Пришел в 12.32, ушел в 13.05. Он вписал свою фамилию нарочно неразборчиво и проставил время прихода: 18.15. Затем взглянул на поэтажный план больницы, висевший над стойкой. Судя по плану, здание больше, чем кажется снаружи, и имеет пристройку.

Повесив трубку, администраторша сказала:

– Поднимитесь на лифте на четвертый этаж, от дверей поверните направо, пройдите по коридору мимо пожарного выхода. Прямо перед вами будет неврология, а слева – вывеска «Парковое отделение». Идите по стрелкам, и выйдете прямо к сестринскому посту.

Лифт оказался достаточно широким и вместительным, чтобы туда вошли носилки, но ехал очень медленно. Оливер вышел в коридор без окон и стал ориентироваться по указателям. Пройдя в дверь пожарного выхода и подойдя к сестринскому посту, он услышал, как где-то в отдалении кричит мужчина: серия бешеных, сумасшедших завываний. Хорошенькая рыжеволосая сестричка в синей форменной блузке в клетку разговаривала с мужчиной с серьезным лицом в белом врачебном халате, который изучал чью-то историю болезни. Когда Оливер приблизился, завывания стали громче. Сестра подняла на Оливера глаза и, слегка улыбнувшись, пожалала плечами, как будто говоря: «С этим мы ничего не можем поделать». На лацкане ее платья он увидел бейджик, на котором значилось, что перед ним медицинская сестра Шила Даррент.

– Добрый вечер, я доктор Кэбот, – поздоровался Оливер.

Мужчина в белом халате продолжал изучать историю болезни, не удостоив Оливера взглядом.

– Да, – кивнула сестра. – Здравствуйте. Мы тут немного запутались. Согласно анкетам, лечащим врачом миссис Рансом является доктор Риттерман.

– Насколько мне известно, доктор Риттерман в прошлом действительно был семейным врачом Рансомов, но недавно миссис Рансом перешла ко мне.

Сестра показала ему факсимильное сообщение:

– Его прислала ваша секретарша. Дело в том, что у нас инструкция: к ней нельзя пускать никого, кроме наших врачей-консультантов, психиатров – и, разумеется, ее мужа. Мы уже некоторое время пытаемся связаться с мистером Рансомом, но пока что нам не удалось найти его.

Мужчина положил на стойку историю болезни и сказал:

– Вернусь где-то через час. Если мистер Оберг не успокоится минут через пятнадцать, сделайте ему еще одно внутривенное вливание – пятнадцать миллиграммов. – Удостоив Оливера лишь косым взглядом, он удалился.

– Есть ли у вас ордер о помещении на принудительное лечение? – спросил Оливер.

– Да.

– Позвольте взглянуть?

Сестра извлекла из-под стойки папку и протянула ему ворох документов, скрепленных вместе. Оливер внимательно перечел их. Вера помещена в больницу на срок двадцать восемь дней. В качестве ближайшего родственника анкету заполнял Росс Рансом. Кроме того, дополнительные заявления, подписанные матерью Веры, миссис Маргарет Филлипс, доктором Джулсом Риттерманом в качестве лечащего врача Веры и психиатром, доктором Дэвидом Де Виттом.

Оливер проглядел записи, сделанные штатным психиатром клиники, доктором Дэвидом Фриментлом. Они подтверждали симптоматику прогрессирующей болезни Лендта. В настоящее время больная получает следующее лечение: раствор глюкозы внутривенно, три миллиграмма rispеридона дважды в день – дозировка, пожалуй, великовата – и капсулы «Энтексамина» № 646329 фирмы «Молу-Орелан»: по две штуки три раза в день с едой.

– Как сейчас ее состояние?

– Ее ведет наш штатный психиатр доктор Фриментл. Возможно, вам будет полезно побеседовать с ним, но он будет здесь только завтра утром, в девять. Пока она не слишком хорошо реагирует на успокаивающее средство – она очень расстроена и тревожна.

– Мне очень нужно повидать ее.

Сестра опустила голову, и Оливер заметил, что она колеблется.

– Что ж, наверное, вы имеете право видеть ее. – Вскинув на него глаза, она добавила: – Ваше лицо кажется мне знакомым... Я все пытаюсь вспомнить, где я могла видеть вас раньше?

– Меня показывали в новостях на этой неделе.

– А, значит...

Вдруг Оливер понял: до нее дошло.

– Господи, так это был ваш брат?

Он кивнул. К горлу подступил комок.

– Мне очень жаль.

Оливер с трудом выговорил:

– Жизнь должна продолжаться.

– Я отведу вас в ее палату.

Следом за сестрой Оливер прошел по длинному коридору, куда выходило множество закрытых дверей. Припоминая план здания, Кэбот решил, что они сейчас находятся в пристройке. Дикие крики мистера Оберга, кем бы он ни был, не прекращались.

В конце коридора они повернули направо и снова пошли мимо

закрытых дверей. Оливер заметил дверь на лестницу. Пожарный выход. Навстречу им мужчина-санитар катил тележку с едой. От тележки потянуло вареной рыбой и тушеной капустой. Оливер заметил на подносах ярко-зеленые пятна желе. Как для малых детей! Только пластиковые вилки и бумажные стаканчики. В нем рос гнев. С Верой обращаются как с ребенком. Ее, такую красивую, заставляют есть детскую еду и не дают ничего острого, чтобы она не поранилась.

Помещена на принудительное лечение в соответствии с Актом о психическом состоянии.

Секретарша зачитала ему все соответствующие положения акта. Чтобы принудительно поместить человека в психиатрическую лечебницу, требуется заключение двух врачей и согласие социальных служб или близкого родственника. Вначале пациента помещают на определенный срок, но позже назначают комиссию для пересмотра. У пациентов есть право требовать созыва комиссии; запрос рассматривается либо главврачом больницы, либо специальной комиссией, в состав которой входит психиатр, представитель немедицинской профессии и свидетель. По опыту работы в Штатах Оливер знал, что в подобной ситуации куда труднее отменить приказ о принудительном лечении, чем продлить его.

– Мы пришли.

На двери палаты была прикреплена табличка с ее фамилией. Сестра открыла дверь и вошла первой – очень тихо, на тот случай, если Вера спит. Увидев, что у той открыты глаза, она сказала:

– Миссис Рансом, к вам гость.

Вера сидела опершись спиной о подушки; нетронутый поднос с едой стоял рядом, на крутящемся столике. Она смотрела прямо перед собой и словно бы не обратила внимания на медсестру, которая подошла к кровати и проверила уровень жидкости в капельнице. Мешочек почти опустел.

– Сейчас заменю. Возможно, завтра капельница уже не понадобится. Доктор Фриментл говорит, что ваши электролиты почти вернулись в нормальное состояние. У вас было обезвоживание из-за постоянной рвоты – ваш муж сообщил, что приступы были очень частыми... Но вы почти ничего не съели и не выпили!

С трудом, заплетаящимся языком Вера проговорила:

– Капельницу мне меняет мой муж. Он скоро придет. Он и поменяет.

– Ваш муж? – удивленно переспросила сестра Даррент. – Не думаю, что он имеет право менять вам капельницы.

– Он... меняет, – повторила Вера.

Услышав в ее голосе упрямые нотки, медсестра смутилась.

– Что ж, тогда он ведет себя неразумно: капельницу надо менять в строго определенные часы, а его сейчас здесь нет. Придется мне все сделать вместо него!

Оливер стоял на пороге и смотрел на Веру. Он был потрясен до глубины души. Палата походила на тюремную камеру: тускло-белые голые стены, крошечное матовое оконце под потолком почти не пропускает света, голая лампочка светит только под собой. Кровать посреди комнаты, отчего Вера казалась выставленной в витрине на всеобщее обозрение. Кроме кровати, в палате имелись только столик, на котором стояли бумажный стакан и пластиковый поильник, пульт дистанционного управления, прикрученный к столу проволокой – наверное, чтобы его не оторвали или не уронили, стойка капельницы с трубкой, оканчивающейся у Веры на запястье, раковина и телевизор, встроенный в стену, за экраном из пуленепробиваемого стекла.

Но самое большое беспокойство внушала не комната, а слова Веры.

Она выглядела красавицей даже в бесформенной белой больничной рубашке, даже со спутанными волосами и без косметики. Нездоровая бледность – скорее всего, от нехватки свежего воздуха и движения, но во всем остальном она выглядит нормально. Он с трудом сдержался, чтобы не броситься к ней, не обнять и не поцеловать. Вместо этого он с порога сказал:

– Здравствуйте, Вера.

Она никак не отреагировала. Он переглянулся с сестрой Даррент. Ее глаза ободряли: все нормально.

Медленно подойдя к кровати, он спросил:

– Как вы себя чувствуете?

Ему показалось, что в ее глазах мелькнул страх. Страх и смущение. И крошечная искорка узнавания – только и всего.

– Сейчас поменяю вам капельницу, а потом я вас оставлю, – сказала сестра Даррент и вышла, накрыв до конца дверь.

Дождавшись, пока ее шаги смолкнут в отдалении, Оливер снова обратился к Вере:

– Вера, ты меня узнаешь? – Наклонившись над ней, он увидел, что ее зрачки расширены. Странно! Судя по тем лекарствам, которые она принимает, такого быть не должно. – Я Оливер.

Вдруг Вера заговорила – монотонно, как робот, глядя в одну точку перед собой. Невозможно было понять, рада она его видеть или нет.

– То, что я сказала, правда. Росс приходит и меняет мешочек в капельнице. Сначала его меняет медсестра, а потом Росс меняет его снова.

Они мне не верят. Они не понимают, что я иногда могу следить за ним с потолка.

Оливер прокручивал в голове все прочитанные им сведения о болезни Лендта. В настоящее время количество заболевших – около трех тысяч. Симптоматика и скорость развития болезни примерно одинаковы во всех случаях. Первый симптом – упорная рвота. Обычно пациент испытывает приступы тошноты в течение двух-трех месяцев. Затем нарастают дезориентация в пространстве и параноидальные симптомы, включая ночные кошмары и психотические галлюцинации. Учащаются обмороки. За ними следует постепенная утрата моторно-контрольных функций.

Вера вернулась из Таиланда в конце апреля. Сегодня 9 июня. Если она заразилась именно в Таиланде, сейчас у нее должен быть еще период тошноты. Данный симптом наличествовал, когда он видел ее. Значит, для фазы психоза, в которую она, видимо, вступила сейчас, еще рано.

И зрачки не должны быть расширены.

То, что я сказала, правда. Росс приходит и меняет мешочек в капельнице. Сначала его меняет медсестра, а потом Росс меняет его снова. Они мне не верят. Они не понимают, что я иногда могу следить за ним с потолка.

Возможно ли такое?

Харви убит. Многие годы их с братом часто путали. Росс Рансом – подонок; что бы ни говорила Вера, Оливер считает его подозреваемым номер один. Он недвусмысленно заявил об этом в беседе с полицейским.

Оливер быстро подошел к двери, высунул голову, оглядел коридор и вернулся к кровати. Затем отсоединил катетер от Вериного запястья и попробовал содержимое на кончик языка. Вкус был вполне безобидный. Тогда он сунул трубку в рот и сделал несколько глотков. Затем вернул трубку на место. Судя по электронному датчику, содержимого мешочка должно было хватать на шесть часов.

Через секунду в палату вошла медсестра. Она несла полный мешочек, которым заменила почти закончившийся.

– Вы ожидаете мистера Рансома? – спросил Оливер.

– Он обещал приехать часам к шести. – Сестра бросила взгляд на часы. – Сейчас двадцать пять седьмого. – Угадав по его тону, что что-то не так, она спросила: – Мне сообщить вам, когда он появится?

– Буду вам очень признателен. – Затем он спросил: – Скажите... содержимого капельницы хватает на шесть часов?

– Днем. По ночам доктор Фриментл ставит датчик на двенадцать часов.

Оливер поблагодарил сестру. Она ушла и закрыла дверь.

Дверь вдруг засверкала и задрожала. Оливер изумленно воззрился на нее. Как будто он видел, как в двери дрожит каждый ее атом. И когда он повернулся к Вере, ему показалось, будто дверь растянулась и поворачивается вместе с ним. Ноги у него вдруг сделались ватными; он ухватился за край кровати, чтобы не упасть, и взял Веру за запястье. Его обдало жаром; голова закружилась. Показалось, будто пол уходит из-под ног.

Голос, который он не сразу опознал как свой собственный, произнес:

– Вера, что ты имела в виду, когда сказала, что видела, как Росс меняет капельницу, с потолка?

Говорил он сам, однако ему показалось, будто голос доносится откуда-то извне.

Та же монотонная, ровная интонация:

– Он приходит и меняет ее. Думает, я ничего не замечаю.

Ему показалось, что Вера где-то очень далеко, как будто она находится в дальнем углу палаты. Но он стоит совсем рядом с ней. Он посмотрел в окошко, которое показалось ему крошечной золотой точкой, расположенной в десятках километров от его головы. Что-то поползло по спине. Как будто паук. Когда он дотянулся до паука, оказалось, что по груди, по ногам, по шее ползет множество разных насекомых.

Он прищурился. Понадобились все его силы, чтобы сложить фразу и выговорить ее, как будто мозг потерял способность отдавать приказы голосовым связкам:

– Расскажи, что произошло, Вера. Почему ты здесь? – По рукам ползли муравьи. Он снял пиджак, закатал рукава рубашки, но ничего не увидел.

Последовала долгая пауза. Потом:

– За мной пришли.

– Ты знаешь, где находишься?

Она покачала головой.

Муравьи оккупировали каждый сантиметр его тела.

– Ты в психиатрической клинике. Она называется «Роща».

– Псих...

Открылась дверь. Он увидел медсестру. Палатная сестра Шила Даррент. Ее губы шевелились, но слов он никак не мог разобрать. Только чувствовал движение воздуха.

– Хотите. Попить. Доктор. Кэбот?

Он, как мог, старался сосредоточиться на медсестре. Она как-то странно посмотрела на него. Может, она видит, что он какой-то не такой?

– Спасибо, нет.

Она закрыла дверь. На сей раз звук искажился; щелчок замка стал похож на грохот многих ружей, отдающийся эхом в долине.

В молодости он несколько раз для развлечения пробовал ЛСД. Сначала было чудесно, но спустя какое-то время становилось очень плохо. Оливеру не понравилось, что в состоянии наркотического транса он не может управлять своими чувствами; и еще его пугало чувство отделенности от тела. Больше он с тех пор никогда не принимал наркотики.

Он понял, что с ним происходит. Все дело в содержимом капельницы, которое он попробовал. Он «поплыл», хотя проглотил совсем мало той дряни, чтобы полностью отключиться.

Должно быть, Вера тоже «плывет».

Росс подмешивает что-то в капельницу, когда меняет ее, но зачем? Может, хочет свести Веру с ума? Пытается отомстить ей таким образом?

Внезапно мысли стали ясные, четкие. Оливер бросил взгляд на часы: 19.17.

Невозможно! Он приехал сюда в четверть седьмого. Неужели он провел здесь целый час? Нет...

Сестра посмотрела на часы перед тем, как выйти. Тогда было двадцать пять седьмого. Неужели прошло три четверти часа? Он взял пульт, включил телевизор и посмотрел на часы на экране: 19.18.

– Как приятно, – вдруг сказала Вера, – что ты здесь.

Три четверти часа улетучились из памяти. Он всмотрелся в ее глаза и увидел, что зрачки уже не так увеличены.

– Как ты? – спросил он, чтобы проверить собственный голос. Голос звучал лучше, почти как обычно. Он возвращается в нормальное состояние. И теперь совершенно уверен: Росс Рансом подмешивает в капельницу в небольших дозах какой-то галлюциногенный наркотик.

Стены комнаты замерцали ярким светом. Наркотик все еще действовал на него. Он помнил, что действие всех диссоциативных наркотиков – как психоделиков вроде ЛСД, псилоцибина, пейота, ДМТ, так и анестетиков, вроде кетамина и тилетамина, – повторяется через много часов после введения, хотя их эффект значительно ослабевает.

Оливер попытался подобрать еще какое-нибудь возможное объяснение, но ничего не подходило. Если бы в капельнице было седативное средство, оно подействовало бы на него совершенно по-

другому. Этот поддон нарочно держит ее в состоянии психоза – причем продолжительное время, хотя таким способом он рискует серьезно повредить ее мозг. Он что, спятил?!

Вопрос почти не требовал ответа. Человек, который плохо обращается с таким сокровищем, как Вера, явный псих. Он опасен для общества. Доказано, что пролонгированное действие диссоциативных наркотиков способствует образованию крошечных отверстий в задних отделах мозга, коре головного мозга, а также в гиппокампе, обонятельном центре и лимбической системе. Поражаются память и способность к обучению, меняется социальное поведение, страдает моторика, организм перестает нормально функционировать. Дополнительное побочное явление – эпилепсия.

Оливер решил: вероятнее всего, в растворе присутствует кетамин. Его часто применяют в травматологии и при лечении ожоговых больных, а Росс занимается и реконструктивной пластикой, устраняя уродства, полученные в результате ожогов. Ему ничего не стоило раздобыть кетамин.

Росс Рансом, ты больной!

Где он, кстати? Сестра Даррент ожидала его к шести. Несомненно, он скоро объявится.

Он может подождать: все равно ему нечего больше делать, некуда идти, только в гостиничный номер, где придется выдержать еще один длинный телефонный разговор с вдовой Харви, а нечеловечески бодрая обслуга принесет ему еще один ужин, который он съест без всякого аппетита.

– Я не хочу здесь оставаться, – проговорила Вера.

Оливер посмотрел на нее и сжал ей руку.

– Поверь, я тоже не хочу, чтобы ты здесь оставалась.

В дверь постучали, и дверь тут же открылась. Оливер застыл, готовый к схватке. Но пришла всего-навсего бодрая санитарка – забрать поднос с едой.

Когда дверь снова закрылась, Вера попросила:

– Пожалуйста, заведи меня отсюда.

Она пробыла в лечебнице два дня. Если ее постоянно держат на наркотиках, организм успел привыкнуть, и действие кетамина продолжится еще много часов. Но сейчас она выглядела вполне живой и бодрой.

– Все не так просто, – сказал он.

– Я хочу увидеть Алека.

– С ним все хорошо. Я видел его несколько часов назад.

– Что ты говоришь?! Где?

Оливер рассказал о том, как побывал у нее дома. Потом он сообщил Вере, что ее поместили в клинику на принудительное лечение в соответствии с Актом о психическом состоянии. Родственники подписали согласие.

– Сюда надо положить не меня, а Росса, – сказала Вера. – Со мной нельзя так поступать, они не имеют права!

– Я вернусь через две минуты, – заявил Оливер.

– Пожалуйста, не бросай меня!

Он поцеловал ее в лоб.

– Я тебя не бросаю.

Он открыл дверь и поспешил к сестринскому посту. Сестра Даррент разговаривала по телефону; похоже, разговор был личный, а не служебный. Он нетерпеливо ждал неподалеку, когда она кончит болтать. Потом спросил:

– Где капельница, которую вы только что поменяли в палате миссис Рансом?

Она смерила его любопытным взглядом:

– Капельница?

– Да, пустая.

– Я ее выбросила.

– Она мне нужна. Куда вы ее выбросили?

– В мусоропровод для мусоросжигательной печи.

– Можно ее достать?

– Сейчас ее уже, наверное, сожгли.

Быстро соображая, Оливер улыбнулся:

– Вы можете оказать мне услугу? Пожалуйста, возьмите у миссис Рансом кровь на анализ.

– Мы регулярно делаем ей все анализы.

– Нет, тут особый случай. Пожалуйста, возьмите у нее кровь для меня. Мне нужно совсем немного.

– Да, да, конечно.

– И еще: проставьте на пробирке дату и время. Как можно попасть в подвал?

– На лифте. Нажмите букву «П».

Не дослушав, Оливер понесся по коридору. На лестницу, через пожарный выход, вниз по бетонным ступенькам, мимо вывески «Первый этаж». В подвале жарко. Длинный низкий коридор, слабо освещенный, над головой массивные трубы тянутся направо и налево. Где-то завывал электромотор. Пахло едой, прачечной, машинным маслом. Он увидел

санитарку, которая забирала из палаты Веры поднос с едой, и спросил, где мусоросжигательная печь. Та показала на дверь в дальнем конце коридора.

По пути он заметил открытую дверь прачечной и незаметно юркнул туда. Здесь было жарче и более влажно, чем в коридоре. Большие стиральные машины завывали, как турбины сверхзвукового самолета. Отсюда открывалась еще одна дверь, за которой он заметил двух женщин азиатской наружности и мужчину; они вынимали простыни из сушилки.

Когда он вошел, никто из присутствующих даже не взглянул на него. Вдруг оказалось, что он не идет, а плывет по воздуху. *Вот почему они не видят меня: они просто не могут меня видеть. Я умер, я привидение.* Он испугался. *Я умер. Но почему, как?..*

Потом он понял, что действие наркотика – кетамина или другого – повторяется. Вот и все. Придется сжиться с этим, не обращать внимания.

Он шагнул вперед и чуть не упал, так как пол качнулся вперед, как если бы он нажал на огромную педаль. «Обычная галлюцинация», – твердил он себе и сделал следующий шаг, потом еще. Чтобы держаться ровно, он расставил руки в стороны.

Он увидел несколько корзин. В одной лежала стопка белых халатов, а в другой – синие в клетку блузки медсестер. Не имея сколько-нибудь ясного плана, он схватил халат и блузку, туго скатал и поглубже зачихал в карманы брюк, потом вышел в коридор и направился к двери, за которой находилась печь.

На двери была табличка: «ОПАСНО. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Снизу и сверху двери были вентиляционные отверстия.

Он открыл дверь. Здесь было очень жарко; печь ревела. Он уставился на стену синей стали, кнопки и рычаги. Голос у него за спиной прокричал:

– Эй! Что вам здесь нужно?

Обернувшись, Оливер увидел удивленного мрачноватого чернокожего мужчину в синем комбинезоне.

– Кое-что по ошибке выкинули в мусоропровод из «Паркового», – объяснил он.

Мужчина широко улыбнулся, продемонстрировав щербатый рот, и поскреб ежик волос.

– Выкинули в мусоропровод? – переспросил он.

– Да.

– Трудненько вам придется. Вы асбестового костюмчика с собой не прихватили? – Он ткнул пальцем в сторону пылающей печи: – То, что вы ищете, уже там, а мой защитный костюм, боюсь, сейчас в химчистке.

– Послушайте, сержант, моя жена очень серьезно больна. Она в лечебнице. По пути сюда я стал участником ДТП.

– Да, – кивнул Ансон, – вы мне это уже говорили.

Росс встал и подошел к окну. Отсюда до лечебницы пять минут пешком. Он посмотрел на часы. 19.30. По его подсчетам, капельницу поменяли полтора часа назад. Вера сейчас приходит в норму – хотя она уже сорок восемь часов на кетамине. Ему необходимо как можно скорее попасть к ней.

– Мы не можем продолжить завтра?

Полицейский держался вполне почтительно и обращался к нему учтиво. Он как бы демонстрировал уважение одного профессионала к другому. Тем не менее ответил он твердо и непреклонно:

– Мистер Рансом, мне хочется покончить со всем сегодня. Нам осталось совсем немного; я вас не задержу.

Росс понимал, что в такой жаркий и душный вечер полагается предложить гостю выпить, однако вовсе не собирался быть вежливым. Он разглядывал массивную фигуру Аксона, сгорбившегося на двухместном диванчике. Глаза навывкате – определенно проблемы со щитовидкой; лицо вспотело, волосы нелепо зачесаны вперед. Белая рубашка полицейского прилипла к телу, воротничок помялся. *Тебе жарко, тебя мучает жажда, но если я принесу тебе что-нибудь выпить, ты пробудешь тут дольше. От меня ты ничего не получишь!*

– Мистер Рансом, вам известно, что ваша жена встречалась с доктором Оливером Кэботом, братом покойного?

Росс понимал, что ему необходимо соблюдать крайнюю осторожность. Ложные показания – серьезное нарушение закона; нельзя говорить ничего такого, что легко можно проверить и опровергнуть. Он понятия не имел, что наплели Ансону Кэбот и вонючий хорек Кейвен.

– Да, известно.

– И как вы к этому отнеслись?

– Вы женаты, сержант?

Ансон слегка нахмурился:

– Да, женат.

– Допустим, ваша жена приходит домой из магазина и – о, ужас! – оказывается, что вашу квартиру обокрали. И вот она, вместо того, чтобы

обратиться в полицию, возьмет справочник «Желтые страницы» и отыщет там телефон какого-нибудь частного сыщика.

– Не совсем понимаю...

– Я спрашиваю, как вы отнесетесь к подобному поступку.

Ансон порылся в кармане, извлек оттуда деревянную зубочистку и принялся ее разглядывать.

– Я бы решил, что она рехнулась. Наверное, я бы расстроился.

– Потому что в полиции работают профессионалы? Как по-вашему, важное дело должны делать профессионалы?

– Разумеется.

– Тогда вы, наверное, поймете мои чувства. Наши врачи одни из лучших в мире; я хочу, чтобы у моей жены было все самое лучшее. Я пришел в ярость, узнав, что она отвергла все, что я для нее сделал, и пошла к шарлатану.

– Как вы выразили свои чувства?

– Я обо всем сказал жене.

– А доктору Кэботу известно о ваших чувствах?

Хорошенько подумав, Росс ответил:

– У меня не было желания вступать с ним в дискуссию.

Ансон сочувственно улыбнулся:

– Вы очень сдержанны, сэр. Не уверен, что обладаю вашей выдержкой.

Россу показалось, что с сержантом можно иметь дело: похоже, они сейчас на одной и той же волне. Он спросил:

– Хотите чего-нибудь выпить? Может, чего-нибудь холодненького?

– Если можно, стакан воды.

– А если покрепче?

– Да нет, стакан воды, если можно. Спасибо, – отозвался детектив.

Росс ухмыльнулся:

– У меня в холодильнике упаковка ледяного пива «Гролш».

– А! – Ансон посмотрел на часы. – В общем, я не имею права пить в рабочее время, но официально моя смена уже закончилась. С удовольствием хлебну пивка.

Росс принес две бутылки пива и предложил полицейскому сигару, от которой тот вежливо отказался.

Жадно отпив большой глоток пива, Ансон кивнул в знак благодарности и продолжал:

– Не обижайтесь на мой вопрос, мистер Рансом, но был ли у вас когда-либо повод сомневаться в супружеской верности вашей жены?

– Нет, никогда, – уверенно ответил Росс.

– И еще... опять простите... был ли у вас повод полагать, что вашу жену и доктора Кэбота связывают не просто отношения врача и пациентки?

Росс нарочно прищурился, сжимая обеими руками стакан. Он понимал: сейчас детектив внимательно следит за всеми его жестами, так сказать, изучает язык тела. Нельзя себя выдавать!

– Что конкретно вы имеете в виду?

Из них двоих первым уступил детектив, позволив себе немного расслабиться. Он поднял вверх руки – позиция защиты.

– Ничего, сэр. Абсолютно ничего. Мне просто нужно было прояснить данный пункт.

А Росс подумал: «Невероятно! Вот по-настоящему хорошая новость! Кейвен ничего ему не сказал! Он не знает о Кейвене!»

Мысленно он выругал себя за несдержанность. Зачем он накинулся на частного сыщика там, на подземной автостоянке? Повел себя как полный идиот. Необходимо срочно связаться с Кейвеном. Наверное, придется заключить с ним сделку – заплатить крысеньшу за молчание.

Взяв стакан и выпив пиво почти до дна, Ансон сказал:

– Мой отец болен болезнью Паркинсона. Один его приятель порекомендовал ему доктора, сторонника альтернативной медицины, и тот посадил отца на дурацкую растительную диету.

– Ну и что? – нахмурился Росс, которому не понравилась внезапная смена темы.

– Состояние нисколько не улучшилось. На то, чтобы купить все ингредиенты, ушло почти две тысячи. После того как отец принял первую порцию, его рвало двенадцать часов подряд. Я бы назвал такого доктора шарлатаном с лицензией.

Росс сказал:

– Все представители нетрадиционной медицины шарлатаны.

Ансон согласно кивнул.

«Уже лучше, – подумал Росс. – Так гораздо лучше».

Из подвала Оливер поднялся также, как спустился туда, – по пожарной лестнице, по которой надлежало эвакуировать больных в случае пожара. На ходу он мысленно представлял себе план здания. Сейчас необходимо сделать две вещи. Во-первых, надо добиться того, чтобы Росса Рансома больше ни на минуту не оставляли наедине с Верой в палате, а во-вторых, каким-то образом созвать комиссию и пересмотреть решение о принудительном лечении Веры.

Не вынимая рук из карманов, чтобы медсестры не разглядели, что там что-то есть, он прошел мимо сестры Даррент на посту. Та разговаривала по телефону и не стала разглядывать его. Просто показала на конверт, лежащий на стойке, и одними губами выговорила:

– Кровь на анализ.

Поблагодарив ее, Оливер сунул конверт в карман. Когда он вошел в палату, Вера спала. Он подошел к изголовью и заглянул ей в лицо. На лоб упали светлые пряди; рот приоткрылся, губы очаровательно выгнулись, как будто в ожидании поцелуя.

Шея у нее такая тонкая, кожа упругая, но бледная, как на картинах Россетти. Как ему хотелось бы нагнуться к ней, поцеловать ее в губы, в шею! Во сне она кажется такой нежной и такой красивой. И такой ужасно хрупкой.

И хотя сейчас было совсем не до того, он почувствовал, как, против его воли, в нем зреет желание. Умом он понимал, что палата не закрывается изнутри, что сюда в любую минуту могут войти, а вновь поступивших пациентов несколько дней держат под круглосуточным наблюдением. Возможно, где-то установлена скрытая камера; возле выключателя или за защитным экраном телевизора – где угодно.

Его мысли прервал скрип открываемой двери, и он встревоженно повернулся. Вошла сестра Даррент.

– Доктор Кэбот, – сказала она, – мистер Рансом только что вошел в приемную.

Зря он откупоривал вторую бутылку «Гролша». Под воздействием пива Росс кое-что выложил сержанту Ансону о Вере и докторе Оливере Кэботе. Позволил себе отпустить как бы невзначай реплику, которая осталась бы незамеченной, будь Ансон менее наблюдательным. Однако Росс отчетливо

понял, что сержант хорошо запомнил его слова.

Они говорили о лекарях в первобытных племенах, о том, как шаманы вводят пациентов в транс с помощью барабанов. Росс сказал, что доктор Оливер Кэбот, наверное, добивается такого же эффекта с помощью своего члена.

Он не сказал ничего, что можно было бы трактовать как откровенное обвинение, но его слов было достаточно, чтобы Ансон понял, каково отношение Росса к происходящему.

Неразумно.

Войдя в вестибюль клиники «Роща», отдуваясь после прогулки по жаре, Росс расписался в книге и проглядел список других посетителей. Он увидел фамилию доктора Фриментла, фамилию психиатра, которого он встречал несколько раз и высоко ценил, Роя Шаттлуорта, еще одного знакомого психиатра, доктора Дэвида Вила. Остальные имена ничего ему не говорили.

– Палатная сестра спрашивает, не можете ли вы пару минут обождать, пока они поменяют миссис Рансом белье.

Росс что-то раздраженно проворчал мямле администраторше и стал смотреть в зал ожидания, на пожилого мужчину ближневосточной внешности, сжимающего в руке трость с серебряным набалдашником, и на молчаливых женщин позади него. Арабы – хорошие клиенты. Он предпочитал их надменным английским кошелкам вроде леди Рейнс-Райли. Достав платок, он вытер лицо. Голова слегка кружилась из-за выпитого спиртного и жары. Карман пиджака оттягивал тяжелый мешочек с раствором для капельницы. Он похлопал по другому карману: таблетки были на месте. Они утешительно загремели в контейнере.

Зажужжал внутренний телефон, и администраторша сняла трубку.

– Хорошо, – сказала она. – Спасибо. – Чуть возвысив голос, она объявила: – Мистер Рансом, можете подниматься.

– Я поднимусь, черт побери, когда захочу, – буркнул он, направляясь к лифту и проверяя на ходу, включен ли мобильник. Только бы частный сыщик, Хью Кейвен, оказался на связи!

Бодать его головой было верхом глупости, и сейчас Росс раскаивался в этом.

Двери кабины разъехались рывком. Потом они целую вечность закрывались. В кабине царила удушающая жара. Мысли Росса вернулись к сержанту уголовного розыска Ансону. Он сказал Россу, что смена у него уже закончилась. Поедет домой, поцелует дочек перед сном, поужинает с женой и пойдет гулять с двумя пожилыми борзыми. Завтра в семь утра он

будет на работе. Если Кейвен разозлился не на шутку, он может позвонить в полицию и передать важные сведения любому другому сотруднику. Вопрос в том, позвонит ли он?

Росс попытался вспомнить, что еще говорил ему частный сыщик на подземной стоянке.

Я ничего им не сказал, вот почему я здесь...

Мистер Рансом, вам придется мне поверить. Я ни слова не сказал полицейским.

Мистер Рансом, нам с вами надо быть благоразумными. Понимаю, вы можете...

Благоразумными, подумал Росс. Нужно быть благоразумными... Хорек не был уверен в выигрыше. Он нервничал, потому что случайно поймал более крупную рыбу, чем ожидал, и ему не терпелось выжать из него побольше денег. Вот он удивился, обнаружив, что добыча кусается...

Лифт, дернувшись, остановился. Росс подождал, пока откроются двери, приготовился выходить, но в окошке зажглась лишь цифра «три». В кабину вошел какой-то сотрудник клиники, показавшийся Россу смутно знакомым. Врач, решил он, взглянув на его белый халат, но потом передумал. Серые кудри длиннее, чем у большинства врачей. Больше похож на психиатра.

Человек придерживал двери одной рукой, как будто дожидался кого-то, а другую протянул Россу, лучезарно улыбаясь ему, как старому знакомому. Росс мучительно вспоминал, где он мог видеть человека в белом халате. Здесь? Они встречались здесь?

Память подсказала, что они виделись в каком-то другом месте.

– Добрый вечер, Росс. Какая приятная встреча!

Немного манерные интонации, нарочито оксфордский акцент – как будто он брал уроки риторики – ничего не подсказали Россу. Росс протянул руку, и незнакомец уверенно пожал ее. Не выпуская руки Росса, он продолжал говорить:

– Похоже, вы напряженно работали, Росс.

– Да... знаете ли... как обычно.

Да кто же ты такой, черт побери?

– Ужасно жарко! А мы вынуждены носить толстые пиджаки. В них еще жарче, правда?

Оказалось, что Росс соглашается и кивает. Из открытых дверей тянуло приятным ветерком. Он глянул на белый халат в поисках беджика с фамилией, но ничего не увидел.

– Да, – сказал он. – Жара просто невыносимая.

Человек улыбнулся, как будто над шуткой, понятной только им двоим. Ясные серые глаза смотрели в упор, как будто говоря: «Брось! Ты ведь узнал меня, приятель! Разумеется, ты меня узнал!»

– Росс, вы уверены, что хорошо себя чувствуете? – Человек подался вперед, его глаза стали ближе и больше. Взгляд озабоченный. – Страдаете от жары?

Его лицо было так близко, что Росс никак не мог сосредоточиться. Глаза расплылись и превратились в огромное пятно.

– Я... я... – Он запнулся. Незнакомец его смущал.

– Так жарко, Росс, так жарко, жарко, правда, жарко, жарко, Росс, так жарко, так жарко, жарко, да, Росс?

Росс кивнул. Ему жарко, незнакомец прав. Так жарко. Жарко, жарко.

– Вам хочется спать, Росс. Вам очень жарко и хочется спать, да?

– Д-да.

Двери лифта смыкались.

– Вам странно, что я держу вас за руку. Но вы не можете ее выпустить, да?

Росс попытался высвободиться, но оказалось, что он не может. Оказалось, что не человек в белом халате удерживает его руку, а он сам вцепился в него. Лифт начал подниматься. Потом незнакомец отодвинулся, и Россу показалось, будто кабина застряла между этажами.

Его спутник улыбнулся:

– В такую жару поедem медленно, Росс. Мы не хотим подниматься быстро; это плохо сказывается на давлении, правда, если быстро набирать высоту?

Чувствуя приятное головокружение, Росс кивнул:

– Д-да.

– А сейчас я хочу, чтобы ты расслабился и отдохнул, Росс. Расслабься и слушай меня. Слушай мой голос.

Послушно уставившись в серые глаза, Росс кивнул.

– Отлично, Росс. Отныне ты будешь слышать только мой голос, и больше ничего. Только мой голос. Остальное не важно. Тебе жарко, ты устал... но что у тебя в кармане, Росс? Отчего карман оттопыривается?

Росс недоуменно воззрился на своего собеседника. Голова кружилась.

– Все хорошо, Росс, можешь ответить. Скажи, что там. Мне можно сказать, я тебе помогу.

– Мешок для капельницы.

– А для кого он, Росс?

– Для моей жены.

– Росс, что в мешочке?

– Кетамин.

– Ясно. Ладно, Росс, все хорошо. Теперь слушай мой голос. Тебе жарко, очень жарко и хочется пить. Достань мешочек.

Росс вытащил из кармана мешочек.

– А теперь, Росс, посмотри, что у тебя в левой руке. Что ты видишь? Ты видишь фляжку с холодной водой. Разве ты не рад, что у тебя в руке жарким вечером нашлась фляжка с холодной водой?

Росс опустил голову, поморгал и увидел овальную фляжку армейского образца.

– Встряхни ее, Росс. Послушай, как плещет холодная вода.

Росс встряхнул фляжку и услышал плеск воды. Какая холодная, какая манящая! Он облизнул губы. Жажда стала нестерпимой.

– Ты хочешь пить, Росс, ты страшно хочешь пить. Так жарко, Росс, ты хочешь пить. Представь, как хорошо сейчас попить, Росс, так жарко... Представь, как здорово будет напиться.

Росс думал только о ледяной воде во фляге. Во рту все пересохло.

– Хорошо, Росс, пей в свое удовольствие. Отверни крышку и как следует хлебни холодной воды.

Росс уставился на флягу. Она превратилась в полиэтиленовый мешочек, наполненный какой-то жидкостью, потом снова во флягу. Потом снова в мешочек с двумя резиновыми затычками внизу. Снова во флягу с отвинчивающейся крышкой. Он схватил крышку, повернул, потянул – и вдруг вода, прекрасная, холодная как лед, потекла у него по подбородку. Он проглотил слюну и начал жадно пить.

– Отлично, Росс! Выпей все, выпей до дна, ты так обезвожен, ты должен выпить все.

Росс проглотил все содержимое фляжки.

– Хорошо. Теперь, когда ты насладился водой, Росс, сунь флягу обратно в карман, забудь о том, что ты меня видел, иди и наслаждайся жизнью.

Росс, смутно сознавая, что кабина лифта снова двинулась, закрыл мешочек и сунул его в карман. Потом кабина остановилась. Дверцы разъехались в стороны.

– Тебе выше, Росс. Сейчас я отпущу твою руку, и ты будешь жить самостоятельно.

Человек ушел. Дверцы лифта закрылись. Кабина двинулась вверх. Росс пошатнулся. Ему показалось, что стенки кабины смыкаются вокруг него, что он попался, как кролик в силос. Он надавил на стены, пытаясь

раздвинуть их, но стены смыкались все теснее.

Он вскрикнул, забился. Лифт остановился. Дверцы приоткрылись – всего на небольшую щель. Он в панике заметался, спотыкаясь, бросился к щели, с трудом выбрался наружу и упал ничком на серую ковровую дорожку.

Он попытался встать, но перед ним скалой вздымался пол. Пальцы хватались за плинтус, короткий, как обрубок. Он скользил, скользил прочь, падал с утеса.

– Помогите! – закричал он.

Он скользил вниз.

– Помогите, помогите мне!

В отчаянии он хватался за серые короткие ворсинки, пытаясь уцепиться за них ногтями.

– Помогите! – закричал он снова.

Размытое пятно. Что-то белое наклоняется к нему. Потом остановилось прямо перед глазами. Ноги. Черные туфли без каблука. Напрягая все силы, он с трудом ухватился за лодыжки.

– Пожалуйста, помогите мне, – проговорил он. – Не дайте мне упасть!

Сестра Даррент в ужасе смотрела вниз, на Росса Рансома, распростертого на полу. Судя по всему, пьян в стельку; бормочет что-то, как младенец, и так хватается руками за ее ноги, как будто от этого зависит его жизнь.

Вдруг снизу раздалось громкое верещание. Звонил его мобильник, очевидно лежащий в кармане.

– Что случилось?

Сестра Даррент повернула голову. Оливер увидел Росса Рансома, сидящего в кресле на сестринском посту. Голова пластического хирурга безвольно свалилась набок. Рядом с ним стояла еще одна сестра; она положила руку Россу на плечо. Кроме того, на посту находились двое мужчин, похожих на врачей, и санитар.

– С-стены, – бормотал Росс. – Падают...

– Я услышал шум, – объяснил Оливер. – Решил, что вам нужна помощь. – Изобразив удивление, он посмотрел на Росса, а потом перевел взгляд на сестру.

– Мистер Рансом? Что случилось?

Сестра Даррент огляделась по сторонам и, быстро поднеся руку ко рту, изобразила жестом, словно пьет из стакана.

– Он... *пьян*? – прошептал Оливер.

Она кивнула, потом пожала плечами.

– Лезу на стены... выше, чем гора Килиманджаро, – бормотал Росс. – Н-надо бы пристегнуться...

Оливер негромко заметил:

– Может, не выдержал напряжения – оттого, что его жена здесь?

– Наверное, – согласилась медсестра. – Он так ее любит, так ей предан. У него сердце разрывается, когда он видит ее в таком состоянии.

Один из врачей наклонился и понюхал дыхание Росса, потом заявил:

– По-моему, лучше куда-нибудь уложить его и оставить здесь на ночь. Он слишком пьян, чтобы отправлять его домой в такси. – Обернувшись к сестре Даррент, врач спросил: – В вашем отделении найдется свободная палата? Чем скорее мы уберем его со всеобщего обозрения, тем для него же лучше.

– На нашем этаже ничего нет. Сейчас спущусь на четвертый, проверю, нет ли чего в другом отделении.

Когда она повернулась к выходу, Оливер прикоснулся к ее плечу и несколько шагов прошел рядом, а потом очень тихо сказал:

– Сестра, когда вернетесь, проверьте, что у него в правом кармане пиджака.

– Зачем? – удивилась она.

Но Оливер уже шагнул прочь, торопясь уйти подальше от сестринского

поста.

Вера еще спала, когда он вернулся в палату. Он выдернул у нее из запястья катетер, перекрыл клапан и рывком усадил.

Она открыла глаза:

– А? Что такое? Что?

– Мы уходим.

Он помог ей переодеться в клетчатую блузку, которую прихватил в подвале. От Веры в ее состоянии толку было мало. Кетамин продолжал действовать. Оливер помог ей пересесть на край кровати.

– Подожди меня здесь, хорошо?

Вера кивнула, смутно понимая, чего он хочет.

Он бросился бежать по коридору и остановился на безопасном расстоянии от сестринского поста. Хаос. Трое представителей клиники с трудом волокли по коридору Росса Рансома, который размахивал руками, нелепо загребал ногами и что-то неразборчиво бормотал. Остальные старались не путаться у них под ногами.

Оливер метнулся назад, в палату, скатал одеяло валиком, чтобы его можно было принять за спящего человека, схватил Веру за руку и то ли вывел, то ли выволок в коридор. Вера являла собой странное зрелище в клетчатой сестринской блузке и больничных тапочках. Он остановился и посмотрел направо и налево. Справа что-то темнело; он быстро загнал Веру назад, в палату, прикрыл дверь, оставив узкую щель, и стал наблюдать. Мимо прошла сестра, которой он раньше не видел. Подождав, пока она скрылась за углом, погасив по пути свет на посту, он вывел Веру в коридор и закрыл за ними дверь в палату.

Стараясь не шуметь, он снова торопливо огляделся и повел Веру к пожарному выходу. Открыл дверь на лестницу, помог ей перешагнуть через порог.

Они стояли на металлической площадке; пожарная лестница вела вниз – видимо, к стоянке. Несмотря на поздний час, ярко светило солнце. Они на самом виду! Не очень-то разумно. Оливер не знал, нарушает ли он закон, но то, что он помогает сбежать пациентке, помещенной на принудительное лечение, способно навлечь на него серьезные неприятности. Жаль, что он не успел придумать ничего правдоподобного на тот случай, если их схватят.

Сейчас самое главное – забрать Веру отсюда, вырвать из когтей мужа. О последствиях он подумает позже.

Поддерживая Веру, он быстро, но осторожно спускался вниз. Приходилось крепко держаться одной рукой за металлические перила. Наконец они добрались до земли. У Веры была нарушена координация

движений, и она передвигалась с большим трудом. Придется либо нести ее в машину на руках, либо подогнать машину.

Если он понесет ее на руках, то привлечет к ним ненужное внимание. Придется выйти через парадный вход, добраться до джипа и осторожно подъехать сюда.

– Вера, – сказал он, – сейчас я пригоню машину. Я хочу, чтобы ты ждала меня здесь. Не двигайся.

Он увидел проем между двумя большими мусорными баками на колесах. Не самая лучшая идея, но здесь ее не видно с улицы и из окон – на случай, если кто-то высунется. Он осторожно втокнул ее в проем.

От вони Вера сморщила нос; она смотрела на серые стенки баков, возвышающиеся с обеих сторон. Спереди сюда проникал тонкий луч света. У самого лица зажужжала муха; она отогнала ее ладонью.

Сознание вновь вернулось к ней. Она все понимала и страшно боялась. Боялась того, что находилась в этом ужасном проходе. Боялась того, что сказал ей Оливер: ее поместили сюда принудительно, она официально признана душевнобольной, ей нельзя выходить из палаты, не говоря уже о том, чтобы самовольно покинуть клинику.

Она боялась того, что Росс может сделать с ней и с Оливером, когда узнает обо всем.

Принудительное лечение.

Ее могут забрать насильно. Увезти, запереть, не дать видиться с Алеком.

Ну и мамочка у тебя, Алек, – на принудительном лечении в психушке!

Неожиданно она уловила приятный аромат: сигаретный дым. Сначала Вере показалось, что пришла ее мать. Ветер принес новую волну дыма. Шаги. Скрипнул камешек под ногой. Темная тень загородила проем прямо перед ней. Охранник, встревоженно поняла она, с фуражкой под мышкой; урвал беглый перекур.

Уходи!

Она услышала, как охранник закашлялся: глубокий, горловой кашель курильщика.

Пожалуйста, уходи!

Лицо обдало жаром. Оливер сейчас вернется! Стенки баков задвигались, приближались к ней. Кто-то сдвигал баки, не зная, что между ними находится человек.

Вера попыталась оттолкнуть баки, но стенки с обеих сторон сближались.

Сейчас меня раздавит насмерть.

Ближе, ближе... Теперь она может стоять только боком. Давят на лицо, на спину.

– Пожалуйста, – прошептала она, – я здесь, остановитесь, пожалуйста...

Стенки продолжали сдвигаться. В ужасе она глубоко задышала и боком, как краб, стала пятиться, пытаясь вылезти.

– Я здесь, остановитесь, пожалуйста...

Полоска света, которая совсем недавно была очень близко, вдруг оказалась в ста метрах впереди и с каждым мигом становилась все меньше.

Спотыкаясь, она поползла вперед на четвереньках, отталкиваясь от стенок руками. Вдруг она освободилась. Оказалось, что она стоит в проходе возле погрузочного люка. Охранник уходил; вокруг его головы стояло облако сизого дыма.

Рев мотора. Большая синяя машина, джип, знакомый. Останавливается.

Оливер! Вылезает.

Охранник повернул голову, уставился на нее, нахмурился. Пожилой; вид усталый. Жарко ему, наверное. Потом она поняла, что ей, в сестринской форме, стоило только поднять руку и помахать ему, и он, наверное, помахал бы ей в ответ, приняв ее за сестричку из какого-нибудь отделения, которая незаметно улизнула покурить на воздухе.

Вместо этого она побежала.

Крик за спиной:

– Эй! Эй, мисс, леди!

Она упала в объятия Оливера, повернула голову. Охранник, спотыкаясь, бежал к ним.

Оливер втолкнул ее на пассажирское сиденье и захлопнул дверцу. Охранник почти добрался до них. Машина накренилась: Оливер сел за руль. Он с силой хлопнул дверцей; она услышала щелчок в тот миг, когда охранник схватился за ручку.

Центральный замок.

– Эй! Стойте! Кто вы такой? Что проис...

Завизжали шины; джип рванул вперед. Вера услышала громкий крик и увидела, как охранник гонится за машиной, не выпуская дверцы.

– Оливер! – крикнула она.

Потом охранник вдруг пропал. Повернув голову, она увидела, как тот упал на тротуар, пару раз перевернулся и скрылся из вида.

Оливер вел машину молча. Сейчас самое главное – увеличить расстояние между ними и охраной.

Доехав до конца дороги, он повернул вправо, потом влево, не снижая скорости. В зеркале заднего вида никого. Он проехал по дороге с полкилометра, потом взял влево, выехал на Веллингтон-роуд, повернул направо, на оживленную улицу.

Он ничего не говорил. Интересно, запомнил ли охранник номер машины. Нужно как можно скорее добраться до шоссе. Безопаснее выбраться из города, чтобы не застрять в лондонской пробке. Он глянул на спидометр: не хватало еще, чтобы его остановили за превышение скорости. Даже если охранник и не запомнил номер, он все равно поднимет тревогу. Скоро персонал обнаружит отсутствие Веры. Не через несколько часов, как он надеялся, а скорее, через несколько минут.

– Вера, сумеешь пристегнуться?

Она с изумлением ощупала свое плечо в поисках ремня. Оливер перегнулся, протянул руку, помог ей вытянуть ремень и пристегнул его.

Он так сосредоточился на ремне безопасности, что чуть не проехал перекресток на красный свет. В последний момент резко затормозил. Машина дернулась и остановилась. Веру, пристегнутую ремнем, швырнуло вперед. Вдруг Оливер с ужасом заметил, что за ними едет патрульная машина. Полицейский, сидевший на пассажирском сиденье, пристально смотрел на него, и Оливер отвернулся, подставив лицо под благодатную струю прохладного воздуха из кондиционера. Они намерены его остановить? Он приготовился. *Сохраний спокойствие.* Они никак не могли поднять тревогу; но даже если подняли, еще слишком рано, и сведения о беглецах еще не успели разослать в полицейские участки.

На светофоре загорелся зеленый. Полицейская машина двинулась вперед. Через несколько сот метров она свернула вправо.

Сосредоточив внимание на дороге, Оливер выехал на шоссе М-40 и через пять минут уже мчался на скорости восемьдесят километров в час по эстакаде Уэстуэй, опутив солнцезащитный щиток и щурясь на яркое заходящее солнце над дальними скатами крыш.

Вдруг ему снова показалось, будто он вышел из собственного тела. Он видел машину перед собой, ленту дороги перед капотом, красные стрелки спидометра и тахометра, но ощущение было, словно за рулем сидел кто-то другой, а он сам, как привидение, наблюдал за происходящим сверху.

Снова наркотик, твердил он себе. *Я здесь, я за рулем, я веду машину, я держу руль, это я, я жив.*

Я мыслю, следовательно, я существую. Я веду машину, следовательно,

я существую. Главное – сохранять спокойствие, все пройдет, надо потерпеть.

– Вера, – спросил он, – где твой паспорт?

Голос звучал странно – как будто он слушал самого себя со стороны.

Последовала долгая пауза. Оливеру даже показалось, будто Вера заснула. Неожиданно она сказала:

– Дома. В Суссексе.

На ходу он обдумывал новую проблему. Чтобы добраться до ее дома, понадобится часа полтора, но ей необходимо захватить и какую-то одежду. Хотя ехать туда очень опасно. Как только полиция поднимет тревогу, ее дом – первое место, где ее будут искать. Скоро тревогу объявят во всех аэропортах, на всех железнодорожных станциях, в «Евротуннеле». Слишком рискованно сейчас пытаться вывезти ее из страны. И потом, ей нужно быть здесь, чтобы присутствовать на заседании комиссии, которая может отменить принудительное лечение.

Он нажал несколько кнопок на мобильном телефоне. Сухой треск, потом мужской голос:

– Алло?

– Джерри!

– Оливер! Как ты, друг мой? Я часто думаю о тебе.

Оливеру стало чуть легче. Из всех его английских знакомых Джерри Хаммерсли был самым симпатичным. Несмотря на солидный возраст – пятьдесят пять лет – и два успешных предприятия, агентство недвижимости в пригороде Лондона и компанию по поставкам дорогих вин, Джерри до сих пор ищет женщину своей мечты. Энергичный, живой коротышка напоминал Оливеру комика Граучо Маркса.

Джерри пришел к нему на прием шесть лет назад, после того как Оливер дал интервью на радио о лечении тревожности с помощью гипноза. Тогда Джерри бросила невеста, и самооценка у него была почти на нуле. Как сказал потом Джерри, Оливер изменил его жизнь.

– Джерри, ты говорил, если мне когда-нибудь понадобится тихое, спокойное место, я могу пожить в твоём загородном доме. Предложение еще в силе?

– Конечно. Можешь оставаться сколько захочешь – там сейчас никого нет. Не знаю, когда смогу выбраться туда, но точно не в эти выходные.

– Мне нужно пробыть там всего день-два.

– Отлично! Когда хочешь приехать?

– Если можно, сегодня.

– Конечно, приезжай. Жаль, что нельзя перед твоим приездом

пригласить уборщицу...

– Не важно.

– В морозильнике есть хлеб. Стерилизованное молоко. В погребе море вина и пива. Пей сколько хочешь, ладно? Ешь все, что найдешь.

– Что-нибудь куплю по дороге.

– Не надо. Помнишь, где хранится запасной ключ?

– Конечно.

– А как отключать сигнализацию?

– Угу. Джерри, мне нужно, чтобы ты оказал мне еще одну огромную услугу.

– Какую?

– Не говори никому, где я. Ни одной живой душе.

– Никому не скажу. У тебя произошла страшная трагедия; представляю, как ты устал от репортеров. Мой рот на замке. В шестнадцатом веке одного из моих предков полгода пытали инквизиторы. Ему раздробили все пальцы на руках и на ногах, потому что он не выдавал имен еретиков. Его подвешивали на дыбе, сажали на стул, утыканный гвоздями, ему разорвали прямую кишку, и он больше никогда в жизни не мог нормально сидеть. Мы, Хаммерсли, умеем хранить тайну, Оливер. Это у нас в крови.

Когда Оливер нажал отбой, Вера спокойно заявила:

– Мы должны забрать Алека.

– Алека?

– Если мы его не заберем, Росс будет использовать его как оружие против меня.

Оливер недоверчиво переспросил:

– Ты хочешь заехать к себе домой и забрать сына?

– Мы должны это сделать.

– Ты понимаешь, что с тобой произошло и что мы делаем сейчас?

– Да... вроде бы понимаю.

Оливер попытался разубедить ее. Каждые несколько секунд он проверял ее реакцию, желая убедиться, что она в достаточной степени пришла в себя и все понимает. Вроде бы она в норме. Но после того, как он логически доказал ей, как опасно ее стремление, она оставалась по-прежнему непреклонной и заявила, что они должны забрать Алека.

Оливер посмотрел на часы. Без пяти девять.

Вера дотронулась до его плеча и развернулась к нему. В глазах у нее плескался страх.

– Прошу тебя, Оливер. Не знаю, на что еще способен Росс... Если что-

нибудь случится с Алеком... если он что-нибудь сделает ему, чтобы отомстить мне... я не переживу...

Оливеру не понравилось ее состояние, но он понял.

– Мы его заберем, – обещал он. – Прямо сейчас поедem за ним.

Входная дверь была закрыта на цепочку. За дверью бесновался Распутин. Стараясь перекричать его лай, Вера, стоя на пороге Литл-Скейнз, звала:

– Мама, открой дверь!

– Я звоню в полицию. Ради твоего же блага! – отвечала мать.

Вера замолотила в дверь кулаками и завопила:

– Сейчас же открой дверь! – В порыве отчаяния обернувшись к Оливеру, она сказала: – Где твой мобильник? Набери здешний номер – быстро! Заблокируй его, чтобы она не могла никуда звонить!

– Скажи номер.

Повторяя про себя цифры, Оливер подбежал к джипу и набрал нужный номер.

– Пусти меня, или я разобью окно! – кричала Вера. Она быстро соображала. Ключ от парадного подходит также и к двери черного хода, которая вела на кухню, но мама наверняка и на нее накинула цепочку. Мама боится здесь, в глуши. – Мама! – От отчаяния голос срывался на визг. – Мама, черт побери,пусти меня!

Через окно-фонарь кабинета Росса Вера видела мать, которая стояла у стола и держала в руке телефонную трубку. Она уже собиралась подбежать к окну, постучать в него, разбить, если нужно, как вдруг из-за двери послышался тоненький голосок:

– Мама! Мамочка приехала!

– Алек! Милый! Сними цепочку!

Дверь открылась, и на крыльцо выбежал Распутин, едва не сбив ее с ног. Алек подскочил к ней, обвил руками ее шею и крепко обнял.

Оливер стоял за ней, поднеся к уху мобильный телефон. Вера, минуя холл, вбежала в кабинет Росса, выхватила из рук у матери трубку и вырвала базу радиотелефона из сети.

– Он травит меня! – крикнула она матери. – Дура ты, мой муж регулярно травит меня, а ты ему помогаешь!

– Вера, послушай... Послушай меня, дорогая, ты сейчас не...

– Послушайте меня, – сказал Оливер. – Миссис Филлипс, я...

– Я вас помню, вы уже приезжали сюда. Кто вы такой? Что вы делаете с моей дочерью?

– Я врач вашей дочери.

– Моя дочь наблюдается у доктора Риттермана.

Оливер подал Вере знак глазами.

– Паспорта, – сказал он ей. – Одежда.

Вера бросилась к двери. Оливер приблизился к ней и прошептал в самое ухо:

– Выдерни все телефоны в доме из розеток. Мобильный у нее есть?

Вера покачала головой.

– Две минуты, и нам пора выбираться. – Он развернулся к ее матери: – Миссис Филлипс, вы слышали о таком наркотике – кетамине?

Маргарет Филлипс, босая, в мешковатой футболке и джинсах, скрестила на груди полные руки:

– Ну и что с того?

– Это анестетик, который вызывает галлюцинации и поведение сходное с психозом. Ваш зять регулярно давал кетамин вашей дочери.

– Моя дочь очень опасно больна.

– Нет, ее болезнь не так опасна – пока что. Мне кажется, с ее болезнью мы справимся. Но наркотик, который регулярно подмешивает ей ваш зять, не имеет никакого отношения к ее болезни. Он дает ей наркотик, потому что он психически болен.

– Вы сами не понимаете, что несете. Росс боготворит мою дочь. Он самый лучший муж и самый преданный отец на свете, и, кроме того, он – один из самых блестящих хирургов в нашей стране. И не надо убеждать меня, будто...

– Миссис Филлипс, прошу вас, выслушайте меня...

– Нет, это вы выслушайте меня, – перебила его мать Веры. – Менее десяти минут назад мне звонили из клиники «Роща» и сообщили, что к моей дочери приезжал посетитель, некий доктор Оливер Кэбот – очевидно, это вы и есть, – а потом моя дочь пропала. Меня просили сообщить им, если она объявится здесь. Именно так я и намерена поступить.

– Разве вы не любите Веру? – спросил Оливер. Он попытался посмотреть ей в глаза, но мать Веры была слишком зла, слишком взвинчена.

– Она моя дочь, доктор Кэбот. Я очень люблю ее.

– Тогда помогите нам. Если вы отправите ее назад, в клинику «Роща», муж, скорее всего, убьет ее.

– Вот как? – язвительно усмехнулась Маргарет Филлипс. – А вы, полагаю, намерены чудесным образом исцелить ее?

– Да, – кивнул Оливер. – Не чудесным образом, а просто – исцелить, вылечить.

В глазах женщины на миг мелькнуло замешательство.

– Мою дочь направили на принудительное лечение. Если вы и в самом деле ее врач, надеюсь, вы будете действовать по закону и вернете ее в больницу, в которой ее содержат.

– Мистер Рансом специально пичкал Веру наркотиками; он хотел, чтобы ее признали душевнобольной, невменяемой, чтобы ее отправили на принудительное лечение! У меня есть доказательство. – Оливер достал из кармана конверт, надписанный сестрой Даррент, вскрыл его и извлек оттуда пробирку. – Здесь кровь вашей дочери. Завтра я отдам ее на анализ в лабораторию, и там, скорее всего, обнаружат кетамин. Кое-кого ждут серьезные неприятности, так как придется объяснять, как в ее кровеносной системе оказался анестетик, применяемый в травматологии.

– Что бы он ни делал, он поступает так из самых лучших побуждений. Я бы спокойно доверила ему собственную жизнь. Я ясно выражаюсь?

– Я увожу Веру, а она забирает с собой сына. Я отвезу их в любое место, куда она пожелает, и, если вы на самом деле любите дочь, вы отпустите ее и не станете никому сообщать о том, что она была здесь.

– Я позвоню в больницу, как только вы увезете ее отсюда! Если вы на самом деле ее врач, предлагаю вам оставить Алека здесь, а мою дочь отвезти назад, в клинику. В противном случае вас ждут очень крупные неприятности.

– Миссис Филлипс, – Оливер решил сделать последнюю попытку, – пожалуйста, поверьте мне, прошу вас. Скажите, что мне сделать, чтобы убедить вас?

Мать Веры по-прежнему стояла скрестив руки на груди.

– Доктор Кэбот, Росс подробно рассказал мне о вас, – заявила она. – Вы – шарлатан, но вам каким-то образом удалось околдовать мою дочь. По моему, вы – злой и опасный человек. Вы не сумеете ни в чем убедить меня, доктор Кэбот. Скорее ад замерзнет, чем вы убедите меня в своей правоте.

По ту сторону матовой стеклянной перегородки находился телефон, и он звонил, звонил – все громче с каждым звонком. *Надо подойти, надо ответить, надо, надо...*

Он ударился о стекло головой. Потом еще раз, сильнее. Стекло было мягким; оно оказалось полиэтиленовой пленкой, пленка растягивалась, и он навалился на нее всей тяжестью, чувствуя, что она поддается, рвется... Вдруг она снова отвердела и превратилась в стеклянную стену, которая взрывалась миллионами осколков. Лицо ожгло раскаленным воздухом. Вокруг распадались осколки стекла – и вдруг они превратились в перья, которые поднимались вверх и разлетались по комнате.

Над ним смыкались холодные черные волны размером с дом. Он вскрикнул и поднырнул. Открыл глаза. Станный прозрачный свет. Один источник света, дверь, ведущая в коридор, оттуда льется яркий свет, а здесь темно. Звонит телефон. В кровати. Он потянулся к прикроватному столику, но столика на месте не оказалось.

Где я, черт подери?

Звонки все громче. Телефон справа от него. Он спит с левой стороны кровати. Все слева от него. Вода, книга, носовой платок, будильник, телефон.

Телефон оказался справа.

Постепенно в голове прояснялось. Он протянул руку, нащупал мобильник, уронил, поднял, нажал какую-то кнопку, поднес трубку к уху.

Голос с ирландским акцентом. Знакомый.

– Мистер Рансом?

Кто такой, мать его?

– Д-да.

Голова кружится, как маятник в темноте. Мелькают обрывки мыслей, воспоминаний – и тут же исчезают.

– Вы звонили мне раньше, пытались со мной связаться. Что вам нужно? – Голос наглый, дерзкий.

Он вспомнил имя; оно всплыло ярким пятном из темноты, но ему пришлось подождать, пока голова сделает полный круг, прежде чем он осознал его окончательно. Наконец он сумел выговорить:

– Кейвен?

– Наверное, нам лучше поговорить утром?

– Утром?

– Поговорим утром. Вижу, я вас разбудил. Позвоните мне утром.

В голове что-то кричало: «Срочное дело, очень важное, нельзя, чтобы он...»

– Нет! Сейчас! Я... Мне... нужно поговорить... нам нужно... сейчас...

– Вы что, надрались?

Голова словно окунулась в черную жижу. Он что, правда надрался?

Где же я, черт побери, нахожусь?

– Нет... я только что проснулся... Кейвен... нам с вами... нам нужно-нужно говорить... обсудить важное...

Я в клинике. Я в гребаной клинике, на больничной койке! «Роща». Больница. Я приехал потому, что...

«Гролш». Два «Гролша»? Жара?

Лифт! Что-то произошло с ним в лифте, но он не может вспомнить, что именно. Участок памяти заблокирован, наглухо закрыт. Кейвен. Почему он обязательно должен поговорить с ним?

Потом он вспомнил. *Полиция! Вот оно! Не дать Кейвену пойти в полицию.*

– К-кейвен... нам надо п-поговорить сейчас. К-торый час?

– Пять минут одиннадцатого.

– Вечера?

– Да, пять минут одиннадцатого вечера. Вы пьяны, перезвоните утром, когда протрезвеете.

– Нет... нет, погодите. Алло, Кейвен!

– Я здесь.

Понемногу память возвращалась к нему. Подземная автостоянка.

– Мы... с вами плохо п-поговорили... совсем плохо. Н-нам... мы... – Боже, в голове все перепуталось, сплошная каша, слова не желают выговариваться. – Мы... вы, я... нам... надо поговорить... сейчас. Где?

– Сейчас пять минут одиннадцатого вечера, – напомнил частный сыщик.

– Через полчаса. Только приведу себя в норму.

– Утром.

Послышалось три коротких гудка. Кейвен отключился.

– Мать твою! – Росс мигая смотрел на яркий свет, льющийся из коридора. Глаза постепенно привыкали к темноте. Он в больничной палате и лежит на кровати. Почему?

Пять минут одиннадцатого.

Когда же он, черт побери, сюда приехал? Ансон. Сержант уголовного

розыска Ансон. Они выпили по паре бутылок пива, а потом он пришел сюда пешком... в восемь... около восьми... а что потом?

Дальше – преграда. Наглухо запертая дверь. Не пускает. Не дает вспомнить.

Спустил ноги на пол, на ковровое покрытие. Туфель не было. Пол вдруг ушел из-под ног. Росс споткнулся, его качнуло вперед, потом вбок; схватился за что-то – не понимая, что это – прикроватный столик... упал, потянув столик за собой... ударился об пол. Звон разбитого стекла.

Вдруг комнату залил яркий свет.

Он поднял голову. Над ним склонилась медсестра в клетчатой форменной блузке с поясом. Он узнал ее в лицо, но имени вспомнить не смог. Сестра смотрела на него так, словно он был ребенком. Потом она нагнулась и помогла ему подняться на ноги.

– Вы в порядке, мистер Рансом?

– В порядке.

– Вы порезались... Сейчас заклею щеку пластырем. Ложитесь-ка снова. Давайте ляжем в постель.

Он оттолкнул ее. Его наполнял ужас. Память возвращалась. Капельница! Он должен был поменять капельницу в половине седьмого...

С трудом удерживаясь на ногах, он сказал:

– Вера, моя жена... я должен пойти к жене. – Вдруг он понял, что пиджака нет.

Мешочек для капельницы был в кармане пиджака.

– Где мой пиджак?

Она показала за дверь. Росс подошел к вешалке, снял пиджак и сразу, по весу, догадался, что мешочек исчез. Его унесла медсестра? Она как-то странно смотрит на него.

– Пойду принесу пластырь, и мы заклеим вам щеку, – сказала она и вышла.

Он сунул руки в карманы. Правый карман. Что-то влажное, мягкое. Вытащил. Пустой мешочек.

Страх поутих. Облегчение. *Должно быть, я заменил мешок!*

Сестра вернулась с липким пластырем, ватным тампоном и бутылочкой какого-то антисептика. Он сидел на кровати, пока она обрабатывала порез.

– К-как... как моя жена? – Он прочел фамилию сестры на беджике. Палатная сестра Шила Даррент.

– Ее нет, мистер Рансом.

До него не сразу дошел смысл его слов.

– Н-не понимаю. Как «нет»? Где она?

– Она ушла. Исчезла. Пропала.

– Что-о-о-о?!

– Извините.

Он встал, пошатнулся. Ярость клокотала в нем.

– Что-о-о-о?! Ушла? Ушла?!

– К ней приезжал ее лечащий врач. Доктор Кэбот. Они оба пропали.

– Вы шутите?

– Боюсь, что нет.

Он крепко сжал кулаки:

– Как она могла уйти? Ради всего святого, здесь же клиника... Как?

Как? Как?!

– Никто не знает.

– Она на принудительном лечении... она не имеет права уходить! –

Голова опять бешено закружилась. – Где она?

– Неизвестно.

– В полицию сообщили?

– Да.

Он споткнулся о стену, и стена начала вращаться, как громадная центрифуга.

– Подонок Кэбот, шарлатан... он ее любовник. Они спят вместе. Он трахает мою жену. Вы пустили сюда ее любовника и позволили ему увезти ее?

– Извините, мистер Рансом. Вы прибыли сюда, мягко говоря, не в том состоянии, и всем сотрудникам пришлось ради вашего же блага укладывать вас в постель... чтобы вы избежали неприятностей.

– Оч-чень мило с вашей стороны, мать вашу!

– Если будете ругаться, я сейчас уйду и вернусь, когда вы протрезвеете. Понятно?

– Н-ничего не понятно, мать вашу...

Она вышла и захлопнула за собой дверь.

Росс сел на кровати. Комната подпрыгивала то вверх, то вниз; в черепе у него что-то гудело, как будто туда попало насекомое – мотылек или пчела; насекомое летало и билось о черепную коробку. Он увидел, что на полу валяется мобильный телефон, и понял, что телефон его собственный.

Он поднял трубку и вошел в меню, нашел рубрику «Принятые вызовы», нашел нужный номер и набрал его.

Хью Кейвен ответил со второго звонка:

– Да, алло.

– Кейвен, нам надо встретиться сегодня, сейчас. Я принесу все деньги, которые я вам должен, и даже больше.

– Насколько больше?

– Еще тысячу.

– Где вы хотите встретиться? – спросил Кейвен.

– Я... ох...

– Где вы?

– Клиника «Роща»... между... Веллингтон-роуд и Мейда-Вейл...

– Возле вас есть отель «Хилтон», напротив крикетного клуба «Лордз». Знаете?

– Н-найду.

– У входа есть кафе и бар. Через полчаса я подъеду туда, но не заставляйте меня ждать. Сегодня в полночь по каналу «Скай» фильм «Вудсток»; его показывают очень редко, и я не хочу его пропустить. Вы хорошо меня слышите, мистер Рансом? Вам ясно?

– «Вудсток», в полночь. Про поганых хиппи. Ясно, – ответил Росс. – Уже еду. Вы, наверное, больной, Кейвен, раз любите такие фильмы.

Прошло двадцать пять минут. Оливер молча вел машину, постоянно поглядывая в зеркало заднего вида – не преследует ли их полиция. Почти половина двенадцатого. Даже если охранник в клинике «Роща» и не запомнил номер джипа, мать Веры наверняка включила один из телефонов или пошла к соседям и уже успела позвонить в полицию.

Осталось проехать всего восемь километров.

Меньше пяти минут.

Он осторожно увеличил скорость со ста двадцати до ста тридцати километров в час. Алек за его спиной увлеченно играл в «Гейм-Бой». Вера, как ему показалось, спала.

Впереди показался еще один щит; стрелка с нарисованным самолетом указывала влево. Аэропорт Гатуик.

Нервы у него были на пределе. Всего какая-то минута, и конец. В зеркале заднего вида показалось что-то с фонарем на крыше... Черт! Он с облегчением выдохнул. Всего лишь такси.

Они въехали на территорию аэропорта; в ноздри сразу ударил запах керосина. Следуя указателям, он вырулил на долговременную стоянку и остановился у парковочного автомата. Обычная супружеская пара с ребенком; они оставляют машину и, подобно тысячам других семей, спешат на ночной рейс. Оливер вытянул из автомата билетик и, когда поднялся шлагбаум, проехал несколько метров вперед. Целых две площадки; есть из чего выбирать.

Оливер наугад выбрал стоянку и поехал по периметру. Вокруг были припаркованы сотни машин.

Прекрасно!

Он медленно двинулся по проходу; все машины были четко видны в неоновом свете. Проехал мимо «джипа-чероки», такого же, как у него, но другого цвета и года выпуска. Соблазнительно, но, может, удастся найти что-то получше. Он проехал вдоль следующего прохода. Еще два джипа, один тоже другого цвета и года. Еще один находится слишком близко к автобусной остановке, где стоит мужчина с чемоданом.

Вдруг, на противоположном конце площадки, в сравнительно неосвещенном месте, у самой ограды, он увидел темно-синий «джип-чероки», такой же, как у него. Он объехал кругом и медленно приблизился к цели. Судя по номерным знакам, год выпуска тот же, что и у него. И

свободное пространство рядом имеется; места много – могли бы встать три машины.

Вроде бы вокруг никого.

– Мы полетим на самолете? – взволнованным голосом спросил Алек.

– Не сегодня, – ответил Оливер. – Но скоро обязательно полетим.

– Куда?

– А куда бы ты хотел?

– М-м-м... – Мальчик задумался. – Я бы хотел... Не знаю.

Оливер открыл дверцу. Вера вздрогнула, когда он вылез.

– Я скоро, – пообещал он.

Он вытащил с заднего сиденья куртку, достал из кармана бумажник, а оттуда вытащил карточку «Мастер-кард». Потом внимательно оглядел стоянку. Никто не идет сюда, парочки не милуются на расположенной поблизости стоянке для грузовиков. Похоже, все стоящие здесь машины пусты. Над их головами вдруг посветлело: самолет с ревом шел на посадку.

Он подошел к другому джипу и положил руку на капот. Теплый. Хорошо, значит, на нем приехали совсем недавно. Никто не оставляет машину на стоянке для длительной парковки меньше чем на сутки.

Он опустил на колени и, ощупав табличку с лицензионными номерами, нашел слабое место и просунул туда угол карточки. В прошлогоднюю жару у Оливера отвалилась передняя табличка. Тогда-то он и узнал от механика автосервиса, который ремонтировал машину, что лицензионные таблички на большинстве джипов крепятся с помощью обычной двусторонней клейкой ленты.

Карточкой он расширил зазор так, чтобы вошли пальцы. Потом сильно потянул, но не слишком сильно, чтобы не сломать табличку. Лента отлепилась, и табличка оказалась у него в руке вместе с приклеенной к обратной стороне лентой. Он аккуратно положил ее на землю клейкой стороной вверх и проделал то же самое с задней табличкой, затем так же отклеил собственные переднюю и заднюю таблички.

Через пять минут, довольный тем, что на его машине номерные знаки, которые ничего не скажут полиции, он мчал прочь от аэропорта на север, на шоссе М-25, откуда потом можно будет свернуть на запад. Он установил скорость на ста тридцати километрах в час, включил радио «Классика FM» – сделал звук очень слабым, чтобы не разбудить Веру, – и предался размышлениям.

За ним, склонившись над крошечным экраном игровой приставки, Алек спасал человечество от злобного динозавра.

– Вы опоздали. Я уже собирался уходить. Я говорил вам, что не хочу пропустить фильм.

– Я пошел в «Хилтон» на Парк-Лейн, – объяснил Росс. – Даже не понял, что вы имели в виду другой гребаный «Хилтон». И потом, разве у вас нет видеомэгнитофона? Фильмы можно записывать.

– Я, кажется, ясно выразился: «Хилтон» у клуба «Лордз», – возразил Хью Кейвен. – Я жду вас уже сорок минут.

Частный детектив раскинулся на диванчике; на нем были белая футболка и джинсы, кожаная куртка валялась сзади, на подушках; на сиденье лежала связка ключей. Росс неуверенно потоптался рядом, щурясь от облаков густого, едкого табачного дыма, клубящегося над массивной стойкой. В дыму было трудно сконцентрироваться.

– А еще я сказал, что не желаю с вами разговаривать, пока вы не протрезвеете.

– Я не пьян. – Росс тяжело плюхнулся в кресло напротив частного детектива. На столе между ними стояли пустая кофейная чашка и блюдце орехов. Росс вдруг ощутил зверский голод и, взяв пригоршню орехов, закинул их в рот. Потом постарался сосредоточиться на Кейвене.

Кончик носа у частного сыщика был малинового цвета; один глаз полузакрыт, под ним чернел синяк.

– Вы принесли чековую книжку?

– Сколько, вы сказали?..

– Пять тысяч. И еще тысячу. Вы говорили, что...

– Что с-с вашим носом? – осведомился Росс. – П-попали в аварию?

– Аварию?!

Росс кивнул. Кажется, он до сих пор не может нормально говорить; а еще ему трудно вспомнить самые обычные слова.

– Вы о моем разбитом носе? Вы же сами боднули меня головой, помните?

– А! – Память понемногу возвращалась к нему.

Лицо Кейвена потемнело от злости.

Росс постарался свести все к шутке:

– Я пластический хирург... если хотите, сделаю вам новый нос, еще лучше...

– Я бы не доверил вам лечить даже хомяка моего сынишки, – ответил

Кейвен. – По-моему, вы должны извиниться.

– Из-звините. – Росс достал чековую книжку и стал рыться в карманах в поисках ручки.

Подошел официант.

Росс заказал стакан воды и посмотрел на Кейвена.

– Поз-звольте купить вам в-выпить?

– Нет, спасибо. Еще две минуты, и я уйду.

Официант ушел. Росс пытался вспомнить. Лицо Кейвена расплылось нечетким пятном. Ему ужасно нужно было увидеться с этим человеком, о чем-то попросить его... Ага, попросить молчать, он хотел купить его молчание. Молчание – главное. И найти Веру. И Кэбота. Это второе.

– С-слушш... Извините... С-стоянка... Я... у меня было плохое настроение, нам с вами надо серьезно поговорить.

– Мы и так говорим, – возразил Кейвен. – Проговорим еще полторы минуты, а потом я еду домой смотреть «Вудсток» по цифровому каналу. – Он бросил выразительный взгляд на часы.

– Вы... х-хотите шесть тысяч фунтов. Дам вам десять... – Росс остановился. Стены бара закружились. – Д-десять ш-штук. Мы ос-стаемся друзьями. Молчание. Мы п-поняли друг друга?

– Мистер Рансом, вряд ли мы с вами когда-нибудь станем друзьями.

– Н-нет... я хотел сказать... полиция... доктор Кэбот... брат... кто-то убил... брата. Я предпочитаю... моя р-репу-тация... врача... моя клиентура... лучше, если вы не с-скажете полиции, что работали на меня.

Выражение лица Кейвена вмиг переменялось.

– Так вот почему вы вытащили меня сюда? Вот зачем хотели поговорить?

Россу было наплевать на выражение лица частного сыщика. В голове заревел сигнал тревоги. Он понял, что сказал что-то не то. Надо было промолчать.

– Нет... н-не важно. Я... хотел поговорить с вами, потому что тот тип, К-кэбот... моя жена... К-кэбот куда-то увез ее. Мне нужно, чтобы вы ее нашли... ей н-надо принимать лекарство. Надо найти ее ради ее же блага.

– Она вас бросила?

– Он ее ув-вез.

– Доктор Оливер Кэбот увез вашу жену? Она ушла от вас к нему?

Росс кивнул и беспомощно всплеснул руками.

– Вы не знаете, где они?

– Н-нет, черт побери, не з-знаю... они... они... – Взгляд Росса упал на его чековую книжку. Официант принес стакан и бутылку минеральной

воды, поставил все на стол.

Когда он ушел, Кейвен наклонился вперед. Он явно оживился:

– Уехали в его машине? Он увез ее в своей машине? В «джипе-чероки»?

– Откуда я, черт побери, знаю? Знаю только, что он з-запихал ее в какой-то здоровый «танк» и увез. Найти их – в-ваша работа...

Кейвен постучал по циферблату часов:

– Время вышло. – Он встал.

– П-погодите... пжалста...

– Вы будете говорить дело или нет? Вы и так почти исчерпали мое терпение, понятно?

Росс жестом попросил Кейвена сесть.

– Д-дело. Не знаю, в какой машине.

Кейвен сел.

– Ваша жена куда-то уехала с доктором Кэботом? Они уехали из Лондона?

Росс пожал плечами:

– Понятия не имею.

– Я поставил в джип Кэбота датчик, с помощью которого можно определить координаты автомобиля, – сказал Кейвен. – В самом начале слежки. Я могу определить его точное местонахождение по компьютеру у себя в кабинете.

Росс почувствовал, как внутри нарастает возбуждение.

– Насколько точное?

– Позвоните мне утром, я посмотрю. Если они поехали в джипе доктора Кэбота, я найду их. И определю местонахождение машины в любой точке земного шара в пределах пятидесяти метров. Такой вариант вас устроит?

Навалилась усталость; Оливер зевнул. Открыл окно, впуская в салон поток прохладного ночного воздуха. Двадцать минут первого. Машин на дорогах мало, стало значительно свежее. По радио передавали прогноз погоды; с Атлантики надвигается циклон. Завтра переменная облачность.

Развилка 13. Поворот на Суиндон. Оливер свернул на шоссе М-4 и поехал по хорошо знакомой дороге. Миновал указатель «Криклейд», затем «Сайренчестер». Еще пятнадцать минут, и они у цели. Еще пятнадцать минут не попадаться полиции – и они в безопасности.

Из темноты в зеркале заднего вида материализовались фары; машина быстро нагоняла, затем замедлила скорость и пошла ровно, на одной скорости с ним. Оливер бросил нервный взгляд на спидометр. Сто двадцать. Оливер снизил скорость до ста. Машина сзади тоже притормозила и ехала за ним.

Черт!

Им овладело беспокойство. Может, их уже объявили в розыск? Номера другие; возможно, на них не обратят внимания. Но, если он нарушит правила или если их просто остановят для проверки документов, его ждут неприятности, потому что он понятия не имеет, как зовут владельца джипа, с которым он поменялся номерами, и где он живет.

Он снизил скорость до ста километров в час. Машина сзади по-прежнему ехала за ним. В голове крутились самые дикие предположения. Он прекрасно изучил здесь все проселочные дороги; но можно ли ускользнуть от полиции? Ему достаточно всего пяти минут, и тогда...

К облегчению Оливера, преследователи скоро обогнали его; видимо, водителю надоело тащиться следом. Из динамиков несся мощный рэп. Машина умчалась в ночь.

Просто выводок придурков.

Вера проснулась от шума.

– Где мы?

– Осталось еще восемь километров, – сказал он.

Она повернула голову – посмотреть, что делает Алек. Мальчик сладко спал. Вера снова закрыла глаза.

По радио передавали оперу Пуччини «Манон Леско». Манон бродила по американской глуши и пела жалобную арию. Женщина, которая предпочла любовь деньгам, но затем передумала – с роковыми для себя

последствиями. Женщина, которая позволила нерешительности разьесть, а потом и разрушить свою жизнь.

Есть вещи в жизни, которым надо отдаваться без остатка, не оставляя места сомнениям. Сомнение убивает. Тот, кто колеблется, погиб. Это относится к медицине в такой же степени, как к войне или чему-то другому. Высший суд. Он может исцелить Веру, спасти ее от болезни Лендта. Она достаточно восприимчива и умна; к тому же у нее сильный характер. Он уверен: за три месяца, если он получит карт-бланш, он победит болезнь. Оливер вдруг понял это так же отчетливо, как раньше понял все про фирму «Молу-Орелан». Они вовсе не заинтересованы произвести лекарство, которое победит болезнь Лендта – или любую другую болезнь. Они зарабатывают больше денег на том, что делают людей зависимыми от лекарств, подсаживают их на свои таблетки на долгие годы, но не излечивают болезнь до конца. Если бы Вере каким-то чудом повезло, она была бы обречена до конца дней своих глотать капсулы «Молу-Орелан». И мириться со всеми побочными эффектами лекарства.

Он проехал указатели промышленных зон Сайренчестер и Страуд и повернул в сторону Котсуолдза. Километра через три будет разворот, который легко пропустить. Он проехал знакомую вывеску паба «Заяц и гончие» и замедлил скорость. Дорожный указатель впереди разветвлялся: отсюда можно проехать в Буртон, Строу-он-зе-Воулд, Моуртон-ин-Марш. Потом слева он заметил знакомый указатель на Чедуорт, Уитингтон и Фарм-Трейл.

Он резко затормозил и повернул налево, описав широкую дугу. Километра через два-три он заметил слева знакомый поворот на проселочную дорогу. У дороги стоял недостроенный коровник с огромной вывеской «Продается»; недострой продавался уже много лет, сколько он себя помнил. Перед коровником Оливер повернул направо, на узкую грунтовую дорогу, чуть шире его джипа. Примерно через километр дорога круто обрывалась вниз, в лощину, где находилась деревушка, застроенная серыми каменными домами за скудными каменными стенами.

В темноте легко можно было пропустить нужный поворот, поэтому на выезде из деревни Оливер снизил скорость до предела. Увидев красивые распахнутые ворота, он вздохнул с облегчением. После того как он проехал в ворота, почти сразу нужно было поворачивать налево. Дальше дорога пошла прямее, и впереди справа он увидел аллею, которая вела к дому. Улыбаясь от радости, он въехал в прочные ворота, которые всегда были открыты.

Шины загрохотали по решетке, которая препятствовала выходу скота с

пастбища на дорогу. В свете фар мелькнул перепуганный кролик, который метался то вправо, то влево, потом снова вправо. Оливер притормозил, чтобы не задавить зверька; наконец тот скрылся в живой изгороди.

Оливер вздрогнул, услышав голос Алека:

– Когда мы приедем?

– Почти приехали. Еще пара минут.

– Я ничего не вижу, – пожаловался Алек.

Впереди темнели какие-то хозяйственные постройки. Фары высветили навес, под которым были навалены какие-то тюки и ржавел сломанный трактор. Оливер почувствовал резкий запах гниющего сена и навоза, потом еще более резкую вонь из свинарника. Где-то залаяла собака.

Он въехал еще в одни ворота; дорога пошла в гору, к сосновой рощице. За рощей дорога побежала вниз, между двумя каменными оградами, за которыми тянулись пастбища. В конце он повернул направо, проехал еще в одни ворота и переехал еще одного «лежачего полицейского» для скота. Дорога опять пошла вверх, но не так круто. Метров через триста шины загремели об очередного «лежачего полицейского», а потом зашуршали по гравию. Оливер остановил машину и поднял ручной тормоз.

Вера легко прикоснулась к его плечу.

– Хорошо водишь, – заметила она.

Оливер улыбнулся, подавляя зевоту. Какое облегчение – наконец-то оказаться на месте. Он открыл дверцу и вылез, вдыхая душистый ночной воздух. Тишину нарушало только бляение овец, доносившееся издалека, тиканье мотора да шуршание подошв по белым мелким камушкам.

Он отстегнул ремень Алека и помог сонному мальчику спуститься на землю. Вера прижала к себе сынишку и огляделась.

– Здесь красиво, – заметила она. – И так спокойно!

Деревенский пейзаж купался в бледном, призрачном свете воскового полумесяца – луна была в первой четверти. В небе мерцали белые пятнышки звезд. Вдали виднелись бледно-оранжевые огни Сайренчестера.

– Я есть хочу, – сказал Алек. – Где мы?

– У нас небольшие каникулы, – ответила Вера.

– А папа сюда приедет?

Оливер увидел, как Вера наклонилась и крепче прижала к себе сына.

– Нет, будем только мы с тобой, – сказала она. – И этот милый человек, который нашел нам дом.

Перед тем как Джерри Хаммерсли двадцать лет назад купил усадьбу, она пустовала уже с полвека. Первоначально здесь находилось поместье, в котором сдавали участки земли арендаторам – с амбаром, конюшнями,

службами. В конце Второй мировой войны поместье выгорело почти до основания. Владельцы сочли, что его не стоит отстраивать.

Джерри превратил амбар и зернохранилище в красивый угловой дом, конюшню – в гараж, а сзади, в огороженном стенами саду, где раньше стоял особняк, устроил бассейн.

Оливер вынул из багажника чемодан Веры, достал ключ от дома из обычного места – под цветочным горшком – и отпер входную дверь. Он перешагнул через порог, выключил охранную сигнализацию и включил свет.

– Ух ты! – воскликнула Вера, легко ступая по плиткам холла. – Как красиво!

– Да, – согласился Оливер. В «Эмпни-Нэйри-Фарм» он провел немало мирных выходных с Джерри и его последней пассией; они гуляли, катались на велосипедах, играли в теннис, валялись у бассейна, жарили мясо на решетке. Этот дом был единственным местом на свете, которое Оливер мог бы назвать любимым. Можно прожить здесь целую неделю и никого не встретить, разве что уборщицу да садовника, которые приходили по вторникам, и смотрителя бассейна, который являлся когда вздумается. Иногда на поле выезжал какой-нибудь трактор, который обрабатывал землю. Даже почтальон не нарушал уединения «Эмпни-Нэйри-Фарм»; по договоренности с владельцем почту для Джерри оставляли в абонентском ящике в деревне. Сюда ведет только одна дорога, по которой они приехали. Через поля и с другой стороны пробраться в усадьбу можно лишь на тракторе.

Вы здесь в безопасности, Вера Рансом, – ты и Алек. Сейчас здесь для вас самое безопасное место на свете.

Шон, сынишка Хью Кейвена, в последнее время взял привычку во всем подражать отцу. Когда Хью вместо корнфлекса стал есть на завтрак пшеничные хлопья, Шон тоже перешел на них. Отец брал два куска хлеба, и Шон тоже. Папа посыпал хлопья сахаром, потом наливал в тарелку молоко – Шон поступал также. Потом, поскольку отец читал газету, Шон стал читать свой комикс «Бино», попивая апельсиновый сок также, «по-взрослому», как отец пил свой кофе; он выложил перед собой на стол игрушечный мобильник, как папа клал настоящий.

Частный сыщик любил читать раздел светской хроники. Он убеждал себя, что это нужно для дела: ему необходимо быть в курсе всех событий; никогда не знаешь, кому понадобятся твои услуги, за кем его попросят следить. Но, по правде говоря, мир богатых и знаменитых одновременно привлекал его и вызывал отвращение.

Вот почему он каждое утро первым делом открывал колонку светской хроники Найджела Демпстера в «Дейли мейл».

Сегодня, невыспавшийся, но довольный после «Вудстока», он развернул газету. В голове по-прежнему звучал «Пурпурный туман» Джимми Хендрикса. Он лениво читал «репортаж номера» о греческом судовладельце, который предложил принцу Уэльскому арендовать у него яхту на время летнего отпуска. Вдруг его внимание приковал заголовок внизу страницы:

«БИТВА ДЖЕРАЛЬДИНЫ ЗА ВЕЧНУЮ КРАСОТУ ЗАКОНЧИЛАСЬ СМЕРТЬЮ

Вчера я с грустью узнал о кончине моей 47-летней старой подруги, леди Джеральдины Рейнс-Райли. Джеральдина – лучшая подруга и доверенное лицо моей кузины, леди Шасты де Бергэн, – была общительным и веселым человеком, светской львицей. Ее любили все, кому повезло возвращаться с ней в одном кругу.

Друзья Джеральдины – в том числе и я – выражали беспокойство, узнав, что она решила сделать пластическую операцию носа, что, как теперь выяснилось, косвенным образом и послужило причиной смерти. Скорбящий брат Джеральдины, Марк (50 лет), вчера сказал следующее: „Все мы считали, что

операция ей ни к чему, так как у нее очаровательный носик, но она настояла на своем. Разумеется, никто из нас и помыслить не мог о том, что последствия окажутся такими ужасными“.

Пресс-секретарь эксклюзивной лондонской клиники „Харли-Девоншир“ подтвердил, что Джеральдина скончалась „от осложнений“ после операции ринопластики. Хирург, который делал операцию, Росс Рансом (42 года), широко известен в высшем обществе. Многие пациенты называют его „золотыми руками“. Нам не удалось связаться с ним, поскольку его не оказалось в лондонской квартире в Риджентс-Парк. К сожалению, леди Рейнс-Райли стала уже второй пациенткой, которую он потерял за последнее время: месяц назад в ходе такой же операции скончалась Мэдди Уильямс (31 год), программист компании „Бритиш эруэйз“.

Разумеется, о непрофессионализме мистера Рансома речь не идет. Однако его длительная и блестящая карьера пластического хирурга, видимо, имеет черные и белые полосы. Как я узнал, расследуя его деятельность, за годы его работы у него умерли еще 12 пациентов. В каждом случае вскрытие показывало, что вины мистера Рансома в смерти пациента нет. Тем не менее очевидно: тем, кто гонится за красотой, приходится платить высокую цену».

На кухне звякнул тостер. Сэнди, в фартуке поверх халата, позвала:

– Шон, скорее! Яйцо сварилось.

Шон крикнул в ответ:

– Папа сегодня ест яйцо?

– Да.

У Кейвена зазвонил мобильный телефон. Он отложил газету и ложку, нажал кнопку «Ответ» и прижал трубку к уху. Шон Кейвен, сидевший напротив, прижал к уху игрушечный телефон и состроил серьезную рожицу.

– Кейвен, – сказал частный детектив.

– Доброе утро. – Говорил Росс Рансом; голос у него был такой, словно он страдал от тяжелого похмелья.

– Чем я могу вам помочь в это прекрасное погожее утро?

– Не знаю, где находитесь вы, но в Лондоне чертовски мерзко – льет как из ведра.

Кейвен ничего не ответил. Здесь тоже льет дождь, но такому типу бесполезно объяснять, что он шутил. Господь забыл наделить Росса

Рансома чувством юмора. Частный детектив воззрился на раскрытую газетную страницу. Интересно, хирург уже читал статью?

– Вы сказали перезвонить утром насчет координат.

– Они у меня в кабинете. Подождите минуту.

Когда Кейвен поднялся наверх, Шон тоже велел своему «клиенту» подождать.

Координаты были записаны на листке бумаги, лежащем у компьютера.

– Вы слушаете, мистер Рансом?

– Да.

– Пятьдесят один градус сорок восемь минут пятьдесят секунд северной широты, один градус пятьдесят шесть минут восемьдесят одна секунда западной долготы.

– А попроще нельзя?

– Они где-то в Глостершире, в окрестностях Сайренчестера.

– Точнее вы сказать не можете?

– Как я вам и говорил, я установил местонахождение машины с точностью до пятидесяти метров. Вам необходимо свериться с топографической картой местности.

– Кажется, вчера я заплатил вам за то, чтобы вы их нашли.

– Да, заплатили, и я их нашел. А сейчас извините, у меня завтрак стынет. Всего доброго, мистер Рансом.

Нажав отбой, Хью Кейвен спустился вниз. Шон разговаривал по игрушечному мобильнику.

– За столом – никаких разговоров, – заявил отец и ухмыльнулся.

Малыш такой забавный! Он так гордился сынишкой, что иногда ему становилось больно.

Будешь ли ты гордиться мною, когда вырастешь? Будешь ли по-прежнему подражать мне во всем? Если да, позволь мне уже сейчас подать тебе хороший пример.

Он снова взял «Дейли мейл» и перечитал кусок статьи, посвященный Россу Рансому. Потом перечитал снова.

Он не сводил взгляда с газетной полосы в продолжение всего завтрака, время от времени бросая косые взгляды на Шона. Наверху, у него в бумажнике, лежит чек от клиента на шесть тысяч фунтов, которые ему очень нужны. Где проходит граница между порядочностью и предательством?

Ты убийца, Росс Рансом. Ты убил Барри Гатта; и ты почти наверняка прикончил ту леди Рейнс-Райли, а до нее – остальных. Не спрашивай, откуда я знаю; просто знаю, и все.

Когда они закончили завтракать, Хью Кейвен вернулся в кабинет, закрыл за собой дверь, набрал номер справочной и попросил дать ему номер коронерской службы Вестминстера.

Около семи утра Алек нашел телевизор. Сквозь сон Вера слышала, как сынишка украдкой вылез из кровати. Потом издали донеслись крики и смех.

Она продолжала спать; когда она проснулась, было уже половина десятого. Она вдохнула аромат бекона. Оливер стоял на пороге – в джинсах, кроссовках и розовой рубашке поло. Вид у него был усталый.

– Доброе утро, – сказал он, нежно целуя ее. – Раздвинуть шторы?

– Если тебе не трудно.

– Настоящий английский летний день. – По стеклу барабанили капли дождя. Он закрыл окно и повернулся к ней. Глаза их встретились.

– Спасибо, – сказала она, – за все, что ты сделал вчера ночью.

Ей показалось, что Оливер смутился.

– Мы справились. – Он сокрушенно развел руками. – Вот, пришлось позаимствовать кое-что из гардероба Джерри; кроме того костюма, в котором я приехал, у меня с собой ничего не было. – Он широко улыбнулся. – Ну, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – сказала Вера. – Вроде выспалась, но еще не до конца. А ты как?

– Поспал. Здесь я всегда сплю – всегда приезжаю сюда, когда нужно выспаться. Но в голове полный сумбур.

– А у меня сегодня все прояснилось. Мы беглецы, да?

– Ты нарушила Акт о психическом состоянии, а я тебе помогал. Нам не стоит попадаться.

– А что нас ждет сейчас?

– Завтрак. Алек проголодался. Я пожарил ему яичницу. Надеюсь, я правильно поступил?

– Я бы тоже с удовольствием съела яичницу.

– Проголодалась?

– Ужасно.

– Вот и хорошо. – Он просветлел. – Тебе нужно поесть.

Она села в большой, мягкой, прочной кровати; над головой у нее выступали деревянные потолочные балки. Комната была обставлена антикварной дубовой мебелью.

– А что после завтрака?

– Мне нужно в Лондон, повидаться со знакомым юристом. Нам

придется действовать очень быстро. – Он достал из кармана пробирку и показал ей. На первый взгляд в пробирке была кровь; сверху был наклеен написанный от руки ярлык. – Вчера вечером медсестра из клиники «Роща» взяла у тебя кровь. Она пометила дату и время. Надеюсь, анализ покажет, что в твоей крови содержится масса кетамина. Надеюсь также, что та медсестра сделала то, что я ее просил, и посмотрела, что находится в кармане куртки твоего мужа. Она должна была обнаружить там пустой мешок для капельницы со следами кетамина на стенках.

Вера испуганно спросила:

– Тебе обязательно нужно уезжать? Нельзя ли все проделать по телефону, отсюда?

– Мне нужно отвезти кровь на анализ в лабораторию.

– Где мы, в Глостере?

– Угу.

– Здесь наверняка тоже есть лаборатории – в Челтнеме.

Он присел на край кровати и взял ее за руку.

– Сегодня пятница. Садовник и уборщица Джерри приходят по вторникам. Сюда никто не явится, кроме, может быть, рабочего, который чистит бассейн. Ближайшая дорога почти в двух километрах отсюда, до ближайшей деревни – километра три. Никто не знает, что ты здесь. Все, что тебе нужно, – сидеть тихо. Не звони по телефону, потому что звонки можно отследить. Верь мне, хорошо?

– Да, верю. Просто...

– Ты ведь понимаешь, что именно творил с тобой муж?

– Да. Ты все мне объяснил.

– Хочешь, я повторю все снова, поподробнее?

– Нет, я все понимаю. Просто... Что будет, если тебя схватят?

– У меня есть образчик крови – доказательство, улика. И я не знаю, где ты. Ну и что им останется делать? Пытать меня?

Она улыбнулась:

– А если ты не вернешься?

– Я вернусь. Через несколько часов. Если мне понадобится поговорить с тобой, я тебе позвоню. Два звонка, потом отбой, потом позвоню снова. Поняла?

Она кивнула, хотя и нехотя.

– Мобильный у тебя с собой? Ты захватила его вчера из дому, когда забирала вещи?

Вера вылезла из кровати и неуверенной походкой подошла к чемодану. Она извлекла трубку из вороха одежды.

– Включи его, но не звони по нему – я сам позвоню в случае необходимости или если не смогу дозвониться на здешний стационарный телефон. Условный знак тот же – два звонка, отбой, повтор. Но сама им не пользуйся. Любой твой принятый или сделанный вызов можно проследить до ближайшей передающей станции. Поняла?

– Включить, но не пользоваться, – повторила Вера. – Два звонка, отбой, повтор.

– Умница. Какую хочешь яичницу – из одного яйца или из двух?

– Из двух, пожалуйста.

– Глазунью или прожарить с обеих сторон?

– С обеих.

Яичница получилась какая надо, хорошо прожаренная; после того как Оливер уехал, она по-прежнему сидела перед теплой синей кухонной плитой «Эй-джи-эй» за длинным и узким обеденным столом, прислушиваясь к кваканью мультяшных персонажей в соседней комнате – широкоэкранный телевизор был настроен на спутниковый канал «Скай». Вера смотрела в окно – лил дождь; синий «джип-чероки» отъехал от дома. Ей стало страшно. Она задрожала. Слишком взволнованная для того, чтобы есть, она встала из-за стола, подошла к двери и проверила все замки и запоры.

Потом Вера обследовала дом. Здесь имелось множество дверей: одна вела из стеклянной оранжереи в окруженный стенами сад с бассейном, накрытым сейчас синей крышкой, дальше – во двор, где стояла цистерна с бензином и мусорные баки. Она проверила все двери – надежно ли заперты.

Потом она вернулась в кухню, с трудом заставила себя проглотить пару ложек, а остальное выкинула в мусор.

Из окна открывался прекрасный вид на подъездную аллею, которая убегала вниз и терялась среди бесконечных зелено-бежевых полей, зеленых пятен деревьев и кустарников и отдаленной линии опор, тянущихся под серым небом. Пара суровых с виду коров фризской породы щипала траву по ту сторону проволочной изгороди.

Видимо, недавно произошел перепад напряжения в сети. Часы на электрической духовке возле плиты показывали 00.00, как и таймер микроволновки. И часы на радио, стоявшем на рабочем столе. Три табло показывали сплошные нули – как будто время остановилось. Вера машинально кинула взгляд на левое запястье и вспомнила, что ее часы забрали в больнице. Интересно, зачем? Какой вред она могла нанести себе наручными часиками? Она позвонила по телефону в службу точного

времени. Девять часов сорок пять минут двадцать секунд.

В шкафчике она обнаружила целую стопку буклетов, инструкций и руководств и довольно долго разбиралась, как настроить электронные часы и таймеры. Ей удалось справиться с часами на микроволновке и радиоприемнике, но электродуховка оказалась выше ее сил.

На кухню пришел Алек.

– Мы скоро поедem домой? – спросил он.

Вера посмотрела в окно. Небо темнело; дождь барабанил по стеклу с удвоенной силой. Из окна дуло; Веру передернуло от холода и страха. «Я больше не знаю, где мой дом», – подумала она.

Дура проклятая!

Маргарет оставила ему голосовое сообщение: все телефоны в доме вышли из строя, а ей нужно срочно переговорить с ним. И как прикажете с ней связываться? Он три раза звонил теще в «Аитл-Скейнз»; всякий раз после четырех гудков включалась голосовая почта.

Росс нажал отбой и швырнул мобильный телефон на пассажирское сиденье взятого напрокат серебристо-серого «воксхолла». Потом позвонил Люсинде – нет ли у нее новостей. Он уже говорил с ней раньше и отменил всех сегодняшних пациентов.

Голос у секретарши звучал как-то странно:

– Вы читали сегодняшнюю «Дейли мейл»?

– Что там такое?

– Статья о леди Рейнс-Райли, – как-то нерешительно отвечала Люсинда.

– Счастливого ей пути в ад, стерве проклятой!

– Мне тут звонили кое-откуда... из «Новостей мира» и из «Гардиан».

– Что говорят?

– Интересуются операцией, которую вы ей делали.

– Люсинда, сейчас у меня нет времени на всякую ерунду. Объясните им, что тут замешана медицинская этика конфиденциальности, и пошлите их к черту.

– Я уже так и сделала. Никак не могу дозвониться до гаража насчет вашей машины.

– Машины?

– Ну да, вашего «астон-мартина».

– Ладно, хорошо. – Мысли его были далеки от машины, ему сейчас не до подобной чепухи. – Я потом перезвоню, – отрывисто проговорил он и нажал отбой.

Дождь лил как из ведра, и практически весь Лондон превратился в одну большую пробку. По пятницам движение всегда особенно затруднено. «Дворники» со скрипом сметали капли дождя, визжали тормоза, обогреватели выдували воздух на ветровые стекла. Движение на Гроувенор-сквер застопорилось из-за грузовика, двигавшегося задним ходом. Росс раздраженно нажал на клаксон, потом гуднул еще раз. Кто-то за несколько машин сзади него сделал то же самое.

Коротышка Кейвен велел ему самому сверить координаты по топографической карте местности. Прекрасно! Выкинул шесть тысяч фунтов, да еще придется самому покупать гребаную карту. Он уже успел побывать в трех местах: в двух ничего не оказалось, а в третьем имелись топографические карты на каждый поганый квадратный сантиметр Англии, кроме, разумеется, окрестностей Сайренчестера.

Поток машин медленно полз вперед. Наконец Росс добрался до противоположного конца площади, проехал мимо американского посольства, потом повернул налево, на Саус-Одли-стрит, припарковался за желтой линией как можно ближе к оружейному магазину «Пэрди» и вбежал внутрь.

Какое облегчение на время избавиться от пробки и ощутить спокойствие и тишину дорогого магазина, где приятно пахнет кожей и оружейной смазкой! Расторопный продавец немедленно узнал его.

– Доброе утро, мистер Рансом! Чем я могу вам помочь?

– Давным-давно я сдавал вам одно из моих ружей, чтобы вы отполировали царапину на прикладе. Оно должно было быть готово еще в мае.

– Сейчас посмотрю.

Росс ждал, барабанил пальцами по отполированному деревянному прилавку. Кроме него, в магазине находилась еще одна покупательница, высокая женщина с пуделем на поводке. Глядя в зеркало, она поправляла шелковый шарф. Собака зарычала на Росса, и он смерил пуделя презрительным взглядом. Вдруг его обдало жаром; ему показалось, что торговый зал усыхает, сжимается, как гармошка, а потом снова растягивается. Он схватился за прилавок, чтобы не упасть, потому что пол то выскакивал из-под ног, то опускался снова. Он увидел руку – длинные белые пальцы, тщательно наманикюренные ногти, кустики волос на фалангах.

Потом он с изумлением понял, что рука его собственная. Его рука, отделенная от туловища!

– Вот, пожалуйста! – Продавец держал в руках кожаный оружейный чехол Росса с приклеенным к нему ярлычком. Росс точно не мог сказать, на кого смотрит продавец – на него или на женщину с собакой у него за спиной. – Сейчас, мистер Рансом, я покажу, что нам удалось сделать.

Продавец обращался к нему, но голос его звучал как-то странно – будто издалека. Вот он вынул из чехла его дробовик и протянул ему прикладом вперед для осмотра.

Росс едва удостоил ружье взглядом. Наплевать на царапину; скорее бы

забрать ружье и уехать. Атмосфера здесь стала какая-то гнетущая. В окно он увидел полицейскую машину, и ему стало не по себе.

Надо убираться отсюда.

– По-моему, нам удалось хорошо отполировать приклад, – сказал продавец.

– Выглядит прекрасно.

– Вот, видите, здесь...

– Я же сказал, – сухо заявил Росс, – выглядит прекрасно.

– Очень хорошо. – Продавец явно обиделся, однако не утратил вежливости. Он засунул ружье в чехол. – Больше ничего не желаете, мистер Рансом?

– Коробку патронов – дробь номер шесть.

Росс протянул продавцу свою кредитку, подписал слип и вышел, с облегчением вдыхая влажный воздух и чувствуя капли дождя на лице. Хорошо, что патрульная машина уехала! Сотрудница транспортной полиции выписывала штрафные квитанции за неправильную парковку, но она стояла на несколько машин впереди «воксхолла». Росс открыл багажник. Ему стало чуть легче; лицо словно обдуло ледяным холодом – по контрасту с жаром, который он испытал несколько минут назад.

Следующий магазин, который был ему нужен, находился всего в нескольких шагах. Он много раз проходил мимо, часто останавливался и любовался витриной, но внутри ни разу не был. Если верить объявлению, они торговали шпионским оборудованием. Здесь было все – от очков ночного видения до чемоданчиков со встроенными диктофонами, крошечных микрофонов и видеокамер. Войдя, Росс спросил, имеются ли у них карманные навигационные системы.

Навигаторы имелись во множестве, любых видов и размеров. Он купил приемник, похожий на мобильный телефон, и приборчик, в который продавец вставил компакт-диск с топографической картой местности, покрывающей Глостершир и почти весь запад Англии. По просьбе Росса продавец ввел в прибор долготу и широту, сообщенные утром Хью Кейвенном, и показал, как управлять микрокомпьютером.

Когда Росс вернулся к машине, он нес три пакета. В дополнение к прибору GPS он купил еще цейссовский полевой бинокль и тонкий мощный фонарик-ручку, который он сразу прикрепил к нагрудному карману изнутри. На ветровом стекле белела штрафная квитанция, а сотрудница транспортной полиции ушла. Росс выхватил квитанцию, швырнул ее под ноги и сел в машину. Двадцать минут двенадцатого.

Он вытащил из пакета приемник и микрокомпьютер и положил их на

колени. Вгляделся в экран, поправил яркость и резкость. Он увидел деревню под названием Лоуэр-Чедуорт. Примерно в полутора километрах к западу от деревни проходила длинная дорога, которая заканчивалась у строения под названием «Эмпни-Нэйри-Фарм». Строение находилось в эпицентре координат. Значит, она там. Никаких других зданий в окрестностях не было.

Он снова набрал номер домашнего телефона в «Литл-Скейнз». Снова голосовая почта; однако на сей раз его мобильник громко пикнул. На экране мелькал индикатор батареи: аккумулятор разряжен. Выругавшись, Росс выключил телефон, чтобы сэкономить оставшийся заряд.

Потом он включил зажигание и двинулся в сторону Парк-Лейн, откуда можно выбраться на Кромвелл-роуд и дальше на шоссе М-4. С каждой минутой внутри усиливалось проклятое жжение. В голове мелькали картинки: Вера и доктор Оливер Кэбот целуются, голые, в постели; он представил их удивленные лица, когда он появится в спальне с ружьем в руках, направит на них луч света. Страх на лице Веры; ее крики, когда он выстрелит в доктора Оливера Кэбота, сначала из одного ствола, потом из второго. Смятые простыни, испачканные его кровью; вот простыни потемнели от его разлетевшихся во все стороны внутренностей. Ее глаза, смотрящие, как он перезаряжает ружье...

На маленьком дисплее навигатора высветилось расстояние до цели: 186,8 километра. По мере того как он черепашьям темпом двигался в потоке машин, расстояние понемногу сокращалось.

Через двадцать минут, добравшись до эстакады Хаммер-смит, Росс увидел слева автосервис и заехал туда. Он купил пятилитровую канистру и попросил доверху наполнить ее бензином. Кроме того, он приобрел дешевую пластмассовую зажигалку.

Последние дни были однообразны. Все спокойно. Лишь один жалкий пьяница найден мертвым под грудой газет и картонных коробок да пожилая женщина, которую смерть застигла на унитазе в собственной уборной. В иные дни, как сегодня, дел было много. Курьер попал под автобус. Самоубийца выпрыгнул из окна конторы. Женщина средних лет умерла в больнице от осложнений после операции.

За ночь в морг доставили с дюжину трупов. Случаями, в которых можно было подозревать убийство, например утопленника, выловленного из-под Вестминстерского моста, или зарезанного мужчину, обнаруженного в аллее недалеко от Оксфорд-стрит, занимался судмедэксперт министерства внутренних дел. Остальных передали Гарри Барроу, шестидесятилетнему патологоанатому на пенсии, который временно замещал штатного патологоанатома, пока тот отдыхал в отпуске на Капри.

– Хорошо устроился, да? – ворчал Гарри. – Загорает себе на солнышке, а на наши головы сваливают все трупы в Лондоне.

Гарри был выходцем с севера Англии; невысокого роста, крепкого телосложения, неизменно бодрый, в вечном галстуке-бабочке. Желтые от никотина усы были, пожалуй, великоваты для его лица, а очки в проволочной оправе – маловаты. Он любил жаловаться, что его постоянно умоляют, спрашивают выйти поработать, заменить отсутствующих сотрудников. Но, по правде говоря, на пенсии ему было скучно, и он пользовался любой возможностью, чтобы сбежать от зануды жены, Дорин, которая терпеть не могла его трубку и постоянно грызла за то, что он много пьет, а сама интересовалась только бриджем. Дорин могла играть в бридж сутки напролет – кроме часа по воскресеньям, когда она ходила в церковь. Гарри часто шутил: с мертвецами ему гораздо интереснее, чем с женой.

Облаченный в зеленый хирургический костюм, белые бахилы и резиновые перчатки, Гарри Барроу стоял над обнаженным трупом леди Джеральдины Рейнс-Райли и наговаривал текст отчета на диктофон.

При ярком свете флуоресцентных ламп ее тело отсвечивало нездоровой желтизной. Грудина была вскрыта сверху донизу – от шеи до лобка, кожа отвернута, внутренние органы открыты; из живота вываливались желтоватые кишки. Груды, искусно увеличенные и подтянутые Россом Рансомом, обвисли по обе стороны стальной поверхности анатомического стола. Распиленная черепная коробка была

отложена в сторону, а мозг лежал рядом, на металлической тележке. С большого пальца правой ноги свисала бирка с фамилией и инвентарным номером.

«...Швы и шрамы на лице соответствуют проделанным пластическим операциям».

Гарри выключил диктофон, унес его в противоположную часть зала и положил на столик, выбрал нужный скальпель, вернулся к трупку леди Рейнс-Райли и взял ее мозг. Положил на белую пластиковую рабочую поверхность у головы и аккуратно отрезал кусочек. Затем бросил взгляд на помощницу патологоанатома, Энни Холлс, которая стояла за его спиной, и показал пальцем:

– Вот, видите, следы менингоэнцефалита здесь и...

Его речь прервало появление еще одной ассистентки, симпатичной, добродушной сорокалетней уроженки Индии по имени Зинат Хосейн.

– Доктор Барроу, вас к телефону. Сара из следственного отдела. Говорит, у нее срочное дело. – Кивком ассистентка указала на труп: – Касается этой дамы.

Судмедэксперт стянул перчатки и снял трубку настенного телефонного аппарата.

– Сара? Доброе утро.

– Доброе утро, Гарри. Мы знаем, что вы очень заняты, но к нам поступил очень странный звонок насчет леди Рейнс-Райли. Возможно, тревога ложная, но коронер просит вас повнимательнее осмотреть ее.

– Кто вам звонил? – спросил Гарри.

– Он не назвался, но заявляет, что он знакомый мистера Рансома, хирурга, который оперировал ее. Он полагает, что смерть леди Рейнс-Райли могла быть злонамеренной. Мы не восприняли звонок всерьез и не намерены на данной стадии открывать расследование дела об умышленном убийстве, но просим вас быть предельно внимательным.

Гарри Барроу вернулся к трупку в глубокой задумчивости. В глубине души он почти не сомневался в том, что покойная умерла от менингоэнцефалита – все было ясно, судя по состоянию мозга. Первым делом он решил проверить внутренность черепной коробки – нет ли там какой-то аномалии, которую можно связать с менингоэнцефалитом, хотя он сильно в том сомневался.

Заглянув в череп через распил, откуда были ясно видны полость носа и подбородок, патологоанатом заявил:

– Знаете, думаю, я бы и сам мог стать неплохим пластическим хирургом. К тому же я бы резал черепа значительно дешевле, чем этот жук

Рансом.

Энни Холлс сдавленно хихикнула. Черный юмор – повсеместное явление в моргах.

Посерьезнев, Гарри Барроу изучал внутреннюю полость черепа. Инфекция, вызвавшая менингоэнцефалит, могла проникнуть в организм многими способами. Судя по анализам, сделанным в лаборатории, когда женщина была еще жива, причиной стал штамм септицемии – возможно, внутрибольничное заражение, однако инфекция могла попасть и через кондиционер, воду или рану.

Вдруг его внимание приковала решетчатая пластинка на решетчатой кости, которая отделяет полость носа от черепа: крошечная точка на прямой линии. Неестественно. А еще он ясно увидел небольшое количество крови на окружающей ее ткани.

Гарри подошел к столу с инструментами, выбрал пинцет нужного размера и потянул за край толстой белой мембраны, выстилающей внутреннюю поверхность черепа. Отделив ее от кости, он четче увидел повреждение решетчатой пластинки. Возможно, скальпель хирурга во время операции ринопластики скользнул слишком далеко. Неуклюжая работа – особенно для хирурга с репутацией Рансома.

Однако для того, чтобы проделать такую ранку, требуется немалое усилие.

Он осторожно выпилил кусочек кости. В лаборатории он обработает образец, декальцинирует его и изучит поврежденный кусочек под микроскопом в поисках нагноения или воспаления. Понадобится несколько дней на то, чтобы кислота разъела известковое вещество, и тогда он сможет конкретнее говорить о причине заражения.

Чем больше он об этом думал, тем больше беспокоила его крошечная ранка. Решетчатая пластинка находится довольно далеко от операционного поля при пластике носа, когда резец проникает между кожей и внешними слоями костей носа. Что делал хирургический инструмент в полости носа, в самой слабой ее точке?

Гарри наговорил свои соображения на диктофон. И решил: когда он покончит с женщиной, он побеседует с Сарой из следственного отдела и поделится с ней своими сомнениями. Возможно, тревога действительно ложная, но по многолетнему опыту он знал: никогда ничего нельзя отбрасывать. Лучше всего руководствоваться инстинктом. А сейчас инстинкт внушал Гарри Барроу: здесь что-то не так.

Оливер решил, что поступил правильно, не согласившись сдать кровь Веры на анализ в местную лабораторию. Пока его нет, она в доме находится в безопасности, зато улика в виде ее крови является решающей; ему нужна такая лаборатория, которой он может всецело доверять, где анализ не перепутают и не потеряют. Кроме того, выбранная им лаборатория должна иметь солидную репутацию, чтобы свидетельские показания тамошних экспертов безоговорочно учитывались в любой комиссии или в суде.

Между Суиндоном и Лондоном регулярное железнодорожное сообщение; пару раз он возвращался домой в экспрессе. В машине, по пути на станцию, он пытался дозвониться до своего поверенного, Джулиана Блейка-Уитни, совладельца фирмы «Ормгассон, Орус и Садели». Блейк-Уитни в прошлом не раз отстаивал интересы Центра нетрадиционной медицины Кэбота, и Оливер очень рассчитывал на его поддержку. В свою очередь, Блейк-Уитни доверял Оливеру: они с женой привели в Центр своего двенадцатилетнего сына, страдающего хронической астмой, и за год у мальчика прошли все симптомы болезни.

Блейк-Уитни все утро был в суде, но его секретарша передала ему просьбу Оливера. Через несколько минут адвокат перезвонил ему на мобильный. Они договорились встретиться в обеденный перерыв, в час дня.

Оливер оставил джип на парковке у вокзала среди множества других машин и сел в поезд. Он приедет на вокзал Кингз-Кросс около половины двенадцатого. Если пересядет на метро, то успеет до встречи с адвокатом заехать в лабораторию.

В купе первого класса он был один. Достав мобильник, он набрал номер стационарного телефона «Эмпни-Нэйри-Фарм», не забыв об условном знаке: два звонка, отбой, повтор.

– Это я, – произнес он, как только Вера сняла трубку. – Как дела?

Голос у нее был напряженный.

– Нормально. Когда ты вернешься?

– Я еду в Лондон. Отвезу твою кровь на анализ в лабораторию, имеющую официальную аккредитацию, а потом я договорился о встрече с моим адвокатом – его фирма специализируется на делах о врачебных ошибках. Мне нужно каким-то образом приостановить или отменить

действие акта о твоём принудительном лечении. Как Алек?

– Сидит перед широкоэкранным цифровым телевизором, смотрит канал «Скай» и ест мороженое с карамелью, которое я нашла в морозильнике. В дождливое утро пятницы для маленького мальчика нет занятия лучше.

Оливер рассмеялся:

– А ты?

– Я... все время думаю, но все выглядит как-то запутанно и трудно.

– Я вернусь в середине дня, ближе к вечеру.

Мимо прогрохотал встречный поезд, и несколько секунд он не слышал, что говорит Вера. Когда ее голос стал отчетливым, его поезд как раз въехал в туннель, и связь прервалась. Когда они выехали из туннеля, он снова позвонил ей.

– Извини. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально... Вот только, кажется, переела на завтрак.

Оливер улыбнулся:

– Действие наркотика не возобновляется?

– Иногда странные вспышки – и как будто пол уходит из-под ног. Больше ничего.

Как приятно слушать ее голос – нормальные интонации, хотя она явно испугана. Ничего! Вера сильная, она справится.

– Что тебе привезти?

– Ничего, – ответила Вера. – Только себя. Я люблю тебя, Оливер.

– Я тоже тебя люблю.

– Я правда люблю тебя, – сказала она. – Очень сильно. – Трубка замолчала. Сначала Оливер решил, что снова прервалась связь, но потом понял, что Вера плачет.

– Вера, все будет хорошо. Обещаю.

В десять минут второго Оливер и Джулиан Блейк-Уитни сидели в тесной кабинке переполненного бара в окрестностях Ченсери-Лейн. Они давно не виделись – около двух лет; Оливер заметил, что адвокат изрядно поправился и облысел, а на лице выступили синие прожилки, он с трудом дышал. Джулиан был в тесном сером костюме в полоску, дорогой рубашке с Джермин-стрит со стоячим воротником и темном шелковом галстуке. Блейк-Уитни был похож на ученого; впечатление усиливали очки-половинки и уверенный, властный голос.

Оливеру, в простой рубашке поло, показалось, что он не одет.

– Прими мои соболезнования, – сказал Блейк-Уитни. – Я слышал о

твоим брате.

– Да. Тяжелый удар. – Оливер сглотнул подступивший к горлу комок. Оказалось, что ему трудно отвечать на слова сочувствия по поводу гибели Харви.

– У полиции есть зацепки? Кто мог это сделать?

– Я каждый день разговариваю со следователем. Пока у них нет ни одной более-менее прочной версии.

– А тот, второй – они с твоим братом были как-то связаны?

– Второй убитый вращался совсем в других кругах общества. Так сказать, представитель дна. Вроде бы частный сыщик. Раньше служил вышибалой в ночном клубе, а чем он занимался в последнее время – неизвестно. Его вдова была не в курсе дел мужа.

– Возможно, наркотики. – Адвокат сочувственно нахмурился. – Как бы там ни было, Оливер, ты выглядишь неплохо – ничуть не переменялся. – Он похлопал себя по животу. – А вот мне бы не мешало сбросить несколько килограммов. – Блейк-Уитни схватил меню, подозвал официантку и заказал обед: чесночный хлеб и лазанью для себя, салат «Ницца» для Оливера и бутылку кларета местного производства. Потом он посмотрел на часы. – Ровно в два мне нужно снова быть в суде, так что рассказывай, в чем дело.

Оливер поведал ему о том, что произошло в последние две недели, остановившись особенно подробно на событиях вчерашней ночи. Когда рассказ подходил к концу, им принесли еду.

– Ясно, – кивнул Блейк-Уитни. – Хорошо, что ты попросил медсестру подписать пробирку. Анализ крови уже готов?

Оливер покачал головой:

– Он будет готов не раньше вечера понедельника – и это еще в лучшем случае.

Адвокат отломил кусочек чесночного хлеба и предложил остальное Оливеру, который поднял руку, вежливо отказываясь от угощения.

Деловито работая челюстями, Блейк-Уитни сказал:

– Что ж, поскольку сейчас пятница, мы не будем давать делу хода до понедельника, самое раннее. Необходимо, чтобы миссис Рансом осмотрел хотя бы один независимый психиатр. Думаю, наиболее вероятный срок – вторник или даже среда; однако уйдет минимум неделя на то, чтобы получить согласие администрации больницы, и еще две недели на то, чтобы созвать комиссию по пересмотру Акта о принудительном лечении.

– А побыстрее никак нельзя?

– К сожалению, человека гораздо легче направить на принудление, чем пересмотреть дело. Акт о психическом состоянии защищает общество

от психически больных.

– Общество нужно защитить от ее проклятого муженька, – сказал Оливер.

– Что ж, его ждут крупные неприятности, если в ее крови найдут то, что, по-твоему, там присутствует.

– Что нам делать до следующей недели?

– Как твой адвокат, я обязан посоветовать тебе вернуть миссис Рансом в лечебницу «Роща».

– Ни в коем случае, Джулиан. Я смогу вернуть ее в больницу, только если ты добьешься судебного запрета для ее мужа до начала слушаний приближаться к ней на расстояние меньше километра.

Бросив беспокойный взгляд на часы, юрист кивнул.

– Я дал тебе совет как твой адвокат, – сказал он.

– А теперь посоветуй что-нибудь как мой друг.

– Ты уверен, что никому не известно местонахождение дамы – кроме твоего приятеля, в чьем доме она сейчас живет?

– Разумеется.

– Тогда возвращайся в Глостершир и постарайся никому не попадаться на глаза. Дай мне номер твоего телефона. Мы поговорим в понедельник.

– Я готов тебя обнять.

– Лучше обними Веру. Терпеть не могу, когда мужчины обнимаются. Не забудь проинформировать меня о результатах анализа. Объятия меня смущают. – Адвокат допил вино и улыбнулся. – Не обижайся, ничего личного.

– Оливер, там была серая машина.

Веру трясло; даже по телефону Оливер чувствовал ее страх. Поскольку в купе с ним находились двое соседей, он вышел в коридор. Дождь лил как из ведра; вокруг расстился типичный беркширский пейзаж.

– Через час буду в Суиндоне. К половине пятого вернусь домой.

– Она подъехала по дорожке.

– Что за машина?

– Седан... точно не знаю... может быть, «воксхолл».

– Ты видела, кто в ней сидел?

– Нет.

– Насколько близко она подъехала к дому?

В трубке послышался треск, и он не расслышал ответа. Как только связь наладилась, Оливер сказал:

– Я тебя не расслышал.

– Не знаю... Она стояла метрах в двухстах от дома, а потом развернулась. Я видела, как она уезжает.

– Давно это было?

– Часа два назад.

– Наверное, кто-то заблудился, сбился с дороги – такое случается. – Оливер постарался не выдавать своего страха. Кроме того, один раз в прошлом какая-то машина действительно заблудилась и подъехала к «Эмпни-Нэйри-Фарм» по ошибке.

– Вдруг это Росс? – спросила Вера.

– Какая у него машина?

– Синий «астон-мартин».

– Значит, в серой машине сидел не Росс, верно? И потом, откуда Россу знать, где ты находишься?

– Оливер, пожалуйста, возвращайся скорее. Я очень боюсь.

– Двери и окна закрыты?

– Да.

– Послушай, Вера, не волнуйся. Если снова увидишь ту машину, звони мне. Я постараюсь приехать побыстрее.

– Пожалуйста, поторопись.

– Пойду дам взятку машинисту.

Хью Кейвен сидел в своем кабинете, окна которого выходили на задний дворик, и смотрел, как капли дождя барабанят о бассейн. Он только что повесил трубку после мучительного разговора со вдовой Барри Гатта.

Коронер вернул ей тело Барри, и Стеф назначила похороны на следующий вторник. После долгого сопротивления Кейвену наконец удалось убедить ее в том, что похороны оплатит он. Он объяснил Стеф, что Барри погиб во время работы и что он просто обязан похоронить его за счет фирмы.

Потом Стеф прорвало, и она рассказала Хью о том, сколько долгов осталось после Барри. Она заявила, что не знает, как справиться. Кейвен обещал ей помочь. Он солгал, что все его служащие застрахованы; возможно, ему удастся получить деньги по полису Барри. По правде говоря, он с самого начала решил дать ей немного денег – большую сумму он пожертвовать не мог, так как у него самого много долгов, но это успокоит его совесть.

Сейчас совесть мучила его довольно сильно – как и весь сегодняшний день. Росс Рансом – опасный подонок. Напрасно он дал ему координаты местонахождения машины доктора Оливера Кэбота. Если за убийством брата Кэбота – и Барри Гатта – стоит Рансом, вполне может статься, что он решит довести начатое до конца.

Зачем ему, черт его дерит, понадобились координаты?

Чтобы вернуть жену?

Конечно.

Кейвен набрал номер Нового Скотленд-Ярда и попросил соединить его со следователем по делу об убийстве Кэбота и Гатта.

После двух гудков подключился автоответчик: все линии заняты. Кейвен оставил сообщение: у него имеется информация относительно гибели Барри Гатта – и попросил перезвонить.

Он добавил, что дело срочное.

Там была ты, сука! Росс отчетливо разглядел ее в бинокль. Ты выглядывала из окна, когда я подъехал к дому. Ты стояла у окна, а потом ушла. Жаль, что нельзя было подъехать поближе и убедиться наверняка.

Вера смотрела в окно прямо на него, но, разумеется, не могла его видеть. Поскольку солнца не было, его бинокль не сверкнул на солнце и не выдал его. Он научился вести наблюдение, когда охотился на оленей в Шотландии. Было время, он ездил на охоту регулярно, с группой других молодых врачей – такие ежегодные мальчишники. Устроитель охоты в Бреморэ также обучил его искусству неслышно передвигаться в зарослях. И оставаться невидимым.

А еще охота на оленей научила его терпению.

Он лежал в канаве на опушке сосновой рощи. Заросли папоротника отгораживали его от дороги. Отличный наблюдательный пункт: отсюда прекрасно видно весь дом. Непогода ему не страшна; час назад он купил в придорожном магазинчике в Сайренчестере длинную зеленую непромокаемую куртку, непромокаемые брюки, резиновые сапоги и непромокаемую охотничью шляпу. Густые ветки деревьев защищали от дождя, только за шиворот постоянно затекала струйка воды.

Перед ним прополз жук; он двигался по земле, трудолюбиво пробиваясь сквозь густую траву. Где-то над головой чирикала одинокая птичка. Запахи сырой земли и сосновых шишек живо напомнили ему времена, когда он ездил охотиться на оленей. Хорошее было времечко! Тогда они с Верой только поженились и были очень счастливы вместе. А потом явился доктор Оливер Кэбот и увел ее.

Где ты, доктор Оливер Кэбот? Где твоя машина – спрятана в гараже или ты поехал докупить презервативов, чтобы трахать мою жену?

Она, судя по всему, находилась на кухне; на ней что-то синее, а волосы могли бы быть уложены и поаккуратнее.

Сегодня ты похожа на шлюху, Вера. Влияние доктора Кэбота! Он превратил тебя в шлюху, в свинью, и ты полюбила скотские развлечения...

Вере нужен он, Росс Рансом. Возможно, она этого еще не осознает, но ей нужен он, и только он. Сегодня она была похожа на кусок дерьма.

Ты бросила меня – и посмотри, на кого ты стала похожа.

Нахлынули воспоминания двадцативосьмилетней давности. Перед

мысленным взором Росса возникла мать, которая лежала на кровати в своей тесной, грязной квартирке, обхватив любовника ногами за талию.

Я-то думал, ты бросила меня ради райской жизни и, когда я увижу тебя, меня охватит благоговейный трепет.

Вера, мне бы очень хотелось, чтобы ты объяснила, зачем ты так поступила.

Росс вздрогнул, услышав за спиной металлический скрежет. Колеса машины задели «лежачего полицейского» для скота, понял он.

Через секунду скрежет повторился; взревел мотор. К нему приближался какой-то автомобиль. Едет быстро. Шины шуршат по земле, разбрызгивая грязь.

Вот машина показалась из-за угла. Синий внедорожник. «Джип-чероки» проехал буквально в нескольких метрах от него. За рулем – силуэт высокого мужчины с длинными седыми кудрями.

Росс следил за джипом в бинокль. Он остановился рядом с домом. Тупой убудок остановился у самой двери, перекрыв видимость. Росс взгляделся, стараясь увидеть, нет ли кого еще в джипе, но перед глазами лишь мелькали смутные, расплывчатые тени, а потом дверь закрылась.

Вера, его обожаемая Вера там – она открыла дверь доктору Оливеру Кэботу, приглашая его в любовное гнездышко. Наверное, сейчас она расстегивает «молнию» у него на брюках, берет его член в рот – однажды они с Верой попробовали такой способ; перед тем она ужинала с подругой и изрядно нагрузилась. Был жаркий летний вечер...

Вы пожалеете, вы оба здорово пожалеете...

Росс подкрутил линзы окуляра. Вот она снова показалась в окне кухни. Рядом с ней стоит доктор Оливер Кэбот. Вера машет рукой в его сторону; они разговаривают, что-то обсуждают.

Волна холодного ужаса охватила Росса; ему показалось, что они его заметили.

Нет, не может быть!

Его машина надежно укрыта, припаркована за пабом в километре отсюда, если ехать по главной дороге. Доктор Оливер Кэбот никак не мог ее заметить. Росс понимал: беглецы настороженно отнесутся ко всем незнакомым машинам. Вера, наверное, рассказала своему любовнику о том, что к дому подъезжала серебристая машина. Поэтому во второй раз он подошел к дому пешком, переодевшись в охотничий костюм. Он вполне мог бы сойти за местного, который отправился погулять. По пути он не встретил ни души; да и его вряд ли кто заметил. Сейчас без десяти пять. Чтобы добраться до машины, ему понадобится минут двадцать. Интересно,

долго ли они намерены здесь оставаться? Они провели здесь прошлую ночь, значит, решили, что они в безопасности. Внутренний голос подсказывал Россу: скорее всего, они и эту ночь проведут здесь, а может, останутся и на более долгий срок.

Если ему повезет, если погода не переменится, ночь будет темная. Ветер и дождь – настоящий дар Божий: когда он вернется, шум машины будет заглушён.

– Мама, что я тебе покажу! Иди сюда! – Алек стоял у подножия лестницы, широко раскрыв глазенки от возбуждения. – Иди скорее!

Оливер стоял на коленях в огромной гостиной, стараясь разжечь дровяную печь. Вера, расслабленно сидя на диване, смотрела в большое панорамное окно на пышные цветочные клумбы и газон огороженного садика. По крышке бассейна барабанил дождь. На коленях у Веры лежал раскрытый номер «Ивнинг стандарт», привезенный Оливером из Лондона; она маленькими глотками пила австралийское шардоне, похожее на нектар.

Первая газета, которую она прочитала за много дней, и первый бокал спиртного – она не пила почти неделю. С непривычки вино ударило ей в голову. Приятное чувство! Теперь, когда Оливер вернулся, она успокоилась. В комнате слышалось приятное потрескивание; запахло растопкой. Она отпила еще.

О гибели брата Оливера в газете ничего не было. Новость уже устарела. Вера улыбнулась сыну:

– Что ты хочешь мне показать, милый?

– Поднимись со мной – сама увидишь.

Алек весь день вел себя примерно; в промежутках между мультиками по двум спутниковым каналам строил космический корабль из набора «Лего» – «Звездные войны» – и обследовал дом.

– Ладно, – сказала она, – пошли. Надеюсь, там у тебя что-то хорошее.

Она поднялась с дивана и почувствовала, насколько устала. Измучена, вымоталась, истощена.

А может, еще немного одурманена?

Алек взобрался вверх по дубовой лестнице; она медленно шла за ним. Каждая ступенька давалась ей с большим трудом. Наконец они оказались на галерее второго этажа. Комната, в которой спал Оливер, находилась слева, а та, где спали они с Алеком, – впереди. Алек свернул направо и скрылся за дверью.

Войдя следом за сынишкой, Вера очутилась в спальне, красиво обставленной антикварной сосновой мебелью. Огромная кровать была накрыта белым кружевным покрывалом. Алек лукаво смотрел на нее.

– Милый, мама очень устала. Что ты хотел мне показать?

Он нырнул в платяной шкаф и вскоре вылез оттуда, держа в руках длинный шест с крюком на конце. Потом он задрал голову и посмотрел

вверх. Проследив за его взглядом, Вера увидела дверцу, которая вела на чердак.

– Алек, по-моему, не стоит...

Но он уже зацепил крюком металлическое ушко на дверце – да так ловко, словно занимался этим всю жизнь. Сильно потянул, и крышка люка опустилась вниз. К ней была прикреплена металлическая лестенка. Снова зацепив крюком, Алек вытянул лесенку до пола.

И начал карабкаться наверх.

– Алек, милый, я...

Но он уже исчез в люке. Через несколько секунд наверху зажегся свет. Вера, которая всю жизнь боялась высоты, крепко схватилась за поручни и стала медленно подниматься.

Когда ее голова и плечи пролезли в люк, она замерла в изумлении. Здесь, наверху, оказался настоящий детский рай. Огромный изолированный чердак с деревянным полом. Кровать накрыта покрывалом с изображением Человека-паука. И повсюду разбросаны игрушки – на полу, в открытом ящике комода. На противоположном конце, бок о бок, стояли огромные игрушечные электрические железная дорога и гоночная трасса с машиной.

– Мама, тот дядя сказал, что сегодня я могу спать здесь. Можно, мамочка?

– Оливер разрешил тебе спать здесь?

Алек кивнул, опустился на колени и поднял с пола маску для Хеллоуина с выскакивающим глазом.

– Здесь очень удобно, милый.

– Значит, можно? Можно? – прогудел он из-за маски.

– А ты не будешь бояться спать один?

– Нет!

Вера подошла к кровати, потянула покрывало. Постель была застелена; простыни сухие.

– Дом не наш; вряд ли хозяевам понравится, если ты будешь спать в этой кровати.

– Дядя сказал, что можно.

Не снимая маски, Алек бросился к игрушечной гоночной трассе и нажал выключатель на стене. Потом схватил пульт и нажал кнопку. Резко зажужжав, спортивная машинка побежала по рельсам и перекувырнулась на повороте.

– Догони меня!

– Потом. Пойду приготовлю тебе ужин.

Когда Вера спустилась вниз, ее приветствовал удушающий запах дыма

и жалобный вой. Встревоженная, она бросилась в гостиную. От камина поднимались клубы черного дыма. Вой сделался почти нестерпимым. Противопожарная сигнализация, догадалась она.

Оливер кашлял.

– Вот, пытался разжечь эту штуку. Должно быть, дымоход забился; наверное, там птичье гнездо или что-нибудь еще.

Вера поскорее распахнула все окна. Прошло несколько минут, прежде чем дым выветрился и сигнализация смолкла.

– Идея оказалась не слишком удачной, – сказал он.

Она улыбнулась, взяла бокал и допила остаток вина.

– Не всем же быть удачными.

Подойдя к ней, с черными руками и лицом вымазанным сажей, он поцеловал ее в губы.

– Где Алек?

– Наверху, на чердаке, заваленном игрушками. Он сказал, ты позволил ему спать там – правда?

– Если он хочет – конечно. Джерри специально обустроил чердак для детей – у него целая куча племянников, племянниц и крестных детей, которые приезжают погостить.

Заметив выражение, мелькнувшее у него в глазах, Вера улыбнулась:

– Значит, если он будет спать наверху, мы с тобой сможем немного побыть вдвоем?

– Эта мысль и мне приходила в голову.

Она обвила его руками, крепко прижала к себе, потом, поднявшись на цыпочки, поцеловала его в глаза.

– По-моему, ты здорово придумал, – прошептала она. – Ничего лучше ты не придумывал за целый день.

Лошади. Лошади сегодня ему изрядно надоели. Сегодня его раздражало все. Куда ни кинь взгляд – везде офорты с изображениями лошадей – прибиты к потолочным балкам, к прокуренным стенам. Уздечка с медными заклепками, медная пряжка и медные медальоны с изображением все тех же лошадей, будь они неладны, свисали со стены прямо у него над головой. Вокруг клубился вонючий сигаретный, сигарный и трубочный дым. Всякий раз, как он ставил что-нибудь на стол, стол шатался.

Паб ломился от посетителей. Росс ненавидел переполненные пабы. От отсыревшей одежды шел пар. Болтовня окружающих людей приводила его в ярость; он неприязненно ежился, слыша внезапные взрывы хохота и хвастливый голос разодетого местного всезнайки в желтом джемпере и мягких спортивных яхтсменских туфлях.

Он то сжимал руками бокал без ножки, то отпускал его; на доньшке оставалась лишь капля виски «Макаллан». Рядом с нетронутым бутербродом с ветчиной в треснутой пластмассовой пепельнице с рекламой мартини дымил окурок дешевой сигары, которую Росс купил здесь же.

За окном уже стемнело. Двадцать семь минут девятого. Росс допил виски и взял бокал обеими руками. С тех пор, как он пришел сюда около шести, он выпил уже три двойные порции. А может, и четыре.

Вдруг стул пошатнулся и поплыл по полу. Никто ничего не заметил. Пол опускался, и Росс начал проваливаться. Он смотрел снизу вверх на окружающие его лица – они уменьшались, расплывались, исчезали в дыму под потолком.

Вдруг он вздрогнул от громкого, как ружейный выстрел, треска.

Он понял, что треснул его бокал. Выскользнул из пальцев и упал на стол, не разбившись. Колени сдвинулись так плотно, что ему стало больно.

Возьми себя в руки, старина! Ты слишком много выпил. Последний бокал заказывать не стоило.

Прохлада его освежит. Уже достаточно темно. Время!

Интересно, чем сейчас занимаются его жена и доктор Оливер Кэбот?

Росс смял окурок, сунул коробок спичек в тот же карман, где уже лежала зажигалка, натянул куртку и мокрую шляпу и не спеша побрел на улицу. Дождь зарядил сильнее, а ветер превратился в настоящий ураган.

Вот и хорошо. Погода на его стороне.

На улице оказалось не так темно, как ему казалось изнутри, из паба, но все же достаточно. Он влез в «воксхолл», долго возился, пытаясь вставить ключ в замок зажигания, потом нашаривая выключатель. Зажглись индикаторы приборной панели и замигали ему, словно некие глубоководные твари, высунувшие прозрачные головы из пещер на щитке.

Росс закрыл глаза. Голова кружилась. Виски обжигало внутренности. *Слишком много выпил. Не надо было заказывать последнюю порцию. Чем ты сейчас занимаешься с моей шлюхой женой, доктор Оливер Кэбот?*

Он открыл глаза. Создания превратились в кнопки, а потом опять в неведомых тварей.

Отвяжитесь вы от меня!

Он помнил: у него две задачи. Сначала – свет в салоне. Он открыл дверцу и заблокировал выключатель, чтобы свет в салоне горел постоянно. Потом вылез, открыл багажник и вывернул лампочку. Теперь никакая мелочь его не выдаст.

Он завел мотор и проехал по дороге полкилометра, затем свернул влево, въехал в ворота, переехал проволочного «лежачего полицейского» для скота, прижавшись носом к ветровому стеклу, вглядываясь в дождь, туман и мрак.

Еще через полкилометра он снова увидел впереди очертания построек фермы. Фары высветили открытый навес и ржавый трактор.

Росс не знал, издали ли заметен свет его фар в такую погоду. Хотя из-за сосновой рощи дорога не видна и сука не заметит его из своего любовного гнездышка, существует другая опасность: если они выглянут из неосвещенного окна, они могут заметить ближний свет его фар. Он остановил машину за навесом и выключил ближний свет. Морские создания убралась в свои подводные пещеры на приборной доске.

Можно не спешить. Времени у него сколько угодно. Главное – не торопиться, все делать по плану и не пытаться действовать преждевременно, без подготовки.

Росс включил радио, но стало хуже, так как от приемника шло слишком много света. А ему нужна была полная темнота.

Интересно, где ты сейчас – в постели? Валяешься там нечесаная, а на кухне полным-полно грязной посуды... Ах ты, дрянь такая! Валяешься голая, обхватив ногами талию доктора Кэбота?

Машина качалась на ветру.

Голова гудела от ненависти.

Доктор Оливер Кэбот в синем «джипе-чероки» проехал по той же дороге раньше его. Он проехал мимо него к Вере, к его жене, которая

ждала его, ждала с нечесаными патлами на пороге любовного гнездышка. Сейчас они, наверное, лежат на диване, обнявшись, и смотрят какое-нибудь дерьмо по телевизору.

Ты стараешься разрушить мою жизнь, доктор Оливер Кэбот. Ты трахаешь мою жену и засоряешь ей мозги. Ты убиваешь ее, эгоист, сволочь! Убиваешь своими гребаными шарлатанскими, шаманскими заклинаниями и приемчиками.

Спустя какое-то время его глаза привыкли к темноте и он отчетливо видел дорогу. Росс завел машину и, не включая света, медленно двинулся вперед.

Он проехал во вторые ворота и поднялся по крутому склону холма. Подъезжая к рощице, он заметил, как между деревьями мелькнул лучик света.

Росс свернул с дороги и осторожно повел машину по колдобинам в заросли между деревьями – там его ниоткуда не будет видно. Он заранее проверил землю – достаточно ли тверда, чтобы выдержать вес машины.

Достав из багажника бинокль, он вышел на опушку и, опершись для устойчивости о дерево, поднес бинокль к глазам.

В трех окнах дома горел свет: на кухне, откуда раньше выглядывала подлая сука, в окне рядом со входной дверью и в мансардном окне «Велюкс» под крышей.

Ни суки жены, ни доктора Оливера Кэбота не видно.

Росс бросил взгляд на светящийся циферблат наручных часов. Без десяти девять. Он стоял, опершись о ствол дерева, то поднося к глазам бинокль, то опуская его. *Давай же, сука, тебе рано или поздно придется выйти в кухню. После того как твой любовник тебя оттрахал, вам нужно заправиться, восстановить силы.* В поле блеяли овцы; над головой летала летучая мышь. В общем, можно было сказать, что кругом царила полная тишина – только завывал ветер, да потрескивали сучья на деревьях, да лил дождь.

В двадцать минут одиннадцатого Вера вышла на кухню и прижалась лицом к стеклу, глядя прямо на него. Вид у нее был обеспокоенный.

Боишься, сучка? Правильно делаешь. Тебе есть чего бояться!

Потом доктор Оливер Кэбот присоединился к ней. Росс видел их в оконной раме так четко, как если бы они появились на телеэкране. Кэбот обвил руками талию Веры – вот гад! – и потерся носом о ее шею. Она улыбнулась, повернулась к нему, взяла его лицо в ладони.

Росса передернуло от гнева. Какая дрянь! Целует своего шарлатана в губы! Целует жадно, как будто ее что-то гложет изнутри – словно в порыве

отчаяния. Они лапают друг друга... Вот докторишка зарылся лицом в ее волосы, запрокинул ее голову и целует ее голую шею.

– Убери от нее свои грязные лапы! – завопил Росс. Его крик унес ветер. – Сволочь поганая, убери от нее лапы! Кэбот, мать твою, она моя жена!

Он опустил бинокль, схватил его за ремешок и что было сил швырнул о дерево. Линзы разбились.

Сердце бешено колотилось; глаза налились кровью. Он снова открыл багажник, полнясь темной яростью, осветил фонариком размером с карандаш, вытащил из чехла дробовик, зарядил, а оставшуюся дробь рассовал по карманам. Напоследок он вынул из багажника канистру с бензином и захлопнул крышку.

Прикрепив фонарик изнутри к нагрудному карману, Росс медленно побрел к дому – с канистрой в одной руке и ружьем в другой. Через несколько секунд свет на кухне погас. Он ступал медленно, но уверенно, не сводя взгляда с дома.

Дом.

Споткнувшись о кротовью нору, он едва не упал, но в последний момент устоял.

Дом.

Все ближе – шаг за шагом. Дойдя до загона для скота, Росс остановился. На дорожку падал свет из окна рядом со входом. По гравию идти рискованно – скрип его выдаст. Пастбище по периметру огораживала колючая проволока. Сапоги хлюпали по мокрой траве. Росс решил обойти дом с тыла.

Он поставил на землю канистру, прислонил к изгороди ружье и перелез через ограду, ругнувшись, когда зацепился брюками, а потом порвал о колючки куртку. Он оказался в саду, но от самого дома его отделяла высокая кирпичная стена. Вверху, в комнате второго этажа, за занавесками горел свет; еще выше, в мансардном окне «Велюкс» под крышей, тоже горел свет.

Росс пошел вдоль стены и заметил деревянные ворота. Оставив канистру и ружье, он чуть приоткрыл их. Петли заржавели; послышался громкий скрип. Он немного выждал, толкнул ворота еще немного, морщась от скрипа. Наконец образовался проем, в который можно было протиснуться.

Ворота вели в бывший сад, а теперь двор – с газоном, живой изгородью и плавательным бассейном. Росс увидел и террасу для отдыха с креслом-качалкой, еще несколькими садовыми креслами, столом и

переносной барбекюшницей.

Хорошо устроилась, сучка!

Он вернулся за ружьем и канистрой, а потом снова пошел вдоль стены и скоро оказался еще у одних ворот, за ними был огороженный участок земли, на противоположном конце которого он заметил теннисный корт. Он остановился и задрал голову. На эту сторону выходило несколько окон. Из одного пробивался слабый свет. Росс вплотную приблизился к дому и пошел вдоль фасада, то и дело останавливаясь, чтобы подергать очередную дверь – все они оказывались запертыми, – или обходя массивный куст рододендрона. Наконец он подошел к окну, из которого пробивался свет.

Это было окно просторной уютной гостиной с двумя огромными диванами, дубовыми балками и большим телевизором; шли мультики – вот откуда свет.

Росс пошел дальше. Следующее окно оказалось темным. Он осветил фонариком и увидел небольшой кабинет с письменным столом, компьютером, фотографиями на стенах. Дверь была закрыта.

Вот и хорошо.

Ветер завывал еще громче, раздувая полы куртки, пытаясь сорвать с головы шляпу. Все окна были закрыты, но стекла достаточно большие. Росс взял ружье за ствол и прислушался. Ветер на мгновение утих. Когда он завыл с новой силой, Росс ударил прикладом по стеклу.

Послышался глухой удар, и приклад отскочил.

Черт!

Росс вслушивался, всматривался в дом, оцепенев от ужаса. Только завывания ветра. Больше ничего.

Он снял шляпу, обернул ею приклад и снова ударил в окно, приложив все свои силы. Послышался звон разбитого стекла – ему показалось, будто разлетелась вдребезги целая стеклянная теплица.

– Господи боже, господи ты боже мой! – Росс отодвинулся от разбитого окна и как можно плотнее прижался к стене. Он ждал, не послышатся ли голоса, движение – любой звук, перекрывающий вой ветра и стук крови у него в ушах.

Он не знал, сколько времени простоял под окном. Пять минут, а может, и десять. Потом он обошел дом, остановившись у гравийной дорожки. Свет горит там же, где и раньше; похоже, никто ничего не слышал.

Вернувшись под окно кабинета, он еще раз осветил фонариком. Подоконник был низкий, на нем стояла ваза клуазоне на постаменте, которую он сдвинул в сторону. Кроме того, он вытащил из рамы несколько узких и длинных осколков и аккуратно уложил их на газон.

Затем, зажав фонарик в зубах, он влез в окно, стараясь производить как можно меньше шума. Мягко спрыгнув на пол, он перегнулся через подоконник и взял ружье и канистру. Уложив и то и другое на ковровое покрытие, он снял резиновые сапоги.

Подошел к двери, поднял ржавый шпингалет и осторожно выглянул наружу. Он увидел длинный коридор. На стенах гравюры с охотничьими сценами; на противоположном конце – закрытая дверь. Судя по всему, рядом никого нет.

Росс вынес в коридор канистру и ружье и закрыл за собой дверь. В тишине слышно было, как на ходу плещется бензин в канистре. Кроме того, он услышал у себя над головой другие звуки. Мерно и ритмично поскрипывала кровать.

Росс поднял голову. Во рту от ненависти все пересохло. Он зашагал быстрее. Из-под двери в конце коридора пробивался луч света. Судя по его приблизительным прикидкам, насколько он успел изучить план дома, свет, скорее всего, горит в холле.

Он оказался прав. Дверь открывалась в широкий холл с балками на потолке, терракотовым плиточным полом, несколькими красивыми итальянскими мраморными статуэтками на постаментах и большими картинами в рамах – сцены сельской жизни, писанные маслом. На второй этаж вела деревянная лестница.

Над головой послышался стон – слабый, как летний ветерок.

Поскрипывание стало громче и участилось.

Неожиданно все вокруг переменялось. Озадаченный, Росс покрутил головой. Он стоял в маленькой и тесной кухне: в раковине горой свалена грязная посуда, на рабочем столе открытая консервная банка спагетти.

Потом он снова оказался в темноте просторного холла. То не был холл в квартире его матери, но он как будто слышал ее сдавленный голос, который кричал: «О да, не останавливайся, господи, о господи, продолжай!»

Он быстро и воровато взбежал по лестнице и остановился на площадке, вслушиваясь в ее голос из-за двери.

– Да, о да, вот так! Да, так, так! Как я тебя люблю!

Росс отвернул колпачок канистры и щедро полил всю лестницу бензином. Затем он остановился, слушая крики наслаждения, и стал смотреть, как коричневая жидкость стекает по деревянным ступенькам.

Кричи, кричи, сука. Сейчас запоешь по-другому!

– О боже, да! О да, не останавливайся, о господи, господи, продолжай!

Он открыл дверь спальни и вылил на пол остатки бензина. Темная

жидкость растекалась по дубовым половицам, текла к белому ковру вокруг кровати. Кровать была огромная, деревянная, резная, столбики по краям увенчаны остроконечными пиками, похожими на фаллосы.

Кровать шлюхи.

В комнате царил приятный полумрак; горела лишь настольная лампа у кровати. В ее свете он разглядел две спящие фигуры. Сука жена и докторишка Оливер Кэбот. Вдруг картинка опять переменялась. Он стоял в спальне своей матери и наблюдал, как двигаются белые костлявые ягодицы голого мужчины – вверх-вниз. Увидел ее голые ноги, которые обхватили мужчину за талию, увидел, как выгнулась ее спина, как волосы разметались по лицу и по подушке, щеки покраснелись от возбуждения.

Канистра с грохотом упала на пол, и тут она проснулась и увидела его.

– Оливер!!!

Ужас в ее голосе был для него сладкой музыкой.

– Оливер, о боже мой!

Докторишка тоже проснулся и заморгал, привыкая к свету. Оба голые, сидят в постели, разинув рты, пялятся на него в страхе, натянули простыню до самой шеи, пытаясь прикрыться – закрыться от него. Вот дураки!

Он вскинул ружье и прицелился.

– Росс... Нет, Росс. Прошу тебя, Росс. Прошу тебя, не надо, нет, нет, нет!

Росс улыбнулся. Впервые за очень долгое время он успокоился.

– Дышите глубже, – посоветовал он. – Дышите глубже, вы оба!

Шарлатан унюхал первым. Росс увидел, как его глаза расширяются еще больше. Потом унюхала и сука.

Голос ее упал на несколько октав и сделался похож на вой раненого животного:

– Росс, нет, нет, Росс, не надо, нет, Росс, нет, нет, нет!

– Вера, вылезай из постели и одевайся.

– Прошу тебя, Росс, не надо!

– Я сказал, вылезай из постели, шлюха, и одевайся!

Не сводя взгляда с его лица, она выскользнула из постели и, спотыкаясь, нагнулась. Пристальный взгляд Росса переместился к шарлатану, а потом снова к ней. Ее нагота была ему неприятна; его раздражало то, как трясутся ее груди, его раздражали ее голые колени, ее худые ноги внушали отвращение.

Она оступилась, подняла трусики, жалобно всхлипывая, потеряла равновесие, запрыгала на одной ноге, судорожно натягивая клочок ткани. Чтобы не упасть, схватилась за столбик кровати. Он бросил взгляд на

шарлатана, и в мозгу мелькнул огонек узнавания. Они уже встречались где-то, причем совсем недавно.

Снимки, сделанные Кейвенном?

Нет, он видел его самого, но где?

– Мистер Рансом, – произнес шарлатан дрожащим голосом, – не причиняйте вред своей жене. Во всем виноват я. Давайте поговорим, обсудим...

– Заткнись! – заорал Росс, целясь в него. – Одно слово, и я стреляю! Запомни, сволочь: всего одно слово... – Он повернулся к Вере: – Скорее, сука! Раздевалась-то, наверное, быстрее!

– Мистер Рансом... – снова начал Оливер Кэбот.

Росс выхватил из кармана одноразовую зажигалку, купленную на бензозаправке, и поднял ее повыше, держа большой палец на кремне.

– Я сказал, заткнись, шарлатан, знахарь чертов!

Докторишка молча пялится на него; взгляд перебегает от него к Вере, ноздри раздуваются.

Вера кое-как влезла в джинсы, натянула синий вязаный свитерок, затем сунула ноги в туфли.

– Росс, прошу тебя, давай поговорим.

– Свяжи его! – приказал Росс.

– Что... ты имеешь в виду? – спросила она дрожащим голосом.

– Свяжи его, шлюха. Привяжи к кровати. Раньше тебе нравились такие игры!

В изножье кровати валялся халат. Росс сунул зажигалку в карман, наклонился вперед, вытянул пояс из петель и швырнул ей.

– Вокруг него, а потом к столбику.

Целясь то в Веру, то в Оливера Кэбота, Росс пятился к платяному шкафу с раздвижными дверцами. Открыл шкаф; в глаза бросилась вешалка с галстуками. Сорвал целую связку и швырнул ей в лицо.

– Вот, свяжи его!

– Мистер Рансом... Росс... – сказал Оливер.

Росс двинул его в челюсть двустволкой, разбив в кровь губы.

– Я сказал – молчать, шарлатан! Разве ты не привык молчать во время своих поганых медитаций и прочего дерьма?

– Росс, – жалобно молила Вера, – Росс, пожалуйста...

Она связала Оливера, распростертого на спине, как велел Росс: руки к верхним столбикам, ноги – к нижним. Затем Росс сдернул с него простыню и стал разглядывать обнаженное тело.

– Что, шарлатан, не стоит? Какая жалость!

Подбородок Оливера был весь в крови.

Вера посмотрела на мужа:

– Росс, пожалуйста, поговори со мной. Так ты ничего не добьешься...

Ты просто спятил...

– Выходи из комнаты, сука!

Вера с отчаянием посмотрела на Оливера, потом перевела взгляд на Росса.

– Я его не оставлю. Если хочешь убить его, тебе придется убить и меня. Все равно я умираю – несколькими месяцами больше, несколькими меньше, какая разница?

– Убирайся отсюда.

– Нет.

Росс выхватил зажигалку и поднял ее повыше. Рука у него дрожала. Вера посмотрела Россу в лицо, посмотрела на ружье, потом на зажигалку. В глазах у нее что-то блеснуло – он не успел угадать, что именно. Однако ее взгляд ему не понравился. И прежде чем он успел сообразить, что она собирается делать, она бросилась на него и впиалась зубами ему в руку.

С воплем боли он выпустил зажигалку, которая упала на пол, и спустил курок.

Выстрела не последовало.

За долю секунды Росс понял, что успела сообразить его стерва жена. В прошлом году он несколько раз брал ее с собой в лес и учил стрелять по мишеням. Она увидела, что предохранитель поднят, будь он неладен, и дробовик не выстрелит.

Пальцем одной руки Вера выдавливала ему глаз, а второй рукой била в лицо – с такой силой, что заболели костяшки, но она этого не замечала. Она царапала его, рвала за волосы, дралась, как кошка.

Росс попятился, споткнулся, повалился на спину. Вера, вцепившаяся в него, тоже упала. Уголком глаза она следила за ружьем.

Вдруг она метнулась в сторону, схватила ружье и бросилась к двери. Выбежала на площадку, ударилась о перила лестницы. Обернулась. Росс, спотыкаясь, шел к ней. Она прицелилась в него, но тут же опустила дробовик. Бензин. Стрелять нельзя. *Господи, стрелять нельзя!*

Вера поспешила вниз по лестнице к входной двери. *Нет!* Оливер закрыл ее на цепочку.

Росс уже был на середине лестницы. Вера торопливо схватила цепочку, сняла ее, откинула задвижку, и дверь открылась.

Цепкая рука схватила ее за горло.

Крича, с трудом вырываясь, чтобы вдохнуть воздуха, она рвалась

вперед, молотя в воздухе руками и ногами. Потом она полетела ничком на гравий. Услышала, как за спиной лязгнул затвор, но, прежде чем она успела опомниться, Росс схватил ее за волосы и вздернул голову вверх, а потом со всей силы ударил головой о землю. Страшная боль на миг ослепила ее; когда она подняла глаза, то увидела, что Росс с ружьем в руках с трудом поднимается на ноги.

– Прочь с дороги, шлюха!

Тяжело дыша, Вера перегородила дверь:

– Нет, Росс, не делай этого!

Он прицелился в нее.

– Уйди с дороги!

Вдруг – откуда только взялись силы! – она в ярости крикнула:

– Нет, Росс! Сначала ты, черт возьми, выслушаешь меня!

На мгновение он застыл, пораженный ее неожиданным тоном.

Смягчив голос, Вера продолжала:

– Если ты правда меня так любишь, как говорил, тогда тебе нужно повернуться и уйти отсюда.

Он заморгал глазами. На лице появилось неуверенное выражение. Потом он сказал:

– Отойди от двери.

– Росс, я серьезно. Я умираю, тебе это известно, и мне тоже. Может быть, твои таблетки и помогут, но я так не думаю, и мне кажется, что ты в глубине души тоже в них не веришь. Если ты в самом деле любишь меня, тогда отпусти меня, и я смогу прожить остаток жизни так, как я хочу.

– Отойди от двери!

Голос его чуточку изменился. Неуверенность росла.

– Росс, если ты убьешь Оливера, ты тем самым убьешь и меня.

– Уйди.

– Думаешь, очень круто целиться в меня из ружья? Я всегда считала тебя сильным. Мальчиком ниоткуда, которому удалось стать одним из ведущих врачей в стране. Все тобой восхищаются. Как ты думаешь, будут ли тобой восхищаться, если ты пристрелишь собственную жену?

– Вера, уйди с дороги.

– Если хочешь показать характер, оставь нас в покое. На это требуется настоящая сила.

Росс посмотрел на жену, потом на крошечную красную точку на конце стволов. Шлюха! Еще смеет жалеть его... Вдруг перед его мысленным взором появилась картина: она лежит в постели, обхватив ногами голого доктора Оливера Кэбота, извивается под ним и стонет от удовольствия... И

еще какой-то звук раздался в ночи, перекрывая завывания ветра и шум дождя. Обернувшись через плечо, он различил во мраке вспышку голубого света. Еще одну.

Завывания становились все громче.

Сирена!

– Ты вызвала полицию! – Он крепче перехватил ружье, положил палец на спуск.

– Нет... ради всего святого, как я могла бы это сделать?

Он целил в точку между грудями – в свое время он так старательно их моделировал! И вдруг оказался на земле – так же, как неожиданно оказался на полу в пабе. На него смотрели две Веры. Потом их стало четыре. Он яростно водил ружьем, целясь в каждую из них по очереди.

Сирена все ближе.

Постепенно очертания Веры снова обрели резкость. И тут какая-то неведомая сила отшвырнула ее в сторону. Из двери на него метнулся вихрь. Шарлатан, голый, бросился прямо на него.

Росс взвел курок. Проклятый предохранитель! Он отвел его большим пальцем и снова взвел курок. Глухой звук выстрела отдался эхом в ушах, когда он бросился на тело голого мужчины. И вдруг волосы обдало жаром, и стало трудно дышать.

Дом был объят пламенем.

Росс услышал дикий крик, перекрывающий рев сирены.

Это кричала Вера.

– Алек! Росс, там наш сын!

Росс упал на колени и заглянул ей в лицо, но лицо подтверждало то, что кричал ее голос. Она говорила правду.

– Идиот! Проклятый дурак! Ради бога, он там, в доме, спит на чердаке! – Вне себя, она метнулась прямо в разъяренное пламя.

Росс, спотыкаясь, бежал за ней, тащил ее назад, чувствуя, как лицо обдает жаром.

– Где?

– На чердаке, идиот несчастный! – Она била его кулаками по лицу, толкала, щипала. – Пусти меня! Пусти меня! Там мой сын, он там!

Пытаясь удержать, успокоить ее, он сказал:

– Вера, как попасть на чердак? Отвечай! Как попасть на чердак?!

Она вырвалась, снова кинулась к двери. Росс схватил ее и оттащил в сторону. Она развернулась к нему; она дралась как львица, вырывалась, готовая кинуться в пламя. Росс ударил ее в лицо. Она упала и покатилась по земле.

– Псих проклятый, там твой сын!

Он обернулся. Доктор Оливер Кэбот вставал с земли – с трудом, пошатываясь. Губы и нос были в крови, на голове недоставало клока волос, как будто с него сняли скальп.

– Боже, о боже! – бормотал Росс, сам почти в истерике. – Алек. О господи! – Он взглянул вверх, на мансардное окно, в котором горел свет.

Оттолкнув шарлатана с дороги, Росс побежал направо, потом налево, глядя на дом, соображая, как можно попасть туда и куда огонь еще не проник. Окно, которое он разбил, – сзади.

– Алек! – крикнул он. – Алек, это папа!!! Папа здесь!

Он забежал за угол, перемахнул через проволочную ограду, пробежал вдоль задней стены, истерически выкрикивая:

– Алек! Алек! Алек!

На первом этаже пламени пока не видно. Росс обежал дом со стороны паддока^[1] и влез внутрь через разбитое окно кабинета. Потом подбежал к двери, которую незадолго до того притворил, и открыл ее.

Не помня себя, он совершил ту же ошибку, что и пациенты, поступавшие к нему из ожогового отделения: он открыл дверь в комнате с открытым окном, тем самым дав доступ кислороду. Давая пламени топливо.

Из коридора на него обрушилась лавина огня, и дышать сразу стало невозможно. Росс, кричащий от дикой боли и ужаса, превратился в ослепительный огненный шар.

Оливер взобрался наверх по водосточной трубе. Когда снизу послышался звон разбитого стекла, он посмотрел вниз. По лужайке с воплем «Алек! Алек! Алек!» металась фигура, объятая пламенем.

Потом она упала, покатилась, испуская искры по земле, отчаянно пытаясь сбить пламя.

– Помогите! Я ничего не вижу! Где я? Помогите! Помогите найти Алека! Помогите мне найти сына!!!

Оливер отвернулся. Он должен успеть.

Алек, я иду к тебе. Только держись – я уже близко.

Задыхаясь в окруживших его клубках густого дыма, он подтянулся на водосточном желобе, радуясь, что у Джерри Хаммерсли нормальный, металлический желоб, а не пластиковая дрянь. Поискал ногами точку опоры, нашел крошечный выступ, подтянулся повыше. Кое-как забравшись на крышу, он пополз на четвереньках, как обезьяна, оскальзываясь на скользкой черепице. Наконец он добрался до мансардного окна, где горел свет, – окна на чердаке, где спал Алек.

Боже!

Через окно он увидел Алека, который стоял у кровати в пижаме. Снизу, из открытого люка, на чердак начали прорываться языки пламени. Если он разобьет окно, произойдет взрыв. Оторвав от крыши кусок черепицы, он постучал по стеклу. Алек поднял голову.

Оливер понял, что мальчик его, скорее всего, не видит. Он прижался носом к стеклу и позвал:

– Алек! Это я, Оливер! Ты можешь закрыть люк?

Алек молча смотрел на него, открыв в ужасе рот, но не был в состоянии выговорить ни слова.

Можно рискнуть и чуть-чуть приоткрыть окно. Оливер начал бить по стеклу; наконец разбился маленький кусочек. Оливер заткнул дыру пальцем и прижался к ней губами.

– Алек, сейчас тебе придется проявить смелость. Возьми наволочку, намочи ее в раковине, надень на голову, потом нагнись и закрой люк на крючок.

Алек покачал головой. Его трясло от страха.

– Нет, нет, нет!

– Алек, подойди поближе, наклонись ко мне.

Мальчик не шелохнулся.

– Алек, можешь мне верить. Подойди поближе.

Алек попятился к крышке люка.

– Стой! – в страхе прокричал Оливер. – Алек! Стой!

Еще один шаг – и ребенок свалится прямо в огонь! Оливер отчаянно соображал. Что делать? Разбивать окно нельзя – мальчика тут же охватит пламя.

Вдруг он услышал, как что-то взорвалось – наверное, газовый баллон; он сдетонировал, и вверх из люка полетели горящие щепки и обломки, прямо на Алека. Крича и стряхивая с себя искры, мальчик бросился к окну. Личико его превратилось в застывшую маску страха.

– Еще ближе.

Алек придвинулся.

– Ты видишь меня? Ты знаешь, кто я?

Мальчик кивнул.

Пламя за его спиной уже лизало балки пола.

– Я хочу, чтобы ты успокоился, я хочу, чтобы ты успокоился, Алек, успокойся, Алек, успокойся и слушай мой голос. Ты спокоен, ты слушаешь мой голос, ни о чем не думай, только делай то, что я тебе велю, и думай о том, как ты спокоен. Алек, ты спокоен?

Мальчик молча смотрел, словно не решаясь ответить.

Оливер выругался. *Не действует!*

– Алек! – позвал он. – Ты хорошо меня слышишь?

Алек одними губами произнес:

– Да.

– Посмотри мне в глаза, не отводи взгляда от моих глаз, не смотри больше ни на что, только мне в глаза.

Наконец ему удалось приковать к себе взгляд мальчика. Его зрачки двинулись вправо, потом влево, повторяя движения Оливера.

– Мои глаза: смотри мне в глаза и успокойся, не слушай ничего, только мой голос, будь спокоен, думай о своих глазах, смотри мне в глаза и ни о чем не думай, не своди с меня глаз, не своди глаз, успокойся, смотри мне в глаза, глаза в глаза, и делай то, что я говорю. Сейчас мы поиграем в одну игру. Игра очень важная, смотри мне в глаза, слушай мои мысли.

Пристально глядя Алеку в глаза, сосредоточив на нем все свои силы, вглядываясь в пламя, не чувствуя, как пламя лижет ему ладони и ступни, Оливер целую минуту продолжал гипнотизировать мальчика, пока не увидел, как у того расширились зрачки, и не понял, что он вошел в нужное состояние.

– Сейчас мы с тобой поиграем, Алек, мы поиграем в пожарных. Сейчас ты возьмешь наволочку, намочишь ее холодной водой, наденешь на голову, подойдешь к люку и закроешь его. Я хочу, чтобы ты сделал это сейчас же. А потом возвращайся.

Алек кивнул и сделал все точно, как Оливер ему приказывал. Он надел на голову наволочку, бесстрашно подошел к люку, нагнулся, подтянул наверх лестницу, и через секунду крышка захлопнулась с глухим стуком.

Тогда Оливер разбил окно, схватил мальчика, снял у него с головы наволочку и быстро оглядел его обожженные руки. Мальчик молчал – он все еще находился в трансе и пока не чувствовал боли.

Оливер крепче обхватил его и посадил себе на закорки. Он велел Алеку держаться крепче.

Потом он снова выбрался на крышу. В воздухе слышался ужасный треск; воняло горелой краской. Вокруг него, как остатки фейерверка, кружились искры и кусочки расплавленной смолы. Осторожно, сантиметр за сантиметром, Оливер начал спускаться. Вот ноги нащупали водосточный желоб. Чудесным образом единственная часть дома, не охваченная пламенем, находилась прямо под ним.

Прямо за проволочной оградой стояла полицейская машина. Оливер увидел Веру, скорчившуюся на переднем пассажирском сиденье. Росса

нигде не было видно.

– Эй! – крикнул он. – Эй! Помогите! Помогите!

Через секунду в лицо ему посветил луч прожектора. Потом он заметил внизу двух полицейских.

Оливер закричал:

– Там есть лестница, но искать нет времени! Пусть один из вас держится за водосточную трубу, а другой встанет ему на плечи – я передам ребенка...

Голос его потонул в мощном реве, как если бы он стоял над кратером извергающегося вулкана. Крыша задвигалась. Дом распадался на части. Оба полицейских в ужасе подняли голову и отступили. Один сложил руки и закричал:

– Прыгай!

В приступе отчаяния Оливер метнул Алека, словно огромный мяч для регби, прямо в полицейских, а потом прыгнул сам – как можно дальше в темноту.

За завтраком Шон не находил себе места. Хью Кейвен не понял – оттого ли это, что сынишка не может дожидаться, когда первый раз пойдет в детский сад, или нет. Всякий раз, когда он спрашивал Шона, хочет ли тот в детский сад, тот молча пожимал плечами. Был первый день осеннего семестра, хотя, по иронии судьбы, казалось, что в Англию наконец-то пришло лето – настоящее бабье лето, температура под тридцать градусов, гораздо жарче, чем обычно бывает в первую неделю сентября.

Частному детективу тоже было не по себе. Среди конвертов, которые пришли с утренней почтой, оказался один, который ему очень не хотелось вскрывать: пухлый длинный конверт для писем с полицейским гербом.

Он не знал, что находится внутри конверта, но у него было несколько идей – одна хуже другой. Возможно, извещение о нарушении им правил дорожного движения – может, его засек радар или сфотографировали, как он проезжает перекресток на красный свет, а может, талон об уплате налога просрочен.

Более сильное беспокойство вызывало другое обстоятельство. Пару недель назад его допрашивал полицейский – после того как засек за одним домом, где он вел съемку, пытаясь застигнуть парочку на месте преступления. Возможно, письмо связано с тем случаем. Существовала и третья вероятность: письмо могло быть связано с незаконной установкой видеокамер в квартире доктора Оливера Кэбота.

Хью Кейвен вспомнил июнь, когда он наконец набрался смелости и позвонил сержанту уголовного розыска Ансону, которого повысили до инспектора. Тот разговаривал с ним довольно холодно. Тогда Кейвену показалось, что полицейского больше интересует факт незаконного проникновения в квартиру Кэбота, чем сообщение, что за убийствами Барри Гатта и Харви Кэбота может стоять Росс Рансом. Частный детектив передал полиции координаты местонахождения машины доктора Оливера Кэбота и адрес в Глостершире, куда, по его мнению, направился Рансом. Кейвен поставил Ансона в известность, что там может разыгаться драма, однако полицейский как будто не слишком ему поверил – во всяком случае, судя по голосу, Кейвен его не убедил.

Как только Сэнди с Шоном уехали, Кейвен отнес почту наверх, к себе в кабинет, закурил первую за день сигарету и вскрыл пухлый конверт.

*«Управление полиции, участок „Ноттинг-Хилл“ 101
Лэдброук-Гроув, Лондон W11 3PL
Г-ну Хью Кейвену
Детективное агентство Кейвена
Клермонт-Клоуз, 5
Айкенхем
IK 12 7 VD
5 сентября 1999 г.
Уважаемый мистер Кейвен!*

Пишу по поводу незаконного проникновения в жилище доктора Оливера Кэбота по адресу: Лэдброук-авеню, дом 37 в июне этого года, а также по поводу незаконной установки аппаратуры слежения в данной квартире.

Приняв во внимание все обстоятельства, я решил не давать делу дальнейшего хода. Однако должен официально предупредить Вас о том, что в будущем подобные нарушения повлекут за собой серьезные осложнения с полицией, особенно в свете Вашей прежней судимости, вследствие чего Вам, в случае повторения, придется отвечать за свои действия в суде.

Искренне Ваш,
инспектор *Д.Г. Ансон*».

Через девять месяцев Хью Кейвен получил второе письмо от того же адресата.

*«Управление полиции, участок „Ноттинг-Хилл“ 101
Лэдброук-Гроув, Лондон W11 3PL
Г-ну Хью Кейвену
Детективное агентство Кейвена
Клермонт-Клоуз, 5
Айкенхем
IK 12 7 VD
8 июня 2000 г.
Уважаемый мистер Кейвен!*

Мне выпала приятная обязанность сообщить Вам, что в июне прошлого года была объявлена награда за сведения, ведущие к поимке и последующему аресту виновных в гибели профессора Харви Кэбота. Награду назначил доктор Оливер Кэбот, брат покойного профессора Кэбота.

В ходе следствия главный подозреваемый по делу, обвиняемый также в убийстве мистера Барри Гатта, скончался. Следствию также удалось – частично благодаря предоставленным Вами сведениям – предъявить ордер на арест мистеру Россу Рансому, проживающему по адресу: поместье „Литл-Скейнз“, Литл-Скейнз, Западный Суссекс, по обвинению в соучастии в убийстве (заговоре с целью убийства).

Поскольку состояние здоровья мистера Рансома не позволяет предъявить ему ордер на арест и поскольку представляется маловероятным, чтобы он когда-либо мог предстать перед судом, доктор Оливер Кэбот поручил мне передать Вам, что он намерен выплатить вам 10 000 (десять тысяч фунтов стерлингов) в знак признательности за Вашу помощь следствию.

Если Вы согласны принять данную награду, пожалуйста, свяжитесь с нижеподписавшимся, когда Вам будет удобно.

Искренне Ваш,
инспектор *Д.Г. Ансон*».

Чек прибыл через десять дней. Хью Кейвен перевел деньги на счет в банк, ничего не сказав жене. Времена сейчас трудные, и он точно знал, что скажет Сэнди: у них пятилетний сын и семимесячная грудная дочка, которых нужно кормить. Ему не хотелось ссориться с женой.

Выждав пять дней, в течение которых банк проверял подлинность чека, Кейвен снял всю сумму наличными.

В тот же вечер он приехал на улицу, где жила вдова Барри Гатта со своими тройняшками. Им исполнилось уже два года. Он припарковался на безопасном расстоянии от дома, чтобы Стеф не увидела его, если случайно выглянет из окна. Кейвен с облегчением вздохнул, заметив, что в домике ни в одном окне не горит свет.

Пакет с деньгами он сунул в щель для писем и вернулся в машину.

По дороге домой он не включал радио, так как слушал музыку, которая звучала у него в голове. Открыв окошко и наслаждаясь ночной прохладой, он напевал старую песню Боба Дилана. Тяжелый груз отделился от его души и начал таять на ветру.

Вера стояла в маленькой комнатке, примыкающей к палате для лежачих больных ожогового отделения больницы «Ист-Гринстед». Она покосилась на медсестру, а потом перевела взгляд на лежащую на кровати фигуру. Когда она пришла сюда впервые, то едва могла заставить себя посмотреть на Росса.

Из перекошенного отверстия в чешуйчатой багровой обожженной ткани – от его носа и подбородка почти ничего не осталось – послышался долгий тихий стон. Потом хлюпающий звук вдоха, а затем долгий, медленный, мучительный, скрежещущий выдох.

Он лежал на спине, согнув руки в локтях и сжав кулаки, как в боксерской стойке. В первый раз Вере показалось, что Росс таким вот причудливым образом протестует против своего состояния, но медсестра отделения пластической хирургии, где он раньше оперировал раз в неделю, объяснила Вере, что дело совсем в другом. Подобная поза часто наблюдается у пациентов, получивших обширные ожоги. Она так и называется – «боксерской стойкой» или «позой боксера». Пациент не может разогнуть конечности из-за сокращения мышц вследствие усыхания кожи и мышечной ткани от ожога.

В таком положении часто находят трупы людей, сгоревших на пожаре, однако эта поза нетипична для тех, кто выжил. Случай Росса Рансома уникален. Всех поражала его сила воли, благодаря которой он продолжал жить. Не многие, за исключением маленьких детей, выживают, получив шестьдесят пять процентов ожогов. У Росса обожжено семьдесят процентов поверхности тела, однако он живет вот уже два года. Если, конечно, это можно назвать жизнью.

В тот июньский день Росса перевезли сюда из Челтнема с обширными ожогами второй и третьей степени. Через три месяца врачи, испросив предварительно согласия Веры, которая оставалась его женой, отключили его от системы искусственной вентиляции легких, так как он мог дышать самостоятельно. На груди, руках, ногах и голове кожа Росса переродилась в рубцовую ткань, у него были серьезно задеты дыхательные пути и внутренние органы. Наиболее пострадали почки и мозг – последнее обстоятельство вызывало у врачей особенно серьезные опасения. Волосы сгорели полностью; кроме того, он ослеп, но, как показала электроэнцефалограмма, определенный процент слуха у Росса сохранился.

Жалея бывшего коллегу, врачи высказывали надежду, что он будет постепенно слабеть и угасать. Однако, как ни странно, сердечная деятельность улучшалась от месяца к месяцу, хотя и незначительно. Принимая во внимание поражение мозга, врачи не могли определить, способен ли Росс чувствовать боль, но каждые несколько часов он издавал стон, и потому его постоянно держали на капельнице с морфием.

Почти вся поверхность тела была закрыта повязками. В течение двух лет было сделано множество операций по пересадке кожи; однако трансплантаты инфицировались и отторгались. Битва была постоянной и безнадежной.

Вера сама не знала, зачем приехала. Медсестра сказала, что Росс звал ее, как будто хотел ей что-то срочно сказать, но ее страшила мысль о встрече с мужем. Он по-прежнему обладал властью над ней – часто являлся к ней во сне, и она с криком просыпалась.

Родственники некоторых бывших пациентов Росса подали на него в суд; Вера сомневалась в том, что мужа когда-нибудь станут судить. После пережитого у нее развилась бессонница; она часто до утра ворочалась в постели, вспоминая годы замужества, пытаясь отыскать в прошлом признаки безумия Росса. Почему она раньше ничего не замечала? Ее успокаивали слова философа Кьеркегора, которые постоянно повторял ей Оливер: можно понять прошлую жизнь, но жить надо будущим.

Держась как можно дальше от постели Росса – насколько позволяло тесное пространство палаты, – Вера напряженно наблюдала за ним. Хорошо, что она здесь не одна, хорошо, что в палате постоянно дежурит медсестра. Вера боялась, что Росс, несмотря на свое состояние, все равно как-нибудь исхитрится добраться до нее. Ей казалось, что он догадывается о ее присутствии и отчаянно хочет с ней поговорить.

Тяжелее всего было выносить постоянные вопросы Алека об отце, но в последнее время мальчик все реже спрашивает о нем. С самого начала она решила придерживаться правды – насколько это возможно. Она рассказала сыну, что папа серьезно поранился и ему придется долго лечиться в больнице. Он не хочет, чтобы Алек навещал его, пока ему не станет лучше. Алек неплохо ладил с Оливером, но бывали времена, когда личико сынишки омрачала грусть; мальчик замыкался и думал о чем-то своем.

Вдруг Росс резко и отчетливо заговорил – так отчетливо, словно не было последних двух лет и они снова вместе, в поместье «Литл-Скейнз», сидят в библиотеке, в гостиной или в кухне и разговаривают.

– Как Алек?

Вера воззрилась на медсестру – проверить, слышала ли та вопрос, или

ей это только показалось, но медсестра тоже все слышала.

– Хорошо, – дрожащим голосом ответила Вера.

Росс не ответил, только прерывисто дышал.

Вера выждала целую минуту, а может, и дольше, а потом – она ничего не могла с собой поделать – заплакала.

– Мы только что отметили его восьмой день рождения, – со слезами в голосе сказала она. – Устроили «пляшущий замок», пригласили фокусника, жарили барбекю. – Она бросила молящий взгляд на медсестру. Та кивнула, призывая ее продолжать. – Он... больше всего ему понравилось, когда мы ненадолго выключили насос и замок начал сдвигаться. А в школе на прошлой неделе он выиграл в крикет. Он хороший спортсмен – весь в тебя. В последнее время сильно вытянулся. Наверное, будет таким же высоким и сильным, как ты. – Она порылась в сумочке, извлекла носовой платок и вытерла глаза. – А знаешь, что Алек сказал позавчера? Он хочет стать врачом. Сказал, что, когда вырастет, будет пластическим хирургом, как ты. Тогда он исправит искривление у меня на носу – оно появилось, когда ты ударил меня по лицу, чтобы не пустить в горящий дом. Ты сломал мне нос... представляешь, ты сделал мне столько пластических операций, а потом взял и сломал нос! – Голос у нее дрогнул. Но она, взяв себя в руки, коротко рассмеялась. – Я сказала ему: к тому времени, как он выучится и получит диплом, ему придется не только поправлять мне нос. Лет через тридцать вся твоя работа будет нуждаться в поправках и улучшении.

По лицу у Веры текли слезы. Она отвернулась, не в силах больше находиться рядом с Россом. Выйдя за дверь, она почти побежала по коридору.

Эпилог

Через три месяца, погожим осенним утром, Вере позвонили из больницы и сообщили о смерти Росса. Дежурный врач заявил, что Росс умер в четыре утра, но он не решился будить ее так рано.

Вера поблагодарила врача и повесила трубку. Смешанные чувства овладели ею. Поскольку официально она до сих пор являлась женой Росса, ей придется подписывать свидетельство о смерти и хоронить его.

Ей захотелось, чтобы Оливер оказался рядом, положил руку ей на плечи и обнял ее. Он поймет охватившие ее чувства; он так хорошо разбирается в людях и в жизни.

На душе было тяжело... Вера сидела за столом в кухне, в доме, который купил Оливер в районе Хампстед-Хит, и смотрела, как Алек жует утренние хлопья. Распутин устроился у его ног в надежде, что ему перепадут изюминка или зернышко. Обычно ему везло: Алек ел неряшливо.

Годы совместной жизни с Россом казались ненастоящими, выдуманными. Они оба словно бы жили взаимно – как, впрочем, и Алек, и ее мать, и Оливер. Вся прежняя жизнь прошла как во сне.

Она вспомнила, как давным-давно гуляла с Оливером по кладбищу в северном Лондоне. Она и сейчас живо помнила, что он тогда говорил, глядя на надгробные плиты:

– Знаете, что меня привлекает? Тире. Маленький знак препинания между двумя датами. Я смотрю на чью-нибудь могилу и думаю: тире вмещает в себя всю человеческую жизнь. Мы с вами прямо сейчас проживаем наши тире. Не важно, когда человек родился или когда умер; важно, что он делал между этими двумя событиями.

Потом он заговорил о некоем храме, существующем в другом измерении, о храме, в который люди могут входить только после смерти. В том храме хранится Книга, содержащая историю каждой души.

Может быть, Росс сейчас как раз там и находится? Возможно, он сейчас листает страницы Книги жизни, пытаясь найти тот поворотный пункт, после которого в его жизни все изменилось, он сбился с пути, вбив что-то – неизвестно что – себе в голову, перестал быть хорошим и стал плохим.

Все они пережили настоящий ужас. Хорошо одно: Вера помирилась с матерью. Сейчас у них замечательные отношения. К ее радости и

изумлению, Маргарет, страдавшая остеоартритом, стала регулярно посещать Центр Кэбота, каждую неделю получая сеансы иглоукалывания, ароматерапии и терапии рейки. Еще больше удивило Веру, что мама согласилась принимать гомеопатические средства, которые Оливер выписал ей от простуды.

Прошло два года и четыре месяца с тех пор, как ей поставили диагноз «болезнь Лендта». Каждые три месяца она проходила полное обследование. Последние два раза анализы показали отрицательный результат. У некоторых больных наступали периоды ремиссии, но затем болезнь возвращалась. Однако два года значительно превысили предсказанный ей порог выживания.

Медицина – наука неточная, как свидетельствовали все интернет-сайты, посвященные болезни Лендта: там велись споры о новом лекарстве фирмы «Молу-Орелан» под названием «Энтеksamин»; приводились аргументы за и против различных немедикаментозных средств лечения. Вера не знала, верный ли курс выбрали они с Оливером Кэботом, но всякий раз, когда она задавалась этим вопросом, она вспоминала разговор, который состоялся у них перед тем, как он начал ее лечить.

«Вера, сотрудники нашего Центра не против науки, как раз наоборот. Наука – просто метод познания истины, и мы больше не считаем, что вытяжка из усиков какого-нибудь амазонского муравья излечит артрит лучше патентованного лекарственного средства, если только данный факт не доказан надлежащим образом проведенными экспериментами. Но мы также понимаем, что мы лечим людей, а не машины. Люди выздоравливают тогда, когда сами этого хотят. Многочисленные опыты подтверждают наличие тесной связи между разумом и телом. Если мы излечим разум – с помощью массажа, хорошей музыки, чистых, натуральных продуктов и, конечно, любви, тело получит гораздо больше шансов исцелиться».

– Именно это вы и намеревались со мной сделать, доктор Кэбот, – вылечить меня любовью? – рассмеялась она тогда.

– Мама, мы опоздаем в школу!

Вера подняла голову и сквозь пелену слез посмотрела на сынишку.

– Почему ты плачешь? – спросил Алек. – Тебе грустно?

Она кивнула:

– Сегодня маме грустно. Очень, очень грустно. Но и радостно тоже.

– Нельзя одновременно грустить и радоваться.

– Можно, – возразила Вера, вытирая глаза салфеткой. – Открываю тебе секрет: этому не учат в школе. – Она встала. – Бери сумку и куртку. Ты прав – ты действительно опаздываешь.

Залаял Распутин.

– Мама, а чему еще не учат в школе?

Вера сняла ключи с крючка на вешалке, кинула псу печенье, чтобы тот замолчал, надела на Алека куртку, повесила ему на плечо школьную сумку, а потом, обняв сына за плечи, повела его на улицу.

В машине он повторил вопрос.

Она не ответила. Путь до школы короткий, а объяснение вышло бы длинным.

notes

Примечания

1

Паддок – огороженная, открытая или с навесом площадка, примыкающая к конюшне, предназначенная для содержания лошадей на открытом воздухе (*Прим. ред. FB2*)